

Анатомия Божаров Деревоца

и Француозеца Јанке

Фэнтези боевик

Легенда о Вращающемся Замке

Ясное весеннее солнце отражалось от наконечников копий, блистало в зеркалах щитов. Многотысячная армия неторопливой стальной змеей ползла по древней дороге, проложенной в незапамятные времена. Налетавший порой ветер развевал знамена, с вышитым на них свирепым медведем. Воедино сплетались конское фырканье и людской говор.

Русоволосый статный мужчина, облаченный в тяжелые панцирные латы, ехал во главе войска, окруженный знаменосцами и герольдами. Он был молод, и в глазах его, упрямо разгораясь, блистал огонь войны. Сильные пальцы то и дело касались рукоятки меча.

— Будет славная драка, — сказал он, улыбаясь. — Вот увидишь, Гилмор. Эти псы подавятся своей вшивой шерстью. — Русоволосого мужчину звали Хендрик Грейдан, и был он королем государства Эринланд. Хендрик лишь недавно вступил на трон, наследуя умершему от старости отцу. — Мы загоним мерзавцев в самое глубокое пекло, — сказал король, горяча коня.

— Это уж непременно, — кивнул его спутник. Был он так же молод, как и Хендрик, и ехал по правую руку от него. — Настала пора поквитаться с Клиффом за все, — у говорившего были платиновые, белее снега волосы, а черты лица выдавали эльфийскую кровь.

— Добрые слова, — согласился Хендрик. — Не знаю, чтоб я делал без тебя, Гилмор. Слушал бы занудные речи твоего младшего брата.

Полуэльф усмехнулся:

— Ты бы казнил его в первый же день, я уверен. Эдварда сложно терпеть слишком долго.

— Это уж верно. Сколько он отговаривал меня от этого похода! Я думал, прикажу отрубить ему голову, и запущу ею в сторону гарландских рубежей. Как же осточертел весь этот благоразумный вздор, — Хендрик скривился.

Была середина весны, и Хендрик Грейдан, лишь недавно увенчанный короной эринландских королей, выступил войной против сопредельного государства Гарланд. Много лет уже Эринланд и Гарланд пребывали в затяжной вражде, тянувшейся не меньше столетия, и настало время, сказал Хендрик, покончить с врагом навсегда. Решение короля горячо поддержал Гилмор Фэринтайн, его кузен и наследник, сопровождавший его сейчас. А вот младший брат Гилмора, сэр Эдвард, долго пытался остудить воинственный пыл Хендрика, уверяя, что неприятельская армия сейчас сильнее, и война с Гарландом неминуемо приведет к поражению. Хендрик обозвал сэра Эдварда трусом и не пожелал даже слушать.

— Ты мой лучший союзник во всем, Гилмор, — сказал Хендрик кузену, отгоняя дурные мысли. — Если Кэмерон не родит мне сына или если я погибну в предстоящем сражении — клянусь небесами, ты станешь достойным государем.

— Не стану, — ответил Гилмор. — Я имею в виду, не стану потому, что никто из нас не погибнет в этом бою. Ни я, ни ты, ни даже Эдвард, я надеюсь на это.

— Ну, по поводу смерти Эдварда я бы особо не горевал, — признался король. — Но и в самом деле, зачем нам лишние смерти в своих рядах? Пусть лучше умирают наши враги.

Хендрик немного помолчал, глядя куда-то вдаль, словно старался заглянуть за вечно

ускользающую линию горизонта.

— Скажи мне, брат мой Гилмор, — промолвил король наконец, — мы же останемся для потомков героями, славу которых будут воспевать менестрели?

— Непременно останемся, — пообещал Гилмор Фэринтайн. — Мы храбры и отважны, а следовательно, кем нам еще быть, помимо героев?

— Надеюсь на это, — пробормотал Хендрик. — Что ж, тогда вперед! Поехали к славе, что не померкнет веками, — и он пришпорил коня, отправляя его в лихую скачку. Гилмор немного поколебался, а затем последовал за ним.

Как показало время, честолюбивым замыслам эринландского владыки не суждено было сбыться. Начатый им поход кончился для Хендрика сокрушительным разгромом и гибелью половины собранного им войска. Эринландская армия, как и предвещал сэр Эдвард, оказалась вдребезги разбита. В середине лета был подписан мирный договор, согласно которому Хендрик уступал Клиффу Рэдгару, королю Гарланда, часть собственных приграничных графств. Также он отсылал победителю богатые дары — золото, оружие и меха.

Оба короля, Хендрик и Клифф, встретились на мосту над рекой Твейн. Говорили, что Хендрик Эринландский явился на встречу, будучи мрачнее тучи, однако на словах оставался учтив с победителем. Он даже поклялся тому в вечной дружбе.

Молодой и гордый, Хендрик чувствовал в тот день, что весь мир обратился против него. Вместо славы героя он обрел славу короля, проигравшего свою первую войну.

Ибо за две недели до тех переговоров на реке Твейн состоялась битва. То было последнее сражение, оказавшееся решающим. Шло оно четыре дня. В начале каждого из этих четырех дней и в его же конце небо плакало кровью, глядя на поле боя. Кто-то из сражавшихся в той битве совершил немало подвигов и погиб, как герой. Кто-то просто погиб. Наверно, окажись здесь менестрели, они бы назвали эту битву великой. Но менестрелей здесь не было. Только солнце, бьющее сквозь дыры в знаменах, да бурлящее на каждом шагу густое людское варево — что-то кричащее, беспокойное, безумное.

Когда много дней спустя король Клифф обнимал при встрече короля Хендрика, у последнего едва не треснули ребра. Не приводи больше своих людей, — сказал Клифф Хендрику так тихо, что лишь они двое и слышали эти слова, — не приводи больше своих людей, иначе тебе некем будет править. Но об этом Хендрик не рассказал никому — ни боевым товарищам, ни священнику на исповеди, ни любимой жене, которой обычно доверял все свои тайны.

Поредевшее войско возвратилось назад. Высоких лордов ждали их жены и подрастающие сыновья, рыцарей помоложе ждали соскучившиеся за вышиванием невесты, да и простых воинов, наверное, тоже кто-нибудь да ждал. А не вернувшимся с войны — вечная память. Вот только памятью не будет сыт даже мертвый.

Настала осень, и вышло так, что вслед за живыми в стольный город явился кое-кто из мертвецов.

Глава первая

Бесприютный странник возвращался домой. Заканчивался последний день его долгого путешествия. Поднялся он еще затемно — растолкал трактирщика, потребовал стготовить завтрак, перекусил и вскоре после того пустился в дорогу. Ехал шагом, не торопясь. Временами дремал в седле. Мимо проезжали повозки — проплывали, словно рыбы, плывущие в морских глубинах. Утром накрапывал дождик, пришлось завернуться в плащ и накинуть капюшон. Был шестой день октября. Уже минул Мабон, с его кострами в полях и опавшими листьями, но до Самайна оставались еще три недели. Смутное время. Время, когда тени удлиняются и крепнут.

Сейчас этот угрюмый, немного сонный всадник называл себя именем Гэрис. Сэр Гэрис если вдаваться в подробности. Это не было его настоящим именем — но мы будем называть героя нашего повествования именно так, по крайней мере до поры до времени. От роду ему было меньше, чем три десятка зим, но огрубевшая обветренная кожа лица, щетина по щекам и жесткий взгляд делали его старше. Челюсть у него была крепкая, волосы густые и черные, плечи широкие, а руки могучие. Эти руки привыкли обращаться с копьём и мечом.

Проклятый дождик все никак не унимался.

Раньше Гэрис не обратил бы на этот противную морось ни малейшего внимания — он спокойно проехался бы с непокрытой головой хоть даже сквозь летний ливень. Раньше он бы не ехал по тракту шагом, а промчался по нему галопом, оставляя за спиной ветер. Впрочем, какой смысл рассуждать о том, что было раньше? Собственное прошлое теперь вспоминалось ему очень смутно и казалось и вовсе никогда не существовавшим. Он забыл почти все, за исключением нескольких очень важных вещей. Эти вещи Гэрис, напротив, помнил очень хорошо.

Хотя и мечтал забыть.

Наконец дождь закончился.

В стороне от дороги работала ярмарка — яркие пятна шатров и шум толпы. От первого болели глаза, от второго — голова. Голова гудела, а в глазах плясали злые огненные искры. Раньше Гэрис любил день больше, чем ночь, а теперь от яркого света приходилось щуриться. Он провел много дней в подземелье, почти не видя солнечного света, и до сих пор не до конца осознавал, что выбрался оттуда. Он не был там пленником, всего лишь гостем — но иногда грань между этими понятиями очень тонка.

Когда ярмарка кончилась, по обе стороны от тракта потянулись предместья. Тут уж волей-неволей пришлось вынырнуть из полусна и начать оглядываться по сторонам. Гэрис изучал не сами окрестности, чего в них интересного — черепичные крыши да изгороди с плющом, сто лет назад были такими, и сто лет спустя не изменятся. Нет, он приглядывался к людям, пытался найти на лицах прохожих что-нибудь подходящее к случаю — беспокойство, страх, недовольство, злость. Находил, но не больше, чем обычно. Люди всегда о чем-то беспокоятся, чего-то боятся и на кого-то злятся, но это были не те злость и страх, которых он ожидал.

Около городских ворот пришлось задержаться — стражники проверяли купеческий караван, телегу за телегой, на предмет не указанных в описи товаров. Осмотр занял много

времени, достаточно для того, чтобы Гэрис успел испытать нетерпение. Он никогда не любил ждать, больше того, почитал ожидание худшим из ниспосланных человеку испытаний. Легче переносить избиение или пытки, нежели терпеть, покуда они начнутся. Легче умереть, чем сидеть сложа руки. Вот и сейчас Гэрис накручивал на кулак поводья, борясь с желанием пришпорить коня и проехаться прямо по чужим головам. Нельзя. Сейчас — никак нельзя, пусть даже и хочется. Он не для того ехал сюда сквозь все эти дни, чтобы оказаться в конце концов брошенным в тюремную яму.

Наконец очередь дошла и до Гэриса. Стражники встретили его подозрительно, задали вопросов вдвое больше обычного и пропустили, лишь содрав двойную пошлину. Двойную — ввиду ношения оружия, каковым оружием были признаны меч на поясе да пара кинжалов. Назовись Гэрис дворянином, никто и не подумал бы требовать с него денег за проезд, но дворянином он называться не стал. Сначала следовало купить рыцарские доспехи и нарядное платье. К счастью, сложностей с этим не будет, благо и золота, и серебра на руках имелось в избытке.

Миновав ворота, Гэрис оказался на торговой площади, где, как и всегда по этому времени, было многолюдно и шумно. Вокруг толкался, затрудняя продвижение, всякий встречный люд. Ремесленники пополам с купеческими приказчиками, а также крутящиеся вокруг рыночных рядов зеваки. Дорогу ему, понятное дело, уступать никто не спешил. Еще бы — простая темная одежда, никаких бархата, мехов, украшений. Толпа не замечала его. Это было непривычно и немного злило. Не настолько, впрочем, злило, чтоб начать давить копытами прохожих.

Наконец площадь осталась позади — замощенная выщербленной брусчаткой улица повела вверх по склону холма, мимо несчетных домиков и домишек, поначалу одноэтажных, затем щеголяющих вторым, третьим этажами и даже чердаком. Гэрис ехал вдоль всевозможных лавок, наподобие тех, где можно купить топор, молоток или гвозди, приобрести жестяную сковороду или починить сапоги. Проезжал он мимо складов, в которых хранились, ожидая своей поры, бочки с вином или еще не проданная пушнина. Мимо домов терпимости, с фасадами, украшенными непристойными вывесками и мимо кабаков, с дверями, что всегда распахнуты для готового напиться сброда. Мимо, мимо, мимо — вперед и вверх.

Город, по которому он ехал, звался Таэрверн, и был он сердцем страны Эринланд. Древний и одновременно юный, веселый и злой, стольный город ничуть не изменился с весны, когда Гэрис был тут в последний раз, уходя на войну.

Все было здесь совсем как прежде. Уличные прохожие спешили туда и сюда по своим неотложным делам, и их суета, казалось, отражала вечное течение жизни. Улыбались на весь свет молоденькие девушки и беззубые старухи — и одновременно с этим из окон прямо на улицу выливались помои, густые и смрадные. Выводил легкомысленную песенку одноногий нищий, рассевшийся — экий наглец! — прямо на крыльце скобяной лавки. Болтались на виселице какие-то бедолаги, один в сером рванье, другой в набедренной повязке, оба безнадежно мертвые. Продавала душистые, яркие букеты цветов набросившая столь же яркую шаль торговка — купите роз для вашей возлюбленной, сэр! для самой славной возлюбленной в мире!. Молодые парни в заломленных на ухо беретах избивали ногами такого же, как они, парня, только без берета; а какой-то худющий типчик дергал прохожих за плечи, предлагая перекинуться прямо тут в карты. Глядя на все это непотребство, Гэрис понял, что улыбается — впервые за много месяцев, широко и от всей души. В черном плаще,

потертом и порванном, на черном коне, усталом и недовольном, сэр Гэрис из Ниоткуда плыл сквозь кричащее человеческое море, и улыбка никак не хотела покидать его лицо. Он впервые за много, много времени чувствовал себя — нет, не живым, не прежним, не настоящим, но просто хотя бы каким-то. Чувствовал себя кем-то, собирающимся в самом скором будущем совершить что-то. Он пришел сюда, чтобы перевернуть вечный Таэрверн вверх дном.

Вперед, вперед, вперед — а впереди встают за крышами новые крыши, еще более высокие, мчатся по собственным следам флюгера, а за ними — поднимаются стены Верхнего Города с подпирающими небо колоннами исполинских башен, а за ними — замки великих лордов, еще более огромные, потрясающие воображение, а за ними, на самой вершине холма и мира — королевская цитадель, крепость внутри крепости, место, в которое Гэрису требовалось попасть. И он туда попадет, непременно, это уж без всяких сомнений. У него получится. Он аж привстал в стремях, когда увидел замок, и почувствовал, как сжимаются кулаки.

До Верхнего Города Гэрис, впрочем, доезжать не стал — свернул за десять кварталов, заметив памятный переулок. Под копытами коня тут же зачавкала дорожная грязь попеременно с помоями. Гэрис поморщился и поднял воротник повыше. Он почти и забыл, как грязно бывает в больших городах.

Впереди показался трактир — тоже памятный. В прошлом Гэрис нередко бывал здесь. Дым тогда стоял коромыслом, а луна на небе была молодой и звонкой. Гэрис выругался, заводя коня во двор.

Направо — конюшня, налево — колодец, а прямо перед глазами — крыльцо. На крыльце, на верхней ступеньке, сидел рыжий как лиса парень, лет шестнадцати или семнадцати на вид, и ковырялся ногтем в зубах. Гэрис спешился, легко взбежал по ступенькам и схватил мальчишку за шиворот.

— Эй, дядька, какого черта? — голос у рыжего оказался высокий, почти девчачий. Гэрис свободной рукой залепил ему пощечину:

— А вот такого. Нечего подметать ступеньки задницей, здесь люди ходят. Как бы я через тебя перешагивал, дубина? Ты тут работаешь? Или просто ждешь, когда пнут? Живо напои моего коня, отведи в стойло, помой и задай сена. Потом приду проверю. Не сделаешь — убью, — для убедительности Гэрис двинул мальчишку кулаком под ребра и лишь тогда отпустил. Парень ругнулся — не подумавши, очевидно, не успев подумать, что положено бояться — и скатился вниз. Выпрямился. Вскинул злое, побледневшее лицо. Зеленые глаза сверкнули сквозь переплетение рыжих прядей:

— Можете не сомневаться, любезный сударь — я пригляжу за вашим конем. Пригляжу по всей чести, — голос, вопреки вежливым словам, тоже был злым.

— Проверю, — повторил Гэрис и бросил мальчишке медную монетку. Гэрис не сомневался, что тот не станет ее подбирать. Такие, как он, молодые петушки никогда не принимают подачек. Ну еще бы, как можно унижаться, как можно гнуть спину... Однако парень все-таки склонился — до самой земли — и поднял из уличной грязи медный кругляш. Странно... А, впрочем, дворовой босяк — он дворовой босяк и есть. Не придворный же, в самом деле.

Гэрис толкнул дверь и шагнул в трактирную залу. Переступил через порог — и тут же метнулся в сторону, припал спиной к стене, потому что кто-то швырнул прямо в дверной проем тяжелую пивную кружку. Кружка ухнула во двор и где-то там разбилась. Раздался

взрыв хохота — многоголосый, весельчаков собралось никак не меньше четырех. Гэрис прищурился, оглядывая дымный полумрак — кто же это здесь любит кидаться посудой в честных людей? Ага, вон та компания в самом центре зала. Сдвинули два стола, расселись и теперь просто излучают хмельное веселье. Гэрис двинулся прямо к ним.

— Братец! — окликнул его кто-то из гуляк, отсалютовав ножом. — Здорово я тебя чуть не пришиб! Впредь будет наукой — рот не разевай, когда заходишь в приличные места!

Наверно, этот парень просто крепко напился. Ну или же по жизни был дураком. Гэрис не знал точно, в чем причина подобной наглости — в недостатке ума или в переизбытке выпивки. Значения это, впрочем, особенного не имело. Гэрис распахнул свой плащ и быстрым, ловким движением выхватил меч. Отшвырнул ногой стоявший на дороге стул и приставил острие клинка к горлу этого излишне веселого горожанина.

— Проси у меня прощения, — сказал Гэрис.

Глаза у незадачливого гуляки сделались очень большие, очень трезвые и очень испуганные. Он не ожидал такого. Ну конечно, никак не ожидал.

— Проси прощения, — еще раз сказал Гэрис, сжимая рукоять меча покрепче. Одно движение — и во все стороны хлынет кровь.

— Эй, мужик, да ты никак слегка рехнулся, — сказал кто-то из сидевших за столом.

— Я тебе не мужик. Я — благородный рыцарь. А этот жалкий смерд, которому место на виселице, оскорбил меня словом и делом. Будь я справедлив, я бы вырвал ему паскудный язык и выжег глаза. А потом бы еще, глядишь, оскопил для острастки, — Гэрис был зол, и не особенно задумывался над словами. — Но я не справедлив, я, к счастью для вас, милосерден. Мне достаточно будет простого извинения, чтобы забыть подобную дерзость. Так что пусть эта скотина встанет на колени и попросит прощения. И я успокоюсь. Ну же, убогий, — вновь обратился Гэрис к человеку, у чьего горла держал меч, — не испытывай больше мое терпение. И оно имеет предел.

Бедняга весь мелко дрожал. Лицо его побелело.

— Сэр рыцарь... Господин мой, я нижайше прошу прощения, не извольте сердчать. Я простой мастеровой, перебрал немного по глупости, вот и ударил хмель в голову. У меня жена и две дочери. Не будьте ко мне суровы.

— Я, кажется, приказал тебе встать на колени, мразь. Почему ты еще этого не сделал? А ну живо!

Гэрис сделал шаг назад, чуть отведя оружие, но не опуская его. Человек, пятью минутами раньше едва не расшибивший ему голову, поднялся из-за стола — Гэрис успел заметить, что ладони у него мокрые — и медленно опустился на дощатый пол. Остальные посетители трактира настороженно молчали. Ведь Гэрис назвался рыцарем, а какой же дурак осмелится встать у рыцаря на пути.

— Милорд, молю о пощаде. Я и не подумал, что знатный господин может вот так просто зайти сюда, к нам.

— А вот впредь думай, шелудивый пес. И благодари меня, что научил уму-разуму, — Гэрис пнул молившего его о милосердии мастерового сапогом в живот и отвернулся. Он ничуть не боялся, что тот в отместку воткнет нож ему в спину. Никто из сидящих здесь людей отродясь не совершил бы подобного. Они все были разумными людьми, у них всех был дом, в который им хотелось вечером вернуться, любимые занятия, которыми они, может быть, даже дорожили, и семьи, за которые они стояли в ответе.

И вот поэтому, — подумал Гэрис, — ни у кого из этих бедняг никогда не случится ни

замка, ни богатства, ни титулов, и они все умрут теми, кем родились, вшивым сбродом из трущоб. Именно поэтому, а вовсе не потому, что их отцы не звались графами или баронами. Хочешь что-то получить — сперва все потеряй.

Спустя несколько минут Гэрис уже сидел за грязным столом, обедая. Мясо здесь прожаривали неплохо, да и пиво можно было пить, не отплевываясь. Гэрис был голоден и охотно бы съел сейчас целого кабана. Или целого человека. Так что на пищу он набросился с жадностью.

Люди, чье безудержное веселье Гэрис нарушил, уже ушли — почти сразу после преподанного им урока. В дверях один из них обернулся и посмотрел на Гэриса. Тот посмотрел в ответ. Горожанин пожал плечами и вышел. После этого в трактирной зале стало на некоторое время тихо, а вскоре после того снова шумно — пришла новая компания, вроде какие-то цеховики. Сюда только цеховикам и ходить, дыра она и есть дыра. Зато здесь имеются свободные комнаты, и довольно дешевые.

Гэрис снял себе спальню. Сегодня нужно будет покрепче выспаться, а завтра, पहले всех прочих занятий, подобрать себе доспехи, а также хороший тарч, треугольный рыцарский щит, и длинное дубовое копьё. И начать тренировки. Чем скорее он вспомнит, как делаются такие дела, тем лучше все пройдет. Прошлым вечером Гэрис несколько часов разминался с мечом и заметил, что тело уже почти вернулось в хорошую форму.

От размышлений Гэриса отвлек давешний парень со двора — тот, рыжий. Уселся прямо напротив и подпер рукой подбородок.

— Ты почистил моего коня?

— У вас не конь, а бешеный пес. Два раза меня лягнул. Да, я его почистил.

— Молодец, — сказал Гэрис равнодушно. — А теперь встань и сгинь.

Парень вставать не захотел. Вместо этого он подался вперед и сказал совсем тихо и очень серьезно:

— А знаете, есть одна девушка, она работает в этом трактире. У нее черные волосы до самого пояса, густые и шелковистые, а глаза горят так, будто в них пылает огонь. И когда я слышу ее голос, у меня от волнения порой отнимается язык. Я хочу сделать ей какой-нибудь подарок. Она этого заслуживает, уж поверьте. Но у меня совсем нет денег. Ну, для ярмарки нету. Я вот думаю, а не заработать ли мне немного.

— Ну так пойдешь и заработай, — Гэрис взялся за кружку и задумался, не выплеснуть ли ее содержимое надоедливому юнцу в лицо. — Кто тебе мешает? И зачем ты рассказываешь все это мне?

— Да потому, — рыжий дурашливо улыбнулся, и вся его серьезность бесследно пропала, — что я хочу заработать вот прямо на вас. Эй, погодите, я не про то! — крикнул он, видя, что Гэрис положил руку на эфес. — Я не про то, я совсем про другое. Благородный сэр, вот скажите... вы, предположим, воевали?

— Не твое собачье дело.

— Хорошо. Вот, скажем, вы воевали, и были у вас в войске такие разведчики. Они смотрели, где стоит неприятель, и потом про это докладывали. Чтобы войско никогда не натолкнлось на неприятеля случайно... Ну, вот. Я буду вашим разведчиком.

Гэрис отхлебнул из кружки. Он уже догадался, что скажет сейчас этот рыжий проныра. Не догадался бы только самый последний дурак. Ну ладно, пусть все будет так, как будет, это даже к лучшему. Значит, за околицей трактира его поджидают будущие мертвецы. С таких мертвецов не снимешь ничего особенно ценного, но зато можно вспомнить, что такое

хорошая драка.

— Я видел, — продолжал меж тем рыжий, — как прямо отсюда недавно вышли одни такие угрюмого вида ребята, злые как черти. Шли через двор и ругались. Ругались на какого-то долбанного ублюдка. Я почему-то решил, они это про вас. А потом они остановились в воротах и начали совещаться. Мне стало интересно, сами понимаете. Я любознателен от природы. Поэтому я лег за телегой и подслушал. Они сговорились встать на выходе из переулка, подождать, пока разозливший их господин выйдет, и прикончить его. Понятное дело, я тут же отправился сюда. Спросил Стефи, что тут случилось веселого за мое отсутствие. Ну, она сразу ткнула в вас пальцем и сказала, что случились у нас вы. Не скажу, что от вашего вида меня пробивает на смех, но те парни на улице дожидаются вас, это точно.

— Как тебя зовут? — спросил Гэрис.

— Дэрри.

— Что за дурацкое имя?

— А я что, сказал, это мое имя? Я сказал, что меня так зовут. Мое имя — Гледерик.

Надо же, Гледерик. Словно у дворянина.

— Гледерик... — задумчиво повторил Гэрис. Собственный язык во рту казался ему слегка отяжелевшим. — Мне вот интересно, — сказал он, — кто дал уличной швали такое благородное имя. Тебе бы родиться Джо или Стивом — это вышло бы для тебя в самый раз. А какой ты, к кобелиной матери, Гледерик? — Парень прищурился. Вот теперь он, пожалуй, был не просто зол — он был в бешенстве.

— Послушай меня внимательно, Дэрри, — продолжал Гэрис, сделав еще один могучий глоток и не обращая на это бешенство никакого внимания. — Ты не открыл для меня ничего нового. Я и так предполагал, что те люди потребуют с меня долг. Если б они на это не решились, они бы вовсе были не людьми, а последней дрянью. Но выходит, кишка у них не совсем тонка, и они все же люди, а не дрянь. Пусть даже они готовы драться со мной только всей толпой. Но они будут драться, а не опускать глаза. Это хорошо. Я приму их вызов и убью их всех. Я ждал чего-то подобного, так что ты меня не удивил. А раз ты меня не удивил, то и грошей тебе за твой донос никаких не причитается.

Гэрис допил кружку и грохнул ею об стол. Этой, пожалуй, будет вполне достаточно сейчас, и следующей просить не надо. Хмель уже сделал его разговорчивым — но не успел еще затуманить разум.

— Что до твоей девушки, — сказал рыцарь напряженно смотревшему на него мальчишке, — могу дать один полезный совет. Никогда не трать на женщин звонкую монету. Тратить деньги на женщин — себе ничего не останется. Напой лучше эту барышню пивом, вот вроде этого, заведи на конюшню, сними с нее платье и отымай во все дыры. Поверь, так выйдет дешевле.

Юноша встал.

— Оставьте свой совет для себя, сэр рыцарь, — сказал он. — Я никогда не беру задаром.

Гэрис посмотрел на Дэрри очень внимательно, изучая его лицо. Красивое, в общем-то, лицо, правильное. Большие зеленые глаза, длинные, почти девичьи ресницы, высокий лоб, прямой, как рукоять меча, нос, заостренный узкий подбородок.

— Ты не просто уличный клоп, — сказал Гэрис. — Откуда ты взялся? Чей ты?

Дэрри усмехнулся, одними губами.

— А вот здесь вы ошибаетесь, сэр рыцарь, и очень серьезно. Я — уличный клоп, и ничего большего. До свидания, сэр. Когда будете убивать своих врагов, не поскользнитесь в

грязи. — Он отвернулся и пошел прочь, почти побежал к выходу. Стремительные движения, прямая как гвоздь спина. Однако же, как интересно. Пожалуй, имелась здесь определенная занятность, и в иных обстоятельствах можно было бы даже потратить немного времени, пытаясь узнать, что это за наглец такой и откуда выискался. Впрочем, обстоятельства сейчас такие, что просто не до того. Сейчас мы будем убивать. Потому что надо. И потому что хочется.

Гэрис поднялся со скамьи и проверил, хорошо ли меч выходит из ножен. Меч выходил из них вполне хорошо. Что же, прекрасно. Рыцарь скинул с себя плащ и бросил его на скамью — там, на улице, плащ будет только помехой.

На дворе уже совсем стемнело. Это тоже порадовало Гэриса — в темноте его глаза видели куда лучше, чем на ярком свете. И ни одна тень не была для него преградой. Вокруг было совершенно безлюдно. Рыжий проныра, должно быть, опять спрятался под телегой? Если Гэрис правильно оценил мальчишку, тот обязательно попробует поглядеть, как все пройдет. Даже несмотря на обиду. Или все же нет? А, да какая разница, будто это важно. Потом узнаем.

Гэрис вышел со двора и направился к выходу с переулка — походкой подвыпившего человека, иногда спотыкаясь, иногда размахивая руками. Он старался не переиграть — каким бы сбродом не были те мужики, пьяниц они видели каждый вечер, и на неуклюжую игру не купятся. Но где же они затаились? Реши Гэрис устроить тут засаду, он бы поставил людей за двумя бочками, выставленными у крыльца склада; за телегой напротив и за углом двухэтажного дома, выходящего фасадом на противоположную улицу. Больше негде. Ну что ж, проверим, как сработали сегодняшние смертники. Страшно не было, как не было страшно никогда. Было интересно. Хотелось узнать, как именно все произойдет.

Сработали они именно так, как Гэрис и прикидывал. Двое бросились на Гэриса из-за бочек, стоило ему пройти мимо них. Еще трое выбежали из-за угла. Выбежали с криком, и сделали они это совершенно зря, потому что какой же дурак станет кричать в темноте. Впрочем, двигайся они даже совершенно бесшумно, он все равно заметил бы их.

Гэрис выхватил меч и сделал два шага назад, отступая к стене. Принял на лезвие удар топора, отвел, сделал пол-шага вперед и проткнул нападавшему насквозь горло. Тут же выдернул меч, вновь отступил, отвел удар кинжала, пнул еще одного идиота ногой в промежность и снес ему голову с плеч. Сталь чиркнула по локтю — это достал Гэриса один из противников. Ничего страшного в этом, впрочем, не было — левый локоть не правый, и уж тем более не колено и не бедро. Зато своего неприятеля Гэрис именно в бедро и уколол, заставив того с воплем отшатнуться. Проход обратно к трактиру оказался открыт, туда рыцарь и отступил, увлекая за собой двоих противников. Третий, с раненой ногой, держался позади. Воспользовавшись полученным для маневра пространством, Гэрис развернулся и расплосовал ближайшему из врагов живот — а затем выбил топор у второго из рук и разрубил ему туловище ударом с плеча.

Когда оба атаковавших упали к ногам Гэриса, он переступил через них, направляясь к последнему из противников. Тот как раз пробовал проковылять к выходу из переулка, но не успел — был убит прежде, чем дошел до угла. Гэрис поразил его длинным выпадом в спину, а потом высвободил свой клинок, залитый кровью по самую рукоять. Вся драка заняла не больше двух минут, и он даже не начал уставать. Это радовало.

Но, бес их всех задери, за тем столом в трактире сидело шестеро, так куда подевался шестой? Если он побежит докладывать городской страже и опишет приметы нападавшего,

выйдет нехорошо. В Нижнем Городе обычно всем плевать на смертоубийство, и никто, найдя эти тела в канаве, не стал бы вести в трактире допрос, откуда они тут взялись. Но если найдется выживший свидетель, что обратится к закону — получится нехорошо. К тому же, он может обратиться к своей гильдии, и та захочет отомстить. Запоздало рыцарь подумал, что возможно все-таки хмель и злость сыграли с ним дурную шутку. Если придется, он ответит, что напали на него первыми, но отвечать лишний раз не хотелось.

Гэрис обернулся, осматриваясь по сторонам — и услышал вдруг раздавшийся из-за телеги крик.

— Этот парень был настолько труслив, что как-то даже неловко, — сказал Дэрри, подходя к Гэрису. В руках мальчишка держал окровавленный кинжал. — Он не захотел с вами драться. Ну я подумал — пусть тогда подерется со мной. Не уходите же ему отсюда живым.

Сэр Гэрис из Ниоткуда смерил рыжего еще одним внимательным взглядом — а потом вложил меч в ножны, выбил у парнишки оружие и наотмашь ударил его по лицу. Схватил за шиворот и прижал к стене. Зеленые глаза оказались совсем близко. Очень спокойные глаза. Дэрри, кажется, совсем не боялся.

— Зачем ты это сделал? — спросил рыцарь. — Зачем ты убил моего врага?

— А что, нельзя было? Вы не говорили, что нельзя.

— Голова твоя пустая, ты что, совсем идиот? Какого дьявола ты лезешь в это все? Ты решил втереться ко мне в доверие?

Дэрри улыбнулся.

— Ваша правда. Да, я втираюсь к вам в доверие. Рассказал вам о засаде, убил вашего врага. Хорошо же втираюсь, правда? Мне очень нужны деньги, вы помните, а ради денег я на все готов. Милорд, разрешите мне сказать еще одну вещь, — голос паренька сделался вежливым, почти елейным. — По словам Стефи, вы назвались рыцарем. Я охотно в это верю. На рыцаря вы действительно похожи. И конь у вас прилично подкован, и меч хороший есть... а вот доспехов никаких нету. И оруженосца нету. Нехорошо вам, милорд, на войне пришлось? Не знаю, много ли у вас с собой денег, может и немного. Может, с вас взять нечего. Но вы благородного звания, а значит, летаете высоко. Я тоже хочу подняться немного выше, чем это дно. Возьмите меня к себе на службу. Как видите, я умею приносить пользу.

— Мечтаешь о подвигах? — Гэрис тоже улыбнулся.

— Я совсем кретин, по-вашему? Нет, я не мечтаю о подвигах. Просто... Как бы вам объяснить... — Дэрри замолчал. Поднял голову и посмотрел наверх, на небо, где уже загорались, складываясь в узоры, звезды. Молочная дорожка протянулась от одного горизонта к другому. Она казалась рекой, по которой можно плыть — наполнив тугие паруса лунным ветром. — Знаете... — сказал он наконец. — Мне здесь совсем не нравится. Я обычно сплю в конюшне, на соломе. Иногда на кухне, там очаг, тепло... но утром, когда просыпаешься, по одежде бегают тараканы. Не люблю тараканов. Еще блевотину не люблю, а ей здесь все пропиталось. Вот одна радость, мне нравится Стефани. Она правда хорошая, я насчет этого не врал. Но она сама работает с утра и до ночи, и что такой, как я, могу предложить ей? А владетельные лорды спят на очень мягких постелях и едят с золотой посуды. И одежда у них хорошая. Я вот думаю, если я стану вашим оруженосцем, может я потом и дворянином стану? Пусть не владетельным лордом, но хотя бы сквайром. Я знаю, что смогу тогда отсюда вырваться и сделаться кем-то еще, не тем, кто я есть сейчас. Для

меня этого много значит. Если вы примете мою службу, вам не придется об этом пожалеть.

Гэрис выпустил воротник Дэрри и отступил на шаг. Мальчик казался очень серьезным и совершенно искренним, но Гэрис прекрасно знал, как похожи ложь и правда на вид и как сложно их различить. И все же в том, что юноша говорил, имелся свой резон. Искать оруженосца все равно придется, а чем этот хуже любых других? Не похоже, чтоб он был хуже.

— Дэрри, скажи на милость. Ты разглядел, как я дерусь? Что ты об этом думаешь?

— Как деретесь? Ну... Неплохо деретесь. Уложили пятерых. Они были не бойцы, и вооружены скверно, но зато темнота... Да, вы хороший воин.

— Рад, что ты это понял. Так вот, если ты меня предашь — я тебя обязательно убью, и ничего ты с этим не сделаешь.

— Хорошо, я учту. То есть... — Дэрри помедлил. — Вы меня берете?

— Сейчас увидишь. Становись на колени.

Мальчик немного поколебался, а потом опустился прямо в смешанную с лошадиным навозом осеннюю грязь. Но преклонил он только одно колено, а вовсе не два. И сделал это настолько изящно, словно выказывал уважение чужеземному королю. Гэрис вытащил меч и положил его рыжему на плечо.

— Ну-ка, повторяй за мной... Я... Как там тебя звать?

Пауза, затем:

— Вы вроде слышали.

— А фамилия у тебя есть? Хотя откуда у тебя фамилия... Может, хоть имя отца назовешь?

— Пошел он в пекло, этот отец.

— Как хочешь. Я, Гледерик, неведомо какого ублюдка отродье, клянусь в верности сэру Гэрису Фостеру, и обещаю исполнять все его приказы и распоряжения, какими бы те ни были. А если нарушу хоть один приказ моего господина, признаю за сэром Гэрисом право снять с моих плеч мою дурную голову.

Дэрри повторил эту присягу дословно, не забыв упомянуть отродье ублюдка, а потом заметил:

— Я слышал, как оруженосцы клянутся в верности рыцарям, на одном турнире. Это не та присяга.

— Ну да, не та. А какая тебе, к бесам, разница? Она буквальнее, и не такая напыщенная.

Дэрри подумал.

— И то верно. Так что, с формальностями мы закончили, мой господин? Можно уже вставать? — Не дожидаясь разрешения, парень вскочил на ноги и тут же принялся оттирать испачканные штаны. Ладони у него мигом сделались серыми от грязи. — Вот ведь скотство полнейшее, ну что за дела — совсем измазался. Так что, я теперь ваш доподлинный оруженосец, сэр Гэрис? И буду служить дому Фостеров в вашем лице?

— Нет никакого дома Фостеров, — сказал Гэрис чистую правду. — Мой дед был простым лесником. Отец, когда был примерно твоих лет, ушел на войну. Он служил одному лорду, и храбро за него сражался. В благодарность лорд посвятил моего отца в рыцари. Но своей земли у него никогда не было. И у меня нет. Фостер... Это просто фамилия. Не название лена.

Дэрри весь аж просиял:

— Вы у меня камень с души сняли, что никакого дома Фостеров нет. Получается, вы из

простонародья... А то Стефани мне говорит — приехал знатный господин, с ума сойти какой важный, никого за людей не считает. Не иначе, переодетый герцог или принц. А вы оказывается, не настолько важная птица. Вы и сами наш человек. Ну я и подумал...

Договорить он не успел. Не успел, потому что Гэрис размахнулся и врезал ему по зубам. Мальчишка вскрикнул, отлетел на несколько шагов и рухнул на землю — ноги подкосились. Упал Дэрри очень неудачно, прямо в лужу, и во все стороны разлетелись брызги.

— Запомни одну вещь, — сказал Гэрис, когда рыжий кое-как сел — весь перепачканный, мокрый с головы до пят. — Никогда не смей меня вышучивать. Заруби себе на носу — никогда. Иначе я изобью тебя так, как никто никогда не бил. Ты меня понял?

Дэрри кивнул.

— Да, милорд. Я понял. Никогда больше.

— Хорошо, если так. Значит, слушай меня. Я остановился в трактире, комната на втором этаже, правое крыло, третья по коридору. Именно туда я сейчас направляюсь — хочу выспаться. Ты можешь спать на конюшне, или на кухне, или где ты обычно спишь. А утром, на рассвете, жди меня на крыльце. Мы отправимся к оружейнику. Ты правильно заметил, у меня сейчас нету многого из того, что полагается рыцарю. Так что это все мне придется купить. Подобрать хорошие доспехи, щит и копье. Когда куплю их — отправлюсь за город, тренироваться. Скоро состоится одно очень интересное событие, и я должен быть к нему готов. — Дэрри слушал его молча и внимательно. Это пришлось Гэрису по душе. — Хочешь спросить, о каком событии я говорю?

— О каком событии вы говорите, милорд?

— О Большом Осеннем турнире. Я, знаешь ли, планирую одержать на нем победу.

Кажется, Дэрри очень захотелось присвистнуть. Но он удержался.

Глава вторая

Большой Осенний турнир проводился неподалеку от Таэрверна, в третью неделю октября. На турнир этот являлись рыцари со всего королевства, чтобы обрести на нем или подтвердить обретенную ранее славу. Вслед за рыцарями съезжались сюда и менестрели — дабы сложить песни о победителях и проигравших, а также просто перекинуться новостями. Приходил в обилии и простой люд, посмотреть на то, как сталкиваются мечи, поют стрелы и преломляются копья. Можно было побиться об заклад, шпионов здесь тоже хватало — ибо многим в Гарланде, Элевсине, Лумее, Иберлене и прочих государствах Срединных Земель очень хотелось быть осведомленными, что же творится сейчас среди эринландской знати.

Турнир почтили своим присутствием все самые могущественные люди страны, включая короля — и последнее было не просто хорошо, а просто прекрасно.

Гэрис начал готовиться к предстоящему бою на следующий же день после приезда в столицу. Нашел себе подходящий луг на высоком берегу реки, за пределами Таэрвернских предместий, и скакал по нему из конца в конец верхом на коне, облачившись в полный боевой доспех. Вспоминал, как управляться с копьем, приметив в качестве мишени раскидистый дуб.

Получалось сперва довольно скверно. Прежде Гэрис был действительно искусен в боевом ремесле, и дрался куда лучше большинства прочих знакомых ему воинов. Но сейчас, казалось, прежнее его искусство ослабло, подточенное перенесенными тяготами, былыми ранами и долгим бездействием. Собственное тело казалось ему непривычным и подчинялось подчас с трудом. Хорошо хоть руки оставались очень сильными и крепкими, и легко удерживали оружие. А вот былой быстроты и легкости не хватало. Раньше он мог танцевать среди мечей и копий с поражавшей равно друзей и врагов ловкостью, а теперь казался сам себе неповоротливым и неуклюжим. В битве на реке Твейн Гэрис получил тяжелые увечья, и много дней провел, находясь между жизнью и смертью. Не попади он вовремя под внимательный уход, так и вовсе бы умер. Но даже когда угроза смерти отступила, понадобилось еще много дней и даже недель, чтоб начать хоть немного восстанавливать истраченные телесные силы.

Конечно, Гэрису сейчас было уже гораздо лучше, чем в самые первые дни, когда он едва только начал приходить в себя. Тогда ведь он даже стоять на ногах толком не мог. Все, что оставалось — глядеть в потолок и в бессильной ярости колотить кулаками в стену. В одночасье превратиться из сильного и ловкого мужчины в беспомощную, жалкую развалину — смерть и то казалась лучшим выходом в сравнении с этим.

За прошедшие с того злополучного дня месяцы он пришел в себя и окреп — но все равно окреп недостаточно. Гэрис не верил, что справится. Он не сможет провести пятнадцать схваток подряд, а ведь приблизительно в стольких поединках нужно одержать верх, дабы занять первое место. Гэрис хорошо понимал, что в нынешнем состоянии он даже пяти побед не добьется — ведь его противниками выступят лучшие воины королевства. Конечно, те из них, что не пали у реки Твейн. Но и те, кто не пал, заслуженно считались крайне серьезными бойцами, и вчерашнему калеке с ними не справиться. Оставался всего один выход, совершенно безумный. Им и придется воспользоваться.

Он представился распорядителю турнира как сэра Гэрис Фостер, безземельный рыцарь. Как уже говорилось раньше, это не было его настоящим именем, но так звали солдата, сражавшегося рядом с ним в последней битве и погибшего в тот же день, когда сам он был тяжело ранен.

Лишних расспросов это ни у кого не вызвало. Мало кто слышал о Гэрисе Фостере, но по дорогам Эринланда колесили сотни, если не тысячи безземельных рыцарей, и никто не мог упомянуть их всех по именам. Ведь многие воины незнатного происхождения проявляли в боях отвагу, и многие получали за проявленную отвагу дворянское звание. Но вот получить к дворянству еще и феода удавалось лишь редким счастливым. Большая часть страны уже давно была поделена между самыми знатными и богатыми домами, и всем прочим доставались лишь объедки с их пиршеств. Неудивительно, что на войну с Клиффом Гарландским эринландские рыцари собрались, как на праздник, надеясь обзавестись поместьями в отвоеванных землях. Там они все, по большей части, и полегли. На нынешний турнир собирались либо те, кто выжил — либо кто отсиделся по домам, пренебрегая призывом короля. Такие тоже были.

Единственное, о чем спросили Гэриса — кого из благородных дворян он знает и кто мог бы за него поручиться. Он в ответ упомянул сэра Йорефа из Уэсли, погибшего на последней войне.

— Сэр Йореф был мне хорошим другом, — сказал он, — и непременно бы замолвил за меня словечко. Но к сожалению, сэр Йореф сейчас находится на том свете, как и прочие мои боевые товарищи. Надеюсь, вам хватит моего честного слова.

Как ни странно, такой ответ вполне удовлетворил распорядителя.

Гэрис и в самом деле воевал вместе с Йорефом Уэсли. То был достойный и уважаемый рыцарь, всю свою жизнь прошедший в дальних походах и покрывший себя в них немалой доблестью. Весь возглавляемый сэром Йорефом отряд poleg в Битве у Реки, как называли теперь битву у Твейн.

Человек, называющий себя Гэрисом Фостером, поставил шатер на дальнем конце поля и провел в нем все те три дня, в течении которых турнир двигался к своей кульминации. Не было нужды наблюдать за выходящими на ристалище воинами — он уже разузнал имена всех поединщиков и хорошо представлял, кто на что способен. Яснее ясного было, кто из приехавших сюда бойцов окажется сильнее других и кто сойдет в итоге в борьбе за первое место. Скорее всего это будут Джеральд Хэррисворд и... да. И Эдвард Фэринтайн. С недавних пор — герцог Фэринтайн, глава Дома Единорога. Двоюродный брат короля по материнской линии, один из лучших мечников королевства и теперь, после гибели на реке Твейн своего старшего брата — наследник престола.

Гэрис не сомневался, что сильнейшим окажется именно кто-то из этих двоих — и потому даже не высовывался пронаблюдать за ходом боев. Слишком уж это все было для него предсказуемо. Тем более, свалившийся на его голову оруженосец и так детально докладывал о ходе турнира.

Дэрри приходил в шатер глубоко за полночь и тут же принимался восторженно рассказывать, кто на сей раз был выбит кем из седла. Глаза у мальчишки при этих рассказах горели, а к лицу приливалась кровь. Ему отчаянно нравилось вести счет поражений и побед. И, по словам Дэрри, получалось так, что кузен короля пока ни единого раза не потерпел поражения. Он легко одолевал всех, кто вставал на у него на пути. Эдвард Фэринтайн рвался к своему триумфу, и не было на Большом Осеннем турнире рыцаря, способного одержать

над ним верх. Кроме разве что сэра Джеральда, прозванного Хэррисвордским Ястребом.

— Но я бы все равно поставил на Фэринтайна, — сказал Дэрри, забравшись с ногами на сундук. Была ночь — ночь перед последним днем турнира. — Я бы поставил на Фэринтайна, потому что как он дерется... Да вы бы видели, как он дерется. Это что-то с чем-то.

— Да я знаю. Я видел его на войне. Дерется этот парень хорошо, спору нет, — Гэрису ужасно хотелось спать. Завтра предстоял большой день — ведь завтра начнется то, что давно уже должно было начаться. Можно будет наконец приступить к исполнению дела, ради которого он и явился в Таэрверн. Это было замечательно, потому что ждать больше не оставалось сил.

— А я тут говорил с остальными оруженосцами, — сообщил мальчишка. — Спрашивали, кто вы такой, и откуда, и почему про вас не слышно, и не потому ли, что вы никогда никакой славы не сыскали. И еще спросили, почему вы сидите у себя и не выходите, и выйдете ли вообще.

— Ты им что-то ответил?

— Да, я сказал, чтобы они сами к вам пришли и обо всем расспросили, откуда вы и почему, раз им так интересно. А мое дело маленькое, коня вашего чистить да копые вам подавать.

— Почему ты с ними не подрался? Оруженосец должен отстаивать честь своего господина.

Дэрри обиделся.

— А кто сказал, что я с ними не подрался? Подрался. Только это не затем, чтобы отстоять вашу честь. Просто... Ну...

— Просто ты любишь драться.

Дэрри опустил ноги. Мальчишка выглядел очень усталым, немного пьяным — и Гэрис только сейчас заметил у него под глазом синяк.

— Да как вам сказать. А впрочем, какая разница. Вы, главное, попробуйте уже победить этого непобедимого герцога. А то получается, мы совсем сюда зря приезжали, и ребра мне намяли тоже зря. А я не люблю, когда что-то делается зря.

— Я тоже такого не люблю. Ложись спать, Гледерик.

На следующее утро Гэрис надел стеганую куртку и кожаные брюки для верховой езды, наточил, в который уже раз, меч и принялся ждать. Временами он принимался изучать лицо, отражавшееся в зеркале щита. Густые темные волосы, загорелая кожа, переломанный в двух местах нос, массивный подбородок. Тяжеловесные черты, такие впору фермеру. Именно так и выглядел всегда Гэрис Фостер, сын Харви Фостера, дворянин во втором поколении. Внук лесника, верный боевой товарищ Йорефа Уэсли. Было очень странно видеть чужое лицо вместо своего собственного — но своего лица у него уже давно не осталось.

— Милорд, ну что, вы готовы? — Дэрри казался более взвинченным, чем обычно. — Фэринтайн разделался с Хэррисвордом. С третьего раза, правда — сначала они разошлись при своих. Но потом сэр Эдвард такое устроил... Выбил Хэррисворда из седла, тот пролетел футов десять, а как попробовал встать, сэр Эдвард уже приставил ему к горлу меч. Ума не приложу, как Хэррисворд себе хребет не переломал — но вынесли его на носилках. Так что вот. Объявили перерыв. А если после него никто не объявится — сэра Эдварда признают победителем. Вы как думаете...

— Я думаю, что нам пора, — Гэрис поднялся на ноги. — Выходим, подведи мне коня.

Когда Гэрис показался из шатра, трибуны просто сходили с ума. Тысячи голосов

сливались в единый безудержный гул, в воздух взлетали береты и чепчики, зрители бесновались. Кто-то вопил от радости, а кто-то ругался с досады, и казалось, что вот-вот грянет полное и окончательное светопреставление, потому что выносить все это было просто уже невозможно. А Эдвард Фэринтайн гарцевал посреди ристалищного поля, весь закованный в белые доспехи, вскинувший руку в торжественном салюте, и под копыта его белоснежного жеребца один за одним летели букеты цветов. Герцог Фэринтайн выглядел в этот миг своей славы ожившей мраморной статуей древнего героя, потому что живой человек не может до такой степени казаться олицетворением торжества, изящества и благородства. Увидев этого благородного и доблестного рыцаря, Гэрис до боли сжал рукоятку меча. Он уже встречался с нынешним герцогом Фэринтайном раньше, и встречался не раз, пусть даже тот ни за что бы не узнал его теперь.

Протрубили трубы. Раздался голос герольда:

— Ваше королевское величество, благородные лорды и леди, рыцари и дамы, и весь добрый народ Таэрверна! Сэр Эдвард, герцог Фэринтайн, искуснейший из всех воителей, чья доблесть не знает себе равных, одолел в честном бою всех отважных воинов, пожелавших бросить ему вызов. С такими мужами, как сэр Эдвард, нам не страшны ни бесы в аду, ни иноземцы в Гарланде! Сегодня он снискал великую славу! Я обращаюсь к вам, ко всем рыцарям, что собрались здесь, ко всем мужам благородной крови, слушающим мои слова! Есть ли в вас гордость?! Есть ли у вас смелость?! Есть ли у вас сила?! Найдется ли среди вас человек, что посмеет выступить против сэра Эдварда — и, быть может, победить его? Один — только один — смельчак имеет право выступить против герцога Фэринтайна! Достаточно лишь выйти, сказать да, это я! и ваш вызов будет принят! Даже если до этого вы не принимали участия ни в одном из поединков нашего турнира! Но попытка дается одна, и лишь тот, кто первым из вас осознает свое мужество, вступит в этот бой! А одержавший в этом бою победу — станет победителем Большого осеннего турнира! Найдется ли среди вас храбрец, желающий сразиться с лучшим из лучших?!

Вот оно. Этот момент настал. Момент, к которому Гэрис шел столько дней, зная, что это его шанс. Самая лучшая и надежная из всех возможностей, которые только можно вырвать у прихотливой судьбы. И он не имел ни малейшего права прозевать эту возможность. Не мог уступить ее какому-нибудь расторопному дурню. И потому, едва герольд договорил, Гэрис Фостер заорал во всю глотку, наполнив своим голосом теплый осенний воздух и надеясь, что голос этот будет слышен даже на самых дальних скамьях самых дальних трибун:

— Такой храбрец нашелся, мои лорды! Я, сэр Гэрис Фостер, бросаю вызов сэру Эдварду Фэринтайну, и клянусь, что проучу его как следует! Я клянусь перед добрым народом Эринланда, что уйду с этого поля победителем — или буду обесчещен и проклят вплоть до Судного Дня и дальше!

Гэрис давно уже ни на грош не верил ни в какие клятвы, даже самые громкие — но зато он прекрасно знал, что в них верит народ. Ничто не сможет воодушевить собравшихся здесь людей больше, чем такое смелое обещание. Расчет оправдался — после произнесенных им слов трибуны просто взорвались криками. Негодование и восторг сразу. Негодование — потому что какой-то наглец успел вызваться на бой первым, выхватив тем самым удачу у всех остальных. Восторг — ну а как же, зрелищу быть. Гэрис усмехнулся. Вы, господа, как всегда жаждете зрелища — ну так святая правда, что вы его получите.

Эдвард Фэринтайн медленно повернул коня, посмотрел на Гэриса сквозь опущенное

забрало шлема — и, будь на месте Гэриса кто другой, взгляд сэра Эдварда проморозил бы его до костей. Потому что люди так не смотрят. Так смотрят только высокие фэйри — или те, кто несет в своих жилах их серебряную кровь. Герцог Фэринтайн заговорил — и его негромкий голос заглушил рев толпы:

— Интересная клятва, сэр Гэрис. Вы не боитесь ее нарушить?

Гэрис встретил взгляд Эдварда — и одну долгую секунду они смотрели друг другу в глаза. Гэрис знал, что Эдвард его не узнает, и Эдвард в самом деле его не узнал.

— Я ее не нарушу.

— Смелые слова, — Фэринтайн склонил голову. — Садитесь в седло! Я хочу проверить, стоите ли вы своих слов.

— У вас будет такая возможность, герцог, — сказал Гэрис сухо. — Дэрри, — это уже оруженосцу, на три голоса ниже. Оруженосец вел в поводу коня — и ухмылялся. Конь не ухмылялся, конь раздувал ноздри и глядел прямо на Гэриса окровавленным взглядом. Ну, лошадка, не подведи — даром я тебе столько дней подряд покупал самое лучшее сено? Сегодня нам с тобой, малыш, придется постараться на славу.

Гэрис вскочил в седло и взялся за протянутое оруженосцем копьё. Вскинул это копьё острием вверх, приветствуя толпу — и довольно улыбнулся, заметив, что зрители по меньшей мере удивлены. На трибунах зашептались, кто-то засвистел. Ну еще бы, внешний вид Гэриса не мог не вызвать недоумения. Ведь все прочие рыцари предпочитали выезжать на конный поединок, будучи облаченными в полную броню, не забыв о нагрудниках, наручах, поножах и шлемах. Что же до Гэриса, то он не взял с собой даже щита. Плотная стеганая куртка, кожаные штаны, сапоги со шпорами — и больше ничего. Он сначала собирался надеть под куртку кольчугу, но потом передумал. Без доспехов, так без доспехов.

Дэрри привстал на цыпочках, понизив голос до шепота:

— Сэр Гэрис, они уже верно решили, что вы умом тронулись. Честное слово, я их понимаю.

— Веришь в меня? — спросил Гэрис невпопад.

— В вас-то? — мальчик прищурился. — Даже и не знаю. Но деньги поставил.

Гэрис ничего не ответил на это.

Он перехватил копьё поудобней и ударил коня по бокам. Искрящийся солнцем соленый песок взвился из-под копыт — и то же самое солнце ударило отраженным лучом с наконечника выставленного лордом Фэринтайном копьё. Тот тоже рванул прямо с места в карьер. Тут не было никаких отдельных дорожек и разделительных барьеров. Всадники сшибались прямо посреди широкого, засыпанного песком поля, чтобы, будучи выбитыми из седла, иметь возможность продолжить поединок уже пешими.

Гэрис чуть наклонился в седле, почувствовал, как перчатки на руках сделались мокрыми и холодными от пота. Он не хотел нервничать, но все же нервничал. Слишком многое зависело от того, справится он сейчас или нет. Эдвард Фэринтайн несся прямо ему навстречу, расстояние между рыцарями сокращалось, Гэрис видел белое забрало шлема, щит с серебряным единорогом на бело-черном поле, развевающуюся конскую гриву. Сэр Гэрис Фостер хорошо знал, что Эдвард Фэринтайн владеет копьём куда лучше, чем он сам, тем более сейчас, и легко выбьет его из седла, если получит такую возможность. Более быстрый и ловкий, Эдвард победит в честном бою без труда, но в том и шутка, что честного боя не будет. Хорошо, что правила турнира не запрещают определенных хитростей.

Когда рыцари сблизились почти на расстояние удара, но все же еще не совсем — Гэрис

отбросил копьё в сторону, прямо на землю, и рванул коня в сторону, боком от Фэринтайна. Выхватил левой рукой меч и, извернувшись в седле, перерубил древко вражеского копья. Зрители закричали. Эдвард выпустил из рук бесполезный обломок и тоже выхватил клинок. Мечи столкнулись — Гэрису показалось, что он принял на выставленное свое оружие рухнувшую скалу, до того силен был нажим противника. Гэрис пришпорил своего жеребца, и, сумев наконец оттолкнуть меч Эдварда, поскакал прочь, к дальнему краю поля. Теперь важнее всего была скорость. Ему следовало оторваться и выиграть себе хотя бы несколько драгоценных секунд. Враг остался без копья, но его меч был при нем, равно как и мастерство, искусство и отвага.

Гэрис выпрыгнул из седла, сгруппировался при падении, покатился по рассыпчатому песку. Грохот конских копыт оказался совсем рядом, и Фостер едва успел избежать участи быть затоптанным жеребцом Фэринтайна. Он снова перекатился и вскочил на ноги, подбирая выпущенный было клинок. Эдвард рванул коня прямо на него, замахнулся сверху мечом. Гэрис отскочил, парировал удар, а потом на мгновение припал к земле — и полоснул вражеского коня по передним ногам, перерубив их. Кровь брызнула ручьем, лошадиный крик свел бы с ума кого угодно. Фэринтайн выпал из седла, попробовал удержаться на ногах — но Гэрис тут же навалился на него и швырнул на землю. Фэринтайн выставил при падении руку, оперся на нее и тут же вскинул меч, блокировав удар Гэриса. Подался вперед, отводя вражеский клинок, и рывком взлетел с колен. Гэрис Фостер отшатнулся.

Трибуны сходили с ума. На рыцарских турнирах порой выкидывались разные лихие трюки, но этот показался распорядителям совсем вопиющим, выходящим за рамки дозволенного. Охрана дернулась, готовая броситься на ристалище и обезоружить Гэриса, но король Хендрик неожиданно поднялся со своего сидения и властно вскинул руку. Лицо государя казалось задумчивым.

— Никому не вмешиваться, — произнес он. — Я хочу взглянуть, на что еще способен этот молодец.

Гэрис обратил в сторону монарха поклон и вновь обернулся к своему противнику.

— Хорошо придумано, — сказал Эдвард Фэринтайн. — Вы натаскали коня. И не надели доспехов... Почему? Чтобы удачней приземлиться и оказаться ловчей меня. Почти получилось, но сейчас ваше преимущество закончилось. Признаете поражение, благородный сэр, или мне вас сначала помучить?

Вместо ответа Гэрис отсалютовал клинком и принял защитную стойку.

— Ну ладно, — сейчас Эдвард говорил негромко, — вы на свой манер правы. Все эти люди вон там на трибунах хотят отменного зрелища. А мы с вами дрались совсем недолго. Если закончить прямо сейчас, они будут недовольны победителем. Защищайтесь, милорд.

Чем Гэрис и занялся. Первая атака Эдварда оказалась быстрой, вторая — еще быстрее, третья — молниеносной. Гэрис едва успевал их отражать. Он каждый раз парировал сыплющиеся на него удары и каждый раз при этом делал шаг назад, а Эдвард, наоборот, наступал. Противник Фостеру достался серьезный. Раньше он, конечно, мог бы с ним справиться, но то было раньше. С тех пор Гэрис ослаб и не знал, вернется ли когда-нибудь в прежнюю силу. А Эдвард, напротив, пребывал в отличной форме, даром что сражался перед тем три дня подряд. Он не зря, честное слово, считался лучшим фехтовальщиком в стране. Даже сейчас он не показал и половины своего мастерства. Герцог Фэринтайн развлекался — вернее, развлекал публику.

Прошло несколько минут, и напор Эдварда, бывший поначалу яростным и

неукротимым, внезапно начал иссякать. Фэринтайн сделался неторопливым, словно бы ленивым. Сторонний наблюдатель мог бы еще решить, что Эдвард продолжает биться от души, по-настоящему вкладываясь в поединок, но Гэрис прекрасно понимал, что это уже не так. Его врагу словно бы сделалось скучно, и он перестал стремиться к победе. Фостер отразил все направленные на него атаки, и ни разу при этом острие вражеского клинка не пробилось сквозь выставленную им оборону. Зато самому Гэрису неожиданно удалось сделать пару вполне удачных уколов, даром что те лишь чиркнули по броне. Минуту назад ему казалось, что бой безнадежно проигран, но теперь это уже явно было не так. Распробовав поначалу свое преимущество, Эдвард быстро потерял к этому преимуществу интерес и начал биться с едва заметной ленцой. Спустя еще три обмена ударами Гэрис уже не сомневался в этом.

Фэринтайн поддавался. Поддавался очень ловко, даже опытный судья не заметил бы этого. Тоже ведь искусство, сражаться не на полную силу — надо быть хорошим бойцом, чтоб освоить его. Непонятным оставалось лишь одно — зачем это нужно Эдварду? Считает, будто победа от него так и так не уйдет, и потому стремится позабавить толпу, растянув бой? Сама подобная мысль придала Гэрису ярости. Он ненавидел, когда его не принимали всерьез.

Его враг не узнал его. Просто не мог узнать. Прежнее лицо человека, который назывался теперь именем Гэриса Фостера, было утеряно им вместе со всей его прежней жизнью. Вернувшийся с порога смерти, он носил чужое обличье — обличье, подаренное ему колдовством. Тем самым странным и древним колдовством, что сохранило ему жизнь, излечив смертельные раны. Он должен был умереть — но нашлась сила, что спасла его и послала сюда, в самое сердце разоренного войной Эринланда. Сила эта была настолько чужой и опасной, что Гэрис старался даже в мыслях не думать о ней. Наделенный благодаря этой силе чужими внешностью и именем, он не мог быть признанным лордом Эдвардом Фэринтайном — но сам хорошо знал этого гордого и самоуверенного лорда, не привыкшего никогда сомневаться в себе. И прекрасно помнил, как тот, к примеру, однажды, в тренировочном бою, выбил у него меч у него из рук и залиvisto расхохотался, наслаждаясь своим превосходством.

Воспоминание это оказалось ярким и резким, подобным вспышке молнии в сумрачных подвалах памяти. Злость неожиданно придала сил. Гэрис развернулся, став внезапно быстрым, как порыв ветра, текучим, будто вода, смертоносным, словно жалящая змея, на половину выдоха сделавшись вдруг самим собой — и рванулся вперед, зная, что должен победить и что победит, чего бы это ему не стоило.

Он выбил у Эдварда оружие, сделал шаг вплотную и саданул Фэринтайна противовесом меча прямо по забралу. Эдвард пошатнулся, но все же устоял, и в свою очередь ударил Гэриса закованным в металл кулаком прямо в живот. Стало так больно, что внутренности, казалось, засыпали тарагонским перцем, но Гэрис уже навалился на Эдварда и опрокинул того на землю. Сорвал с его лица забрало и отстранился — чтобы занести клинок. Острие смотрело герцогу Фэринтайну прямо в правый глаз.

Совершенно спокойный взгляд. Если смотреть так в лицо смерти — она, чего доброго, сочтет тебя неучтивым кавалером и сбежит за тридевять земель. Губы Эдварда чуть дрогнули. Разошлись в улыбке.

— Вы, наверно, сейчас чрезвычайно горды собой, — сказал герцог. — Что ж, не буду отрицать, дрались вы и впрямь доблестно. Хотя поначалу слегка нерешительно — я уже

приготовился заскучать.

Гэрис оставил его слова без внимания.

— Сэр Эдвард! — сказал он громко, так, чтоб слышали на трибунах. — Я одолел вас в честном бою. Признаете ли вы свое поражение?

— Признаю, — согласился Эдвард. — Вы же меня победили. В честном бою.

Гэрис оглядел зрителей — те, казалось, позабыли, что им дышать положено. Ну еще бы, прямо сейчас на их глазах был побежден человек, которого они уже начинали считать непобедимым. И который, может быть, и в самом деле был непобедим, но предпочел на этот раз не побеждать. Именно это вызывало сейчас у Гэриса тревогу. Это, а еще спокойный, оценивающий взгляд Эдварда. Нынешний герцог Фэринтайн не мог его узнать. Без всякого сомнения, не мог. Но эта мысль была способна успокоить Гэриса лишь в очень незначительной степени.

Впрочем, сейчас было не до лишних раздумий — представление не совсем закончилось, и следовало играть свою роль до конца. Гэрис вскинул меч острием к небу — и публика, словно ожидавшая этого, разразилась приветственными криками.

— Да здравствует победитель турнира! — крикнул герольд. — Сэр Гэрис Фостер, герой этого дня — и герой Эринланда! Сегодня, прямо перед всеми вами, этот человек совершил нечто немыслимое, подвиг, столь великий, что барды сказали бы...

Сэр Гэрис Фостер не слушал, чего скажут барды. Ему давно уже набили оскомину одинаковые речи, произносимые всеми герольдами на всех на свете турнирах. Гэрис вложил меч в ножны и склонился над все так же лежащим на песке Эдвардом. Протянул руку:

— Помочь вам встать, сэр?

— Если вас не затруднит.

При помощи Гэриса Эдвард поднялся на ноги. Он не выглядел ни удивленным, ни раздосадованным, ни разозленным — не выказывал ни одного из чувств, приличествующих человеку, только что потерпевшему поражение в шаге от победы. Казалось, он воспринял случившееся как должное, и уж точно не находил в своем фиаско ничего, что было бы достойно сожалений. Эдвард снял шлем, и длинные, платиново-белые как свежесвыпавший снег волосы рассыпались по плечам. Гэрис замер, как громом пораженный — в этот момент ему показалось, что его сердце прямо сейчас возьмет, да и выпрыгнет из груди.

Он и в самом деле забыл за эти проклятые месяцы многое из того, чего не следовало забывать. Он забыл, как выглядел человек, стоявший сейчас в двух шагах от него. Благородное лицо с тонкими аристократическими чертами, бледная кожа, глаза, что казались сейчас прозрачными, светло-голубыми, льдистыми. Глаза эти, хорошо знал Гэрис, имели свойство менять цвет. Куда чаще они имели темный, фиолетовый оттенок — когда Эдвард бывал отстранен или погружен в себя. Светлел, как теперь, его взгляд лишь в моменты наивысшего сосредоточения или волнения.

Было нечто странное в этом лице. Древняя кровь — она отпечаталась на всех, кто принадлежал к дому Единорога. По материнской линии и сам король принадлежал к этому дому.

— Что с вами, благородный сэр? — Лорд Фэринтайн улыбнулся. — Моя внешность кажется вам пугающей? Может быть, немного не совсем человеческой? Что поделаться, таким я уродился на свет.

Гэрис сглотнул.

— Прошу прощения, сударь... Я... Просто удивительно видеть кого-то... Вы очень...

— Очень странно выгляжу? — закончил за него Эдвард. — Ну еще бы. Это многие говорят. Некоторые священники даже считают меня порождением дьявола и мечтают при случае окатить святой водой. Говоря по правде, я порождение своих отца и матери, а уж кто их породил, дело десятое. Зато никто никогда не объявит меня бастардом — такая незабываемая внешность не даст ни одному сплетнику усомниться в законности моего происхождения. Но погодите. Кажется, этот петух заканчивает кукарекать. Слово за его величеством.

Гэрис кивнул и повернул голову в направлении королевской ложи. До нее отсюда было три десятка шагов. Немыслимо близко и невыносимо далеко. Хендрик Грейдан, Божьей милостью герцог Таэрверна и король всего веселого Эринланда, сидел на возвышении, облаченный в боевые доспехи. На его плечи был наброшен алый плащ, а чело венчала корона. Он совсем не изменился, точно так же, как не изменился и Эдвард. Королю от роду было немногим меньше тридцати лет. Русоволосый и статный, он унаследовал по отцовской линии широкую кость Грейданов — но такие же, как у Эдварда Фэринтайна, холодные льдистые глаза и тонкие черты лица выдавали в нем примесь древней эльфийской крови. Его лицо казалось сдержанным и одновременно беззаботным.

— Ваше величество, я вручаю себя и свою победу в ваши руки, — Гэрис не знал, каких усилий стоило ему говорить сейчас ясно и четко. — Для меня честь лицезреть вас здесь и честью было биться в вашем присутствии. Хоть мне и неизвестно, достоин ли я этой чести.

Странное чувство, порой посещавшее Гэриса, посещавшее его много лет, сколько он себя помнил — сейчас это чувство вновь овладело им. Ощущение беспредельности вселенной, возможности ловить ее ритм и двигаться с ним в унисон. Такое безумие приходило к Гэрису в бою, когда пляшут клинки и свистят стрелы, каждый раз — мимо. Такое безумие порой ему являлось ему во время близости с женщиной, в миг, в который та принимала его в себя. И такое безумие ехало с ним в одном седле, когда он только явился в Таэрверн и полной грудью вдохнул его воздух.

Это безумие говорило сейчас его устами. Гэрис знал, что любое слово, которое он сейчас скажет, и любая вещь, которую он сейчас сделает, отпечатаются на будущем и определяют его течение.

— Мой король, — сказал он, — я благодарю вас за честь говорить с вами, и я прошу вас об одной милости, которую, вы, быть может, мне предоставите.

— Вы доблестно сражались, сэр рыцарь, — сказал повелитель Эринланда. — Мне понравилось, как вы одолели лорда Фэринтайна. И пусть вы дрались не очень благородно, но в настоящем бою благородства вообще мало. Так чего вам угодно?

Гэрис поднял голову. Поймал взгляд Хендрика — так ловят стрелу в полете, обжигая ладонь. Фостера всего сейчас била дрожь, как на лютном морозе. Его словно пронзал поток — ослепительный, безбожно пьяный свет. Гэрис принял этот поток в себя, позволил раскидывающему пенные брызги водопаду наполнить своим опасным волшебством его собственную пустоту — и, взяв чужой огонь, превратился в факел, горящий на милую вокруг.

— Мне угодно... — Сейчас Гэрис чувствовал их всех. Хендрика, прикидывающего, до какой степени окажется нагл этот никому не ведомый боец и каких сокровищ себе запросит. Дэрри, во все глаза следящего за происходящим действием, восхищающегося и забавляющегося одновременно. Эдварда — заключившего себя в панцирь изо льда. — Мой король, — сказал Гэрис, — мне угодно... — Поток ревел, угрожал снести Гэриса своим течением, как горная река уносит упавшее в нее бревно. Главное сейчас — выдержать,

продержаться, найти в себе силы. Не рухнуть прямо на песок, отхаркиваясь кровью. По черепу стучали тяжелые молоты карликов, а глаза были готовы взорваться и вытечь из глазниц. Ему хотелось вскинуть руки и закричать, позволяя световой реке смять и уничтожить само его существо — но вместо этого он говорил. Гэрис вкладывал всю мощь пронзающего его потока в произносимые им слова, превращая их из обычных слов — в заклинание силы. Так поступали чародеи былых лет. Словам, наделенным такой силой, подчинится даже король.

— Мой государь, мне угодно просить вас об одной-единственной милости. Не о поместье, не о руке благородной девицы и не о золоте. Я не могу сказать, что все перечисленные вещи не имеют для меня вовсе никакой цены. Утверждать подобное было бы ложью. Но я считаю себя вправе попросить вас лишь об одном, а потому прошу о самом для меня важном. Всю свою жизнь я служил сначала знамени вашего отца, а затем и вашему знамени. Я дрался за вашу семью на дальних рубежах, и не раз проливал свою кровь. Я не бывал в столице, и вы, наверно, никогда прежде не слышали обо мне — но всю свою жизнь я слышал о вас. Люди, вместе с которым я служил в одном отряде, все пали на последней войне. Мне некуда больше идти — и потому я пришел к вам. Вы сказали, я доблестно бился на этом турнире. Возможно, вам понравится, если я буду доблестно биться и в настоящем бою. Я прошу вас, сэр Хендрик из дома Грейданов, принять меня в свою королевскую гвардию. Вам нужны хорошие рыцари, чтобы проучить Клиффа Рэдгара и прочих псов. А я, видит Бог, очень хороший рыцарь — я сразил вашего кузена, а на такое во всем Эринланде кроме меня не сподобился больше никто. У вас не будет повода сожалеть о моей службе.

Он говорил очень просто, так просто, как только мог сейчас говорить, сдерживая крик. И он прекрасно знал, что простота его слов покажется придворным изощренной наглостью. Это сейчас не имело значения, значение имела лишь одна-единственная вещь. Вложил ли он в произнесенные слова достаточную силу, чтобы вуалью набросить их на короля и заставить его согласиться на такое, в сущности, безумное условие. Ведь лишь безумец может, придя с большой дороги и победив первого рыцаря государства, проситься дозволения попасть в отряд самых лучших, самых преданных воинов короля. Для того Гэрис и пропускал сквозь себя опаляющий свет — чтоб обратить этот свет в чары и спеленать этими чарами Хендрика, заставив его принять настолько дерзкую просьбу. Он не мог больше думать ни о чем, только удерживать бившее прямо сквозь него сияние, незримое ничьим вокруг глазам, но остро ощущаемое им самим. Гэрис знал, что не продержится дольше половины минуты. Потом придется выпустить волну из пальцев — иначе она насквозь выжжет его душу. Он мог лишь надеяться, что половины минуты хватит.

Магия всегда была опасна, и магия от начала времен ходила рука об руку со смертью. На его счастье, он был единственным человеком здесь, кто имел хоть малое о ней представление.

Хендрик откинулся на спинку кресла. Хлопнул руками по коленям:

— Допустить вас в королевскую гвардию? Да отчего бы нет. Вы показали себя славным бойцом. Я охотно принимаю вас к себе на службу. Покажете себе достойно — получите поместье, золото и все прочее, что полагается. Окажитесь недостойным — не сносить вам головы. Устраивают вас такие условия?

— Благодарю вас, мой король. Вполне устраивают, — Гэрис закрылся от света, как будто щитом — и немедленно сделался пустым, как до дна опрокинутый кубок. Огонь ушел. Вместе с ним ушли воля и жизнь, а сам Фостер снова сделался таким, как и прежде.

Усталым, ограниченным и бессильным. Перестал быть собой. Перестал быть чародеем. Перестал быть человеком. Перестал быть живым. Остался только грубый и злой солдат со стеклянно-пустым взглядом. — А теперь, ваше величество, прошу меня великодушно простить, ваш кузен все же изрядно намял мне бока. Надо бы мне отдохнуть, — сказав эти слова и твердо зная, что теперь уже можно наконец отпустить себя и забыться, Гэрис упал на песок, оказавшийся таким же мягким и теплым, как лучшая перина в лучшей из спален Таэрвернского замка.

Глава третья

Дэрри заглянул в трактир Приют странника уже под самый вечер. Сэр Гэрис сказал ему забрать все свои вещи, и еще прибавил, чтоб долго Дэрри в этом трактире не задерживался. Как будто бы они опаздывают на пожар или на войну.

Сэр Гэрис так забавно шлепнулся на землю прямо перед королем, ну ровно барышня мышь увидала. Интересно, это он нарочно, чтобы все вокруг растрогались, или само собой получилось? Кто знает, с сэром Гэрисом ведь всякое может случиться. Станный он человек. Порой он бывает весь из себя такой значительный, словно и правда переодетый принц. Хочется пасть перед ним на колени и расцеловать ноги, да вот только грязные они, эти ноги.

Матушка Фролл, хозяйка трактира, поняла все сразу, как только увидела нарядную новую куртку, в которую был одет Дэрри. Не такой, конечно, расшитый гербами камзол, какие носят дворянские наследники из Верхнего Города, но и не прежнее рванье.

— Уходишь, значит.

— Святая правда, — Дэрри наскоро пригладил волосы, затем пробежался пальцами по застежкам. — Ухожу. Вы были очень гостеприимны, матушка, но не смею и впредь испытывать ваше терпение.

— Гостеприимна, — фыркнула хозяйка. — Гостеприимна. Ишь! Нашел гостеприимную. Мне тут гости не нужны, которые денег не платят. Да если бы ты не работал, я б тебя и на порог не пустила.

— Знаю, — сказал Дэрри тихо.

— Однако ж хорошо твой хозяин все провернул. Про это уже весь город рассказывает. Ну, мои засранцы точно говорят. Гвардеец короля... Этого и хотел, да? — Матушка Фролл бросила зелень в суп. Помешала вареву большой деревянной ложкой. — Страшный он у тебя.

— Знаю, — все так же тихо ответил Дэрри.

— Все-то ты знаешь... — Трактирщица смягчилась. — И откуда ты взялся, такой умный? У родителей за тебя душа не болит?

— Понятия не имею. Матушка Фролл, я пойду, хорошо?

— Иди, раз хочешь. Кто тебя удерживать будет? Кому ты нужен?

— И правда. Совсем никому не нужен. Мое почтение, матушка!

Выйдя из кухни, он привалился к стене. Итак, хозяйка говорит, что все ее засранцы, то есть постояльцы, обсуждают турнир. Это значит, если он, Дэрри, сунется в трактирную залу, его сразу запытают вопросами, что там было и как. Тогда очень удачно, что он зашел сюда через черный ход. На вопросы отвечать совсем не хочется, хочется найти Стефани, а если она сейчас как раз ужин подает? Может, спросить у матушки? Так ведь нет, снова заходить к хозяйке после прощания — как-то оно глупо. Ладно, сначала заглянем наверх, в комнату Стефи, а потом, если надо будет, и в залу спустимся.

Комната Стефи была на верхнем этаже, под самым чердаком. Дэрри остановился и снова пригладил одежду, смахивая какие были пылинки, и лишь затем постучал.

— Не заперто!

Он отворил дверь. Девушка сидела на кровати и костяным гребнем расчесывала длинные черные волосы.

— Привет, Стеф. Гостей принимаешь?

— Привет, Дэрри. Вообще нет, но ты заходи.

— Спасибо! — Он заглянул в комнату, пересек ее танцующей походкой, на ходу исполнив что-то, напоминающее куртуазный поклон, и забрался прямо на подоконник, свесив ноги. — Как ты тут поживаешь?

— Да нормально... Матушка дала мне свободный вечерок, народу сегодня немного, Герда справится. А ты как? Вернулся? Я слышала про турнир. Так что получается, твой лорд победил?

Дэрри кивнул:

— Ага. Победил. Выехал самым последним, уже против самого Фэринтайна. Понесся на него с копьём наперевес. Ну и тот на него понесся. Я подумал, так они друг друга из седел и вышибут. Оказалось, нет. Ты представь, сэр Гэрис берет и отбрасывает свое копьё, в трех корпусах от Фэринтайна. Ну... В трех корпусах — это значит, очень близко. Выбрасывает копьё и достает меч. Вжик! И сэр Эдвард тоже теперь без копья, сэр Гэрис его разрубил. А потом сэр Гэрис прыгнул на землю и перерубил еще и ноги жеребцу сэра Эдварда. Но сэр Эдвард тогда тоже вскочил и как выхватит клинок...

Стефи засмеялась:

— Все, все, ты уже объяснил. Твой лорд сильнее всех. Надо же... А ты теперь его оруженосец. Ты ведь за этим сюда и приехал, правда?

Дэрри улыбнулся.

— Правда.

Ему очень нравилась Стефани. Не только за ее густые волосы, не только за горящие огнем глаза, не только за чарующий голос, но еще и за умение правильно понять, чего хотят другие люди. Стефи всегда умела увидеть, чего же окружающие в точности желают, о чем думают и к чему стремятся. Она прекрасно понимала матушку Фролл с ее желанием содержать трактир в порядке и получать за то свою прибыль, понимала Ника Давра, главного матушкиного помощника, с его желанием хорошенько выпить под вечер, понимала своих подруг с их мечтами о хороших женихах, понимала Герду с ее желанием воссоединиться с потерянной семьей — и еще она понимала Дэрри. Он и в самом деле приехал в Таэрверн за чем-то таким.

— Погляди, что у меня есть, — Дэрри сунул руку в карман — и достал из него золотую цепочку. Подбросил ее в воздух и ловко поймал. — Как тебе, неплохо? Мне вот все кажется — на твоей шее эта штука будет смотреться что надо.

— Ой! Прелесть какая, — Стефани потянулась вперед, рассматривая цепочку, — как здорово... Дэрри, это мне? Спасибо огромное, ты прелесть! Но погоди... Она же очень дорогая наверно?

— Дорогая? Ну можно и так сказать. Но у сэра Гэриса денег куры не клюют, даром что в нашей дыре остановился. Я у него взял немного золота по случаю победы. То есть он мне дал. Оруженосцу жалованье не положено, вообще, но у нас как бы особый случай.

— Но, Дэрри, постой. Ты же мог потратить эти деньги и на себя.

— Ага. Мог. А захотел на тебя. Я подумал, — Дэрри спрыгнул с подоконника и подошел к Стефи, — я подумал, что ты очень красивая девушка, а красивым девушкам нужны хорошие украшения.

— Думаешь, я красивая? Вообще, да. Ты прав. Но слышать все равно приятно, — Стефи поглядела на Дэрри и улыбнулась. — А знаешь, ты тоже очень красивый. Настоящий красавчик. Интересно, почему ты этим не пользуешься?

— А кто сказал, что я этим не пользуюсь? — Дэрри ответил на ее улыбку. — Пользуюсь.

— Например, сейчас?

— Правильно, Стеф, например сейчас. Так... А давай мы поглядим, как ты это будешь носить. — Дэрри протянул руку, на секунду задержал дыхание, а потом откинул волосы Стефи с плеч. Коснулся ее шеи, провел указательным и средним пальцем вдоль подбородка. Стефани тоже задержала дыхание, она глядела на юношу во все глаза. Дэрри надел на девушку цепочку и застегнул ее. — Вот... Теперь ты настоящая принцесса.

Стефи схватила его за руку, провела своими пальцами по его ладони.

— Дэрри, спасибо большое... Ты очень хороший. — Она замолчала, не отводя от юноши глаз. У нее был чудесный нос, который прямо так и тянуло поцеловать. — Дэрри, скажи... Ты ведь теперь будешь жить в Верхнем Городе, со своим господином... Ты будешь ходить в нарядном платье и с мечом у пояса, общаться с рыцарями и их дамами... Ну, и балы посещать. И ездить на хороших лошадях. Ты именно этого хотел, я знаю. Скажи... А вот сюда, к нам, ты еще вернешься?

— Обязательно.

— Врешь.

Дэрри улыбнулся. Он вспомнил, как встретил эту девушку впервые, месяц назад. Он уже третий день был в Таэрверне и никак не мог найти подходящей работы. Спал в переулках, в пустых бочках, а тут как раз попался этот трактир, хозяйке которого требовался лишний помощник. Дэрри быстро договорился с Фролл Лайерс. Потом зашел в залу — и увидел Стефанию, в белом платье собирающую со столов грязную посуду. Он еще тогда подумал, что она очень красива. Он увидал здесь потом еще множество красивых девушек. Герду и Магду например, а сколько красивых барышень ходило по улицам... Красивых девушек было много, но нравилась ему почему-то именно эта. Она была старше его на год, но в свои восемнадцать до сих пор не имела жениха. Бывают такие девушки, которые словно берегут себя для кого-то. Может быть, она берегла себя для него?

— Ты меня хочешь? — спросила вдруг Стефи. Дэрри вздрогнул, как если бы его окатили холодной водой с головы до пят. Попытался ответить и не смог. Он всегда был очень смел, а сейчас почему-то вдруг почувствовал себя немым. — Я видела, как ты на меня смотришь. Когда парни так смотрят на девушек... Знаешь, что потом бывает? Или не знаешь? А ты правда очень красивый... Даже когда в тряпье и грязный. А еще ты такой милый. Не знаю как ты, а я тебя хочу.

Дэрри очень захотелось сделать шаг назад, когда рука Стефи легла ему на плечо, но юноша пересилил себя. В конце концов, он же за этим сюда и пришел, так чего трясется? Стеф была совсем рядом, ее щеки покраснелись, и она в самом деле была удивительно хороша.

— Да, — сказал Дэрри, — я тебя хочу.

Она засмеялась — и этот смех окончательно убедил юношу в том, что пришел он сюда не зря, и деньги на цепочку потратил тоже не зря. Дэрри подался вперед — и поцеловал Стефи в кончик носа, ровно так, как того и хотел.

... Когда все закончилось, Стефи уснула, прижавшись к нему. Они так и не закрыли окно, и ночь выдалась прохладная, однако зябко Дэрри не было. Его согревала своим телом девушка, которую он обнимал. Дэрри было хорошо, уютно и спокойно рядом с ней — так хорошо, как, наверно, не было уже давно, а может быть никогда. Стефани оказалась доброй

и нежной, и на какой-то момент, будучи рядом с ней, он позабыл о своих тревогах и невзгодах, и о необходимости носить маску шута, которую он надевал, чтоб не казаться людям беспомощным и слабым. Он лежал, прислушиваясь к ее чуткому дыханию, и сам никак не мог уснуть. Ночь роняла свои песчинки в часы времени. Сначала ему не хотелось ни о чем думать, а потом мысли пришли сами, непрошенные и путаные.

Дэрри внезапно стал вспоминать родной город, который он покинул, пустившись в свое путешествие. Жить там было всяко проще, чем выживать здесь. Дом, по крайней мере, у их семьи был хороший, и Дэрри никогда в нем не голодал, даже в плохие годы. Даже в самые скверные времена ему перепадала на ужин куриная ножка, и это в те дни, когда нельзя было пройти по улице, не споткнувшись о труп бедняка. И одевался он в хорошее сукно, а не во всякую дрянь. Ходил в церковную школу, где выучился читать и писать. Нет, эту жизнь нельзя было назвать плохой, и все же она была отвратительна. В ней не было никакого смысла, а жизнь, лишенная смысла — это и не жизнь вовсе.

Полным именем Дэрри было Гледерик, а фамилией — Брейсвер. Он родился в стране, лежавшей к юго-востоку от Эринланда — в королевстве Элевсина. Отец его, Ларвальд Брейсвер, работал управляющим у купца по имени Коттон Фрай. Фрай был богатым купцом, дела шли отлично, и Брейсверу, как управляющему мастера Фрая, тоже перепало — достаточно, чтоб построить себе тот самый очень хороший дом, в котором всегда были куриные ножки на обед и вкусное рагу. Двухэтажный дом, с флигелем и прислугой. В этом доме Дэрри и вырос, и прожил первые пятнадцать с половиной лет своей жизни. Сначала с отцом и матерью, потом только с отцом. Мать пела ему песни и рассказывала сказки — вечерами, когда они лежали в одной кровати и кутались под теплым одеялом, а за окнами завывала зима. Потом ее не стало — черная болезнь пришла с юга, в тот год трупы жгли прямо на улицах. Дэрри выплакал себе все глаза. С тех пор сказки ему стал рассказывать отец. Отец садился вечером у огня, наливал себе вина, и начинал вспоминать всякие истории о далеких странах, о волшебных землях, о рыцарях и королях. Не все из этих историй были вымышленными — одна, по крайней мере, точно таковой не была.

Ради этой истории, услышанной им от вдребезги пьяного отца, повторявшего ее раз за разом много вечеров подряд, Дэрри и ушел из дома. Просто сбежал посреди ночи, ничего не сказав и даже не написав записки. Он забрал с собой все деньги, что смог дома найти — так как решил, что ему они пригодятся больше, чем отцу. Отец, поди, все равно новые быстро заработает. Дэрри вылез тогда ночью из окна своей спальни, спустился на улицу, а потом долго стоял и вдыхал холодный и чистый ночной воздух. Запрокинул голову, посмотрел на звезды и рассмеялся. Он был наконец-то свободен и начинал свою настоящую жизнь. Теперь можно было идти куда глаза глядят и делать что хочешь. А главное, быть собой. Он не знал, куда приведет его дорога, а она спустя долгих полтора года привела его в Таэрверн.

Путь этот оказался очень извилистым. Сначала он вдоволь поколесил по дорогам Элевсины, блуждая без четкой цели. Даже попадал несколько раз в серьезные неприятности. Затем почти год, перепуганный до крайности, провел на одной отдаленной ферме, помогая живущей там семье по хозяйству. Те люди были добры к нему, дали ему приют и пищу, но в конце концов он понял, что не сможет сидеть у них вечно. Он ведь ушел из родного дома не просто так — у него была мечта, и нужно было хотя бы на шаг приблизиться к исполнению этой мечты. Сделать это можно было только в большом городе. Дэрри уже целых четырнадцать месяцев провел в дороге, и это оказался долгий срок. Ему уже давно исполнилось шестнадцать, и совсем скоро исполнится семнадцать. Пора наконец заняться

настоящим делом.

Дэрри тихонько вздохнул, вспоминая свою непутевую жизнь. Потом открыл глаза, приглядываясь к окружающей темноте. Стефи спала все также спокойно и безмятежно, а от настежь распахнутого окна потянуло совсем уж серьезным сквозняком. Юноша осторожно встал, подошел к окну и, как был голый, уселся на подоконник. Задышал, полной грудью вбирая в себя свежий ночной воздух. Холод отрезвлял.

В квартале, где он вырос, жила одна старуха, совсем сумасшедшая. Она говорила разные глупости, которые иногда сбывались, а иногда нет. Старуха эта была очень страшная, с косматыми нечесаными волосами, и всегда очень громко смеялась, выплевывая очередное пророчество. Предрекала обычно, кто ногу сломает, у кого крыша прохудится. Говорили, она проклятая. Да что там, это по ней и так было видно. Ее и не убили только потому, что боялись ее предсмертного проклятия. Мальчишки, кто похрабрей, кидались в старую ведьму камнями. Дэрри тоже кинул — один раз, хоть и понимал, что поступать так не следует. Она повернулась и поманила его к себе. Надо было убегать, Дэрри хорошо понимал и это, но бежать не стал. Наоборот, подошел поближе. А, маленький щеночек, — засмеялась ведьма, — ты, наверно, отбился от матери. И ты совсем еще маленький. Будь я сама побольше, ты бы поместился у меня на ладони. Тебя очень многое ждет, когда ты подрастешь. Ты однажды придешь в большой город. Это будет огромный город с множеством башен, больше нашего. Смотри, не потеряй там себя. Старая ведьма засмеялась. Столько лет минуло, и вот он в большом городе, и смотрит на черепичные крыши — и на звезды, что выше крыш. Тут, наверно, и правда очень легко потеряться.

Дэрри посмотрел на Стефи, посапывающую во сне. Ему внезапно представилась возможность, во многом очень притягательная. Прямо сейчас он вернется в постель, снова обнимет девушку и накроет ее и себя заодно одеялом. Утром они еще раз займутся любовью. Потом Стефани пойдет работать, а Дэрри отправится к сэру Гэрису. Но не для того, чтобы остаться с ним, а для того, чтобы распрощаться. Он скажет — до свидания, милорд, вам своя дорога, мне своя, и желаю вам удачи на вашей. Затем устроится на работу к какому-нибудь плотнику или кузнецу. Скорее к плотнику — Дэрри словно наяву видел, как рубит дерево, как выпиливает его и выравнивает, и как покрывает лаком. И стружка летит во все стороны. Через год он будет уже не просто учеником, а подмастерьем, и денег станет получать чуть больше. А со временем и сам сделается мастером. Он будет часто принимать заказы, ведь хорошему мастеру искать клиентов не надо, клиенты приходят к нему сами. А Дэрри станет очень хорошим мастером, и всегда будет хорошо работать, никакого бездельничанья, никаких засунутых за пояс пальцев. Он откроет свое дело и купит дом — двухэтажный. Он женится на Стефании — в воскресенье в церкви на рассвете, и священник благословит их на счастливый брак до самой смерти, а потом разрешит поцеловаться, как будто они не целовались ни разу. Они заживут вместе, и у них родятся дети. Мальчик и две девочки. В чем-то они будут похожи на отца, а в чем-то на мать. Эти дети никогда не узнают в родном доме ни безнадежности, ни одиночества, ни стужи. И их не будут вести безумные мечты о несбыточном. Они смогут жить как все. Как обычные люди, не пытаясь заглянуть за горизонт и не вслушиваясь в песню дорог.

Дэрри просмотрел это будущее, что открывалось ему, с сегодняшней ночи и на многие годы вперед. Да, ему обязательно бы понравилось жить вот так, и Стефи бы тоже понравилось. Дэрри еще раз взглянул на звезды, ясные и колючие, а потом подошел к Стефи и склонился над ней. Девушка улыбалась во сне, капелька пота стекала по виску. Гледерик

поцеловал Стефанию в губы. Та не проснулась, но пробормотала сквозь дрему что-то нежное. Спи, родная, спи, у тебя с утра много дел. Дэрри накрыл девушку поднятым с пола одеялом, чтоб не замерзла, а затем принялся одеваться. Штаны, сапоги, рубашка, куртка. Одевшись, он вышел в коридор и тихо затворил за собой дверь. Постоял, всматриваясь в темноту и к чему-то прислушиваясь, сам не понимая к чему. На миг ему показалось, что где-то там, далеко, играет странная музыка — тихая и немного печальная. Все началось с того, что я услышал музыку, играющую в ночи.... Дэрри мотнул головой и направился к лестнице, насвистывая один расхожий мотив.

Спустя много лет, почти перед самым концом, он однажды пожалел, что не остался со Стефани. Но было уже слишком поздно.

Утро выдалось хмурое, и сэр Гэрис тоже был хмур. Может, это мрачное утро сделало Гэриса мрачным, а может, Гэрис сделал мрачным утро. Дэрри понятия не имел, как оно по правде. Одно было ясно точно — выволочки не избежать.

— Я не понимаю, почему вижу тебя сейчас, — сказал Гэрис с высоты седла.

— Не понимаете? — Дэрри поглядел на рыцаря озадаченно. Вечно тот чего-то не понимает.

— Правильней будет сказать, — поправился Гэрис, — я очень недоволен твоим появлением в это утро.

— То есть как это? Мне что, приходить не стоило? Вы мне отставку выписали?

— Глупый ты болван... Какого дьявола, спрашивается, ты приперся так поздно? Я сказал тебе не задерживаться в трактире, и вот, ты целую ночь пропадал бог ведает где.

— А, вы об этом. Ясно. — Дэрри выдохнул. Снова поглядел на Гэриса — тот разнообразия ради нарядился в боевые латы и смотрелся ну очень металлическим на вид. У всех его врагов, наверно, уже поджилки от страха трясутся. — Прошу меня простить, милорд. Это была совершенно непростительная глупость, забыть о ваших словах. Вы вольны наказать меня так, как вам будет угодно.

— Да черт с тобой, — сказал Гэрис неожиданно весело. — Залезай в седло.

Дэрри ухватился за протянутую ему руку и забрался на коня, пристроившись у Фостера за спиной. Тот повернул голову и состроил нечто наподобие ухмылки:

— Приготовься, будет трясти. Это тебе не телега. Надо полагать, не часто прежде ездил верхом?

— Да нет, почему, — пожал Дэрри плечами, — доводилось.

— Вот оно как. Может, тебе и на мечях драться доводилось?

— И это тоже, — сказал Дэрри спокойно. — Недалеко от нашего дома жил один старый сержант. Жена его умерла родами, вот он и остался совсем один. Я вызвался помогать ему по дому. Мыл пол, штопал одежду, готовил обед. Взамен он учил меня обращаться с оружием.

Гэрис хмыкнул.

— Вижу, я не первый, кому ты втираешься в доверие.

— Ваша правда, милорд. Не первый.

Какое-то время они ехали молча, потом Гэрис спросил:

— Ну и с каким оружием учил тебя обращаться твой сержант?

— С обычным клинком, одноручным или полуторным. Учил колоть шпагой, рубить палашом. И тыкать кинжалом. До клеймора или фламберга мы так и не дошли.

— У меня в седельных сумках, — сказал сэр Фостер неожиданно хрипло, — есть лишний меч. Как приедем, достань его и опоясайся — не к лицу тебе ходить без оружия. На днях, как будет время, я научу тебя с ним обращаться. Посмотрим, чего ты уже успел нахвататься и чего не знаешь.

— Благодарю, милорд, — сказал Дэрри немного растерянно. Фостер лишь фыркнул в ответ.

Утро выдалось холодным. Они ехали по уводящим вверх по склону улицам, рассекая людскую сутолоку, и стены Верхнего Города становились все выше, пока не стало казаться, что в мире вовсе нет ничего, кроме этих уходящих ввысь стен. Дэрри вспомнил, как подошел к ним впервые, и как коснулся холодных камней ладонью, чувствуя, как застыли под пальцами годы. Эти циклопические сооружения с первого дня внушали ему трепет.

Показалась широкая торговая площадь, а за нею — распахнутые ворота и стоящая подле них стража. Прежде Верхний Город со всех сторон окружал ров, как узнал Дэрри от Стефании, но лет двадцать назад его засыпали землей и убрали мост. Город давно уже не брали штурмом.

При виде Гэриса стражники даже не шелохнулись. Пропустили его в ворота, как своего. Да он и был им свой — рыцарь в роскошных доспехах, на добром коне. Когда проделанный в стене сырой туннель остался позади, Дэрри высунулся из-за плеча Гэриса, глядя на зрелище по другую сторону крепостных укреплений.

Да. Здесь все было иначе. Дома были нарядными, выложенными из белого камня, самое малое по два этажа, и перед каждым домом имелась зеленая лужайка, а иногда и маленький парк. Улицы тут были широкие, почти совершенно чистые, без всякого следа выливаемых помоев. Улицы окаймлялись деревьями, так что казалось, будто едешь по тенистой аллее. На перекрестках и площадях красовались искусно сделанные статуи, изображавшие воинов в боевой броне и красивых женщин — наверно, угодивших сюда прямиком из каких-нибудь преданий. А впереди виднелись огромные замки, окруженные тенистыми скверами, и эти замки, как догадался Дэрри, являлись резиденциями самых знатных и богатых благородных домов. В одном из тех замков жил сам король. И люди ходили по здешним улицам не такие, как внизу — прехорошенькие девицы в не по осени легких платьях и кавалеры в пышных нарядах, обязательно при оружии. В какого из прохожих не ткни — наверняка тут же вылезет родословная на десять веков.

— Ну что, — в голосе Гэриса Фостера читался самый искренний интерес, — зрелище, наверно, немного непривычное?

— Я не в деревне вырос, милорд. У нас в городе тоже были особняки аристократов. Просто здесь они самую малость пороскошней, — Дэрри старался отвечать равнодушно, но на самом деле он был действительно впечатлен. Юноша во все глаза смотрел, как мимо плывут украшенные замысловатой лепниной фасады и проезжают изрисованные гербами кареты. Смотрел он и на людей, которые наверняка никогда не знали нужды или голода.

Большинство домов в этой части города были построены еще в давние годы, может быть даже до легендарной войны чародеев, некогда вихрем пронесшейся по земле — и потому отличались прихотливым изяществом, несвойственным современной эпохе, архитектура которой тяготела к прямым линиям и куда менее вычурным формам. Старинные особняки, ставшие достоянием ныне здравствующих дворянских фамилий, содержались в отменном порядке, разительно контрастирующем с царящим в Нижнем Городе запустением. Фронтоны многих зданий были украшены тонко вырезанными скульптурами людей и

фантастических животных. Все это служило напоминанием о давних днях — пока маги не предали разрушению все, сделанное до них, и не погрузили материк в смуту.

— Каэр Сиди, цитадель короля, — сказал Гэрис, глядя на вздымающиеся прямо у них на пути стены и башни. — Основан две тысячи назад, в Великую Тьму. На старом языке Каэр Сиди значит — Вращающийся Замок. В те времена, если верить легендам, его башни раз в каждые сутки медленно поворачивались вокруг своей оси, лицом к разным сторонам света. Ибо возводили их волшебники при помощи своих заклинаний. Но теперь эти башни уже давно не вращаются, да и перестроили их с тех пор сотню раз. Дом Грейданов владеет этим местом уже четыре столетия, а до того кто им только не владел. Гляди, Дэрри, вот с этих вот камней начался Эринланд.

— Мать моя женщина, — выдохнул Дэрри, поднимая глаза на встающую до самых небес крепость, неожиданно оказавшуюся очень близко.

Стены королевской цитадели были даже выше внешних городских укреплений. Но Дэрри и отсюда, снизу, хорошо видел стоящие на широких парапетах фигуры. Множество маленьких фигурок. Лучники и арбалетчики. Несут дозор и всегда готовы наспиговать стрелами любого, кто придется им не по душе. И в бойницах башен, надо полагать, засели они же. Юноша почувствовал, словно его прямо сейчас держат под прицелом. Да оно так наверняка и было. Стража готова выстрелить во всякого незваного гостя, подъезжающего к крепости, если получит на то приказ. Весело, а вот если представить, что у кого-нибудь там наверху палец зачесется? Вышло бы неприятно — тем, кто ходит вниз.

Подъемный мост над окружавшим цитадель рвом (этот ров никто и не подумал засыпать землей) был опущен, и стража стояла подле него — воины в доспехах и в красных плащах с белым быком на них, гербом королевского дома. При виде Гэриса солдаты скрестили копья. Вперед выступил немолодой мужчина, держащий шлем на сгибе локтя — очевидно, офицер. Лицо у него было хмурое и костистое, волосы серые, а надбровные дуги — широкие.

— Представьтесь, ваша милость, — сказал он, — и сообщите, по какой надобности явились к нашим воротам.

— Представлюсь, коли вам так угодно, — откликнулся Фостер. — Сэр Гэрис Фостер. Вы слышали обо мне, ничуть в том не сомневаюсь. Я победил вчера на Большом турнире — сразил лорда Фэринтайна. Я приехал сюда с позволения его величества, для беседы с сэром Транном. Извольте, пожалуйста, проводить меня к нему. К сэру Транну.

Офицер чуть приподнял брови — очевидно, ему не очень понравилось услышанное. Это было даже немного странно, памятуя о том, что говорил Гэрис против своего обыкновения очень вежливо. Может быть, подумал Дэрри, дело здесь не в словах Гэриса, а в его взгляде, или в голосе, или какой-то еще ерунде наподобие. Некоторым людям очень хочется нагубить вне зависимости от того, что именно они говорят.

— Сэр Марик Транн, — сказал офицер, — сэр Марик Транн, помнится, упоминал, что вы явитесь. Был у нас с ним такой разговор. Вернее, он сказал, явится рыцарь с таким именем, которым вы сейчас назвались — вот его слова, если приводить их дословно. С меня будет довольно вашего слова чести, что вы и вправду тот самый знаменитый сэр Гэрис, а вовсе не какой-то самозванец, выдающий себя за него, чтоб проехать в крепость.

— Вам будет довольно такой малости, как мое слово чести? В самом деле? — Дэрри не видел лица Фостера, но не сомневался, что тот сейчас улыбается. — Рад слышать, милейший. Вот тогда вам мое наичестнейшее слово чести. Клянусь жизнями всех моих

родичей, я и в самом деле сэр Гэрис — сэр Гэрисом родился, сэр Гэрисом умру. Теперь вы пропустите меня к сэру Транну, или мне придется съездить в церковь в своем родном графстве, найти там приходскую книгу с записью о моем рождении, привезти сюда и показать вам?

— Это было бы излишне, ваша милость, — поджал губы офицер. — Щит разве что еще покажите.

— Натте вам, — Гэрис продемонстрировал страже треугольный тарч, на котором художник в одной лавке Нижнего Города намалевал с неделю назад расколотый молнией дуб. — Любой бывавший на турнире бродяга, — прибавил Гэрис, — подтвердит вам, именно под этим гербом дрался Гэрис Фостер, когда выбил из Эдварда Фэринтайна всю его эльфийскую дурь. Какие-то еще свидетельства подлинности моих слов вам предоставить?

— Это было бы совершенно излишне, ваша милость. Тилли, проводи лорда Фостера к капитану, — бросил офицер одному из своих солдат. Тот стукнул себя кулаком по нагруднику, сказал следовать за ним и направился в замок.

Гэрис направил коня следом, благо остальные стражники изволили расступиться, пропуская гостей. Когда конь проезжал по мосту, Дэрри поглядел вниз, в заполненный водой ров, и задумался, какие рыбки водятся в здешних водах. Сесть бы тут и порыбачить — он уже забыл, когда в последний раз брал в руки удочку. Говорят, в рвах при замках часто держат особенных рыб, зубастых и злых. Такие рыбы очень не любят сваливающихся к ним людей и всегда рады чего-нибудь у людей отодрать, руку или ногу. Поймать бы пару штук таких да зажарить.

Внутренний двор Вращающегося Замка размерами превосходил Большой Брендонский рынок раза в два. Весь двор был застроен одноэтажными и двухэтажными домами, почище чем городской квартал, а между ними в обилии расхаживали люди, как дворяне, так и прислуга. Не иначе, то были всякие складские и казарменные помещения, да прочие пристройки.

Гэрис спешил, и юноша последовал его примеру. Тилли, парень, выглядевший на год или два младше самого Дэрри, но уже весь одоспешенный, сказал Фостеру, не забыв перед тем поклониться:

— Идите за мной, милорд. Я отведу вас к сэру Марику Транну, в его кабинет.

— Ты это уже говорил, так что веди наконец. А ты, Дэрри, оставайся здесь. Пригляди за конем.

— А что, могут спереть? Коня вашего.

Гэрис не ответил, только почему-то хлопнул оруженосца по плечу — у того аж челюсть отвисла с подобных нежностей. Затем Фостер отвернулся и направился вслед за этим Тилли. Дэрри поймал себя на том, что чешет в затылке. Нет, к странному же все-таки человеку ему довелось попасть в услужение. Иногда злится ни за что, иногда поощряет откровенную наглость. Может, Фостер просто повредился рассудком на своих войнах? Дэрри вздохнул и, перехватив поводья, принялся ждать. Вряд ли сэр Гэрис вернется так уж скоро, он ведь пошел на прием к важному господину, а такие дела быстро не делаются. Сначала положено подождать в приемной до вечерней зари, потому как приняв гостя сразу, важный господин тотчас утратит добрую треть своей важности. Хотя этот сэр Транн по чину человек военный, а у них, может, таких заморочек и нету.

Спустя какое-то время Дэрри вспомнил про наказ вооружиться, полученный им от своего господина, достал из седельной сумки ножны с мечом и в самом деле препоясался

ими. С оружием он почувствовал себя как-то совершенно иначе — немного непривычно, что ли. На него то и дело оглядывались, и это тоже добавляло неудобства. Одно дело, когда тебе подмигивают, проходя мимо, миленькие служанки — этим всегда можно улыбнуться в ответ или помахать рукой. Совсем другое, когда зыркают мрачные мужчины в латах.

Дэрри присел на корточки, решив, что едва ли сильно оскорбит этим чьи-то чувства. Вскоре, однако встал — ноги принялись затекать. Прошло с половину часа, а Гэрис все не появлялся, и Дэрри уже было решил, что пора начинать скучать, как вдруг случилось нечто, разом отменившее всякую скуку.

Эта тройца спустилась с крыльца напротив. Три юноши лет около восемнадцати, каждый из которых был одет в нарядные костюмы — синих и зеленых цветов у одного, красный и голубой у второго, бело-черный у третьего. Один был светло-рус, второй имел каштановую масть, что же до третьего, тот был черноволос. Первого юношу звали Томас Свон, второго — Джеральд Лейер, а третьего Дэрри видел впервые. Первые двое встретились Дэрри на Большом турнире, были, как и он сам, оруженосцами и, в компании еще троих молодых людей, намяли ему бока. В тот день Дэрри разгуливал еще без меча, и потому господу Свон и Лейер не стали обнажать своих клинков. Как они сказали, недостойно вооруженным людям сражаться с безоружным, а потому просто побили его кулаками.

Сегодня Дэрри был при мече и было это очень плохо. Удрать, покуда не заметили, он не мог — не бросать же чертову лошадь. Он не боялся драки, но и неприятностей не хотел, а если эти парни его заметят, неприятности обязательно случатся.

Парни его заметили — Свон дернул губами, так у него, надо полагать, выглядела улыбка, а Джеральд обернулся к своему черноволосому спутнику и что-то прошептал. Тот коротко ответил, и вся тройца направилась напрямиком к Дэрри. Ну что ж, делать нечего, придется разговаривать. А затем, очевидно, драться, потому что ничем иным, кроме драки, такие разговоры закончиться не могут. Это понятно, даже когда разговор еще не начался.

— Утро доброе, благородный лорд, — Томас Свон поклонился, — позвольте пожелать вам доброго здравия и всяческой удачи. Мы никак не рассчитывали встретить вас, сэр Дэрри, в этом месте. Как в этот час, так и в любой другой.

— Я не лорд. И не сэр.

— Это мы знаем не хуже вашего, — ответил Свон невозмутимо, — мне лишь было любопытно, сочтете ли вы нужным поправить меня или же посчитаете это излишним. Насколько мне известно, люди вашего круга бывают склонны приукрашивать свое происхождение и статус. Это позволяет избежать неловкости, естественной для них при попадании в пристойное общество. — Свон говорил очень спокойно и негромко, чуть опустив подбородок, и даже в его глазах Дэрри не мог прочесть насмешки, хотя и знал, что она там есть. — Насколько понимаю, вы здесь потому, что здесь ваш хозяин?

— Мой сеньор, — поправил его Дэрри, — хозяева бывают у крепостных, а я вольный человек.

— Никогда бы не подумал об этом, глядя на вас. Я много раз встречал подобных вам, проезжая по владениям моего отца. Эти люди исправно работали на полях, выращивая и собирая урожай, и никому из них не приходило в голову дерзости заниматься делами, несвойственными их природе. Должно быть, они были умнее вас — в той, разумеется, степени, в которой простолюдины вообще могут обладать умом.

Дэрри поглядел на остановившуюся в нескольких шагах от него тройцу. Свон

распинался, очевидно полагая себя очень остроумным, двое его спутников молчали. Джеральд при этом явно был раздражен, а по темноволосому ничего толком понять было нельзя. Этот остролицый парень в черном камзоле и белом плаще стоял чуть в сторонке, прищутив глаза и положив ладонь на рукоятку меча. Черный камзол и белый плащ... Конечно, цвета Фэринтайнов — черное, белое и еще серебро. Серебряный единорог в черном круге на белом поле, вот их герб.

Вряд ли этот мальчишка родственник сэра Эдварда, разве что не по прямой линии. Ведь иначе у него были бы серебряные волосы и эти жуткие глаза, что кажутся то фиолетовыми, то голубыми, то синими — не поймешь. Все настоящие Фэринтайны, говорят, пошли в одну масть. Но скорее всего, этот парень просто состоит у них на службе. Вместе с герцогом на турнире присутствовал оруженосец, и вроде бы как раз с темными волосами, но вблизи на него Дэрри посмотреть не смог и лица не запомнил. Может, это он и есть?

— Что с вами случилось, позвольте осведомиться? — Свон приподнял брови. — Осмелюсь спросить, неужели вас постигло страшное несчастье, и вы запомнили человеческую речь? Прежде вы обращались с ней куда как более ловко.

— Нет, человеческих слов я не забываю, не вчера с гнезда выпал, — Дэрри вновь оглядел эту троицу. Пока говорит только один, но если дойдет до драки, в нее вступят все сразу — это уж непременно. Как-нибудь вывернуться и замять дело? В конце концов, вряд ли на него станут нападать просто так, посреди крепостного двора, на виду у всей здешней публики. Так что если он сам, Дэрри, того не захочет, никакой потасовки не случится. Правда, тогда весь Таэрверн будет знать, что оруженосец Гэриса Фостера — трус, и этому оруженосцу ни один человек руки не подаст. И это уже совсем никуда не годится.

— Милейший Томас, я просто задумался о всяких-разных вещах, — выпалил Дэрри. — Например, я задумался о вас. Вы ведь держитесь очень напыщенно, как я заметил. Ходите, весь такой очень важный, и разговариваете очень медленно. С вашей многозначительности блевать просто тянет. Не могу понять одно — отчего бы это? Может все потому, что вы вашему почтенному отцу, графу Свону, приходите всего лишь третьим сыном? Вот и пытаетесь всем доказать, что вы все-таки графский сын, а не поваренок.

И вот тут-то лицо Томаса Свона дрогнуло. У Свона дернулась щека — прилично так дернулась. Это была первая трещина в той манерной маске, которую третий сын графа Свона пытался носить, и Дэрри поздравил себя с победой.

— Вы, сударь, возможно недавно к нам приехали и не понимаете, как обстоят здесь дела, — начал было Томас, но Дэрри тут же перебил его:

— А чего мне прикажете не понимать? Старший из ваших братьев унаследует титул и земли. Среднему придется похуже, но если будет исправно махать мечом на войне — тоже не пропадет. А вот вы, Томас — последний в очереди. Родись вы, ну предположим, девицей, вас бы могли замуж выдать. Чтоб породниться с каким-нибудь другим домом. Хоть какая-то польза с вас была, а так и ее нету. И пристроить некуда, и со двора гнать жалко. Когда ваш отец на вас смотрит, он наверно все думает — ну на хрена мне этот Томас сдался? Не дробить же владения ради вас, а то еще претендовать начнете. Странно, что он вас в монастырь не отдал. Разговариваете складно, готовый священник. Может, еще пойдете туда? Рыцаря из вас пристойного все равно не получится. Я вижу это по вашим глазам. Вы не воин и не воин, вы просто болтун. А на мне вы просто отыгрываетесь.

— В самом деле? — на Томаса было посмотреть страшно. Казалось, он сейчас зашипит или укусит, как потревоженная кошка, которой случайно наступили на хвост. — Неужто вы

думаете, будто вам с вашего свиного хлева может быть что-то известно на мой счет? Не много ли вы о себе возомнили, дорогой смерд? Откуда вам знать, какие из детей благородного графа Тобиаса Свона приносят больше пользы семье, а какие меньше? Вы на нашем пороге могли бы разве что просить милостыню — а вместо этого рассуждаете о моей семье с таким видом, будто вам о ней что-то известно.

— Так ведь и вы так рассуждаете про меня, — усмехнулся Дэрри.

— погоди, Томас, — Джеральд Лейер, доселе молчавший, ухватил своего приятеля за рукав, — что ты в самом деле, не позорься. Распинаешься перед грязным животным, будто оно способно тебя понять. Это существо... как его звать? Кличка навроде собачьей, никак не вспомню. Это животное и говорить с нами недостойно. Куда уж нам с ним спорить.

— Недостойно с нами говорить, ты считаешь? — переспросил Свон, наконец забывший о всяком самообладании. — Истинная правда. Оно недостойно говорить со нами, но оно нас внимательно выслушает.

Томас высвободил руку и сделал шаг к Дэрри. Вот теперь на его лице была нарисована настоящая злость, это чувство Дэрри не спутал бы ни с каким другим. Можно было поклясться — Томас бы сейчас с удовольствием выхватил меч и насквозь проткнул им обидчика. Если бы решился пойти на убийство на глазах у стольких людей. Но кто ж на такое решится. Дэрри чувствовал настоящее удовольствие, наблюдая за охватившими юного эринландского лорденьша чувствами. Он пробил брешь в броне своего противника, и это было прекрасно.

— Послушай меня хорошенько, — сказал Томас, — ты, сучье отродье, сейчас за свои слова ответишь. Ты выхаркнешь эти слова кровью на мои сапоги. Никто не позволял разговаривать тебе с высокими лордами в подобном тоне. Я покажу тебе, как стоит держаться перед господами, ничтожество.

Дэрри с размаху залепил ему пощечину. Джеральд Лейер бросился вперед и выхватил меч — но остановился, потому что острое клинка, который Дэрри уже держал в руке, уперлось третьему сыну графа Свона прямо в грудь. Томас скосил глаза — посмотреть на нежно ласкающую дорожную ткань его камзола сталь.

— Ты назвал мою мать сукой, — сказал Дэрри, — за это я вызываю тебя, Томас Свон, за поединок. Я никому не позволю так говорить о моей матери. Она была достойной женщиной. Более достойной, чем ты, мразь, можешь себе вообразить. Так что отвечать за слова придется тебе, не мне. И тебя, Джеральд Лейер, я тоже вызываю на поединок. Ты назвал меня животным. А я не животное, я человек, изволь запомнить. Еще я вызываю на поединок вас, господин в цветах Фэринтайнов. Нечего вам скучать без дела, пока я буду разбираться с вашими приятелями. Я буду драться с вами, со всеми сразу или по очереди, смотря как получится. Но не прямо сейчас, — Дэрри опустил меч. — На нас уже смотрят, нечего привлекать внимание. Назначьте время и место, там и встретимся.

Томас и Джеральд переглянулись. От них обоих словно жар исходил, и Дэрри почти мог почувствовать этот жар. Да, этим двоим не терпелось теперь с ним разобраться.

— Сегодня, — сказал Джеральд. — Вечером. На мосту через Веду, в Жестяном квартале — когда часы пробьют пять после полудня. Приходи один. Если не придешь — мы найдем тебя и придем кинжалами к стене.

— Я приду. Главное, чтобы мне не пришлось долго ждать. А то вдруг забудете или испугаетесь. Ладно, неважно. Мы встретимся, а сейчас, господа, подите прочь. Я стерегу коня моего лорда, и мне неприятно ваше общество.

Первым ушел Свон — потрянул светлым волосами, развернулся, взметнув синим плащом. Томас был эффектен, и, наверно, наслаждался этим. Джеральд просто плюнул Дэрри под ноги, знатно выругался и последовал вслед за другом. Зато черноволосый юноша в черном камзоле и белом плаще, за весь разговор не проронивший ни единого слова, задержался. Он подошел к Дэрри и встал лицом к лицу, внимательно изучая. Глаза у этого парня оказались очень темные.

— Ты прекрасно фехтуешь, раз вызвал сразу троих на бой, — сказал он. — Или просто идиот. Я буду знать точно — в пять вечера или вскоре после того. — Он слегка пожал плечами. — Мы не были друг другу представлены. Я — оруженосец сэра Эдварда, того самого, которого одолел вчера твой господин. Меня зовут Гленан Кэбри, наследник графов Кэбри.

Дэрри вдруг сделалось не по себе от этих слишком спокойных манер. Он кивнул:

— Хорошо. Мое имя ты слышал. Дэрри. Фамилия — Брейсвер. А титула нет, как ты понял.

— Я это понял, — сказал Гленан. — Но теми, кто мы есть, нас делает вовсе не титул, а кое-что другое, поважнее титула. Надеюсь, ты понимаешь это так же хорошо, как и я. До встречи в Жестяном квартале, мертвец, — он сделал шаг назад, развернулся и пошел прочь, догонять своих спутников. Дэрри остался совсем один, не считая коня. Теперь можно было дожидаться возвращения Фостера, который что-то уж совсем задержался. Можно было даже сесть на уже успевшие нагреться камни, опереться спиной о стену и подремать. Выспаться минувшей ночью так и не получилось. То невинность терял, то в голову всякая дрянь лезла. Теперь, наверно, самое время покемарить.

— Господи, — сказал Дэрри коню сэра Гэриса, — я идиот.

Глава четвертая

Верно говорят, чем человек моложе, тем горячей его кровь и дурней голова. Это относилось к самому Гэрису, каким он был еще пару лет назад, это относилось к Дэрри с его бесподобной смесью нахальности и наивности, это вполне относилось к мальчишке по имени Тилли, что должен был проводить Гэриса к капитану королевской гвардии. Мальчишка этот так и плясал по лестнице, перепрыгивая через ступеньки, тараторил без умолку и все косился на Гэриса через плечо. Видать, его сильно воодушевляло, что рядом с ним вышагивает аж сам герой давешнего турнира. Гэрис почти не слушал всю ту ерунду, что тараторил его спутник — больше оглядывался по сторонам. Каэр Сиди совсем не изменился с того дня, как он был здесь в последний раз. Это был старый замок, построенный еще в темные годы, в дни Великой Тьмы — до начала записанной истории, когда миром правили фэйри, а разрозненные осколки человеческого рода носило по свету, словно листья на ветру.

Возле массивных дубовых дверей, ведущих в кабинет сэра Марика Транна, Тилли с внезапной нерешительностью остановился.

— Дальше вас ждут, лорд Фостер, — сказал он, потупившись. — Простите, если много болтал. Просто вы такой герой...

— Никакой я не герой, парень, — сказал Гэрис со вздохом. — Я просто один воин, победивший другого. Все воины побеждают друг друга. Это в порядке вещей. Тренируйся почаще — и сам таким станешь.

Распровавшись с провожатым, Гэрис Фостер переступил порог, закрывая двери за собой — и замер. Шторы были задернуты, большая комната куталась в полумраке, но даже этого полумрака хватало, чтоб разглядеть, что в массивном кресле, стоящем спиной к окну, сидит вовсе не сэр Марик Транн.

— Ваше величество, — сказал Гэрис и замолчал.

— Мое величество, — согласился Хендрик Эринландский. — Идите сюда и садитесь, Фостер. Хочу наконец увидеть вас вблизи.

Гэрис послушался приказы и сел. Ноги едва гнулись. Он опустил в кресло, стоящее прямо напротив того, в котором расположился король. Хендрик выглядел слегка невыспавшимся, и от него немного разило хмелем, но взгляд владыки Эринланда оставался ясен и тверд.

— Вам чего налить? — спросил Хендрик. — Вина? Виски? У сэра Марика еще есть хороший бренди. Я думаю, он не станет возражать, если мы немного возьмем.

— Простите, ваше величество, я не привык, чтоб мне выпивку наливал король.

— Так ведь никто не привык, — ухмыльнулся Хендрик совсем по-мальчишески. — Так вы будете бренди, Фостер?

— Буду.

Хендрик Грейдан неторопливо поднялся, достал с верхней полки бутылку бренди и наполнил доверху два граненых стакана.

Пили какое-то время молча.

— Вы удивили меня, Гэрис, — признался король через несколько минут. — Явились из ниоткуда, разделались с моим великолепным кузенком. Я сам не понимаю, как согласился взять вас на службу. Будто в голове немного помутилось... От удивления, наверно. Но когда

удивление прошло, я задумался — может, вы шпион Клиффа? Он крепко зол на меня за эту весну, и я его даже в чем-то понимаю на этот счет. Я приказал о вас расспросить. Оказалось, вас помнят. И в самом деле всю жизнь воевали на юге, а весной явились на мой призыв... но ваш отряд, вроде бы, весь погиб у реки. В столице вас с тех пор не видели. Вы дезертировали? А может, вас взяли в плен и переманили?

— Ни одна гарландская тварь не брала меня в плен, — сказал Гэрис честно. — Я был серьезно ранен, могу показать под рубашкой шрамы, если не верите. Меня подобрала крестьянка. Ее звали Анна, и она живет на ферме недалеко от Стоунбриджа. Выхаживала все лето. Вы можете найти ее, но она подтвердит мои слова, — это тоже было правдой. Такая крестьянка в самом деле жила на ферме недалеко от деревни Стоунбридж, и, найди ее королевские прознатчики, она слово в слово подтвердила бы рассказанную им сейчас историю. Он никогда не видел эту крестьянку, но сила, пославшая его сюда, сказала, что позаботится об этом. — Когда я слегка оклемался, — продолжал Гэрис, — начал снова тренироваться. Я воин, ничего другого больше не умею. Всю жизнь с кем-то дерусь. И пью, в промежутках, — он приложился к стакану. — Я решил явиться к вашему двору. Я знаю, это было дерзко, проситься в вашу гвардию. Но я хорошо дерусь. Я верю, что я этого заслуживаю.

— Я потерял на этой войне двоюродного брата, — сказал Хендрик. — Вы знаете, каково это, терять брата?

— Я был единственным ребенком в семье, сэр.

— Тогда лучше вам этого не знать. Гилмор всегда был странноват, конечно. Как и все в его роду странноваты. — Король залпом выпил стакан, потянулся к бутылке, налил себе еще. Гэрис молчал. — Они с Эдвардом, которого вы вчера поколотили, были не разлей вода. Оба головой в своих книгах, в песнях, в старых преданиях. Гилмор иногда брэнчал на лютне. Но и с мечом тоже обращался хорошо. И он, и Эдвард — они часто ставили мне синяки. Вы знаете, что мы все трое происходим от сказочных эльфов?

Гэрис допил свой стакан.

— Я охотно про это послушаю. Но можете мне сперва обновить, ваше величество?

— А вы наглец, Фостер.

— Просто не хочу от вас отставать.

— Говорю же, наглец. — Хендрик наполнил бренди протянутый Гэрисом стакан. — Так вот, эльфы. В старину всем Севером правили сиды. Было это лет с тысячу назад, что ли. Они строили тут свои замки. Этот вот замок эльфийский. Был когда-то. Потом пришли люди, эльфам пришлось слегка потесниться. С ними было немало стычек. На западе, в Иберлене, так и вовсе настоящая война. Ну а здесь все закончилось тихо. Кто-то из сидов ушел, кто-то остался и смешался с людьми. Вот Фэринтайны — из тех, кто остался. Эльфийского долголетия у них, конечно, уже давно нет, но люди все равно их побаиваются. Они хоть и живут, как всякий смертный, и умирают в положенный срок, но выглядят все равно странновато. Я и сам Фэринтайн, по матери. Но Эдвард с Гилмором — вот уж кто олицетворял свой род во всем. Гилмор поменьше, правда. Гилмор был младше меня на пару лет, и я взял его под опеку. Он всегда был в походах, сопровождал меня везде, куда бы не посылал нас отец. Там он немного обтесался, стал не таким заносчивым. Мы часто с ним горланили солдатские песни и ходили в бордели. Он говорил, я научил его быть мужчиной. Пить, как мужчина. Драться, как мужчина. — Хендрик разгорячился. — Вы меня в этом поймете, Гэрис. Мужчина должен быть настоящим бойцом. А не изнеженным

аристократиком, пишушим стихи. Гилмор стал настоящим мужчиной. А Эдвард... Вы знаете, почему я взял вас к себе? Вы уделали его на глазах у всех. Я был рад, как ребенок. Согласитесь, он того заслуживает.

— Не мне об этом судить, ваше величество. Мой дед был простым лесником, а лорд Фэринтайн даже знатнее вас.

— Но вы судите. По глазам вижу. У вас злой взгляд, когда я его поминаю. Я и сам не знаю, как к нему относиться. Я доверял Гилмору, а Эдвард... Он как кусок льда. Мне холодно с ним разговаривать. У меня до сих пор нет ребенка, вы знаете? Это знает все королевство. За пять лет жена так и не родила мне ни сына, ни дочери. Советники говорят мне развестись с нею, но я люблю чертовку. Да и потом, вдруг дело не в ней, а во мне? В любом случае, мне было проще при мысли, что трон, если что, наследует Гилмор. А теперь его нет, все прибрал к рукам Эдвард. Даже хочет взять невесту Гилмора себе в жены. Не знаю, как бедняжка Гвенет на такое пойдет. Поймите, Фостер — мне не на кого опереться. Половина моих лордов кормят воронов у реки Твейн. Мой кузен, что был мне как брат, пал там же. Мой наследник — эльфийская тварь, и его глаза холодны как стекло. Я не знаю, можно ли вам верить, но мне вообще некому верить. А сейчас мне нужны верные люди. — Хендрик продолжал пить, его речь становилась все горячее, и было видно, что скоро бренди возьмет свое. — Я думаю, вам стоит это знать, Гэрис Фостер, раз уж вы будете носить мой герб на плаще. Вы очень вовремя сюда явились, мне как раз нужны хорошие воины. Я скоро пойду на Клиффа. Еще до Нового года. До первого снега. Я намотаю его кишки на свой топор.

Гэрису удалось сделать так, что и тени чувств не отразилось на его лице.

— Война только недавно закончилась, — сказал он спокойно. — Вы сами сказали, половины ваших лордов больше нет. Люди устали. И кто начинает войну осенью?

— Я начну, — сказал Хендрик с яростью. — Половина лордов мертвы, но живые — злей чертей. Я потерял на реке Твейн не только своего брата, но и свою честь. Клифф гнал меня, как охотник гонит оленя. Вы думаете, я забуду ему такой позор? Народ и без того болтает о слабом короле, что потерял свое войско. Нет, Фостер, так просто я этого не оставлю. Вы знаете, что было с моей королевой, когда я возвратился с войны? Она плакала, когда мы остались наедине. Она верила в меня, как в героя из сказки, а когда я вернулся домой, мой щит был помят, и левая нога едва волочилась. Я люблю Кэмерон больше жизни, и она снова будет мной гордиться. Мы выступим очень скоро, недели через две или три. Не больше, чем через месяц. Теперь я буду гнать Клиффа. Я верну наши земли, а потом заберу себе весь Гарланд без остатка. Я купил наемников. Они скоро явятся в город. Я потратил на это всю казну, но оно того стоит. Клифф еще меньше вашего ждет войны, и его армия тоже устала.

— Вы заключили с ним вечный мир, — напомнил Гэрис.

— Это просто дрянная бумажка. Я не первый король, который нарушит договор такого рода. Я не закончил эту войну, Фостер, но теперь уж я точно ее закончу. Вы поскачете в бой рядом со мной?

Гэрис подумал о двух битвах, что прошли у той проклятой реки, название которой они были вынуждены каждый раз вспоминать. Особенно о второй битве. О четырех днях безумия, и о земле, утонувшей в крови. Он видел много сражений, но это оказалось худшим из всех.

— Конечно, я буду с вами, государь, — сказал он. — Я приехал сюда не затем, чтоб

просиживать штаны в казарме, и мне всегда нравилась добрая драка. Вдобавок, мне тоже есть за что поквитаться.

— Вот это хорошие слова! — сказал Хендрик, опорожня второй стакан. — Думаю, мы подружмся. Я сейчас позову за сэром Транном, он покажет вам замок. Будете спать в казармах королевской гвардии, недалеко от моих покоев. Я слышал, при вас крутится какой-то оруженосец. Он вас устраивает? Если нет, могу подобрать другого. Есть на примете несколько крепких молодцов. Прикроют вас в бою.

— Спасибо, ваше величество. Не нужно. Дэрри — хороший парнишка. Он мне вполне подходит. Он сейчас ждет меня внизу, на дворе. Уже весь извелся, наверно.

— Ну, это вряд ли, — сказал Хендрик. — Я вот в его годы всегда находил, чем себя занять. Думаю, и вашему оруженосцу скучно не будет.

Скучно Дэрри и в самом деле не было. Вызов на бой трех знатных господ уж точно заставил его забыть о всякой скуке. Тем не менее, когда вернулся Фостер, Дэрри ни единым словом не обмолвился ему о своих неприятностях. Сэр Гэрис казался мрачным и чем-то больше, чем обычно, озабоченным.

— Хорошо поговорили с этим вашим сэром Транном, милорд?

— Я говорил не только с ним. Но разговор и правда оказался хорош, — ответил Гэрис достаточно сухо. — Пошли, покажу тебе, где будешь спать.

Казармы королевской гвардии располагались в одном из пристроенных к донжону флигелей, и было от них недалеко до приемного зала. Сейчас здесь было не очень многолюдно — как объяснил Дэрри Гэрис, большая часть этой почетной гвардии, бывшей отрядом личных телохранителей государя, полегла на войне. В живых осталось едва ли пятнадцать рыцарей, из прежней полусотни. Гэрис указал Дэрри жесткое ложе в общем зале, на котором тому предстояло спать.

— Не герцогские перины, — сказал он, — но тебе пойдет.

— Я спал и в худших условиях частенько. Спал на соломе, и на траве тоже спал, и совсем на голой земле. Этим меня не напугать, сэр Гэрис. Разрешите быть свободным на этот вечер? Очень надо.

Фостер очень внимательно на него посмотрел:

— Ты отлучался вчера, и отлучаешься сегодня. Видно, твоя барышня и впрямь хороша.

— Стефани хорошая девушка, врать не буду. Но иду я не к ней. Возникли срочные дела.

— У тебя могут быть какие-то дела, помимо моих дел? — Гэрис усмехнулся. — Ладно, иди, — он протянул оруженосцу золотой шиллинг. Удивительная щедрость — будто он и не давал денег еще вчера, на куртку. — Когда напьешься со своими друзьями, не забудь тост и в мою честь.

— Это уж непременно, милорд.

Жестяной квартал Дэрри нашел быстро. Населенный в основном ремесленниками, застроенный литейными и мастерскими, он расположился в среднем течении реки Веды, одного из притоков многоводной Тамры. Когда часы на Башне Ульрика пробили пятый час пополудни, юноша уже стоял посредине перекинутого над Ведой моста, и смотрел вниз, на то, как неспешно катятся темные воды. Он кутался в плащ. Ему было немного зябко и очень страшно.

Троица, которую он ожидал, появилась не сразу — они опоздали, наверно, минут на двадцать. Молодые люди появились из-за угла, и когда они вышли, то показались

оживленными и беспечными, будто пришли на дружескую встречу, а не на бой. Томас что-то оживленно доказывал Джеральду, активно жестикулируя, тот рассеянно кивал. Дэрри сжал зубы и положил ладонь на рукоятку меча.

— Ты не сбежал? — спросил Джеральд, когда молодые дворяне подошли поближе. — Я сделал ставку, что ты сбежишь. Зачем ты остался, дубина? Мы же тебя убьем. — Он и впрямь показался удивленным.

— Я сюда не болтать с вами пришел, — ответил Дэрри на это как мог спокойно. — Доставайте мечи, и за дело.

Он был очень рад, что под плащом не видно, как дрожат руки.

— Это крестьянское отродье, — задумчиво сказал Свон, — кажется не вполне понимает, что сначала нам нужно будет выбрать подходящий тихий переулочек. Никакой дурак не станет драться прямо на мосту.

— Один дурак точно станет, — сказал Дэрри громко и отчетливо. Он встал прямо напротив своих противников, снял плащ и обмотал его вокруг левой руки. Вытащил из ножен меч. — Делать мне нечего, бродить с вами по окрестным трущобам. Мы сделаем все здесь. Все равно прохожих нету. Я убью вас быстро, это мне труда не составит. А потом пойду и напьюсь — мой господин дал мне целый золотой шиллинг.

— Я вижу, — протянул Свон, — вы не только безродны, но еще и душевно больны. Лишь безумец станет вести себя подобным образом, находясь в таком меньшинстве.

— Скажите тоже, безумец. Просто я не трус, в отличие от вас.

На самом деле, несмотря на эти дерзкие слова, Дэрри было очень страшно. Он прекрасно понимал, что у него нет никаких шансов уйти отсюда живым. Именно поэтому он и старался говорить так самоуверенно, как только мог. Нечто подсказывало ему, что сегодня его бедовые приключения и закончатся — и тянуть с этим он совсем не хотел.

Собственные спесь и гонор казались теперь Гледерику ужасающе смешными. Но он действительно очень любил мать, и совершенно взбесился, когда молодой Свон обозвал его сучьим отродьем. Молодому Брейсверу показалось, этим аристократ как-то позорит честь его покойной матери. А может быть, — сказал себе вдруг Дэрри, — я просто за слово уцепился. Может, я просто был зол, что эти выскочки смеют поносить меня так, будто я и правда бездомный пес. Все же, у него тоже была гордость. Пусть и неочевидная для окружающих.

— Ну что? — спросил Гледерик. — Будем драться или вы здесь ночевать собрались?

На лицах трех молодых дворян при его словах отразились смешанные чувства. Джеральду, казалось, было смешно выслушивать подобную браваду, и он с трудом сдерживал усмешку. Томас, напротив, явно пребывал в возмущенных чувствах — и ему не терпелось справиться с дерзким простолюдином.

— Я дерусь с ним первый, — сказал он решительно. — Если убью, будем считать, расквитался и за вас тоже, — он двинулся к Дэрри, потянув из ножен клинок. Гледерик ожидал увидеть у противника шпагу, но это оказался тяжелый палаш одной стороной заточки, с широким лезвием и рукоятью без драгоценных камней.

Неожиданно, решил молодой Брейсвер. От такого павлина ждешь чего-то другого.

Томас Свон сделал шаг вперед, слегка сгибая колени. Он казался на редкость злым, и смотрел на противника едва прищурясь. Дэрри попробовал зеркально отразить его стойку, насколько у него это могло получиться, и вскинул меч в защитной позиции. Словно увидев в этом приглашение, юный аристократ метнулся к противнику и немедленно атаковал.

Томас ударил размахнувшись, с плеча, и вложил в сделанный им замах всю силу. Свистнула сталь, ударила закатным бликом в глаза. Свон легко сбил выставленный Гледериком меч — так резко, что заболели плечо и кисть, и молодой Брейсвер едва успел отступить.

Томас в ту же секунду вновь замахнулся, уже с другого плеча, и опять ударил. Бил он с яростью, особо не примериваясь — просто лупил в белый свет, зато от души. На этот раз Дэрри кое-как принял удар на гарду, чувствуя, как болит выворачиваемая рука. Его враг был силен и охотно своей силой пользовался, а сам Гледерик, хоть и учился фехтованию раньше, еще не совсем к нему приспособился и боевого опыта почти не имел.

Младший графский сын, обвиненный Гледериком в никчемности, усмехнулся — скорее уж хищно ощерился, и сделал своей кистью быстрое круговое движение. Меч вылетел у Гледерика из рук и покатился по мосту. Брейсвер хотел было кинуться за ним — но понял, что тогда подставит врагу спину.

Видя его колебания, Томас Свон рассмеялся. Не оставалось сомнений, что он сейчас торжествует и абсолютно доволен собой.

— У вас сейчас ровно два варианта для действий, мой дорогой помоечный друг, — сказал эринландский аристократ сладко. — Вы можете броситься бежать, и тогда я убью вас в спину. Вы можете стоять так, как стоите сейчас, и смотреть мне в глаза — и тогда я все равно вас убью. Но в момент смерти вы хотя бы обретете подобие человеческого достоинства.

Гледерик выдохнул, сжимая кулаки и чувствуя, как его всего трясет. Хотелось ругать себя за собственную глупость и нелепую гордыню, хотелось броситься улепетывать отсюда со всех ног, хотелось оказаться дома, поужинать — и чтоб ничего из событий последних двух лет не случилось вовсе, а отец предложил выпить немного вина и завел свои обычные пьяные рассказы. Ничто из этого, однако, не представлялось юноше сейчас возможным.

Кажется, моя песенка спета, и спета куда быстрее, нежели я хотел.

— Бейте, сударь, — сказал Дэрри ровно, — и бейте, как вам будет удобно. Я не побегу.

— Хорошо, — сказал Томас с удовольствием. — Ударю. Или может, — он чуть помедлил, — я уступлю эту честь кому-то из друзей. Ты ведь вызвал на поединок и их тоже. Джеральд, Гленан, что скажете? — он повернул голову, ища поддержки у друзей.

В этот момент случилось нечто не предугаданное до того никем. Гленан Кэбри, тот самый черноволосый юноша, что носил цвета герцогов Фэринтайн и недавно, на дворе Вращающегося Замка, назвал Гледерика не то смельчаком, не то безумцем, неожиданно сделал два шага вперед и встал рядом с Дэрри. Плечом к плечу с ним и лицом к собственным товарищам. Сделав это, он очень медленно вытащил меч и обратил его острием в грудь Томасу.

— Как это понимать, Глен? — оторопело спросил Томас Свон.

Наследник графов Кэбри пожал плечами:

— Этот человек храбр. Не знаю, какого он происхождения, но ему хватило смелости выйти против нас троих. Я с ним не ссорился, и не хочу, чтоб вы его убили.

— Я думал, мы с тобой друзья, — оторопело сказал Томас и, после короткого колебания, направил меч против товарища.

— Это ты так думал, а я просто пил с тобой за компанию, — голос Гленана был совершенно беспечен. — Все дело в деньгах твоих родителей, которые они тебе щедро дают на попойки, а не в тебе самом, Томас. От твоего заносчивого вида меня воротило уже давно.

К счастью, теперь я распрощаюсь с тобой, а потом напьюсь с молодым мастером Брейсвером на деньги его господина.

— Ты в этой жизни больше уже никогда не напьешься, это я тебе обещаю, предатель, — сказал Свон и бросился в атаку.

Он сделал глубокий колющий выпад, метя Гленану в горло, но тот легко закрылся. Мечи столкнулись с холодным скрежетом. Томас грязно выругался и с плеча нанес очередной размашистый рубящий удар в своем излюбленном стиле.

Гленан вновь поставил блок — сделал он это довольно легко, словно и не утруждаясь. Все эти приемы, похоже, не были для него чем-то непривычным. Еще бы — наверняка у него были хорошие учителя и долгие годы практики. Дэрри, даром что сам прежде почти не дрался всерьез, достаточно все же хорошо разбирался в фехтовании, чтобы понять — Свон владеет мечом намного хуже, чем Кэбри, и шансов на победу в этом бою не имеет. Противники замерли напротив друг друга, выжидая и меряя друг друга изучающими взглядами.

Сам Дэрри, хотя и подобрал свой меч, пока даже не пытался вновь вступить в схватку. Он слегка нерешительно посмотрел в сторону Джеральда Лейера — а тот внезапно пожал плечами и ухмыльнулся:

— Я против Глена драться не буду, и против того, кого Глен поддержал — тоже. Можешь на меня так не пялиться, — Лейер сделал шаг вперед, обходя сражающихся, и протянул Гледерику кожаную флягу. Тот, после короткого колебания, ее принял и сделал глоток. Виски показался горячим и крепким — он обжег пищевод, казалось, до самого желудка.

— Благодарю, — выдохнул Дэрри с усилием, опершись спиной о перила.

— Благодарить не стоит, — встал рядом Джеральд. — Лучше посмотрим, как Томас станет выкручиваться.

Шансов выкрутиться у Томаса оказалось немного. Он еще несколько раз, хищно ощерясь и глотая ругательства, попробовал атаковать Глена, но каждый раз натыкался на жесткую и уверенную оборону. Молодой Свон дрался горячо и был достаточно силен — но мастерства ему не хватало. Он был поспешен, и сражался не очень обдуманно, то и дело при выпадах открывая свой корпус. Окажись его противник настроен чуть более решительно и попытается нападать, а не защищаться, Томас непременно бы уже получил ранение, а то и два.

Гленан, в свою очередь, проявил себя как толковый боец. Он казался осторожным, осмотрительным, хитрым. Очертя голову вперед не лез — напротив, выжидал и изматывал противника. Все неприятельские наскоки молодой Кэбри отражал решительно, сам же экономил дыхание, старался лишней раз не открыться.

Гленан, по всей видимости, и прежде уже не раз сходил с Томасом в поединках, только учебных или дружеских — успел его хорошо изучить, знал манеру боя, и теперь этим знанием пользовался. Его собственные движения оставались экономными и скупыми, а Томас тем временем начал уже слегка уставать. Дыхание его делалось более тяжелым, удары порой запаздывали.

Наконец Гленан Кэбри сделал шаг вперед и с силой выбил у наследника графов Свон меч из рук. Тот отскочил назад, бешено вращая глазами.

— Убивать я тебя не буду, не бойся, — сказал Глен ему довольно холодно. — Моему отцу не нужен скандал с твоим отцом, а этот скандал непременно будет, если я доставлю тебе удовольствие снести твою голову с плеч. Убирайся отсюда, и чтоб я тебя больше не

видел рядом с нами.

Томас сплюнул на землю. Все утонченные аристократические манеры, казалось, оставили его совершенно бесследно.

— Мне жаль, что я с тобой водился, — процедил Свон. — Ты настоящая лживая мразь, совсем как твой сэр Эдвард.

Кончик меча Гленана чуть дрогнул.

— Я правда не хочу тебя убивать, — повторил Кэбри. — Иди, Томас. Не позорь себя больше, чем уже опозорил.

Черты лица Томаса исказила ярость. Казалось, он все же хотел бросить какое-то еще оскорбление — но пересилил себя, отвернулся и быстро зашагал прочь, даже не подобрал своего клинка. Дэрри спрятал оружие и посмотрел на Гленана.

— Кажется, я и впрямь должен угостить тебя выпивкой, — сказал он медленно.

— И ты это сделаешь, — кивнул Кэбри. — После этого мы будем в расчете.

— Заметано. — Дэрри перевел взгляд на Джеральда, молча стоявшего в стороне. — А вы, милорд? Кажется, вы тоже намеревались меня убить.

— Я все-таки не последняя скотина, — сказал Лейер очень серьезно. — Поступок Гленана пристыдил меня. Мы и впрямь повели себя недостойно, прицепившись к тебе. В конце концов, тебя взял к себе на службу Фостер, а этот человек вчера победил лучшего рыцаря королевства. Нам не нужно было тебя задирать.

— За тебя я, если что, платить не буду, — ответил Дэрри на эту тираду, опасаясь, что этот детина тоже решил поживиться его шиллингом. — Ты назвал меня животным.

— Не плати, — легко согласился Джеральд. — Мой отец не так беден, как отец Гленана, и я плачу за себя сам. Но и зла на меня не держи тоже. Я был дурак, и поддерживал Томаса зря. — Джеральд сделал шаг вперед и протянул Дэрри руку. После короткого колебания, тот ее пожал.

— В голове не укладывается, — сказал Дэрри, отворачиваясь и перевешиваясь через перила моста. От пережитого напряжения его замутило, и ему очень хотелось пересилить себя и все же не сблевать у всех на виду. — Я-то думал, что иду себя убивать — а вместо этого мне, кажется, предстоит хорошая попойка.

— Представь, что пьешь на том свете, в залах павших воинов, — посоветовал ему Гленан Кэбри с внезапным смешком. — Вдруг это тебя взбодрит.

Ночь пала черным саваном, накрыв собою мир. Город спал — спал напуганным, беспокойным сном. Дворцы знатных лордов и лачуги нищих — все они скрывались во мраке, скованные тревогой. Кое-где в ночи сияли огни — горели костры дозорных на верхушках башен, светились веселые окна харчевен. Но даже они не рассеивали окружающий мрак, а словно бы делали его более густым и полным.

Каэр Сиди и сам казался вылепленным из непроглядной тьмы. Гэрис прошелся по парапету западной стены, ища место, где был бы незаметен часовым. Вскоре такое место нашлось, в тени одной из башен — тех самых, что, по старым легендам, когда-то вращались, осматривая во все концы земли Эринланда. Фостер оперся о зубец стены и долго вглядывался в беспокойный мрак. Затем он отвернулся, достал из ножен кинжал, клинок с длинным волнистым лезвием, и полоснул себя по кисти левой руки. Тяжелые капли крови, набухая в воздухе, упали на холодные камни под ногами. Гэрис выдохнул и стал ждать.

Она вышла из тьмы, и походка ее была бесшумной, как и всегда. Ее рыжие волосы

казались вспышкой закатного пламени в непроглядной ночи. Ее голубые глаза горели серебряным светом северных звезд. Ее кожа была белее первого снега. Шлейф темного платья летел по воздуху. Прекрасная и холодная, госпожа Кэран, что звала себя Повелительницей чар, встала напротив своего верного рыцаря.

Гэрис преклонил перед ней колени.

— Моя леди, — сказал он, пряча глаза.

Рука чародейки легла ему на плечо:

— Встань, — сказала она. — Время для церемоний уже прошло или еще не настало. —

Подчинившись этим словам, Гэрис Фостер поднялся на ноги и спрятал кинжал. Чародейка провела рукой по его щеке, пристально вглядываясь в глаза, а потом отвернулась, рассматривая вздымающиеся вокруг башни. — Каэр Сиди, — сказала она задумчиво. — Если я и видела его раньше, то только издалека. Спасибо, что открыл мне дверь. Мне не хватило бы сил переместиться сюда самой, без твоей крови. Кровь открывает любые пути. Скажи, как тебе возвращение в родной город?

Гэрис слегка дернул правым плечом.

— Такая же грязная дыра, как и раньше. Ничего не изменилось. Нищие на каждом углу, вонь, уличные бандиты. Надменные лорды в своих чертогах, верящие, будто вокруг них крутится мир.

— И все же ты любишь этот город. Ты ведь так рвался сюда, мечтая скорее покинуть мой гостеприимный кров.

— Твой гостеприимный кров — подземелье, в которое не проникает ни единый лучик света. Я думал, что рехнусь там. Да я почти отвык от света за эти дни. До сих пор шурюсь на ярком солнце. Как ты можешь жить там и не сходить при этом с ума? Я все время чувствовал себя там погребенным заживо. Это же просто могила. Почему, Кэран? Чего ты так боишься? Почему просто не уйти оттуда?

Чародейка улыбнулась. Подошла к нему, взяв за руки:

— А почему ты так рвался вернуться в эту клоаку, где пахнет грязью и нечистотами, а люди глупы и невежественны? Это твой дом, а дом не выбирают. В него возвращаются, даже если он жалок или убог. Мой дом мало в этом смысле отличается от твоего. Думаю, ты понимаешь это и сам.

Гэрис и правда понимал. Кэран была волшебницей — возможно, одной из последних, оставшихся на земле. Она была молода, лишь недавно разменяла свою двадцатую зиму — но с детства училась у воспитавшей ее в глухомани матери секретам древнего колдовства.

Когда-то, много веков назад, подобных ей было много — чародеев, волшебников, повелителей потусторонних сил. Они правили городами и крепостями, и короли преклоняли перед ними колени. Люди и последние из фэйри, не ушедших в волшебную страну и смешавших свою кровь с человеческой, постигали тайны высшей магии. Эту историю знали все, кто интересовался повестями о былых днях. Историю о том, как однажды колдуны возгордились настолько, что стали бороться друг с другом ради абсолютной власти.

Война Пламени изранила землю. В ней пали почти все древние чародеи. Немногие выжившие не стали победителями — напротив, они сделались проклятыми тварями в глазах простого народа. Их сторонились и за ними охотились. Жгли на кострах. Некоторые предпочли отказаться от магии, сжечь свои книги и жить, как простые люди. Так сделали, например, первые герцоги Фэринтайн.

— Ты задумался о чем-то? — спросила Кэран, проводя рукой по его лбу.

— Так, ни о чем.

Он думал о тех днях, что пролежал, бессильный и разбитый, в подземной пещере, бывшей ее домом — а она склонялась над ним и своей магией пыталась вдохнуть в него жизнь. Тогда он едва понимал, где находится и что с ним происходит. Бредил. Бродил вдоль ворот смерти. Иногда приходя в себя, он видел над собой рыжеволосую девушку с холодным взглядом. Она касалась его горячего лба своими руками, и забытье слегка отступало.

— Я думала, — призналась волшебница, — ты нарушишь наш договор. Сбежишь и не дашь о себе вестей.

— Я бы не смог так сделать.

Он в самом деле не смог бы. Она сделала для него слишком многое. Много подарила и многое отняла. Он боялся ее и одновременно жалел. Порой Гэрис видел в ней не могущественную волшебницу, способную на вещи, недоступные прочим смертным — а одинокую девчонку, выросшую в глуши. Схоронившую мать, не знавшую отца, выросшую на преданиях о былой славе. Она выхаживала его от смертельных ран, измученного, еле живого. Без нее он бы погиб.

— Как твои успехи? — спросила Кэран. — Помимо того, что ты здесь.

Я победил на турнире. Расправился с Эдвардом. Сам не знал, что мне так повезет. — Гэрис нахмурился. — По-моему, он поддался мне. Понять бы еще почему... Затем я попросил Хендрика принять меня в свою гвардию. Ты ведь просила меня войти в его окружение, а гвардия — лучший способ добиться этого. Я попробовал оплести его чарами подчинения, как ты учила. У меня получилось, хоть я и провалялся потом без сознания целый час. Ты многого добился, — признала Кэран. — Я знала, что стараюсь не зря. Когда я нашла тебя там, у реки Твейн... Помню, ты лежал среди горы трупов, весь в крови. Жизнь едва теплилась в тебе. Я чудом почувствовала древнюю кровь, тогда еле теплую в твоих жилах. Я очень благодарна тебе. Ты дал мне шанс на исполнение моего плана.

— Это я должен быть тебе благодарен за спасение от смерти, — признал Гэрис. — Но я все равно не могу быть благодарен за это. — Он поднял руку и, в пояснение своих слов, провел ладонью по лицу. По тому самому лицу, с которым уже почти четыре месяца просыпался по утрам и засыпал вечером. Он коснулся пальцами надбровных дуг, выступающих вперед и тяжелых. Коснулся носа, что казался слишком большим и грубым, и массивного квадратного подбородка.

Чародейка перехватила его ладонь — и сжала его пальцы в своих.

— Я понимаю твой гнев, — сказала она мягко. — Я понимаю, что ты считаешь себя моим пленником, орудием моей воли. Но когда ты выполнишь то, о чем мы условились — я верну тебе твое лицо обратно. Ты сам понимаешь, что если бы я оставила тебе прежний облик — ты бы ни за что не смог выполнить ту миссию, что тебе предстоит. Это все лишь на время, и ты сам это знаешь.

Гэрис выдохнул. Злость, что было вскипела в нем, стала угасать, оставив по себе лишь привычное, немое равнодушие.

— Я все это прекрасно понимаю, можешь не объяснять. Что до миссии, о которой ты говоришь... Я разговаривал сегодня с Хендриком. Он и в самом деле начал мне доверять, похоже. Скоро он снова двинется в поход, как ты и предполагала. Хочет поквитаться с Клиффом за все.

— Очень хорошо, — сказала Кэран. — Я надеялась на это. Он поскачет к границе, и ты должен его сопровождать. Неважно, победит он или проиграет на этой войне — меня

устроит любой исход. Колесо года почти завершило свой оборот, мой рыцарь. Скоро Самайн, а за ним, до самого Йоля — время, которое принадлежит тьме. Грань между мирами тонка, как никогда, в эти дни. Лишь глупец начинает войну в такое время. Будет битва, и пролитая кровь потревожит завесу, делая ее еще более тонкой. Разрывая ее в клочья. Ты должен обязательно проследить, чтоб Хендрик выжил. Не отходи от него ни на шаг. Когда битва отгремит, ты приведешь его в развалины Каэр Сейнта и там убьешь. Оружием, что я дала тебе, — Повелительница чар коснулась рукоятки того самого кинжала, которым Гэрис пролил свою кровь, призывая ее сюда. — Надеюсь, твоя рука не дрогнет.

— Хендрик был моим королем, — сказал Гэрис хрипло. — Он был мне ближе брата.

— Он начал войну, которая едва не погубила тебя. Он тщеславен и глуп. Я едва спасла тебя, а теперь ты защищаешь своего убийцу?!

— Я сам был таким же, как он. Когда мы ехали на эту войну, мы только и делали, что мечтали о подвигах и воинской славе. Сколько раз Клифф ходил набегами на наши окраинные графства! Не мы начали эту войну, но мы могли ее закончить. Когда я приехал сюда, я был готов убить его за поражение, которое он на нас всех навлек. Собственными руками вырвать сердце у него из груди. Но сегодня я говорил с ним. Он тот же человек, которого я всегда знал. Я не смогу так с ним поступить.

— Сможешь, — голос Кэран сделался тверд, и холоднее полярной звезды был ее взгляд. — Когда я отпускала тебя, ты желал отомстить — так дай этой мести исполниться. Хендрик слаб и глуп. Он не может командовать армией и вести войны. Один раз он уже покрыл себя позором. Он виновен в том, что ты едва не погиб. Он алчет только славы, и погубит твое королевство. Покончи с ним — и распорядись этим королевством сам. Приведешь ты гарландцев к рабскому ярму или заключишь с ними мир — в любом случае ты сделаешь это мудрее и правильнее, чем он. Ни один воин не должен служить такому государю, как этот. Ты доставишь Хендрика в Каэр Сейнт, в самые темные дни самого темного времени года, и пронзишь его сердце зачарованной сталью.

Ты хорошо рассуждаешь тут о всеобщем благе, — сказал Гэрис с ядом, — но не станем забывать, что в первую очередь тобой движет желание сделать лучше для себя.

— Как и всеми нами, — кивнула Кэран. — Каэр Сиди — великое место Силы. Его построили повелители эльфов, будучи на вершине могущества. Стоя здесь, я ощущаю дальнейшее эхо этой Силы, и неправильно оставлять ее спящей. Кто владеет Вращающимся Замком, тот владеет миром. Я знала и прежде, что это могучее место — но сейчас его мощь сводит меня с ума. Моя мать, и моя бабушка, и сотня поколений до них скрывались в глуши и безмолвии — но пришло время нам всем выйти из тени. В Каэр Сиди вступали на престол Владыки Холмов — а в Каэр Сейнте находятся их усыпальницы. Хендрик рожден от древней крови, он Фэринтайн по матери — и он был коронован во Вращающемся Замке, как законный владыка этой земли. Ты должен принести его в жертву. Там, среди усыпальниц государей, куда более великих, чем он сам. Нити заклинаний связывают оба этих замка. Когда кровь Хендрика Фэринтайна прольется на жертвенный алтарь — ворота откроются, завеса падет, и древние силы будут свободны. Я заберу их себе — все, без остатка. По праву наследства я ношу титул Повелительницы чар — но это лишь пустое название. Когда ты исполнишь свой долг, самые сильные чары мира и впрямь будут мои.

— Если Хендрика лишила разума жажда славы, то ты куда безумней его, — пробормотал Гэрис.

Когда он только начал выздоравливать, Кэран сказала ему, что отправит его обратно в

Каэр Сиди. Что у нее есть для него важная миссия, и для исполнения этой миссии ему придется убить своего короля. Тогда Гэрис горячо согласился на это условие. Он был безумно зол на Хендрика и видел в нем причину всех своих бед. Ненавидел его, сам бредил мстостью. Однако теперь его решимость ослабла. Он не был уверен, что желает стать палачом, ведущим собственного сюзерена на бойню.

Езжай в Таэрверн, — сказала она ему тогда, провожая в дорогу. — Найди Хендрика. Войди ему в доверие. Призови меня — я смогу придти к тебе в любое место, в котором ты прольешь древнюю кровь этим клинком. Тогда я расскажу тебе, что делать дальше.

— Ты безумна, — повторил Гэрис.

— Я всего лишь та, кто я есть. Я прячусь в темных подземельях и пещерах, пока невежественные глупцы распоряжаются судьбами народов. Я учу тебя магии, потому что верю — ты один из немногих, кто ее достоин. Мир создан для нас и таких, как мы, а не для жалких дураков, опьяненных тщеславием. И мы возьмем этот мир себе. Ты будешь распоряжаться людьми, а я — силами, что превыше людей. Но мне нужна твоя помощь, ведь и у моих возможностей есть пределы. Сама я не смогу завлечь его в нужное место. Ты должен мне помочь. — Кэран подошла к нему и прижалась. Обхватила его шею руками, запечатлела на губах поцелуй. Гэрис ответил на этот поцелуй — сначала почти нехотя, потом со все большим жаром. Он считал ее безумной — и одновременно любил. Наверно, они оба были сейчас немного безумны.

— Отринь сомнения, они делают тебя слабым, — сказала Кэран. — Пожалуйста. Я умоляю тебя. Я провела годы в своем одиночестве, пока ждала кого-то, кто сможет мне помочь. Ты тот самый человек. Без тебя я не справлюсь, а я должна справиться. Ради наших предков, ради нашего общего наследия. Магию нельзя оставлять спящей — мы должны вернуть ее миру. Убей Хендрика, а потом я верну тебе твое лицо и отдам трон. Нам обоим, Гилмор Фэринтайн, пора занять причитающееся нам место.

— А ты славный малый, — сказал Джеральд Лейер, отпивая вина. — Я сперва думал, ты плебей и трус.

— Спасибо на добром слове, — проворчал Дэрри.

— Нет, правда. Сам знаешь, людей судят по первому впечатлению, а на турнире ты показался мне проходимцем. Сеньор твой непонятно откуда взялся, к тому же. Теперь я понимаю, что вы храбрые ребята — оба.

— А мне сначала было все равно, — пробормотал Гленан. — А потом надоело смотреть, как Томас всех вокруг задирает.

— Как вы вообще сошлись с этим уродом? — спросил Дэрри.

— У него богатый отец, — пояснил Гленан, — а моя семья давно разорилась. Живя в столице, ты либо находишь себе покровителя, либо идешь ко дну.

— Однако, ты нашел в себе смелость послать его в пекло.

— У меня все же осталась честь. Хоть какая-то.

Они остановились в корчме Ни нашим, ни вашим, расположенной на полпути между Жестяным кварталом и Верхним Городом. Было здесь попримечнее, чем в заведении матушки Фролл, но все-таки не совсем уж прилично. Было здесь грязновато, тревожно и шумно, в воздухе пахло пьяными кутежами и шальным весельем.

— И в такие места ходят дворянские сынки? — спросил Дэрри, скосив глаза в сторону бандитского вида компании, галдящей подле очага.

— Ты очень многого не знаешь о дворянских сынках, поверь, — сказал ему Гленан.

— Охотно верю. Сам ведь я не дворянский сынок.

— Раз уж речь зашла, — вставил Джеральд. — Мне показалось, ты отзываешься о людях благородного сословия с неприязнью, почти с презрением.

— Есть такое. И в самом деле отзываюсь, — спокойно согласился Дэрри. — Люди благородного сословия презирают простолюдинов навроде меня. Вот и приходится платить им той же монетой.

— И твой лорд не оттаскает тебя за уши за подобную дерзость?

— А он никакой не лорд. Его дед был лесником, а отец получил рыцарское звание за воинскую доблесть. Сэр Гэрис грубоват, но зато не чванлив.

— А ведь знаешь, — сказал ему Джеральд, — и мои предки сто двадцать лет назад были простыми солдатами. В нашей стране почти не осталось древней аристократии. Лишь несколько фамилий, связанных кровными узами с фэйри или с королевским домом. Большинство старых семей либо обеднело, — он бросил быстрый взгляд в сторону Гленана, — либо пресеклось в войнах. Последнюю сотню лет Эринланд только и делал, что воевал. Теперь любой храбрец может стать лордом — если повезет, конечно.

— Именно об этом, — усмехнулся Дэрри, — я и думал, когда сбежал из дома.

Гленан и Джеральд оказались вовсе не такими уж плохими ребятами, как казалось Гледерику поначалу. С ними нашлось, о чем поговорить и какие байки пересказать, и держались эти юные дворяне уже гораздо менее заносчиво, чем при первом, неудачном с ними знакомстве. Джеральд знал, как выяснилось, уйму забавных и непристойных историй из жизни местного высшего света, и охотно их пересказывал, порой, кажется, ради пущей

выразительности слегка привирая. Гленан все больше помалкивал — иногда, впрочем, вставляя в разлагольствования Джеральда язвительные комментарии. Сильно разговорчивым отпрыск графов Кэбри не казался — но это было вызвано, кажется, скорее природной замкнутостью характера, нежели аристократическим высокомерием. И Гленану, и Джеральду сделалось, кажется, уже совершенно наплевать на происхождение их нового товарища.

Молодые люди проторчали в корчме еще чуть больше двух часов, начав с сухого красного вина и продолжив темным пивом, а потом Джеральд заявил, что его ждут в другом месте, и откланялся. Он при этом едва держался на ногах, его ощутимо пошатывало. Как объяснил Джеральд, направлялся он к девушке. Дэрри мысленно пожелал сыну барона Лейера не свалиться по дороге ни в какую канаву.

— В какую таверну двинемся теперь? — спросил Дэрри Гленана, застегивая плащ и надевая перчатки.

— Ни в какую. Возвращаемся в Каэр Сиди, там и разживемся выпивкой. Это если ты, конечно, не хочешь завтра днем очнуться в какой-то грязной луже без кошелька и сапог.

— Точно. Я ведь и забыл, что у меня теперь имеется кошелек. Хотя если мы продолжим так кутить, — Дэрри хмыкнул, — опустеет он быстро. Раньше ведь, знаешь, — сказал юноша почти с вызовом, — это я срезал кошельки с подвыпивших лордиков наподобие тебя.

— Чем только не приходится заниматься нам в нашей жизни, — проявил редкостную невозмутимость юный Кэбри. — Я и сам, когда дома шаром покати, думал — а не податься ли мне из дворян в разбойники.

Дэрри и Гленан, как были пешком, направились в королевский замок, поднимаясь крутыми улицами Верхнего Города. Ночь выдалась темная и почти беззвездная, и в ней было почти ничего не видать. Редкие фонари освещали дорогу, и в редких окнах горел свет. Погода окончательно испортилась, было промозгло и сыро. Голова у Дэрри слегка кружилась — отчасти от усталости, отчасти под влиянием выпитого.

— А твоя семья правда совсем разорилась? — спросил он Гленана.

— Почти совсем, — ответил тот спокойно. — Дед занимался торговлей, но торговля сейчас захирела — а поместья наши были разорены последними войнами. Отец продал больше половины имений, и думает, не продать ли оставшиеся. У нас только фамильный замок остался, да и тот скоро придет в запустение.

— Но ты служишь у Фэринтайна.

— Лорд Эдвард ценит старую кровь. Ему проще взять на службу такого, как я, нежели богатого выскочку вроде Томаса.

— И какой он, твой лорд? — любопытствовал Дэрри. — Правду говорят про Фэринтайнов, что они не совсем люди?

— Об этом я бы не стал рассуждать с какой-то определенностью, — помедлив, все же ответил Гленан. — Лорд Эдвард необычный человек, с этим я не могу поспорить. Но если ты намекаешь, не занимается ли он колдовством — нет, ничего такого я своими глазами не видел.

— Жаль, — сказал Дэрри чуть сонно и споткнулся. — Хотел бы я увидеть настоящего колдуна, хоть раз.

Стражники у ворот Каэр Сиди пропустили их почти без проволок, лишь только признали в Гленане наследника графов Кэбри. Только лишь старый сержант что-то проворчал им в спину на предмет беспечности молодых гуляк, и пожелал не нарваться в

следующий раз на уличных бандитов.

Оказавшись на пустынном по ночному времени крепостном дворе, Дэрри хотел уж попроситься со своим новым приятелем и сказать, что дорогу к казармам найдет как-нибудь и сам — как вдруг его внимание привлекли крики и звон стали, доносившиеся от дверей главной башни замка.

— Погляди, — сказал Дэрри, хватая Гленана за рукав, — там вроде какая-то заваруха.

— И правда, — Кэбри потащил меч из ножен. — Пошли разберемся!

На ступенях, ведущих к дверям донжона, и в самом деле шел бой. Несколько десятков вооруженных людей напирала на стражников, бешено размахивая мечами и крича. Свет факелов озарял темноту. Пропел арбалет — и один из воинов, оборонявших вход в башню, упал замертво. Остальные плотнее сдвинули свои ряды. Выглядели они решительно, но уступали врагу числом. Проклятье, — пронеслось в мыслях у Дэрри, — да что здесь случилось? Гости совсем перепилились после турнира, и теперь дерутся друг с другом?

Не мешкая и не рассуждая, Гленан Кэбри взбежал вверх по ступеням и атаковал нападавших с тыла. Гленан вмешался в происходящее с такими невозмутимостью и решительностью, как если бы стычки подобного рода были во Вращающемся Замке в порядке вещей. Графский отпрыск пронзил мечом спину одному из атакующих, тут же высвободил оружие и ранил другого неприятеля в ногу, чуть повыше икры. Неизвестные враги, кем бы те ни были, начали оборачиваться к Гленану лицом, поднимая оружие.

— Дуралей потешный, ты ж теперь готовый мертвец, — в сердцах проворчал Дэрри, обнажая клинок. — И я тоже мертвец, по всей видимости, — добавил юноша и, отчаянно ругаясь, побежал на помощь к приятелю. Голова все также немилосердно кружилась, ступеньки самым подлым образом норовили убежать из-под ног — но руки, по крайней мере, держали меч достаточно твердо.

Юноша не в первый уже раз возблагодарил старого солдата, изрядно натаскавшего его в фехтовальных делах, и ткнул клинком в первого попавшегося противника. Тот, облаченный в легкие доспехи крайне ловкого вида боец, немедленно парировал и тут же контрактировал. Дэрри кое-как блокировал оказавшийся весьма сильным удар и едва не свалился с лестницы. Взмахнул мечом по восходящей линии — и вонзил его неприятелю в грудь. Мертвец рухнул к его ногам. Я все-таки не совсем бездарь, — подумал юноша с немалым облегчением.

Дэрри с Гленаном встали плечом к плечу, против пятерки развернувшихся к ним врагов.

— Нас убьют, — сказал Дэрри. — Мы уже, считай, покойники.

— Значит, — ответил Гленан, парируя едва не пришедшийся ему в горло выпад, — умрем как герои.

Умирать, однако, им в тот раз не пришлось. Спустя минуту со двора подоспели еще солдаты, и, присоединившись к Дэрри и Гленану, начали теснить нападавших. Осмелев, Дэрри бросился в атаку. Он проткнул насквозь одного противника, и едва успел высвободить оружие, пока другой не снес ему голову с плеч. Тряхнул головой, чтоб волосы не падали на глаза, встал поудобнее.

Люди, с которыми сражались Гледерик и Гленан, были облачены в основном в кольчужные рубахи либо обшитые металлическими бляхами кожаные куртки, и дрались отчаянно. Многие лица в толпе нападавших показались Дэрри смутно знакомыми — не иначе замечал их уже прежде того, где-то в городе, а может и сегодня днем на здешнем дворе. У юноши всегда была хорошая память на лица. Он покрепче сжал рукоятку меча, отражая очередной выпад. Крутанул кистью, скользя лезвием своего клинка вдоль лезвия

чужого, и тут же сделал укол, выбрасывая вперед плечо. Противник извернулся, сбил его оружие своим — и Гленан, сделав шаг вперед и пригнувшись, тут же всадил ему свой собственный меч под ребра.

— Что здесь за помешательство происходит? — спросил Гленан у командира стражи. — Откуда эти господа вообще взялись?

— Да бес его знает, ваша милость, — отозвался тот, едва перевел дыхание. — Собрались толпой и напали, когда я отказался пропускать их в башню. Наглые, как черти, и такие же злые. Я сначала решил, они просто пьяны и хотят помахать оружием потехи ради — ан нет, действовали явно с умыслом.

— Это ведь все гости турнира, не так ли? — спросил Гленан, осматривая мертвецов. — Я узнаю нескольких, шатались здесь в последние дни. В замке, кажется, идет сейчас пир?

— Да, ваша милость. Его величество собрал сегодня много гостей. Хотел отметить окончание турнира. Проклятье! Если это было спланировано кем-то заранее, внутри могут оказаться еще негодяи вроде этих. Нужно предупредить короля.

— И в самом деле нужно. Пойдемте!

Внутри замка, как оказалось, тоже шел бой. Пиршественный зал сделался ареной настоящего побоища. Дэрри увидел Эдварда Фэринтайна — тот дрался против трех противников сразу, сам вооруженный длинный мечом и кинжалом. Гленан бросился на помощь своему господину, и Дэрри последовал за ним. Те оказались застигнуты врасплох подоспевшей к Фэринтайну подмогой. Дэрри успел обменяться несколькими ударами с доставшимся на его долю противником, пока Эдвард и Гленан легко разделались со своими. Не желая сильно отставать от них, Дэрри стремительно взмахнул клинком, сделал финт и проткнул неприятелю живот.

— Сэр Эдвард, — Гленан коротко поклонился, — я в вашем распоряжении, и мастер Брейсвер — тоже.

— Я думал, вы с мастером Брейсвером собрались встретиться для смертного поединка этим вечером. А от вас разит вином, и вы оба живы. — Герцог Фэринтайн улыбнулся. — Хендрик сегодня раньше обычного удалился в свои покои. Я думаю, эти мерзавцы желают прорваться туда. Не дадим им этого сделать.

Герцог двинулся к ведущей на верхние этажи донжона лестнице, созывая к себе солдат. Вскоре его окружало уже несколько десятков гвардейцев. Встревоженные, хмельные, они тем не менее послушно исполняли приказы своего господина, шедшего впереди отряда. Глава Дома Серебряного Единорога казался решительным и строгим, будто не был ничуть удивлен неожиданной атакой. Вокруг валялись мертвецы. Дэрри успел заметить, что в бою полегло немало гостей и слуг, как если бы нападавшие убивали всех, кто оказался на их пути.

На лестнице врагов оказалось больше всего. Эдвард Фэринтайн бросился прямо на них, без промаха разя мечом. От его ловкости захватывало дух. Герцог двигался стремительно и изящно, и почти каждый сделанный им выпад оказывался смертоносен. Атакуя мечом, блокируя вражеские выпады кинжалом, сэр Эдвард стремительно продвигался вперед и вверх. Казалось, ничто не может его остановить. Стремительный, ловкий — совсем как тогда на турнире, только сейчас он убивал. Потомок высоких фэйри поднимался по лестнице стремительным шагом. Вот сразу четверо противников попытались встать у него на пути. Прежде, чем эринландские гвардейцы успели бы на помощь своему господину, тот уже выбил клинок из рук у одного из врагов, кинжалом ранил в бедро второго, тут же мечом

отразил атаку третьего, немедленно ударив его в голову наотмашь, и насмерть поразил четвертого.

Дэрри и Гленан едва поспевали за герцогом Фэринтайном, а тела убитых врагов валились им прямо под ноги.

— Твой лорд и впрямь не человек, — выдохнул Дэрри. — Люди так хорошо не дерутся.

— Вот увидишь, — сказал ему Гленан, — я и сам однажды буду драться как он. Всему можно научиться.

— Надеюсь. Потому что мне аж завидно стало.

В зале, ведущем к королевским покоям, они увидели Хендрика Грейдана. Тот был в одной ночной сорочке, и бился, вооруженный огромным двуручным топором. Длинные русые волосы разметались у короля по плечам, лицо было искажено гримасой ярости.

— А, Эдвард! — закричал он при виде кузена. — Поди сюда, пока я не прикончил всех этих подонков сам!

Фэринтайн ворвался в толпу. Молниеносные выпады клинка, стремительные развороты, алая кровь, хлещущая на холодные плиты пола. Дэрри и сам успел зацепить нескольких врагов. Он мог гордиться собой — в конце концов, прежде сражаться на пьяную голову ему еще не случалось. Дэрри как мог орудовал мечом, стараясь уворачиваться или закрываться от вражеских ударов. Рядом с ним сражались Гленан Кэбри и королевские гвардейцы. Пару раз солдаты прикрыли Дэрри от вражеских атак, в другой раз он и сам кого-то прикрыл. Хмель уже выветрился у него из головы, и он старался биться сосредоточенно и аккуратно, со всей возможной внимательностью. Юноше не хотелось быть ни покалеченным, ни тем более убитым, а в этой беспорядочной свалке и та, и другая опасность представлялись ему вполне реальными.

Он в оба глаза наблюдал за своими противниками, и, стоило тем хоть на секунду замешкаться или открыться, спешил нанести удар. Главное было — правильно выгадать момент. Иногда Гледерик стремительно приседал, подныривая под неприятельскую оборону, иногда выкидывал руку в уколе, до боли напрягая плечо. Голос сержанта Томаса, обучавшего его драться, так и звенел в ушах, переругивая за оплошности и нерасторопность, когда совершить смертоносный выпад все же не получалось. Защищался юноша кинжалом, принимая сыплющиеся со всех сторон удары на его закрытую гарду.

Прошла, наверно, четверть часа, прежде чем схватка закончилась. Почти все нападавшие были мертвы, кроме одного, которого взяли живым, выбив у него оружие из рук.

— Ваше величество, — Дэрри увидел Гэриса, протолкнувшегося сквозь толпу, — рад, что вас не зацепили.

— Фостер! Почему так поздно пришли? — Хендрик пнул сапогом одного из покойников. — Вы пропустили самое веселье. Еще раз опоздаете — я разжалую вас из гвардейцев, и убирайтесь тогда на край света.

— Я дышал воздухом на стене, — сообщил Фостер спокойно, — когда услышал со двора крики. Явился сюда, как только смог прорваться. Мне пытались помешать, — в подтверждение своих слов он продемонстрировал окровавленный клинок.

— Так и быть, прощаю, — сказал король. — Многих мерзавцев вы уложили?

— Человек десять или пятнадцать. Я не считал. А вы, сэр?

— А я считал, — широко улыбнулся Хендрик. — Тринадцать. Хорошее, по-моему, число. Я хотел как раз уединиться со своей королевой, когда услышал из коридора крики. Эти подлецы убили троих моих добрых воинов, прежде чем я подросел. Кэмерон! — крикнул

король, развернувшись к своим покоям, — мы убили всех, кого требовалось, будь спокойна! Я скоро приду, — он обернулся обратно к Гэрису Фостеру и лорду Фэринтайну. — Нужно допросить пленного. Гэрис, держите кинжал у горла поганца, а я буду говорить.

Фостер без колебаний послушался приказа.

— Ну что, — спросил Хендрик Грейдан, глядя пойманному убийце прямо в глаза, — заговоришь сразу? Если нет, прогуляемся до моих казематов. Там найдутся дыба, тиски, железная дева, тарагонский сапог. С чего нам лучше будет начать, как ты считаешь?

Пленный бестрепетно встретил взгляд эринландского короля.

— Меня не нужно пытаться, — сказал он спокойно. — Скрывать мне нечего. Меня послал сюда мой государь, лорд Клифф из дома Рэдгаров. Он передает тебе привет, Хендрик Грейдан, и говорит, что если ты хочешь поквитаться за реку Твейн, он будет ждать тебя у своих границ. Он убьет тебя там, а потом возьмет приступом Вращающийся Замок и женится на твоей прекрасной жене.

— Вот значит как, — сказал Хендрик тоже на удивление спокойно. — Не одному мне, выходит, являются дурные мысли. Что ж, мы с Клиффом всегда были сделаны из одного теста. Как тебя зовут? — спросил он пленного.

— Я Питер из Уорвика, сквайр, — пожал он плечами. — Зачем ты спрашиваешь, король? Мертвецам имена ни к чему.

— Ты храбрец, Питер Уорвик. Вздумай ты юлить, я бы приказал повесить тебя, или отрубить голову, или четвертовать. Говоря по правде, я не знаю, какую именно казнь бы предпочел. Но ты говорил мне дерзкие вещи прямо в лицо, и потому я прощаю тебя. Посидишь пока в темнице. Когда война закончится и Гарланд станет частью моего королевства, я пожалую тебе баронство или даже графство. Ты это заслужил. Стража, уведите его!

Солдаты увели Питера Уорвика. Король, герцог Фэринтайн, Гэрис Фостер и два оруженосца, Гленан и Дэрри, остались в разгромленной зале одни. Дэрри посмотрел на трупы, что валялись здесь и там под ногами, и подумал, что вряд ли когда-нибудь привыкнет к виду мертвецов. Его мутило.

— Вы все слышали, господа, — сказал Хендрик все так же неестественно спокойно. — Клифф захотел моей крови, а я уже давно хочу его крови. Значит, чья-то кровь неизбежно прольется.

— Ваше величество, — поклонился Эдвард, — позвольте мне говорить.

— Позволяю. Хотя когда-нибудь я прикажу тебя казнить. Я ненавижу твою манерность.

— Простите, я был хорошо воспитан моим отцом, и, в отличие от моего брата, не смог это воспитание преодолеть, — Эдвард сказал это невозмутимо, глядя в побелевшее при этих словах лицо короля. — Я знаю, сэр, вы хотели бы, чтоб у реки Твейн остался лежать мертвым другой Фэринтайн. Но небеса рассудили иначе, и раз я теперь ваш наследник — позвольте мне высказаться.

Рука короля сжала рукоять топора:

— Я же уже разрешил. Говори наконец, и будь проклят.

— Может, и буду однажды. Ваше величество, я не меньше вашего озабочен судьбой королевства. Наша армия слаба, наши воины устали, а лучших из них нет в живых. Рэдгар прекрасно знает все это, а еще он знает ваш нрав. Потому он и подослал в Каэр Сиди убийц. Он желает спровоцировать вас. Он встретит вас на хорошо подготовленных позициях и разгромит. После этого он действительно сделает с королевой Кэмерон то, о чем грозился.

— Не впутывай сюда мою жену, ублюдок, — сказал Хендрик.

— Вы впутываете ее сами, отправляясь на войну, с которой не вернетесь живыми. Я прошу вас, мой король — подождите. Скоро зима. Клифф не станет атаковать зимой, и отойдет от границ. Тем временем я разошлю гонцов. В Иберлен, Лумей, Падану — во все сопредельные Гарланду королевства. Мы создадим настоящий союз. Пообещаем разделить Гарланд на несколько частей, если они вступят в войну на нашей стороне. Когда у нас будет коалиция, мы отомстим за прежнее поражение. Через год или два. До тех пор Клифф не осмелится сам напасть, а потом он окажется загнан в свою берлогу.

— Обращаться к надменным лордам Иберлена, что едят с серебряных тарелок? К паданским вырождакам, готовым предать родного отца? Они все потребуют золота за свои услуги. Лучше я распорядюсь своим золотом иначе. Я уже договорился с хорошими солдатами из Озерного Края, и скоро они придут в Таэрверн. Мы выступим после Самайна, и сразимся с Гарландом в честном бою.

— Этот честный бой закончится вашей смертью, — сказал Эдвард прямо.

— Вы считаете меня плохим воином, Фэринтайн?

— Вы хороший воин, Грейдан, — губы сэра Эдварда чуть дрогнули. — Но во вражеской армии — в три раза больше хороших воинов, чем вы можете собрать. Я не хочу надевать вашу корону после вашей смерти. Пусть лучше вам наследует ваш сын, когда родится.

— Да, — сказал Хендрик с наконец прорвавшейся яростью, — вы не хотите рисковать, и потому предлагаете обратиться к интригам, подкупу и коварным посылкам. Я и в самом деле сожалею, что у реки Твейн погиб не тот Фэринтайн. Будь здесь Гилмор, он бы меня поддержал. Фостер, чего вы молчите? Выскажитесь наконец. Вы поддерживаете меня или этого эльфийского лорденьша?

Сэр Гэрис пожал плечами.

— Я не король, и вряд ли им стану когда-нибудь. Решаете здесь вы. Но ваши решения мне по душе. Отправляйтесь на войну, и я поскачу на нее вместе с вами.

— Вот слова настоящего мужчины, — Хендрик подошел к Гэрису и крепко пожал ему руку. — Я не жалею, что взял вас в свою гвардию. В бою вы будете драться по правую руку от меня, как дрался бы Гилмор, а Эдвард — по левую, потому что ничего большего он не заслужил. Сейчас я покину вас, милорды. Моя королева напугана, и я желаю ее успокоить. Точите мечи — они скоро вам понадобятся.

Король развернулся и скрылся в своих покоях.

Какое-то время все собравшиеся молчали. Наконец лорд Эдвард сказал:

— Я вижу, вы пришли к нему по душе, сэр Гэрис. Я снова чувствую себя так, как чувствовал всю жизнь. С моим братом они тоже были неразлей вода.

— Скучаете по нему? — спросил Фостер со странным выражением лица.

Герцог Фэринтайн помедлил, прежде чем ответить.

— О мертвых принято либо молчать, либо говорить правду, — вымолвил он наконец. — Я предпочту быть искренним. Мы плохо ладили с Гилмором, и чем дальше, тем хуже. Гилмор слишком восхищался Хендриком. С годами он стал бездумным и жестоким. В последний наш разговор мы поругались. А теперь Хендрик обезумел от желания отомстить за него и, видимо, хочет погубить королевство.

— Вы трус, герцог, — сказал Гэрис ему резко. — Да простится мне такая прямота, но вы трус. Я не удивлен, что победил вас в бою. В вас нет мужества.

— Вы победили меня в бою, — ответил Эдвард ему ровным тоном, — потому что я

поддался вам, сэр Гэрис. Мне безразличны победы на турнирах, я не настолько тщеславен. Просто стараюсь набраться опыта с разными противниками, потому и принимаю участие в такого рода забавах. Я встретил воина, который достойно владел мечом, и не видел ничего зазорного в том, чтоб уступить ему первенство. Теперь, когда вы знаете это, ваша спесь немного убавилась?

Около минуты Гэрис смотрел на лорда Фэринтайна молча, не говоря ни слова. Дэрри сделалось не по себе. Он скосил глаза в сторону Гленана, и увидел, что тот тоже встревожен.

— Я думаю, нас скоро рассудит война, — сказал Гэрис сухо. — Не забудьте на нее явиться. Война — не турнир, на ней и умереть можно. Дэрри, пошли отсюда. Почистишь мою одежду и оружие, — Фостер решительно двинулся к лестнице, ведущей вниз.

Дэрри чуть помедлил, прежде чем идти за ним следом. В ушах у него чуть звенело — слишком много удивительных событий вместил в себя закончившийся день. Внезапные враги, становящиеся внезапно товарищами; слишком много выпитого после заката вина и слишком много мертвецов, валяющихся под ногами после полуночи. Безумный, сумасшедший день. Конечно, именно на что-то подобное Гледерик и рассчитывал, когда сбегал из родительского дома, однако реальность превзошла самые смелые его ожидания. Ссорящиеся короли и герцоги; дерзкие рыцари и наемные убийцы; королевства, сцепившиеся в смертельной вражде. Все как в отцовских побасенках, рассказанных у камина.

Юный оруженосец задумчиво посмотрел на Эдварда Фэринтайна и Гленана Кэбри, и затем сказал:

— Гленан, рад знакомству с тобой. Надеюсь, мы станем хорошими друзьями. Как увидишь Джеральда — передавай привет, и скажи, что он многое пропустил. Лорд Фэринтайн, вы самый умный человек в этом королевстве. Обычно такие люди долго не живут, так что будьте, пожалуйста, осторожней. Мое почтение, господа, — и он побежал вслед за Гэрисом Фостером, размышляя, какие еще заботы и хлопоты приготовила им всем судьба в дальнейшем.

Те солдаты с востока, что согласились сражаться на стороне Хендрика, явились через пять дней. Две тысячи воинов, и командовал ими капитан, назвавшийся Остромиром. Это был рослый мужчина лет сорока, носивший черные доспехи. Волосы у него были полностью седые, перетянутые на лбу обручем из черного серебра. Гэрису этот человек сразу понравился — настоящий вояка, опытный и закаленный в боях. На языке северных королевств Остромир говорил с легким акцентом.

— В ваших землях, я слышал, последнее время спокойно? — осведомился Гэрис.

— С тех пор, как Ильмерград заключил договор с великим князем — и в самом деле спокойно, — подтвердил чужеземец. — Это вы, на западе, режете друг друга без конца и без смысла. Что остается честному воину в такие дни? Податься к вам. Это лучше, чем охранять торговцев из Арэйны или Чины.

— Здесь вы не заскучаете, — посулил Гэрис. — Мой король платит звонкой монетой, а драка предстоит жаркая.

— Судя по тому, что я слышал — и в самом деле жаркая, — согласился Остромир. — Сэр Фостер, вы вроде не обделены умом. Объясните, какого лешего происходит в добром Таэрверне? Даже с моим отрядом ваш замечательный король набирает едва ли десять, ну может быть двенадцать тысяч бойцов. И это считая солдат из Либурна, чью службу он также оплатил. Клифф Рэдгар может выставить против вас пять тысяч конницы и двенадцать, если не пятнадцать тысяч пехоты. На что вы надеетесь?

— На удачу, — пожал Гэрис плечами. — И на добрые мечи.

— Это не ответ. Ваш король может и рехнулся, но почему вы здесь? Вы вольный человек, как и я. Зачем вы к нему примкнули?

— Я дрался на прошлой войне, — сказал Гэрис, — и мне нужно мстить за товарищей. А зачем здесь вы, если у вас здравомыслия на полк стряпчих?

— Я солдат удачи. И я верю в древних богов моего народа. Они забирают к себе воинов, павших в сражениях, пока трусы, умершие в своей постели, отправляются в другие, куда менее славные чертоги. Ваш король уже заплатил мне, так что внакладе я не останусь. Или попаду в чертоги героев, или останусь транжирить королевское золото на земле. Но я хочу понять, что движет людьми, вместе с которыми я буду воевать.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

— Я свои причины уже назвал, — сообщил ему Гэрис. — Мечь, и к тому же, мне нравится ваша история насчет чертогов героев. Может и я найду там себе место. Сэр Остромир, у меня к вам есть просьба.

— Я не сэр. У нас нету рыцарей, как у вас. Только князья и воины, и все воины равны между собой.

— Тогда и вы зовите меня просто Гэрис, без сэра. Остромир, я буду откровенен. Мой король и в самом деле немного безрассуден. Он потерял минувшей весной брата, и это помutilo его разум. Я пойду за ним в бой, однако меня тревожит, чем этот бой может закончиться. Я в самом деле сомневаюсь в успехе нашего дела. Может быть, нам придется спешно покинуть поле боя — и спасти короля. Вы поможете мне сопроводить Хендрика в безопасное место, если дело пойдет неладно?

— Конечно, — сказал Остромир. — Ваш король, простите за прямоту, напоминает мне обожравшегося ядовитых грибов берсерка. Были такие на севере в давние дни. Я за его армию не отвечаю, но мой отряд уж точно разбит не будет. По крайней мере, какая-то его часть. Я помогу вам вывезти Грейдана с поля битвы, если дело пойдет скверно.

— Хорошо, — кивнул Гэрис. — Рад видеть умных людей в этом бедламе.

— Взаимно. Я ожидал худшего, когда ехал сюда.

Гэрис отстраненно подумал, что поход, затеянный Хендриком, действительно смахивает на самоубийство. У Клиффа и впрямь куда больше солдат, и достаточного количества наемников, чтоб сравняться с врагом по силам, король Эринланда раздобыть так и не смог — показала дно казна, да и немногие захотели связываться с его безумными планами. Командиры вольных отрядов — люди осторожные и здравомыслящие, и нужно в самом деле верить в Вальхаллу, чтоб принять предложение Хендрика. Но Гэрис не мог допустить, чтобы Хендрик сложил голову от вражеского меча или стрелы. Кэран ясно озвучила свои условия — принесение в жертву государя древней крови в священном месте взамен на получение Гэрисом короны Эринланда и возвращение ему подлинного обличья.

Он уже привык к своему нынешнему имени. Гэрис Фостер звучало не так уж и плохо. Начал привыкать к чужому лицу — и все же хотел, разумеется, вернуть себе собственное. Гилмору Фэринтайну пора было уже восстать из мертвых.

И все же миссия, которую Кэран поручила ему, вызывала у Гэриса недоверие и опаску. Он понимал, что успех ее зависит от соблюдения слишком многих случайностей. Добиться того, чтоб Хендрик не погиб на войне и привести его в развалины Каэр Сейнта — уже это будет непросто. Но сложнее всего будет убить того, кого считал своим лучшим другом. В прежние годы Гилмор Фэринтайн и Хендрик Грейдан и впрямь были неразлей вода. Они много раз прикрывали друг другу спину в сражениях. Они оба не находили общего языка с Эдвардом, зато сами стали дружны, как родные братья. Разумеется, Гэрис был зол на Хендрика за ту неудачную войну, которую тот затеял — но услышав приказ Кэран его убить, понял, что не знает, готов ли к этому. Хендрик был дураком, конечно. Он обезумел от уязвленной гордости — но все же он был его другом.

Совсем другое дело — Эдвард. Гэрис сожалел, что не Эдварда Кэран повелела принести в жертву. Эдвард говорил разумные вещи, предостерегая Хендрика против смертоубийственного осеннего похода, и все же чем дальше, тем больше он вызывал у Гэриса ярость.

В один из дней Гэрис повстречал в замке леди Гвенет Уортон, девушку, что была его невестой в те дни, что он еще звался Гилмором Фэринтайном. При встрече он глубоко поклонился ей:

— Мое почтение. Леди Гвенет, если не ошибаюсь?

— Не ошибаетесь, — улыбнулась она. — Я давно заметила вас, еще с Большого турнира. Вы теперь всюду следуете с Хендриком, и он привечает вас. Вам оказана большая честь, лорд Фостер. Не уроните ее.

— Просто Гэрис, с вашего позволения. Миледи, обещаю — у короля Хендрика не будет оснований разочароваться во мне. Я слышал, ваш прежний жених погиб у Реки?

Гвенет Уортон потемнела лицом:

— Погиб, да. Я почти не знала лорда Гилмора. Мой отец хотел выдать меня за него, чтоб объединить наши дома. Когда он погиб — меня сосватали за лорда Эдварда.

— Миледи, — Гэрис поклонился, — обещаю, что в предстоящей битве я отомщу за

вашего покойного жениха.

— Милорд, — она казалась слегка удивленной, — простите, но мой жених жив. Лорд Эдвард проводит со мной много времени. Он очень добр и заботлив. Я не знаю, каким человеком был лорд Гилмор, и, разумеется, мне жаль, что он погиб — но я не считаю себя овдовевшей, и буду рада выйти за Эдварда. Но я благодарна вам за вашу учтивость.

Гэрис ничего не ответил на это. Только лишь подумал, что Эдвард украл у него не только герцогский титул и родовые земли, но еще и невесту. Вся злость, что накопилась в нем за последние месяцы, обрела теперь форму, будучи направлена на родного брата, и он казался теперь ему причиной всех его несчастий. В тот несчастливый день у реки Твейн они в самом деле поругались с Эдвардом. Тот обозвал Гилмора Фэринтайна и его короля безрассудными глупцами, когда те отказались трубить отход, видя, что армия вот-вот потерпит поражение. Гилмор плюнул в сердцах, сказал, что не в его обычаях показывать врагу спину — и вместе с сэром Йорефом Уэсли отправился биться в самом авангарде войска. Там он и получил смертельную рану. Все товарищи Гилмора погибли, а армия в итоге все же отступила — отступила беспорядочно, будучи почти полностью разгромленной. Он остался умирать в окружении трупов, и умер бы, когда бы не чародейка, что нашла его и спасла. Когда он только пришел в себя, то был полон ярости. На себя, на Хендрика, на Эдварда, на весь мир.

Сейчас он был полон ярости только на Эдварда. Высокомерный и надменный, тот, видимо, решил, что лучше других знает, как управлять этим королевством. Интересно, подумалось Гэрису, не метит ли брат на трон, желая воспользоваться безрассудством и неосмотрительностью короля? В любом случае, Гэрис знал, что не позволит Эдварду этот трон занять. Гэрис пока не решил, исполнит ли он в точности то жуткое поручение, что дала ему Кэран. Каждый раз, когда Гилмор Фэринтайн говорил теперь с Хендриком, он хорошо осознавал, что всадить тому нож в сердце будет совсем непросто. Гэрис сомневался, что отважится убить человека, с которым прежде его связывало столь многое, и не только семейные узы. Даже при том, что пролить древнюю кровь было необходимо для исполнения амбициозных планов волшебницы. Однако придумать какой-то выход все же было необходимо — и Гэрис пообещал себе, что что-то он, несомненно, придумает.

Пока весь его расчет строился на том, чтобы дождаться битвы — и проследить, чтоб Хендрик на ней не погиб. Когда битва окончится поражением (а чем-то другим она могла завершиться только при очень большой удаче), нужно будет выманить короля в Каэр Сейнт, и дальше действовать по обстоятельствам. Гэрис пару раз подумывал, а не послать ли ему ко всем чертям Кэран вместе с ее противоестественными планами — и все-таки не мог на это пойти. Ему не хотелось носить чужое лицо и быть другим человеком до скончания своих дней, так что волшебница выбрала прекрасный способ удержать его на крючке. К тому же, надеялся Гэрис, возможно она не права и для успеха задуманного ею ритуала потребуется не вся королевская кровь без остатка, а только ее часть.

Мысль открыться во всем Хендрику и рассказать правду, кто он такой, Гэрис отмел как бессмысленную. Его бы объявили самозванцем и безумцем, только и всего. К сожалению, нрав своего коронованного кузена он изучил отлично.

Нет смысла загадывать наперед, — сказал себе Гэрис. — Наведаемся на войну, там все и станет ясно.

Дни, последовавшие после нападения гарландских убийц на Вращающийся Замок,

выдались бурными. В город то и дело прибывали воинские отряды. Король Хендрик вознамерился собрать вокруг себя всех своих вассалов, способных держать оружие. Явились и наемники — хорошо вооруженные солдаты с востока и юга. Дэрри поглядывал на венетов с любопытством. Венетия была огромной страной, лежавшей за восходными рубежами Эринланда. От восточных королевств и ханств ее отделяло Итильское море, с его многочисленными заливами. Большая часть венетских земель подчинялась великому князю, чья столица располагалась в Озерном Крае, но были там и могущественные вольные города, такие как Ильмерград. Венеты были известны как умелые и храбрые воины, до сих пор в большинстве своем не принявшие веры в Создателя и поклонявшиеся своим древним богам.

— Я хотел бы увидеть все страны, — сказал Дэрри Гленану, глядя на то, как воины с востока стройной кавалькадой въезжают во двор. — Все города и королевства, какие только есть. И Венетию с ее торговыми городами, и Святой Престол в Либурне, и дворцы патрициев Паданы. Говорят, Тарагонская империя до сих пор богата и процветает.

— Вот это уж точно неправда, — сказал Гленан. — Тарагон уже полвека в упадке. Сначала иберленцы нанесли им поражение в войне, потом отложились Лумей и Астария. Империю разорвали на куски. В Толаде до сих пор стоят роскошные дворцы и замки, в которых доживают свой век потомки старых владык. Но сама держава мертва, Дэрри. Там не на что больше смотреть.

— Ну и черт с ней, с этой империей, — сказал Дэрри. — А земли за Полуденным морем? Пиратские цитадели Дарнея? Речные долины Та-Кем, с храмами языческих богов и огромными усыпальницами королей? А дальше... Что там на юг, Гленан? И за западным морем? Ты знаешь?

— Никто не знает, Гледерик. Я и сам интересовался землеописанием. Но на краях наших карт — белые пятна, и чем ближе к краю, тем их больше. На юге наш мир ограничен бесконечными пустынями, на востоке, за внутренними морями, есть множество стран, но и они в итоге упираются в океан, там, у восходных рубежей Чины и Джапана.

— А на западе? — спросил Дэрри. Он помедлил, прежде чем добавить. — Я слышал нынешние иберленские короли происходят из заморских земель.

— Говорят, что да. Так, по крайней мере, утверждал основатель их дома. Он был колдуном, и уверял, что явился из западных стран. Никто не знает, правда ли это. Заморские земли закрылись от нас после Войны Пламени, когда маги рвали нашу землю на части.

— Может и туда однажды доберусь, — сказал Дэрри.

— Ты мечтатель.

— Я дурак, сбежавший из отчего дома, где меня вкусно кормили и хорошо поили. Конечно, я мечтатель. Иначе бы меня здесь не стояло.

Дэрри сам не заметил, как сдружился с Гленаном. Тот оказался ему хорошим товарищем. К тому же, он натаскивал его драться на мечях — поскольку у сэра Гэриса времени на это не оказалось. После того ночного нападения на замок сэр Гэрис стал вхож к королю. Видно, король Хендрик был слишком разозлен на своего кузена Эдварда, и потому искал друга в безродном наемнике. Фостер бывал на всех военных советах, и от имени короля нередко разговаривал с воинскими командирами. Иногда он приказывал Дэрри сопровождать себя, иногда оставлял его предоставленным самому себе. Свободное время Дэрри старался использовать с пользой. То есть в основном для того, чтоб научиться как следует владеть оружием. Конечно, он уже успел несколько раз побывать в бою, но это был явно не такой бой, который предстоял эринландской армии. Не многотысячное сражение.

О предстоящей войне Дэрри думал с легким беспокойством. Он не мог сказать, что идея ехать на войну так уж ему нравилась — но и выбора у него не было тоже. Поэтому он учился фехтовать, стараясь восполнить все имеющиеся в своем образовании пробелы. Гленан оказался неплохим инструктором, и частенько им составлял компанию Джеральд Лейер.

— Ну дерешься ты, конечно, неплохо, — признал он. — Видно, что не первый раз взялся за оружие. Конечно, напади мы тогда на тебя втроем, одержали бы верх, но пару царапин ты бы нам оставил.

— Я лишил бы вас носа и обеих ушей, лорд Лейер, — издевательски ответил Дэрри салютуя ему клинком и насмешливо кланяясь. — Такие потери парой царапин не назовешь.

— Наглец, — фыркнул Джеральд. — Попробуй хоть меч у меня из рук выбить!

— И выбью! — рассмеялся Дэрри, кидаясь в атаку. — Этому приему меня как раз учили. — Он резко крутанул кистью, зацепив клинок противника своим за гарду и дернув вперед. Джеральд подался следом, пошатнулся и выпустил оружие.

— Вот видите, лорд Лейер, — довольно ухмыльнулся Дэрри, наступив на меч Джеральда сапогом и направив острие клинка приятелю в грудь. — Не такой я и простофиля, как вам сперва показалось. Отпустить вас, или оставить пару царапин на память?

— Я ж говорю, наглец, — сказал Джеральд. — Гленан, может мы зря тогда помешали Свону?

— Не зря, — возразил Гленан. — Когда я стану графом Кэбри, найму его себе записным бретером. Будет драться на дуэлях с врагами моего дома, от моего имени.

— Я очень полезный, — нахохлился Дэрри. — Враги дома Кэбри могут заранее бояться моего меча и моего остроумия. Не знаю даже, что страшнее.

Томаса Свона в эти дни он почти не видел. Тот, разумеется, крутился при дворе, но встреч с бывшими друзьями избегал. Несколько раз Дэрри встречал его в толпе, но тот только дергал щекой и отворачивался. За каких-то пару недель Дэрри вполне освоился во Вращающемся Замке. Он уже не робел при виде расфранченных придворных, да и сам, будучи разодет в приличного вида камзол, чувствовал себя уже не так неуверенно, как раньше. В конце концов, он был теперь оруженосцем рыцаря королевской гвардии, ставшего доверенным лицом самого государя — а такой статус располагает к определенному уважению окружающих. Может, все эти лорды и считали его выскочкой, но в глаза разговаривали вполне вежливо и на новые ссоры не нарывались. Несколько раз Дэрри спускался в Нижний Город, погулять на очередные полученные от Фостера деньги, но Стефани он не искал. Он счел, что прошлое полагается оставить в прошлом. К тому же, они с ней ничего не обещали друг другу.

Когда наступил Самайн, король Хендрик закатил роскошный пир. Была туда приглашены все собравшиеся в столице лорды и рыцари, вместе с их женами и детьми. Дэрри сидел за главным столом, рядом с Фостером и совсем недалеко от короля, и рассматривал одетую в пышные костюмы знать. Рядом с лордом Эдвардом сидела его невеста, леди Гвенет, белокурая девица в синем платье, с легким любопытством оглядывающаяся по сторонам. Иногда она переглядывалась с супругой короля, черноволосой как ночь королевой Кэмерон. Гости пили и веселились, но в воздухе повисло осязаемое кожей напряжение. Даже свет факелов казался тревожным, а по углам собрались тени. Дэрри вспомнил старые поверья о том, что на Самайн открываются двери в иные миры, и остаются распахнутыми до самого зимнего солнцестояния. В эти дни мертвые ходят среди

живых.

Когда пир подошел к своей середине, Хендрик официально объявил всем о том, что выступает на войну.

— Господа, — сказал он, обводя тяжелым взглядом собравшихся. — Вы все прекрасно помните, что за безобразие творилось в этом замке десять дней назад, сразу после моего Большого турнира. Помните, как посланные Клиффом Рэдгаром убийцы пролили крови прямо в этом зале, в чертоге моих предков. Помните, как чужеземные мрази обнажили здесь оружие, напав на моих подданных и оскорбив священные законы гостеприимства. Нужно вовсе не иметь никакого достоинства, чтоб утереться после подобного оскорбления. Я рожден от крови Грейданов и Фэринтайнов, и никто из моих предков не ронял прежде фамильной чести. Не уроню и я. Я недаром собрал вас всех сегодня здесь, милорды. Я говорю вам — скоро мы все поквитаемся за нанесенное нам оскорбление. Сегодня мы пируем, завтра — отдыхаем после пира, а послезавтра — выступаем в поход. Мы пойдем навстречу Клиффу Рэдгару, и когда встретим его, то отправим в ад. Вот мое обещание, и я его исполню или умру, — Хендрик залпом опрокинул кубок с вином, а потом швырнул этот кубок себе под ноги. Выхватил меч и вскинул его острием вверх, ловя на лезвии пылающее в очаге пламя. — Кто со мной, пусть встанет и обнажит оружие. Кто останется сидеть — тот мне больше не вассал. Пусть трусы убираются из стен Каэр Сиди, и больше никогда не приходят к моему двору.

Первым, едва только Хендрик закончил говорить, поднялся на ноги Гэрис Фостер. Его лицо было непроницаемым, словно вырезанное из камня. Безземельный рыцарь молча вытащил меч из ножен и отсалютовал им своему государю. Вслед за ним вставали из-за стола и вскидывали клинки в воинском приветствии и прочие лорды и рыцари, собравшиеся здесь. Поднялся, не пряча впрочем усмешки, вожак венетских наемников Остромир, держа на вытянутой руке тяжелый двуручник, вместе с которым явился на пир. Поднялся старый граф Кэбри, и граф Свон в роскошном парчовом камзоле, и другие вельможи. Один за другим вставали они, выражая преданность своему владыке. Дэрри тоже встал и отсалютовал эринландскому королю. Выделяться лишний раз ему не хотелось.

Наконец из владетельных лордов один лишь Эдвард Фэринтайн, кузен короля и его наследник, остался сидеть за столом, как ни в чем не бывало. Рядом с ним сидел и его оруженосец, Гленан Кэбри. Видно было, что Гленан порядком встревожен.

— Ваше сиденье настолько мягкое, герцог Фэринтайн, что вам не хочется его покидать? — спросил король.

— Сидение это достаточно жесткое, ваше величество, — сказал Эдвард, встречая взгляд короля. — Однако и оно лучше холодной могилы. Вы знаете, что я думаю об этой затее.

— Встаньте, Фэринтайн, — сказал Хендрик. — Иначе я повешу вас, как труса и изменника.

Эдвард даже не шелохнулся. Тревожный шепот пронесся по залу. Дэрри видел, как переговариваются гости, изумленные невыносимой дерзостью, которую проявил Фэринтайн. Сэр Гэрис стоял ровно и неотрывно глядел на Эдварда. Что до Хендрика, то его взгляд все больше наливался гневом.

Леди Гвенет вдруг тронула своего жениха за руку.

— Встаньте, Эдвард, — сказала она тихо. — Вы видите, что этот человек не шутит. Дайте ему то, чего он добивается. Я не хочу вашей смерти.

Эдвард Фэринтайн медленно повернул голову, глядя на свою невесту — а потом поднес

ее ладонь к своим губам и поцеловал. Затем он поднялся на ноги, медленно, дюйм за дюймом, обнажая меч.

— Я приму участие в этом походе, — сказал он громко и отчетливо. — Во имя Эринланда, и во имя чести наших с вами предков, Хендрик. Я хочу по крайней мере посмотреть, чем это дело закончится. Считайте, что мной движет любопытство.

— Благодарите леди Гвенет, — бросил король раздраженно, вкладывая наконец свой клинок в ножны. — Когда бы не ее благоразумие, болтаться бы вам завтра утром в петле. Ну что ж, господа, — продолжал Хендрик, оглядывая притихших гостей. — Вы все поняли, я надеюсь. Нас ждет либо смерть, либо слава, и лично я рассчитываю на славу. Пейте, ешьте, веселитесь, а послезавтра на рассвете стройте свои отряды перед воротами Таэрверна. Я поведу вас в бой.

Войско и в самом деле выступило в назначенный день, как и пообещал король. Приведенные вассальными дому Грейданов лордами отряды явились на поле у ворот эринландской столицы, и конские копыта утаптывали ломкие травы. Двенадцать тысяч воинов собралось здесь, пехотинцев и конников, а с ними обозники и фуражиры, маркитанты, и повара, и слуги. Знамена благородных домов реяли на ветру, и залиристо ржали кони. Никогда прежде Дэрри не видел армии, изготовившейся выступить на войну, и он не мог отрицать, что это зрелище производит определенное впечатление. Тем не менее, все умные люди вокруг, то есть Эдвард и его оруженосец, говорили, что армия гарландского короля куда больше — и это не могло не внушать тревоги.

— Сэр Гэрис, я одного не пойму, — сказал Дэрри, с трудом пытаясь удержаться в седле подаренного ему коня, — вы-то почему не поддержали герцога Фэринтайна? Ни тогда, ни потом. Оно ведь понятно, что король немного свихнулся. Лорд Эдвард правильно ему сказал. Сначала пусть зима начнется и пройдет, нечего выходить из дома в преддверии холодов. За это время можно найти союзников и заключить с ними договор. Собрать настоящую армию, и лишь потом воевать. А выступать сейчас — сущее безумие. Вы не безумец, так почему вы молчите?

— Не твое дело, — огрызнулся Гэрис. — Знай свое место, мальчишка. Я пришел сюда служить, а не думать. И ты тоже служи, а не лясы точи. Если король сказал — надо воевать, значит будем воевать. А твой герцог Фэринтайн — наглый глупец. Мне не нравится, что ты слишком много якшаешься с его людьми.

— Если вам что-то не нравится, — бросил Дэрри, чувствуя, как и в нем закипает злость, — прогоните меня прочь! Смог к вам приткнуться — и к кому-нибудь потом тоже приткнусь. А если я все же ваш оруженосец, а не лакей — извольте со мной объясниться, пожалуйста.

Гэрис медленно выдохнул, явно сдерживая гнев, а потом сказал:

— Пойми меня правильно, парень. Я не герцог и не граф. Я простой солдат, и всю жизнь только и делаю, что исполняю приказы. Мне удалось подняться до должности королевского гвардейца, и я не хочу это место терять. А если я стану рассуждать, кто там прав, король или его наследник — я быстро останусь ни с чем. Странно, что ты сам этого не понимаешь. Ты говорил, что ты сын купеческого управляющего — а держишься с такой наглостью, будто ты наследный принц.

— Если я буду держаться как сын купеческого управляющего, сэр Гэрис — то сыном купеческого управляющего я на всю жизнь и останусь.

— Хороший ответ, — признал Фостер, немного подумав. — И все же пойми. Не нам здесь о чем-то рассуждать. Если нам повезет — выберемся из боя живыми. Если будем храбры и удачливы — может и вовсе победим. Не раз бывало, что армии меньшего размера громили большие, если солдаты в этих небольших армиях бились отважно. Но это война, и риск на ней остается всегда. Пойми это. Или возвращайся обратно торговать картошкой. Или чем там торговал твой отец, не знаю.

— Восточными пряностями он торговал, сэр Гэрис. Хорошо, я вас понял. Не буду больше вам докучать своим трепом.

Хоть на словах Дэрри и признал правоту своего господина, все же его не оставляло ощущение, что Фостер в чем-то недоговаривает. Последние дни Гэрис держался странно. Он был напряженным, часто хмурился, и, казалось, с тревогой о чем-то размышлял. Дэрри сомневался, что дело здесь только лишь в предстоящей битве. Тем более что Фостер прошел уже через десяток войн. Нет, было здесь что-то еще, и это что-то не давало юноше покоя.

Когда армия наконец построилась, король выехал к ней, верхом на роскошном гнедом жеребце. Надсаживая глотку, Хендрик Грейдан прокричал напутственную речь. Говорил он про все те же вещи, про которые говорил обычно. Про воинскую доблесть, про дворянскую честь, про необходимость расквитаться с давними врагами и обрести славу, достойную воителей древности. Дэрри почти не вслушивался в эту речь. Он поймал себя на мысли, что король Эринланда начинает его раздражать. Хендрик все больше казался юноше упрямым и спесивым. Лорд Эдвард, с его рассудительностью, нравился Дэрри гораздо больше. Фэринтайн по крайней мере был способен думать головой, а не только махать кулаками. Хотя в войсках, как успел Дэрри заметить, поддерживали скорее короля, нежели его кузена. Хендрик был в глазах солдат простым и честным, в то время как его аристократичный двоюродный брат не встречал понимания. Он казался людям слишком уж осторожничающим, не способным на решительные действия.

Еще раз прогремели трубы, и войско наконец двинулось. Дэрри выпало ехать в авангарде, в числе королевской свиты. Здесь же, помимо сэра Гэриса, были также и Фэринтайн, и Остромир, и прочие воинские командиры. Дэрри подъехал к Гленану, сопровождавшему своего лорда. Эдвард Фэринтайн казался еще более сдержанным, чем обычно, но при виде Дэрри неожиданно приветливо кивнул.

— Доброе утро, милорды, — сказал Дэрри тихо.

— Доброе, Дэрри, — откликнулся Гленан. — Скоро твой первый настоящий бой. Не боишься?

— Тоже мне, таких глупостей бояться. Гленан, король правда зол на твоего господина?

Гленан оглянулся, не подслушивает ли кто, и зашептал:

— До одури зол. Тогда, на пиру, я подумал, что лорд Эдвард все же нарвется сейчас на его гнев.

— И все же ты оставался сидеть на своем месте, пока лорд Эдвард не встал.

— Я ему служу, — сказал Гленан. — Если бы я встал первым, прежде него, получилось бы, что я его предал. Я не настолько бесчестная тварь, чтоб поступать подобным образом с человеком, который взял меня себе на службу, не посмотрев, что у меня за душой ни гроша.

— Ох уж это ваше дворянское благородство, — проворчал Дэрри. — Однажды оно тебя погубит, Гленан. Лучше скажи, далеко нам отсюда до гарландской армии?

— До нынешней границы, если будем скакать не мешкая — дня три. Именно там нас и ждет Клифф Рэдгар, если верить словам его человека. Три дня, Дэрри. Затея наша и в самом

деле безнадежная, а дворянского благородства, чтоб ради него сложить голову, у тебя нет. Если не желаешь умирать — самое время подумать и сбежать. Не думаю, что по твоим следам кто-то отправит погоню.

Дэрри выпрямился в седле.

— Я поступил на службу к сэру Гэрису, — сказал он сухо, — в расчете на то, что этот излишне сумасбродный сэр посвятит меня в рыцари. И прежде, чем удостоюсь рыцарского звания, я сэра Гэриса не покину. Иначе мне снова придется ошиваться по кабакам и тавернам, ища, к какому еще пьяному рыцарю примкнуть. Нет уж, второй раз выслуживаться я не хочу.

— Станный ты человек, Дэрри. Ругаешься на дворян, и сам стремишься дворянином стать.

— Это открывает возможности, — признался Дэрри. — А я всегда стараюсь пользоваться возможностями, Гленан. И если надо ради этих возможностей слегка рискнуть своей жизнью — так и быть, я это сделаю. Просто я не люблю рисковать совсем зря, когда можно без этого обойтись.

До гарландских рубежей и впрямь оказалось ехать не больше трех дней. Дорога пролегла через окраинные области эринландского королевства. Дэрри видел вытопанные поля и разоренные деревни. Оборванные крестьяне собирались по обочине тракта, провожая армию не самыми радостными и не самыми довольными взглядами. Война с Гарландом длилась уже много лет, то затухая, то вновь разгораясь, и в конец истощила оба государства, превратив их пограничные земли в пепелище. Глядя на обнищавшие земли, по которой они ехали, Дэрри думал, что его собственная родная страна, казавшаяся ему несчастливой и убогой, в сравнении выглядит вовсе не так уж плохо. Большой мир, в который он попал, начинал производить на него гнетущее впечатление. Дэрри в очередной раз подумал, что все эти короли и герцоги пекутся о чем угодно, только не о благополучии собственных подданных. Легко, рассиживая в своих роскошных дворцах и высоких замках, забыть о простых горожанах и фермерах.

Если бы я распоряжался миром, — подумал он, — мой мир был бы совершенно другим.

На третий день после выезда из столицы разведчики сообщили, что и в самом деле видят передние полки гарландской армии.

— Они встали лагерем на Броквольском поле, — сообщили разведчики королю, — и стерегут дорогу на Истфорд.

— Что ж, — потянулся за клинком Хендрик, — пора наконец посмотреть нашим друзьям в лицо. Ходу! Встретим негодяев на марше.

Дэрри подумал, что хотел бы стукнуть короля кочергой по башке.

Доехать до гарландского лагеря без препятствий эринландский авангард, впрочем, не успел. На полдороги им встретился перегородивший тракт верховой разъезд — около сотни всадников, собравшихся под знаменем, на котором были вышиты Гончие Псы Кенриайна. Хендрик поднял руку, приказывая своей свите остановиться, и привстал в стремях, напрягая взгляд.

— Эй вы там, — закричал Грейдан во все луженое горло, — кто это посмел преградить дорогу законному владыке всех окрестных земель?

Передние всадники двинулись к ним навстречу, и Дэрри смог наконец разглядеть их предводителя. То был могучий широкоплечий мужчина, с густыми черными волосами и черной же бородой, и ехал он верхом на вороном жеребце. Чернобородый воин носил

доспехи с вычеканенными на них оскаленными песьими мордами.

— Вы только что пересекли границу Гарланда, — сказал он сухо. — Законный владыка Гарланда — я сам, так что нечто, сударь Хендрик, вы здесь попутали.

— Здравствуй, Клифф, — сказал Хендрик, широко улыбаясь. — Ничего я не попутал. Это мои собственные земли, которые ты у меня вероломно отнял. Я пришел вернуть свое добро обратно.

Король Гарланда, а это был именно он, с досадой скривился:

— По-моему, ты пришел потерять оставшееся. Я же ясно сказал — не возвращайся к моим рубежам, а не то не сносить тебе головы. Последний разум пропил, сидя в своем замшелом старом замке? Ты покойник, Грейдан, и твои воины — тоже. — Рыцари, окружавшие Клиффа Рэдгара, насмешливо захохотали.

Хендрик, явно закипая, ответил:

— И ты, кузен, верно решил, что я не приду, после того, как ты послал по мою душу убийц?

— Считай это подарком к Самайну, — бросил Рэдгар в ответ. — Ладно, не будем врать, я рассчитывал, что твоя глупость окажется именно такой, как я ее себе представлял, и ты решишь отомстить мне за эту маленькую шалость. Ты беспокойный сосед, Хендрик, и никаким договорам о мире, заключенным с тобой, я не верю. Сотню лет наши государства воюют, и уверен, будут воевать и дальше, если это наконец не пресечь. Давай выбросим все наши договоры о дружбе на помойку, и уладим этот вопрос раз и навсегда.

— Согласен, — кивнул Хендрик. — Еще мой отец воевал с твоим отцом, а до того — мой дед с твоим дедом. И все с тех пор, как Рейдал Медвежий Коготь обесчестил невесту Альвиерна Огненная Секира на празднестве в честь Бельтайна. Наши дома истощены и устали. Пусть один из нас убьет на поле брани другого, и все наконец решится.

— На это я и надеюсь, — поддержал его слова Рэдгар. — Вот только прости меня, Грейдан, но убит в предстоящем бою будешь ты, а не я. Со мной двадцать пять тысяч добрых воинов — рыцарей, пикинеров, стрелков. Не знаю, сколько солдат привел ты, но мне почему-то кажется, что меньше. Дурак ты, Хендрик. Черт с тобой, может повернешь восвояси?

Король Эринланда побагровел:

— Повернуть обратно? После того, как я уже привел сюда всех моих людей, пообещав им славную битву? Мне не просидеть потом на троне и семи дней. Я буду опозорен настолько, что любой честолюбивый наглец возомнит своим долгом меня свергнуть.

— Именно потому я и предложил тебе подобное, Грейдан. Так я добыю желаемого, не потеряв при этом ни одного бойца. Ну ладно, это неважно. Мне на самом деле все равно, как именно покончить с тобой — а славной битве и твои, и мои люди окажутся рады. Становись лагерем, пусть твои воины отдохнут после скачки. А завтра на рассвете начнем.

— Быть по сему, — согласился Хендрик. — Хорошо проводи вечер, Клифф. Напейся вина, выпишь как следует. В следующий раз ты будешь предаваться отдыху на том свете.

— Ты тоже проводи время нескучно. А умереть может всякий, и зарекаться от этого смысла нету, — повелитель Гарланда поворотил коня, сказав своим воинам. — Возвращаемся назад, сэры. И найдите мне кто-нибудь в лагере, в самом деле, бурдюк хорошего вина. Хочу астарийского, белого, пятидесятилетней выдержки. И знай вот еще что, Хендрик, — бросил Клифф через плечо. — Я не отступлюсь. Твое королевство будет моим. Я заберу себе весь Эринланд, отсюда и до замка Каэр Лейн, и буду им править. А ты

посмотришь на это с того света.

Когда гарландцы отъехали в направлении своего войска, Гэрис Фостер сказал:

— Ну, ваше величество, разозлили вы его хорошо. Но и он вас — тоже. Не знаю, что думают всякие осмотрительные трусы, — Фостер скосил глаза в сторону сэра Эдварда, — но я буду драться возле вашей персоны до последнего часа.

— Осмотрительные трусы, — сжал сэр Эдвард поводья, — своего короля также не покинут. Не только ведь безродным наемникам улыбнулась удача сложить подле него головы на последней его славной битве. Хендрик, — он впервые на памяти Дэрри обратился к кузену на ты, — Клифф считает тебя дураком, и иногда, мне кажется, он полностью в этом прав. Но ты храбрый дурак, и я буду сражаться за тебя, пока могу удерживать меч в руках.

Хендрик Грейдан оглядел своих вассалов, и на мгновение, показалось Дэрри, в уголке его левого глаза что-то блеснуло. А может быть, юноше просто почудилось.

— Спасибо вам, друзья, — сказал он. — Можете не верить, но сейчас мне даже жаль, что я подбил вас на эту авантюру. Мною двигали самоуверенность и гнев. Но поворачивать назад уже поздно, а значит — покажем врагу, на что мы способны.

Рыцари согласно кивнули.

О небеса, — подумал Дэрри с отчаянием, — я окружен абсолютными безумцами, и завтра погибну в их обществе. Наверно, мне нужно было выбирать себе сеньора капельку осмотрительней.

Глава седьмая

Гилмор Фэринтайн впервые принял участие в настоящем большом сражении в четырнадцатилетнем возрасте. Тогда, как и теперь, ему пришлось драться с гарландцами, и в бой он шел в компании совсем еще в ту пору юного, не успевшего пока что примерить отцовскую корону Хендрика Грейдана. В память Гилмора вонзились воинственные кличи и пение труб, и он хорошо запомнил, как атакующая под развернутыми песьими знаменами неприятельская конница разбилась о стройные шеренги копейщиков Каэр Ллуда. Отряд, возглавляемый принцем Хендриком, обошел неприятеля с левого фланга, прорубаясь к самому вражьему знамени. Хендрик бился в тот раз спешившись, неистово размахивая здоровенной обоюдоострой секирой во все стороны перед собой. Высокий и тощий, он не успел тогда еще обрасти стальными мускулами первоклассного бойца — но уже был яростен и неуправляем в бою. И настолько же безрассуден. Гилмор прикрывал его как мог, следя, не зайдет ли какой-нибудь гарландский солдат Хендрику в тыл.

— Твой долг — присматривать за наследным принцем, — сказал Гилмору старый герцог Фэринтайн, напутствуя его на войну. — Четыреста лет наш дом служит дому Грейданов, и всегда защищал своих государей на поле брани, если тем угрожала опасность. Не посрами своих предков.

— Конечно, отец, не посрамлю, — коротко кивнул тогда Гилмор. — Только скажи мне, отец, почему мы вообще столь ревностно служим Грейданам? Я никак не могу этого понять. Наш род — самый древний и знатный в королевстве. Мы происходим от Владык Холмов. Однако мы видели, как сменились три царствующие династии в Каэр Сиди, и смотрим, как сидит на троне четвертая. Почему мы сами не можем сесть на этот трон?

— Потому что все эти четыре династии получили королевский титул после затяжной междоусобицы, безжалостно истребив в ее ходе всех, кто стоял на их пути к власти, — отвечал герцог резко. — И я не желаю, чтобы я или мой наследник повторяли их позорный и кровавый путь. Фэринтайны не порочат своей чести участием в грызне за корону. Мы служим королевству — земле и воде, дубу и ясеню, корню и кроне. Мы служим нашей стране, а не чужим или тем более нашим собственным амбициям. Вот — настоящее служение Эринланду, а не борьба за престол.

Гилмор покорно согласился с отцовской волей и поддерживал, как мог, Хендрика Грейдана во всех его начинаниях. Но в голове его то и дело всплывала предательская мысль а если бы на месте Хендрика был я, если бы с моим именем на устах наши солдаты шли на смерть — разве я не был бы более достойным вождем для них всех? Тем не менее, служил Гилмор честно, наставления отца старался помнить, и не раз, и не два закрывал в ходе схватки своего излишне безрассудного сюзерена от сыплющихся в его сторону вражеских ударов. На той, их первой совместной войне, Хендрик и Гилмор стали друзьями. Потом у них было еще много войн, и немало славных побед. Насколько же славных, насколько, наверно, и бессмысленных — раз прошло больше десяти лет, и они вновь идут в битву против все того же так и не разбитого врага, во главе армии, представляющей собой лишь бледную тень их прежних сил.

Кэран все же права, — подумал Гэрис, глядя на то, как король Хендрик поутру строит своих воинов в боевые шеренги, выкрикивая очередные призывные поддержать их боевой

дух напутственные речи, — он опрометчив и, наверно, почти безумен. Я слишком долго шел за этим человеком, оставаясь тенью в тени его безудержного честолюбия и болезненной жажды славы. Сколько лет мы ломали зубы и точили мечи о рубежи Гарланда, а взамен отдавали кенриайнской нечисти собственные города и пажити, ничего не получая взамен, кроме шрамов и пустеющей казны. И теперь Хендрик ведет последних из нас навстречу поражению и смерти.

Дэрри поутру казался изможденным и бледным — видимо, так и не сомкнул глаз ночью. Но мальчишка исправно помог Гэрису облачиться в боевой доспех, после чего вооружился сам. Гэрис ехал на битву в роскошных панцирных латах, подаренных ему Хендриком. Дэрри одел под камизу легкую кольчугу, защитил руки и ноги наручами и поножами, а голову — шлемом. К луке седла мальчишка приторочил легкий арбалет, с которым много упражнялся последнюю неделю.

Гэрис поймал себя на мысли, что приставший к нему в клоаке Нижнего Города оборванец давно сделался ему добрым товарищем. Взбалмошный и нахальный, юный мастер Гледерик отличался, однако, здравомыслием и трезвостью суждений. А также храбростью, позволявшей высказывать эти суждения прямо в лицо надменным и важным вельможам. Не всякий сын лорда позволил бы себе вести себя так дерзко, как вел себя этот вчерашний бродяга. Интересно, — подумал Гэрис, — знай он, что на самом деле движет мною, одобрил бы он или осудил меня, в конечном счете?

Дэрри угрюмо поглядел на своего господина:

— Дурацкое утро, сэр Гэрис, — сказал он. — Дурацкая война. И, простите, дурацкий король. Я исполню любые ваши приказы сегодня, какие вам будет угодно мне отдать. Только не думайте пожалуйста, что мне нравится вся та белиберда, которая здесь по милости лорда Грейдана творится. — Дэрри был нынче злее и откровеннее обычного, и еще он казался как-то взрослей.

Гэрис тяжело вздохнул:

— Поживи на свете с мое, парень, и сам поймешь, что мы далеко не всегда делаем то, что приходится нам по душе.

— Пожить на свете с ваше? Тоже мне старик нашелся. Вы даже моложе этого коронованного осла, а он не больно-то и зрел годами. Когда мне исполнится двадцать пять, или двадцать шесть, или сколько вам там наберется лет — уж поверьте, я буду делать только то, что посчитаю правильным сам. Я не стану оглядываться ни на чье самодурство.

— Доживи, сначала, щенок, до моих лет, а потом уже и бахвалься. Посмотрю я на тебя в этом возрасте, наглец — глядишь, иначе к тому времени запоешь. А сейчас поехали к моему дурацкому, как ты изволил выразиться, королю. Ему только в глаза этого не повтори, если не хочешь, чтоб твоя дурацкая голова оказалась на какой-нибудь дурацкой пике. И помни — как начнется бой, ни шаг не отходи от меня.

— Не отойду, — пообещал Дэрри, направляя коня вслед за Гэрисом. — Даже на полшага от вас не отлучусь. Мы вместе в это болото встряли, вместе из него и выкарабкиваться будем. Может быть, я вам даже руку с берега подам.

Хендрик, как оказалось, в очередной раз спорил с лордом Фэринтайном — прямо на глазах изготавившегося наступать войска.

— Бой еще не начался, — говорил Эдвард, бросая порой взгляды в холодное, едва наливающееся рассветом небо. — Еще не поздно перестроить ряды, мой государь. У нас отличные позиции для обороны, этим я и предлагаю воспользоваться. Поставим пикинеров

во фронт, укрепим их по левому флангу арбалетчиками и алебардистами. Предложим Рэдгару наступать, когда выдвинется — угостим стрелами и копьями. Затем сами двинем конницу, обходя их с севера. Там хорошие почвы, и поскачем мы хорошо.

— Их все равно больше, — ответил Хендрик. Вот уж кто точно не спал этой ночью. Король был непривычно бледен лицом, под глазами залегли мешки, а еще от него очень скверно разило спиртным. Похоже, он последовал совету, который сам дал на переговорах Клиффу, и основательно при этом перебрал. В седле Грейдан, тем не менее, держался по своему обыкновению твердо. — Нам не поможет твоя тактика, кузен, — продолжил король устало. — Сразу видно, что ты редко бывал на войне и привык мыслить абстрактно, не проверяя теорию в деле. Мы сметем их авангард, без сомнения, но оставшиеся силы сметут нас. Лучше поступим по-моему.

— То есть, — уточнил подъехавший Фостер, — сразу обрушимся на них конницей?

— А что еще делать? — пожал плечами король. — Попробуем обойти пехоту, вломимся на центральные позиции. Положимся на быстроту наших коней, недаром я реквизирувал их у лучших коннозаводчиков королевства. Будем прорываться к вражеской ставке.

— Помнится, — нахмурился Гэрис, — при Каэр Броде такой маневр и впрямь принес вам победу.

— В самом деле, — посветлел лицом Хендрик, тоже погружаясь в воспоминания. — Мы тогда ошеломили врагов и втоптали их в землю. Но прошло уже почти восемь лет. Вы разве были там, Фостер?

— Конечно, был. Хотя вряд ли ваше величество обратило внимание на такого простого солдата, как я.

— Ну, теперь вы отнюдь не простой солдат. Держитесь в моей свите, вы мне понадобится, и смотрите в оба. Попробуем добраться до Клиффа и выпустить ему кишки. А вы, Эдвард, так и быть, пожалуйста на правый фланг, вместе с венетами. Когда мы влетим в неприятельское войско, двигайтесь следом. Будете громить всех, кто попытается зайти нам в тыл или попытается окружить. С этой задачей вы, я надеюсь, справитесь?

— С этой задачей справился бы даже мой покойный брат, — ответил нынешний герцог Фэринтайн.

— Намекаешь, — уточнил Хендрик, — что Гилмор был плохим командиром? Я не встречал воина храбрее за всю свою жизнь. Я бы не дожил до этого дня, кабы не он.

— Гилмор был храбрый воин, но командир из него был действительно плохой. Или мне напомнить, милорд, те два раза, когда он положил свой отряд ни за что, заведя его в окружение врага? Второй раз, как мы все хорошо запомнили, оказался для Гилмора губительным. Не повторите сегодня его судьбу, умоляю я вас в который раз.

— Не путай меня с моим братом, — сказал Хендрик неожиданно мягко. — Я, в отличие от него, все же пытаюсь набираться опыта на своих оплошностях. Предложенный тобой план кажется разумным — но он лишь смягчит наш разгром, сделает его более щадящим. Положение, в которое я вас всех завел, требует отчаянных мер. И я на них пойду. Только так можно хотя бы попытаться что-то исправить. А если я сложу при этом голову — значит, такая моя судьба. И хватит со мной спорить, я уже все решил.

— В таком случае — Боже, храни короля, — Эдвард ударил коня по бокам и ускакал в расположение вверенных ему сил. Хендрик проводил кузена долгим задумчивым взглядом, а потом сказал:

— Ну ладно. Кричите герольдам, пусть трубят наступление. И подайте мне копьё.

То утро выдалось неприветливым и холодным — как бывает неприветливым и холодным утро почти каждого дня в последний месяц осени. Солнце, поднявшееся из-за затянутого рваными серыми облаками горизонта, осветило две армии, собравшиеся на Броквольском поле. Любой сторонний наблюдатель охотно бы подтвердил, что эринландцев собралось почти в целых два раза меньше, и выглядели их шансы на победу не слишком внятными. Тем не менее, воины Вращающегося Замка были хорошо вооружены и приготовились отважно драться.

Герцог Эдвард Фэринтайн, как и было ему приказано, во главе подчиняющегося ему конного отряда занял позиции на правом крыле эринландского войска, рядом с прибывшими из Озерного Края солдатами, чей вожак, Остромир, ехал на резвом буланом жеребце. На авангарде встали лучшие рыцари Эринландского королевства, вместе с приведенными ими конными дружинниками. Возглавлял эту блистательную публику лично сам король, желая повести своих вассалов в отчаянную, стремительную и, на взгляд его кузена Эдварда, глубоко необдуманную атаку.

Пехотинцев и стрелков король поставил по левую руку от своих основных сил, повелев им занять оборону и обрушиться на врага лишь единственно в том случае, если тот выдвинется в ходе сражения слишком далеко вперед. Пехоты в эринландском войске было собрано не слишком много, и отнюдь не на нее полагался владыка Каэр Сиди. Привычный к верховой рубке и лихой скачке, он, подобно многим правителям своего времени, не придавал большого значения прочим родам войск, считая их совершенно никчемными и годными лишь для вспомогательной службы. Хотя и пехотинцы, и в особенности стрелки уже несколько раз доказали свою эффективность на полях сражений той бурной эпохи, Хендрик Грейдан оставался рыцарем старой закалки, привычно считая копьеносцев, алебардистов и лучников неотесанным мужичьем и жалким сбродом, способным лишь поддерживать в самый разгар схватки кавалерийские наскоки благородных лордов.

Этим, как выяснилось чуть позже тем же утром, он глубоко отличался от повелителя Гарланда.

Прогремели трубы, знаменуя начало атаки. Эринландские всадники ринулись вперед, горяча коней, и топот сотен копыт окончательно разорвал утреннюю тишину в клочья. Гэрис, как и было ему приказано, ехал в первых рядах, по правую руку от Хендрика. Так уже бывало это десятки раз до этого, во все прошедшие годы. Пусть даже теперь король и не знал, что кузен и соратник Гилмор Фэринтайн, почитаемый им за погибшего, все еще жив и все также, пусть и неузнанный, сопровождает его. Хендрик на мгновение поймал взгляд Гэриса, улыбнулся — а потом вырвался на два корпуса вперед, выставляя перед собой копье. Гэрис поспешил нагнать его, не желая отставать.

Клифф Рэдгар разместил на передней линии своего войска отряды копейщиков, оцетинившихся сейчас выставленными навстречу противнику пиками. Хендрик поворотил коня, устремляя за собой своих воинов, и эринландская конница развернулась вправо, стремясь обойти отряды гарландских пикинеров и избежать лобового столкновения. Послышались хриплые команды неприятельских командиров, и гарландская пехота в свою очередь двинулась на врага, пытаясь как можно скорее сократить свою с ним дистанцию. По иронии судьбы, Клифф прибег к ровно той же самой тактике, которую незадолго до начала атаки предлагал своему государю Эдвард Фэринтайн. С той лишь разницей, что солдат у него было гораздо больше, и он мог куда более смело распоряжаться их судьбой.

— Поворачиваем, поворачиваем! — кричал Хендрик своим рыцарям. — Не подставлять

бок этим баранам!

Эринландским всадникам удалось почти беспрепятственно миновать вражеское каре, когда выяснилось, что избегая одной опасности, они тем самым лишь угодили в самую пасть к другой. Обогнув гарландский авангард, они вылетели прямо перед небольшой возвышенностью, на которую Клифф предусмотрительно поставил своих стрелков. Собранные в основном из вчерашних крестьян, свободных общинников и фермеров, они тем не менее оказались серьезной угрозой для половину своей жизни проводших в седле и с оружием в руках высокородных всадников. Вооруженные длинными, в рост человека, цельными луками, сделанными из тисового дерева, гарландские стрелки дали первый залп, едва только завидев приближение неприятеля. Сотни стрел пронзили воздух, ища себе цель. Хендрик вскинул щит, прикрываясь им от вражеского огня, и его примеру последовали все прочие его рыцари.

Одна из выпущенных стрел пробила Гэрису его треугольный тарч, крепко застряв в нем, и ее острый стальной наконечник смотрел Фостеру прямо в глаза. Гэрис выругался, выламывая стрелу из щита. Он огляделся, в порядке ли Дэрри. Того, к счастью, не задело. К удивлению Гэриса, мальчишка, до этого так ожесточенно протестовавший против грядущего сражения, называя его вздорной, бессмысленной затеей, сейчас вовсе не казался испуганным. Напротив, глаза его яростно горели.

— Вы всю жизнь так развлекаетесь, сэра Гэрис? — крикнул Гледерик. — На деле оно увлекательнее, чем на словах! — Он поднял свой щит, прикрываясь им от нового залпа.

Гарландцы не прекращали стрельбы. Луки, которыми они пользовались, позволяли сделать больше шести выстрелов в минуту. Особенно если за дело брался опытный и хорошо натренированный стрелок, а таких на вершине холма нашлось, как оказалось, немало. Потому эринландские конники продвигались вперед под постоянным обстрелом. Гэрис подумал, что арбалетчики, чьи роты сформировал еще отец Хендрика, прельстившись простотой в обращении этого новомодного оружия, ни за что не смогли бы даже сравниться с лучниками Гарланда в скорострельности.

— Прорываемся на самый верх! — приказал Хендрик. — У них скоро закончатся снаряды! Тогда мы их и проучим.

Его расчет оказался верным — и в самом деле, сколько бы много стрел не взяли с собой гарландцы, хватило их минут на шесть, может быть на восемь эффективной стрельбы. Вскоре вражеские залпы начали выдыхаться. Но и этих восьми минут более чем хватило, чтобы основательно проредить эринландскую кавалерию. Под многими из рыцарей убило коней, и им пришлось спешиться, а те из рыцарей, что не имели лат, ограничиваясь бригантиной или кольчугой, и сами многие замертво пали оземь, с торчащими из груди, живота или горла окровавленными древками. Когда гнедой жеребец Хендрика, до того пять лет возивший его на своей спине, также был убит, король с проклятьем спешил, отбросил копье, доставая топор, и упрямо пошел вверх по склону, желая скорее достигнуть вражеских построений. Следуя его приказу, спешили и Гэрис, и Дэрри, и все прочие воины авангарда. От лошадей здесь уже не было никакого проку.

Не к таким битвам эринландцы были привычны. К смелым схваткам грудь на грудь, к отчаянной кавалерийской рубке — но никак не к подобному. Эринландские воины всегда прежде встречали несущуюся на них неприятельскую конницу в собственном широком строю, принимая ее натиск на свои дубовые копья, или же сами отчаянно рвались навстречу к ней — а дальше ход боя неизбежно распадался на множество отдельных рыцарских

поединков, как конных, так и пеших. Если в центральных и южных государствах Средних Земель, в Падане, Либурне или Лумее, к тому времени подобная тактика ведения боя уже успела устареть, сменившись широким применением наемнических и поземельных отрядов, дерущихся за звонкую монету, а не за фамильную честь, то королевства Севера предпочитали воевать по старинке, полагаясь на храбрость и профессионализм своих рыцарей, и немногие иноземные солдаты удачи, призванные в этот раз Хендриком и так и не взятые им в авангард, вряд ли могли серьезно изменить эту картину. Клифф Рэдгар был, должно быть, первым полководцем в северных странах, кто в полной мере пошел на ходу увеяний новой эпохи. Подтолкнула его к тому нужда, ведь и его собственное рыцарство было изрядно ослаблено в боях у реки Твейн. Много лет позже историки будущего, должно быть, напишут, что в сражениях, подобных сражению на Броквольском поле, был окончательно сломан хребет северного рыцарства и дано начало полкам нового времени. Но это будет потом, а сейчас Хендрик Грейдан, лорд Вращающегося Замка, Гэрис Фостер, ег скрывающий свое подлинное имя под маской колдовства кузен, и странный молодой бродяга Гледерик Брейсвер, в сопровождении еще нескольких сотен воинов, поднимались по крутому склону холма, пригибаясь к земле под изрядно уже кое-где пробитыми щитами.

Если бы они могли в ту минуту обозреть ход всей битвы, то знали бы, что оставленный командовать войсками правого фланга Эдвард Фэринтайн, видя ту ловушку, в которую угодил возглавляемый Хендриком авангард, постарался взять командование войском на себя. Он выставил арбалетчиков против вражеской пехоты, и те успели сделать несколько хороших залпов, основательно перемешав и дезориентировав передние гарландские ряды. Арбалет стреляет хорошо если два раза в минуту, и сильно проигрывает таким образом луку — зато выпущенный им болт с прямого расстояния способен пробить даже достаточно крепкий доспех, не говоря уже о щите. Бригантины, в которые в основном были облачены гарландские копейщики, значительно уступали по надежности рыцарской пластинчатой или латной броне, и арбалетные болты пробивали их без труда. Воспользовавшись замешательством, на несколько минут возникшим в рядах вражеской армии, Эдвард Фэринтайн бросил в бой свою собственную немногочисленную конницу, укрепленную по флангам венетскими воинами. Он ворвался в середину гарландского войска, смешивая его и разбивая на части. Вооруженные тяжелыми двуручными мечами и дерущиеся в основном в пешем строю венеты довершили разгром передних гарландских полков, перерубая копья, разбивая щиты и проламывая вместе с головами шлемы.

На мгновение, казалось, удача обернулась к эринландцам лицом — однако их собственная армия была слишком разобщена и разбита на отдельные соединения, так как Хендрик успел увести своих лучших воинов слишком далеко вперед. Эдвард вскоре увяз в окружении гарландских пехотинцев, которые не представляли серьезной опасности для его отряда, однако смогли основательно замедлить его наступление. Цепляясь за любой пригорок, гарландцы бились яростно, оказавшись крайне упорны в своей обороне. Венеты и дружинники Фэринтайна все же смогли преодолеть несколько сотен ярдов — однако сделали они это слишком медленно, потеряв драгоценные минуты, которые в противном случае смогли бы потратить на то, чтобы успеть прийти на помощь королю. Однако теперь между Эдвардом и отчаянно штурмующим расположенный в полумиле к западу крутой холм Хендриком Грейданом оказалось не меньше двух тысяч воинов Клиффа Рэдгара.

Эдвард спешно отправил гонца в арьергард, к командующему запасными силами графу Тобиасу Свону, дабы тот выдвинул скорее вперед полторы тысячи своих воинов. Гленан

Кэбри, отчаянно в тот момент сражавшийся подле своего господина, направо и налево рубивший мечом вражеских воинов, с отчаянием подумал, что вся та ожесточенная схватка, в которую они оказались втянуты, на самом деле представляет собой лишь бессмысленную трату времени, и пока они все дерутся здесь, вырвавшийся на передний край боя король пребывает в смертельной опасности. Тем не менее, свою роль отряды Фэринтайна и Остромира все же смогли исполнить — потому как напав на гарландцев, они не дали тем развернуться и зайти сопровождавшим Хендрика рыцарям в спину.

Посланник, отправленный герцогом Фэринтайном, довольно быстро достиг ставки Тобиаса Свона. Граф Свон, в отличие от своего избалованного и испорченного младшего сына, был опытным и отважным воином, и необходимость стоять в арьергарде, подчиняясь полученному им перед сражением королевскому приказу, воспринимал как сущее наказание судьбы. Тем не менее, он скрепя сердце понимал важность возложенной на него задачи, ведь по общему плану ему предстояло в нужный момент выдвинуться с не утомленными еще и не понесшими ранений солдатами в самый разгар боя, чтобы переломить его суматошное течение в пользу эринландской стороны. По словам присланного Эдвардом Фэринтайном гонца, этот момент наконец наступил. Графу Свону предписывалось обойти с севера вражеские полки, чтобы явиться на подмогу королю Хендрику и укрепить его ослабленные силы. Лорд Тобиас, не мешкая, приказал своим воинам выступать.

Однако добраться до нынешнего расположения гвардии Хендрика он так и не смог.

Ибо в тот самый час, когда отряды эринландского арьергарда покинули свой лагерь, стремясь присоединиться к уже кипящей на Броквольском поле битве, наперерез им, вылетая из чахлого придорожного лесочка, вырвалась наконец до этого так никак и не проявившая себя гарландская конница. Тяжело вооруженные рыцари Кенриайна, верхом на закованных в железо могучих конях, дождались наконец своего часа, и вел их в атаку лично Клифф Рэдгар. Тщетно Хендрик искал встречи с ним, находясь в совсем противоположной части поля и продвигаясь, как казалось эринландскому королю, к самому сердцу вражеского войска, осененному песьими знаменами. Ибо в то самое время, когда Хендрик и его лучшие гвардейцы рвались под непрекращающимся обстрелом к гордо реющим впереди гарландским штандартам, король Рэдгар обрушился на их собственные тыловые силы со всеми своими лучшими, отборными воинами, так и рвавшимися показать наконец свое мастерство. Натиск его был яростен и внезапен, а численное превосходство оказалось почти двукратным.

В разгоревшейся сече полегли и Тобиас Свон, и старый граф Райан Кэбри, бывший ему верным боевым товарищем, и немало других благородных лордов и рыцарей. Все они встретили смерть на том месте, а эринландская армия окончательно была разорвана на несколько разрозненных частей. Теперь Клиффу оставалось лишь замкнуть кольцо вокруг отрядов, возглавляемых Хендриком и Эдвардом — и победа окончательно окажется у него в кармане.

Пока происходили все описанные выше события, Хендрик Грейдан и его спешившиеся рыцари достигли наконец вражеских позиций и бросились драться. От копий они отказались, как от бесполезных в наступившей беспорядочной свалке. Большинство воинов достали мечи, а король бился, как и всегда, своим любимым топором. Оседлав вершину холма, он напряженно оглядывался по сторонам, пытаясь разглядеть в гуще солдат противника высокую широкоплечую фигуру Клиффа Рэдгара — однако нигде не видел его. На мгновение это наполнило сердце Хендрика почти детской обидой. Он обещал на

вчераших переговорах своему противнику честную схватку — а тот даже не пожелал явиться на нее.

Какого бы ни были низкого мнения о Хендрике многие его придворные, он был не настолько глуп, как казалось им порой. Вот и сейчас эринландский король прекрасно понимал, что в самом деле оказался в отчаянном положении, и шансов выбраться из этого отчаянного положения, не оставив на поле боя всю армию, у него почти нет. Тем не менее, отступить и сдаться он не хотел. Четыре столетия назад его предки сели на трон во Вращающемся Замке, вырвав золотую корону Эринланда окровавленными пальцами из рук прежних королей — и все эти четыре столетия Грейданы вели бесконечные войны, расширяя границы своего государства, подчиняя себе непокорных лордов пограничья или заключая союзы с чужеземными владыками. Бок о бок с иберленскими королями из дома Карданов они бились против маркграфов Аремиса, ставших впоследствии венценосцами Лумея. По зову Святого Престола Грейданы противостояли в Либурне либурнскому же королю, когда тот стремился ограничить в свою пользу власть и привилегии церкви, и выступали также против дарнейских пиратов, стремившихся оседлать южные берега Срединных земель.

Грейданы были королями-воинами, государями меча — и потому не умели и не желали отступить, даже перед лицом самого могущественного противника. Не желал отступить Хендрик и теперь, пусть и осознавал, что наступивший день может стать для него последним. Что-то кричал о необходимости прорываться назад Гэрис Фостер — но Хендрик не слушал его. Слишком опьяненный охвативший его боевым азартом, он наплевал отныне на любую осторожность. Он бился во всю свою недюжинную силу, и скашивал врагом за траву. Ему не было страшно за судьбу Эринланда — он знал, что погибни он, трон займет Эдвард, а не Эдвард, так кто-нибудь другой. Хендрик дрался.

Вражеские лучники уже давно расступились перед ним, но с задних рядов напирала тяжело вооруженная панцирная пехота, ошетилившись двуручными клейморами. Хендрик ворвался в их строй, отбивая посыпавшиеся на него удары лезвиями топора. Он сражался без щита, удерживая тяжелую секиру обеими руками, и то и дело вонзал ее во врагов. Некоторым сносил голову, некоторых разрубал до пояса. Чиркнула стрела, бессильно сломавшись о нагрудник. Король расхохотался, приняв это за добрый знак.

Для Гэриса Фостера, или вернее сказать для Гилмора Фэринтайна, этот бой выдался одним из самых мучительных и непростых в его и без того полной ратных тягот жизни. Только теперь он в полной мере осознал всю невыполнимость задания, на которое до этого так опрометчиво согласился. Кэран надеялась, что Гэрис сможет доставить Хендрика в развалины Каэр Сейнта, поскольку те находились неподалеку от гарландской границы и укрыться в них было бы идеальным решением после понесенного в бою поражения. Однако для этого еще требовалось выбраться сегодня с Броквольского поля живыми — а Гэрис уже не был столь уверен в том, что у него получится спастись отсюда самому или, что было главным, спасти короля. Он следовал везде в гуще боя за ним, стараясь, как и всегда прежде, быть для своего государя верным защитником. Теперь это казалось ему по-своему даже смешным — пытаться уберечь сюзерена от вражеских клинков лишь затем, чтоб впоследствии собственной рукой принести его в жертву на древнем алтаре, во имя пробуждения непонятных магических сил. Тем не менее, у Гэриса был уговор с Кэран, а Кэран спасла его жизнь однажды и теперь держала эту жизнь в своих холодных пальцах.

На несколько минут Гэрис все же выпустил Хендрика Грейдана из виду. Сначала он отвлекся на собственных противников, оказавшихся излишне резвыми. Сразу три могучих

ландскнехта обрушились на него со своими громадными клинками — и Гэрис крутился как мог, отражая сыплющиеся со всех сторон удары, пока подоспевшие товарищи не помогли ему разобраться с врагами. Затем, движимый непонятым порывом, он в очередной раз поискал взглядом Гледерика, и убедился, что мальчишка не пострадал — жив и кажется даже не ранен, так как дерется очень осмотрительно, не высовываясь в самую свалку. Лишь после этого Гилмор Фэринтайн вновь обратил внимание на своего кузена и короля — и обнаружил, что тот оказался полностью окружен гарландскими солдатами.

Король оглянулся, увидев, что его обступили со спины, и закричал во всю мощь легких, вскидывая к небу топор:

— Ко мне, рыцари Вращающегося Замка!

Однако от воинов Каэр Сиди наследника дома Грейданов отделяло теперь несколько десятков футов и почти полусотня неприятельских пехотинцев. Хендрик врубился в их толпу — однако они лишь теснее сдвинули свои ряды, не желая поддаваться. Гэрис и прочие королевские гвардейцы двинулись на помощь своему сюзерену, прорываясь сквозь вражеское оцепление — однако они отчаянно не успевали на помощь. Хендрик сражался в полном одиночестве.

Вот он пропустил очередной удар двуручного меча — и тот чуть не смял чудом выдержавший защитный панцирь. Вот Хендрик кое-как успел заблокировать едва не пришедшийся ему в голову удар и с усилием все же оттолкнул вражеский клинок. А вот кто-то ударил Грейдана по ногам, и король рухнул на колени, прямо в холодную землю, что было сил сжимая топор перед собой.

На мгновение взгляды Гилмора Фэринтайна и Хендрика Грейдана встретились — и Гилмору показалось, что наверно Хендрик все же узнал его, узнал даже сквозь маску преобразивших его обличье чар. Губы Хендрика беззвучно шевельнулись, будто пытаясь что-то сказать — а затем безвестный гарландский воин обрушил на него удар огромного меча, и доспех Хендрика уже не был для этого меча преградой. Тяжелая сталь разрубила наплечники и панцирь, дробя кости и пронзая живую плоть, пока не дошла до сердца.

Спустя мгновение государь Хендрик Третий, герцог Таэрверна и последний король из славной династии Грейданов, был безнадежно мертв. С ним не только пресекся его царствовавший четыре столетия на эринландской земле владетельный дом, но и рухнули, как подумалось в тот момент Гилмору Фэринтайну, все грандиозные планы волшебницы Кэран.

Глава восьмая

Для Гледерика Брейсвера битва на Броквольском поле запомнилась в первую очередь своей неорганизованностью и суматошностью. Сначала они, в компании и под предводительством короля, мотались по полю, пытаясь не налететь на любовно выставленные копья эринландской пехоты, затем долго и мучительно взбирались на обороняемый лучниками холм. Дэрри старался храбриться, но чувствовал себя скверно. Дело тут было даже не в страхе, а в общей нелепости всего происходившего. Он сомневался, что человек, продумавший план этого сражения, отличался особенной дальновидностью. Да впрочем, какая тут у лорда Хендрика дальновидность. Когда король приказал отпустить коней, стало совсем непонятно, зачем в таком случае следовало их с собой брать. Как и непонятно еще было, какого ляду эринландская гвардия вообще с таким остервенением прорывалась к этому проклятому всеми богами пригорку. С таким же успехом можно было словить вороненое древко в живот и в низине.

Сначала Дэрри пытался просто закрываться щитом, прячась в высокой траве среди прочих карабкающихся по склону товарищей. Несколько человек рядом с ним убило, но ни сэр Гэрис, в спину которого Дэрри смотрел, ни треклятый король не пострадали. Затем они оказались на относительно ровном месте, и дело дошло до рукопашной. Дэрри разрядил взятый им с собой арбалет в чье-то неприкрытое забралом шлема лицо, и взялся за меч. Такой бой, конечно, сильно отличался и от прежних стычек с уличными бандитами, и от замятни во Вращающемся Замке. Но тактика оставалась прежней — не лезть в самое пекло, не вырываться вперед ровного строя эринландских солдат, вообще не делать ничего необдуманного или безрассудного. Дэрри совершенно не хотел помирать в шестнадцать лет. Ладно бы еще ближе к тридцати.

Бок о бок с Дэрри сражались хорошо обученные солдаты — в основном королевские гвардейцы либо их оруженосцы. Все, что ему требовалось — держаться подле них, да вовремя бить какого-нибудь зазевавшегося неприятеля, если тот вдруг оказывался на расстоянии удара. Обычно Дэрри выжидал момента, когда кто-нибудь из воинов противника схлестнется с его сражающимися рядом товарищами по оружию, а потом бросался наперерез врагу и колот куда получалось дотянуться. В сочленения доспехов, как правило, или в ногу, или в лицо, или даже в пах, если тот был плохо прикрыт. Так Гледерик за примерно полчаса схватки отправил на тот свет с полдюжины гарландских солдат. Совсем неплохие показатели для первого серьезного боя, сказал себе юноша.

Земля под ногами стала рыхлой, пропиталась кровью, скользила под сапогами. Разверстые лица мертвецов глазели в небо, и нужно было ступать осторожно, чтоб не споткнуться о труп. Было с чего испугаться — но Гледерик не боялся. Не для того он оставил теплый кров и очаг, чтоб позорно испугаться сейчас. Голова, правда, немного кружилась — но от резких ею поворотов и чуть-чуть от волнения, не от страха.

Он внимательно следил и за сэром Гэрисом, конечно, и за королем — и хорошо запомнил тот момент, когда вырвавшийся слишком далеко вперед, в самую гущу вражеских рядов Хендрик сначала пал на колени, оглушенный обрушенным на него ударом, а потом и вовсе рухнул бездыханным оземь, разрубленный до пояса двуручным мечом. В тот миг, наверно, течение битвы на секунду остановилось — замерли, растерянно опуская оружие, и

эринландские, и гарландские солдаты. Но оцепенение длилось недолго — потому что уже спустя еще один, очень долгий удар сердца Гэрис Фостер заорал что было сил:

— Отступаем! Если вам жизнь дорога, отступаем!

Дальнейшее Дэрри запомнил смутно. Отчаянный бег вниз по холму, в низину; смятые и разрозненные боевые порядки эринландского войска. Напирающие сзади отряды неприятеля. Из воинов, бившихся бок о бок с Гледериком на вершине холма, к его подножию добралась живыми хорошо если половина. Устремившиеся вниз гарландцы вгрызались в то, что осталось от приведенных Грейданом сил. А внизу, на равнине, дело обстояло еще хуже — вокруг тоже во все стороны бесновались солдаты противника, и реяли синие знамена с алой гончей сворой на них. Гэрис Фостер пробивался, проламывался сквозь вражьи ряды. Бился он не своим обычным полуторным мечом, тот сейчас покоился в ножнах, а длинным клеймором, выхваченным у кого-то из сраженных им воинов короля Клиффа. Дэрри старался не выпускать щита и не отставать от Фостера ни на шаг, потому что знал, что иначе просто затеряется в этом сводящем с ума, орущем и истекающем кровью хаосе. Иногда перед ним оказывались вражеские бойцы, и юноша то закрывался от них своим здоровенным треугольным тарчем, то его же ребрами не глядя молотил врагов.

А потом из всего окружавшего их безумия вдруг вынырнул Эдвард Фэринтайн, верхом на своем белоснежном жеребце. Шлем свой герцог где-то потерял, платиновые волосы в беспорядке разметались по плечам, но раненым или впавшим в панику сэр Эдвард не казался. Конем Фэринтайн правил уверенно, и его сопровождал отряд из нескольких десятков всадников.

— Где Хендрик? — окликнул он Гэриса и в тот же миг, не поведя бровью, насквозь проткнул копьем бросившегося было под копыта гарландского ландскнехта.

— Убит! — крикнул Гэрис в ответ. — Бой проигран, отступаем!

— Здоровое решение, — Эдвард Фэринтайн протянул руку и помог Фостеру забраться в седло позади себя. Герцог повернул коня, делая знак своим воинам следовать за ним, и Дэрри уже с отчаянием подумал, что так его и забудут здесь, среди всеобщего светопреставления и смертоубийства, как вдруг чьи-то могучие руки схватили юношу и посадили на лошадь.

— Спасибо, — выдавил из себя Дэрри.

— Друзей не благодарят, — насмешливо сказал его спаситель, нестарого вида седоволосый мужчина в черных доспехах. Спустя какое-то время ошеломленный оруженосец сэра Гэриса признал в этом седовласом воине командира венецких наемников Остромира.

— Вы меня вытащили? — спросил Дэрри ошарашено. — Зачем вам лишняя обуза?

— Не дергайся, — проворчал венец, — сейчас трясти будет.

Выставив вперед копьё, Эдвард Фэринтайн двигался на прорыв из вражеского окружения, и сопровождали его уцелевшие воины королевской гвардии. Было их не так уж и много. Сначала Дэрри показалось, что выбраться с поля живыми им все же не удастся, слишком много было гарландцев на их пути, и слишком настойчиво они смыкали свои порядки. Но потом в темном вражеском месиве наметился какой-то просвет, и эринландские рыцари рванули во весь опор коней, сбивая с ног и затаптывая пехотинцев противника.

Наконец они вырвались на свободный простор, и дальше горячили что было мочи лошадей, стараясь уйти от погони. Дэрри со всей дури вцепился в спасшего его солдата, надеясь не вывалиться из седла. Всадники мчались как бешеные, поля и перелески

стремительно сменяли друг друга, и порой юноше приходилось прятать лицо, чтоб уберечься от хлещущих прямо в глаза веток. С облегчением Дэрри заметил среди выживших солдат Гленана и Джеральда. Те ехали на своих конях, и, увидев Гледерика, приветливо ему кивнули.

— Лучше всего будет поехать сейчас в Каэр Сейнт, — сказал Фостер Фэринтайну, когда вражеское войско оказалось в миле или двух позади.

— Древний замок сидов? — уточнил сэр Эдвард. — Почему именно туда?

— Нам нужно где-то переночевать, — пояснил Гэрис, — и Клифф непременно вышлет за нами погоню. Они прочешут всю равнину. Каэр Сейнт считается проклятым местом. Простонародье верит, что злые духи живут в его стенах. Гарландцы суеверный народ, туда они не сунутся ни за что.

— Вот значит как, — проронил сэр Эдвард. — А вы, Гэрис Фостер, получается, не боитесь приглашать нас в овечьиные настолько дурной славой развалины.

— Я боюсь мечей и стрел. Древнего колдовства не боюсь. Тем более, если оно сказочное.

— Не все сказки лживы, — сказал герцог медленно. — Но в этом предложении есть смысл, не могу на сей раз отрицать. Лорд Остромир, — повернул Фэринтайн голову в сторону командира наемников, — скажите пожалуйста, вы позаботились о дальнейшей судьбе ваших солдат?

— Я отдал им четкие приказы, если вы об этом, — сообщил чужеземец. — В случае нашего полного разгрома — кто как может добирается к Таэрверну. Там старший по званию принимает командование отрядом, и решает, что делать дальше. То, что мы видели на Броквольском поле — это ведь полный разгром, верно?

— Похоже на то, — поджал губы герцог.

— Ну значит хорошо, что мои глаза мне не лгут. А вы, Эдвард, позаботились о судьбе своих дружинников?

— Все мои люди получили точно такие же приказы, что и ваши. Только, — герцог чуть помедлил, — я, кажется, не разрешал вам называть меня по имени.

— Верно. А я не разрешал вам называть меня лордом.

Эдвард Фэринтайн с секунду поглядел на своего оставшегося совершенно невозмутимым собеседника, а потом неожиданно улыбнулся:

— Это правда, Остромир. Простите. Может быть, мой покойный кузен и был прав насчет моей излишней манерности. Гэрис, расскажите, как погиб наш король?

— Скверно погиб, — признался Фостер. — Отважно и скверно. Примерно так же, как и жил.

— Странно! — сказал Эдвард. — Еще недавно вы отзывались о Хендрике с куда большим уважением. Ваша вертлявость, Фостер, начинает вызывать у меня еще большее недоверие, чем до этого.

— А давайте хотя бы сейчас не будем ссориться, — сказал Гэрис зло. — Я говорю, что думаю. Пока Хендрик был жив — я служил ему верно. Он взял меня на службу в свою гвардию, а это дорогого стоит. И плохой я был бы солдат, если бы начал лаять на своего командира и обсуждать его приказы. Однако умер он плохо. Позволил себе оторваться от своих бойцов, попал в окружение, а там его и добились. Навалились толпой. Хотя, — добавил Гэрис мрачно, — менестрелям бы такая смерть понравилась.

— Но мы с вами не менестрели, Гэрис Фостер. Мы солдаты разгромленной армии, и

нам придется с этим что-то делать. Переночуем и впрямь в Каэр Сейнте. Благо мы не делаем такого уж большого крюка, заезжая туда. А потом нам нужно будет опередить Клиффа, пока он не занял Таэрверн. Едем, не станем мешкать.

И они поехали. Никакая погоня, вопреки всем опасениям, их в тот день не настигла. Насчитывавший едва ли сотню воинов, порядком потрепанный отряд стремительно проезжал на север, двигаясь запустелыми окраинами Эринландского государства. На здешней неровной лесистой равнине, среди глухого бездорожья, им не встречалось людей. Ни пешего, ни конного — только лишь звери и птицы. Привалов, тем не менее, не делали, опасаясь возможного преследования врага. В седельных сумках нашлось немного провианта — им и перекусили на ходу.

Фостер так и ехал в одном седле с Эдвардом Фэринтайном, так как отдельного коня ему не нашлось. Не имея возможности ни о чем расспросить своего господина, Дэрри принялся забалтывать седовласого венета. Тот, неожиданно, оказался вполне словоохотливым — по крайней мере не огрызался на каждом слове, в отличие от сэра Гэриса.

— Откуда, говоришь, ты родом? — неожиданно спросил Остромир, разглядывая Дэрри. — С побережий Винного моря? Народ там загорелый и темноволосый, а ты даже бледнее эринландца и волосы у тебя ржавые, как небо на закате.

— Вы бывали в Элевсине? — уточнил Гледерик.

— Парень, я бывал во всех королевствах, от Итильского моря до Закатного. Я солдат удачи. Я нес службу в Озерном Крае, в Дардании, в стране эллинов, в Падане, в Лумее, в Тарагоне, даже в чертовом Иберлене. Говоря по правде, на иберленца ты больше всего похож. Они через одного или рыжие, или белокурые, а иногда нечто среднее между тем и тем. Здешний народ белокож, но волосы у него русые или каштановые, гарландцы — черноволосые и тоже очень бледные, но элевсинцы — ни то, ни се. Не такие смуглые, как люди с Дарданского пролива, но все равно загорелые, и среди них почти не бывает рыжих. И зовут тебя не по-южному.

— В моей стране живет смешанный народ, — сказал Дэрри. — Многие кланы пришли пятьсот лет назад из Гарланда, перемешавшись с местными жителями. Поэтому у элевсинцев такие же имена, как на западе.

— Да вот только будь ты гарландцем, повторюсь, твои волосы были бы чернее вороньих перьев, а глаза — скорее серыми, чем зелеными. И имя у тебя совсем не простое, Гледерик. Так звали древних королей, что давно спят в курганах. Расскажешь, почему родители так тебя называли?

Дэрри немного потянул с ответом.

— Боюсь, что не могу признаться, — сказал он.

— Дело твое. У всех здесь свои секреты. Вот только, — заметил Остромир, — твой господин не больно внимателен, если сам еще не допросил тебя на этот счет.

— Вы правы, с внимательностью у моего сеньора все погано, — согласился юноша. — По-моему, сэр Гэрис полон своих собственных тайн, и потому не придает никакого значения чужим. Вот только хотел бы я знать, что у него за тайны такие.

— Ты тоже заметил? Мне сразу бросилось в глаза, что какой-то он скрытный. Я попытался расспросить его немного, так он каждый раз переводил разговор — и весьма ловко, надо сказать. Не нравится мне это, Гледерик, и место, в которое мы едем, тоже не нравится. Я предчувствую беду.

— Вы тоже? — усмехнулся Дэрри. — Казалось бы, какие еще беды могут случиться

после всех наших утренних неприятностей!

— Думаю, — рассмеялся Остромир, — этот день еще нас обоих удивит.

Солнце уже клонилось к закату, когда беглецы въехали в широкую долину, поросшую по своим склонам по осеннему времени оголившимся лесом. На противоположном конце долины вставали, отчетливо видимые на фоне темнеющего неба, высокие башни и крепостные стены. Даже отсюда можно было разглядеть, что по размерам своим древняя твердыня, к которой они подъехали, ничем не уступит могучим укреплениям Вращающегося Замка. Величественные и грозные, ее бастионы внушали невольный трепет, а вместе с ним еще и тревогу — словно нечто непонятное и пугающее таилось в кольце этих черных стен. Дэрри невольно поежился, думая, в какую же чертову глухомань завел их сэр Гэрис. Он не слишком верил в чудовищ и прочих волшебных тварей, но если такие существа и могли существовать, то явно в местах наподобие этого.

— Мы почти приехали, — сказал Гэрис Фостер с волнением. — Добро пожаловать в Каэр Сейнт.

Всю дорогу от Броквольского поля Гилмор Фэринтайн провел в нелегких раздумьях. Сначала, увидев смерть своего кузена, он едва не впал в отчаяние. Случилось именно то, чего он опасался все предыдущие дни, и миссия, которую поручила ему Повелительница чар, казалось готова была пойти прахом. Однако чуть позже Гилмор успокоил себя. Кэран говорила, что для ритуала ей необходим носитель древней крови — ну что ж, такой носитель у нее будет. Эдвард пережил битву, а значит, его и следовало доставить в древний замок. Мысль эта доставила Гилмору подлинное облегчение. По крайней мере, ему не пришлось убивать Хендрика самому. И то хорошо — потому что он глубоко сомневался, что нашел бы в себе твердость это сделать.

Гилмор никогда не ладил с братом. Еще с детства стало ясно, что им предстоит идти в жизни разными дорогами. Задумчивый и мечтательный, Эдвард проводил много времени в обществе книг, с равным интересом изучая как немногие уцелевшие древние фолианты, путано повествующие о секретах забытого волшебства, так и современные научные трактаты. Когда он подрос, оказалось, что Эдвард сторонится ратных подвигов, предпочитая совершенствовать свое воинское искусство на турнирах или в тренировочных схватках. Несколько раз младший Фэринтайн, конечно, ходил вместе с Хендриком в боевые походы, однако видно было, что исполнение этой обязанности не приносит ему никакого удовольствия. Впоследствии Эдвард проявил себя как изысканный придворный кавалер и завсегдатай балов. От всех этих привезенных с юга дорогих костюмов, в которые Эдвард облачался, Гилмора просто тошнило. Разряженный в шелка и бархат, его брат и в самом деле выглядел так, как и подобает выглядеть потомку высоких эльфийских властителей. Гилмор же своего происхождения словно боялся. Рассматривая в зеркале свое странное, почти нечеловеческое лицо глазами густого фиолетового оттенка, он словно воочию ощущал пугающее древнее наследие, таящееся в его крови.

Гилмор тоже, конечно, читал книги — в том числе посвященные истории и повествующие об основателях его дома. Упоминались в этих хрониках эльфийские лорды, что правили когда-то Землей, направляли движение воды и ветра, отпечатали свои имена навеки в пении птиц и шорохе листвы. Рассказывалось там о Сумеречном Короле, чей двор находился далеко на севере, и о Владыках Холмов, стоявших вровень с ним и осуществлявших власть в Срединных Землях. Предки Гилмора происходили от этих владык,

пусть даже их кровь и была разбавлена десятками браков со смертными женщинами. Фэринтайны старели куда медленнее обычных людей, пусть и умирали в положенный смертным срок. И выглядели они совсем не как люди.

Все это было слишком странно, и долгие годы Гилмор не желал иметь с этим ничего общего. Как не желал иметь ничего общего с братом. Безупречно хорошо воспитанный, слегка насмешливый, утонченный, Эдвард словно воплощал всю ту сторону их общей природы, что вызывала у Гилмора опасение. Потому он и тянулся что было сил к Хендрику. Хендрик, несмотря на наследие Фэринтайнов, полученное им от матери, казался нормальным человеком во всех своих проявлениях. Воинственный и беспечный, он делал мир вокруг себя настолько простым и ясным, насколько это было возможно. Находясь с ним, Гилмор мог позволить себе не думать о всех тех запутанных вопросах, что в противном случае цеплялись к его мыслям в томительные минуты перед сном.

И вот теперь Хендрика больше нет, а Гилмор Фэринтайн привел своего брата в замок своих предков, чтобы убить его, исполняя приказ девушки, владеющей той самой темной магией, которую он всю жизнь боялся.

Это было очень смешно, и наверно ему стоило над этим всем посмеяться, да только смех упорно не лез в горло.

Отряд остановился перед распахнутыми воротами замка, и воины стали спешиваться.

— В гостеприимную обитель вы нас завели, сударь, — проворчал подошедший к ним Остромир.

Каэр Сейнт и впрямь выглядел не слишком доброжелательно к незванным гостям. Окружавший крепость ров давно уже зарос травой, сорные травы, как можно было заметить отсюда, покрыли и внутренний двор. Когда-то короли Таэрверна держали здесь пограничный гарнизон, но потом границу передвинули, и последний солдат покинул этот пост почти два столетия назад. С тех пор Каэр Сейнт, и без того покрытый дурной славой из-за творимого некогда в эльфийские времена в нем колдовства, был окончательно заброшен. В стенах кое-где виднелись пробоины, то были следы давно минувших осад, и в паре мест привратные укрепления начали осыпаться от натиска беспощадного к ним времени. Башни зияли провалами пустых окон. Несмотря на все прошедшие беспощадные годы, древняя цитадель пока еще не обратилась в прах — строили ее на века. Гилмор не знал, как выглядела крепость в те дни, когда в ней правили фэйри — все же, за последующие столетия люди перестроили ее не раз и не два. Тем не менее, если верить словам Кэран, в здешних камнях до сих пор жила сила.

— Может здесь и мрачновато самую малость, — сказал Гилмор, — зато безопасно. При желании тут можно выдержать целую осаду.

— Но такого желания у меня нет, — сказал Эдвард. — Заночуем здесь, а утром обратно в столицу. Лишним временем мы особенно не располагаем. Разобьем лагерь прямо во дворе.

— Я не спорю, — сказал Гилмор. — Рассиживаться лишний раз и в самом деле не стоит. Но все же, я бы сперва советовал нам с вами, герцог Фэринтайн, сперва зайти вовнутрь и осмотреться. Вдруг в замке притаились мародеры или кто-то наподобие?

— И это говорит человек, который сам нас сюда привел, — усмехнулся Эдвард. — Но вы правы. Разведка не повредит. Я пойду на нее сам, а вы, Фостер, пойдете в таком случае со мной. Остромир, составьте нам компанию, пожалуйста.

— С вашего позволения, милорд, — вставил свое непрошеное слово оруженосец Эдварда, мальчишка из дома Кэбри, — я буду вас сопровождать. Мы же в самом деле не

знаем, что таится внутри.

— Там таятся пауки, мухи и плесень, — с насмешкой фыркнул Дэрри, хотя было видно, что юноше не по себе. — И таятся они там в огромном количестве. Но если ты и сэр Гэрис туда, то и я тоже. Не могу же я остаться в стороне, когда мой сеньор и мой друг направились в такие живописные руины.

— Многовато уже людей для одной маленькой вылазки, — с недовольством сказал Гилмор.

— В самый раз, — не поддержал его Остромир, проверяя пальцем заточку своего меча. — Вы же сами предупреждаете нас, Гэрис — внутри могут засесть разбойники. Тогда это задачка — как раз для наших пятерых мечей.

Гилмор отрывисто кивнул, стараясь скрыть свои недовольство и волнение. Эдвард приказал тем временем своим людям ожидать их возвращения, и первым ступил на широкий замковый двор. Гилмор последовал за ним — и пальцы его, почти против воли, сжались на рукоятке меча. Он до сих пор не был уверен, сможет ли он совершить то, что задумал. Но привычный ледяной холод поднимался из самых глубин его существа, заполняя сердце. Кэран говорила, — вспомнил Гилмор, — дни между Самайном и Йолем, темное время, время ворот, время ключей. Дни, когда завеса тонка, и древняя кровь, пролившись, способна разорвать ее в клочья. Что ж, сегодня на Броквольском поле пролилось достаточно крови — в том числе и королевской крови. Осталась одна-единственная, последняя жертва. А потом Кэран распахнет двери, что были закрыты с окончания Войны Пламени, и начнет менять мир по своему усмотрению. Она смелая девчонка, и я ей в этом помогу.

Солнце уже зашло, и сырые сумерки стлались повсюду. Холодало, стремительно темнело. В воздухе пахло мутными мороками предзимья. Гилмор и его спутники (родной брат, не подозревающий, за какой участью он сюда приведен; капитан иноземных солдат и два юных оруженосца) поднялись по истертым временем ступеням в главную башню крепости. Залы ее казались длинными и просторными, и под высокие потолки уносилось тревожное эхо. В широких окнах не осталось ни витражей, ни ставен, однако света почти угасшего дня едва хватало для того, чтоб рассеять стремительно наступающие сумерки. Всюду здесь были лишь одни только запустение и тлен. Уходя, солдаты последнего гарнизона вывезли из покидаемой ими крепости любое ценное имущество. Осталась лишь покрывшаяся многолетней пылью старинная грубая мебель да голые каменные стены. Каэр Сейнт не казался внутри страшным. Скорее печальным. Брошенным. Всеми забытым. Гилмор подумал, что этот замок выглядит совсем как последний осколок давно умершего, почти забытого людьми старого мира, которым собственно и является.

Наконец они остановились в большом чертоге на втором этаже донжона. Потолок здесь подпирали могучие колонны, изрезанные барельефами с изображениями каких-то былых битв. Гилмор нахмурился, пытаясь припомнить старинные планы Каэр Сейнта, которые с любопытством рассматривал как-то еще в юности.

— Здесь же был пиршественный зал, правильно? — спросил он, глядя в окна, за которыми сгущалась ночь.

— Насколько я понимаю, да, — подтвердил Эдвард. — А еще — тронный зал, во времена, когда в Каэр Сейнте правили фэйри. — Он немного помолчал. — Фостер, — сказал Эдвард наконец, — для простого безземельного рыцаря, явившегося с дальних задворков нашей страны, вы подозрительно уверенно тут ориентируетесь. Будто когда-то уже изучали чертежи этой крепости.

— Не только вы хорошо начитаны, — ответил Гилмор, из последних сил стараясь оставаться в рамках отыгрываемой им роли. Хотя и понимал, что еще несколько минут — и об этой ненавистной, опостылевшей ему роли можно будет навсегда забыть. Забыть о Гэрисе Фостере, как о неловком и нелепом сне, из которого наконец пришел черед проснуться. На мгновение Гилмору стало даже жаль этого грубого и резкого солдата, не лезущего за словом в карман и везде ищущего добрую драку — солдата, которым он все эти дни был. Наверно, — подумал Гилмор Фэринтайн, — сэр Гэрис — это то, чем я стал бы, не родись я собой. Но пора уже и честь наконец знать — представление получилось прекрасное, но любые пьесы однажды подходят к своему концу.

Желая, тем не менее, немного отсрочить неизбежную развязку, Гилмор с деланной небрежностью спросил:

— А усыпальницы Повелителей Холмов? Где находятся они?

— В подземельях, — пристально глядя на него, сказал Эдвард. — Примерно как раз под этим залом, если я не ошибаюсь. Я надеюсь, мы не будем туда спускаться.

— Мне кажется, — сказал Гилмор Фэринтайн, и впервые за последние дни на его лице была широкая и беспечная улыбка, — в этом и в самом деле нет никакого смысла.

Он достал из наплечных ножен бережно все эти дни хранимый колдовской кинжал, полученный им из рук Кэран, и от души полоснул себя по левой руке. Тяжелые капли крови, словно набухая в воздухе, рухнули на каменный пол.

— Моя госпожа, — сказал Гилмор громко, — приди и возьми то, что твое по праву.

Когда Гэрис Фостер вдруг принялся резать себе руку, обращаясь попутно к какой-то там неведомой госпоже, Дэрри решил, что его господин окончательно чокнулся. Ну а правда — после завершившейся сокрушительным поражением битвы и после бешеной многочасовой скачки нетрудно было бы повредиться рассудком, не выдержав всех этих тягот. Остальные присутствующие — и Гленан, и Остромир — тоже поглядели на Фостера, как на полного безумца. Один только сэр Эдвард казался странно внимательным, словно читал на лице Гэриса одному ему видимые знаки.

Дэрри хотел уже было спросить Гэриса, как им все же расценивать подобные неожиданные кровопускания и какой в них смысл — и неожиданно для себя запнулся, не вымолвив ни единого слова.

Вокруг что-то изменилось. Изменилось в два века уже заброшенном всеми и вся замке. Изменилось в давно опустевшем пиршественном зале, в центре которого они стояли, как незваные никем гости. Что-то изменилось во всем.

Может быть, стало слегка холоднее — сильнее и злее задули сквозняки. Может быть, темень за окном сделалась еще непроглядней. Может быть, двери между мирами, что приоткрыты на излете года, закрипели, готовясь быть распахнутыми настезь.

Она вышла из темени между колонн — хрупкая высокая девушка в длинных черных одеждах. Она шла изящно, будто танцуя — подобно тому, как танцует пламя свечи. Рыжие волосы, алые, будто свежая кровь, струились по ее плечам. В руках она держала длинный тонкий меч, сделанный словно из серебра и ртути.

— Тебе не нужно было меня вызывать, — сказала девушка мягко, обращаясь, кажется, к Гэрису. — Я и так была здесь, и ждала тебя, все эти дни. Но спасибо тебе за этот красивый жест, мой верный рыцарь. Я всегда любила красивые жесты, и поверьте мне, милорды, — тут она обвела взглядом всех присутствующих, — нынешняя ночь будет их полна.

Дэрри замер, неотрывно глядя в ее глаза. Ибо они были, словно распахнутые ворота в бездну.

— Я твой слуга, леди Кэран, — сказал Фостер глухо. — И сделал все, о чем ты меня просила.

— Не все, — уточнила девушка с легкой укоризной. — Я просила привести сюда Хендрика Грейдана, и я не вижу его здесь. Зато вижу множество людей, чьего присутствия я у тебя не просила. Два юноши, старик в боевых доспехах. Зачем ты их ко мне привел, мой рыцарь?

— Так вышло, миледи. Я не хотел их приводить, простите. Эти глупцы увязались за мной следом.

Дэрри сделалось не по себе от этого обмена репликами. Он велся так небрежно, будто никого другого, кроме этих двоих, и вовсе не было в зале. Или как будто никто другой не имел в глазах этих двоих равным счетом никакого значения.

— А вы симпатичная, — сказал Дэрри охрипшим голосом, потому что надо же было что-то сказать. — Сэр Гэрис, вы знаете эту барышню? Ваша подружка? Если так, почему прятали ее от нас, все это время? — Юноша улыбнулся, широко и нахально, и понял, что его сейчас начнет бить дрожь. Было нечто невероятно жуткое во всем происходящем, хотя он и сам не до конца мог понять, что именно. Словно сердца его внезапно, на какую-то долю секунды, коснулся осколок льда, стремящийся заморозить любые чувства.

— Успокойся, Гледерик, — сказал Остромир ему тихо и серьезно. Седовласый воин стоял, оперевшись на рукоять своего меча, и неотрывно смотрел на нежданную гостью. — Ты что, не понимаешь? Похоже, к нам пожаловала колдунья. Сэр Гэрис, — сказал Остромир громко, — что же это вы, завели нас в логово колдунии?

— Считайте и так, если будет угодно, — ответил Гэрис, не поворачивая головы. Он тоже, как и все, кто стоял сейчас в этом замке, пристально глядел на рыжеволосую девушку в черном, сжимавшую в своей руке странный меч. Неожиданно кривая усмешка рассекла лицо Гэриса Фостера. — Только это отнюдь не ее логово, вы уж простите, — сказал он, улыбаясь с внезапной ненавистью. — Это мое логово. И всех, кто моей крови.

Сэр Эдвард сделал шаг к нему. Фиолетовые, как предгрозовое небо, глаза герцога Фэринтайна сейчас, казалось, не видели ничего, кроме этого странного, криво усмехающегося человека, доставшего Дэрри месяц назад из придорожной грязи и впустившего в этот странный и волнующий мир королей и властителей.

— Буду ли я прав, — сказал Эдвард Фэринтайн, — если предположу, что Гэрис Фостер — не настоящее ваше имя, милорд?

— Ты будешь совершенно прав, дорогой брат, — Гэрис перестал улыбаться. — Вот эта вот леди... Венет правильно сказал, она колдунья. Повелительница чар — так звучит ее титул, и передается в ее роду уже много поколений подряд. Ты же помнишь, как мы читали о них, Эдвард? Древние маги. Те, что уничтожили старый мир. Что умели обрушивать молнии и разверзать земную твердь. Наши предки и сами, если не ошибаюсь, были из их числа. Семья Кэран выжила, и предпочла сохранить свое знание, пока мы бежали от него, словно от чумы.

— И ты тоже бежал, — сказал Эдвард глухо. Дэрри застыл, пронзенный внезапным пониманием происходящего. — Ты боялся магии, а теперь ты возвращаешься из мира мертвых в компании волшебницы? Кто она такая? Некромант? Достала твою душу с того света, Гилмор, и засунула в чужое тело?

— Ну, это было бы чересчур сложно даже для нее, — сказал человек, которого Гледерик привык называть именем Гэрис Фостер. — Нет, Эдвард, я не умирал. Так, слегка задержался перед порогом смерти, но совсем не сдох. Проклятый гарландский копейщик выпустил мне кишки, и я думал, что скоро умру. Но пришла Кэран, забрала в свой дом и вылечила. А потом дала мне это лицо. То, что ты видишь, дорогой брат — это чары. Очень хорошие, мне таких пока не наложить. Но это всего лишь магия, ничего больше.

— Всего лишь магия, — повторил Эдвард, как во сне. Он сделал шаг в сторону, поворачиваясь теперь к девушке в черном. — Как я понимаю, госпожа, — сказал герцог учтиво, — вы очень сильная волшебница, раз не только вылечили раны моего брата, но и смогли, по какой-то своей причине, наделить его новым обликом. Я думал, волшебниц настолько сильных — и волшебников — уже не осталось в нашем мире. Но у любой магии, как я слышал, существует какая-то цена. Какую цену вы собираетесь требовать с моей семьи?

— Об этом-то сейчас и пойдет речь, — сказал его брат.

Чародейка медленно, не говоря ни слова, встала ровно посередине между Эдвардом и Гилмором Фэринтайнами, переводя взгляд с одного на другого. Острие ее меча слегка дрогнуло. Лицо ее было белым, словно мел.

— Да, — сказала та, кто была названа госпожой Кэран и Повелительницей чар, — у моего участия есть своя цена, и сегодня я пришла, чтобы эту цену мне заплатили. И прямо сейчас мы приступим к делу. — Она поудобнее перехватила меч, словно готовя его к удару.

Чувствуя, как сковавшее его напряжение слегка отступило, Гледерик сделал шаг вперед. Молчавший и стоявший неподвижно все это время Гленан попробовал было его удержать, но Дэрри вырвал свой локоть у него из пальцев.

— Знаете что, миледи, — сказал Гледерик Брейсвер неожиданно зло. — Вы первая колдунья, которую я вижу в своей жизни, и хочу сказать вам только одно. Ведете вы себя не слишком учтиво. Ладно, я уже понял, что сэр Гэрис меня и всех облапошил, и никакой он не сэр Гэрис. Допустим. Допустим, он завел нас к вам в гости, и вы нас тут поджидали. Допустим, он врал нам все это время. Но в таком случае — мне чертовски не нравится, когда мне лгут и меня водят за нос. И ваши пафосные жесты, чтоб за ними не таилось, мне не нравятся тоже. А особенно мне не нравится ваш меч. Говорите коротко и ясно, чего вам надо, а потом оставьте нас в покое.

Он выхватил свой клинок и направил его острием чародейке в грудь.

— Ты все сказал, мальчик? — спросила леди Кэран и улыбнулась.

— Почти все, — Дэрри улыбнулся ей в ответ. — У вас некрасивый нос.

Она не шелохнулась, не сделала никаких таинственных пассов руками, не выкрикнула никакого заклинания — не случилось ничего из того, чем обычно сопровождается магия в сказках. Просто меч вдруг вылетел у Дэрри из рук, будто вырванный неведомой силой, а самого юношу резко, как от удара конскими копытами в грудь, отшвырнуло назад и впечатало спиной в неудачно подвернувшуюся колонну. Дэрри закричал от боли.

— Довольно? — спросила Кэран, продолжая улыбаться. — Я могу долго развлекаться подобным образом. Могу приподнять тебя вверх и впечатать со всей силы в потолок. Могу швырнуть прямо отсюда на крепостной двор. А могу поджарить твои внутренности изнутри, как если бы в твоем животе растопили костер. У меня очень богатая фантазия, поверь мне на слово. Этих моих предостережений будет достаточно, чтоб ты перестал вмешиваться в разговоры старших, неразумное дитя?

— Подавитесь своими угрозами, злая тетенька, — с трудом выдавил Дэрри. Спина просто раскалывалась.

Гленан Кэбри дернулся вперед, швырнул в волшебницу стилет. Тот даже не коснулся ее. Загорелся прямо в воздухе ярким синим огнем, и осыпался на пол стремительно истлевающим пеплом.

— Остановитесь, — сказал Остромир мальчишкам. — Так вы только разозлите ее еще больше. Сударыня, — сказал он, обращаясь к чародейке, — извините великодушно молодых людей. Мы только что вернулись из сражения, в котором армия, в рядах которой мы бились, потерпела неудачу. Мы устали и изрядно нервничаем — потому и ведем себя грубовато. Ваш друг, лорд Гилмор, если не ошибаюсь, его на самом деле именно так зовут, может объяснить вам все поподробнее.

— В самом деле, — сказала Кэран. — Раз уж нас больше никто не прерывает — Гилмор, пожалуйста, объясни мне хоть что-нибудь наконец. Ибо я заждалась.

Гилмор отстраненно наблюдал за тем, как Дэрри и оруженосец Эдварда попробовали напасть на колдунью. То была, конечно, лишь пустая трата сил и времени с их стороны. Обычный смертный почти не имеет шансов в бою с волшебником, особенно с таким хорошо обученным, как Кэран. Сам Гилмор и то глубоко сомневался, что смог бы выстоять в поединке против нее — пусть Кэран и обучила его неким первоначальным основам плетения чар. Его рыжеволосая знакомица была, сейчас, должно быть самым опытным и сильным магом в этой части света. И практически единственным, вдобавок.

— Я жду. Прекрати испытывать мое терпение, рыцарь, — сказала волшебница холодно. — Или у тебя язык провалился в глотку?

— Прошу прощения, госпожа, — повинился Гилмор, с трудом отводя взгляд от людей, которых уже почти привык считать своими товарищами. Не смотреть в глаза Эдварду было особенно сложно. — Я помню, что мы говорили с тобой о Хендрике Грейдане, — сказал Гилмор, на мгновение прикрывая глаза. Последние минуты эринландского государя так и застыли перед его мысленным взором. Отчаянный взгляд, бешеный крик, неотвратимо падающий клинок. Такое сложно забыть. — Сегодня утром состоялось сражение с силами Гарланда. Мы насилу вырвались из вражеского окружения, а Хендрик так в нем и остался. Я лично видел, как он погиб. Ему разрубили туловище.

— Печальный и предсказуемый финал, — Кэран слегка поджала губы. — Не могу сказать, что удивлена подобным исходом. Тебе стоило подойти к исполнению своего задания с несколько большей тщательностью. Например, сделать так, чтоб твой проклятый двоюродный брат все же дожил до этого вечера. Проклятье, я же просила!

Гилмор почувствовал, как внутри него разгорается гнев.

— Сама бы попробовала это сделать, в таком случае! Это было не так-то уж просто, уследить за моим проклятым двоюродным братом. Стоило мне отвернуться на минуту, как он уже нашел, о чей клинок умереть. Почему, бесы тебя побери, ты не могла сделать все сама, раз ты такая могущественная?

— Как ты себе это представляешь, объясни на милость? — огрызнулась Кэран со всем имевшимся у нее ядом. — Ты думал, я могу явиться просто так, перед всем вашим войском, и спеленать Хендрика своими чарами? Чтобы я делала потом? Тащила его на своем горбу до самого Каэр Сейнта, попутно стараясь оторваться от многотысячной погони? Гилмор Фэринтайн, не пытайся казаться глупее, чем ты есть! Наши предки владели искусством мгновенного перемещения. Я — не владею. Я могу придти только туда, куда мне уже откроют ворота. Например, тем кинжалом, что ты держишь в руках, и древней кровью на нем. И такой кинжал у меня всего один. Из Каэр Сиди я уезжала на лошади, и тряслась в седле проклятых два дня, пока не оказалась тут. Так что может прекратишь наконец изображать из меня всесильную богиню, и немного подумаешь головой?

Девушка замолчала, тяжело дыша от накатившей на нее ярости. Гилмор склонил голову, чувствуя охватывающий его стыд.

— Прости, — сказал он. — Ты дала мне важное поручение, и я его провалил.

— Ну не совсем, — буркнула Кэран. — Легкий путь, конечно, теперь мне недоступен, но остались и другие пути. Например, битва все же состоялась. И завеса действительно

потревожена, — она замерла, словно прислушиваясь к невидимым голосом. — О да, — сказала волшебница, — крови было пролито немало, именно там и тогда, когда требовалось. Нужный день и нужное место. Мир пришел в движение и накренился, мне осталось лишь самую малость подтолкнуть его — и тогда он устремится в полет, прямо к моей цели, как брошенный меткой рукой камень. Хендрик погиб, но я просила привести в Каэр Сейнт не просто человека по имени Хендрик Грейдан. Я просила привести сюда короля Эринланда, и король Эринланда здесь. Некоронованный, не заключивший должной связи с Вращающимся Замком, но все-таки король.

— Именно так, — подтвердил Гилмор, найдя наконец себе силы посмотреть на Эдварда.

А Эдвард Фэринтайн стоял меж тем в двух шагах от Кэран, прямой и бесстрастный, и невозмутимо слушал весь этот странный, должно быть, для него разговор. Внимательно переводил взгляд с нежданно вернувшегося из мертвых брата на рыжеволосую чародейку, и не выказывал никаких признаков тревоги или тем более страха. В самообладания Эдварду нельзя было отказать. Он молчал, точно также, как молчали и венецкий воин, и два напряженных, взбудораженных, злых мальчишки. Дэрри кое-как сел, опершись ушибленной спиной о злополучную колонну, что едва не вышибла из него дух. Гленан Кэбри встал рядом. Оружия он больше не доставал, но особенно дружелюбным при этом тоже не казался.

Они все уже решили, что я для них враг, — понял Гилмор. — И кажется, они правы.

— Позвольте вмешаться в ваш разговор, — подал все же Эдвард голос. — Кажется, я понимаю, о чем вы ведете речь — не даром я читал древние книги. Вы, сударыня, — легкий кивок в сторону Кэран, — замыслили провести в священном для народа холмов месте ритуал на крови. Темное время после Самайна как нельзя лучше подходит для подобных ритуалов — так, по крайней мере, считали малефикары древности, — Эдвард слегка поморщился, демонстрируя тем самым все презрение, которое наследник высоких фэйри должен испытывать к отверженцам, практикующим черную магию. — Каэр Сейнт был известен как место силы. Вы желаете умертвить здесь государя древней крови... Ради достижения какого именно результата?

Кэран слегка улыбнулась. Одними губами. Ее взгляд, однако, оставался при этом холодным.

— Приятно в наши дни встретить образованного человека, — сказала она со всей возможной любезностью. — Я уж думала, что я — единственная, кто хоть как-то разбирается в подобных вопросах.

— Нет, в этом смысле вы отнюдь не одиноки, миледи, — Эдвард, будто извиняясь за свою избыточную ученость, коротко поклонился. — Хотя должен признать, мои познания в чародействе и волшебстве носят скорее теоретический характер. Я читал немногие рукописи, составленные моими предками на этот счет, но сам никогда не смог бы продемонстрировать тех навыков, которые продемонстрировали сейчас вы.

— В этом преимущество практики перед теорией, — Кэран вновь улыбнулась, и теперь ее улыбка казалась почти искренней. — Должна выразить вам свое почтение, сударь. Вы хорошо воспитанный кавалер, и голова у вас, как я вижу, не пустая. Вы дадите немалую фору своему брату, которого я терпела, признаться, лишь потому, что выбирать мне было не из чего. Вы мне нравитесь. Жаль, что тогда, у реки Твейн, я нашла в груди мертвых тел отнюдь не вас.

— А вот мне, почему-то, совсем не хочется об этом жалеть, — ответил Эдвард холодно.

Теперь уже он казался колючим, как зимний ветер. — Я учтив, леди. Но я отнюдь не намерен с вами флиртовать, если то, что было сейчас — это попытка флирта.

— Ну будет вам, — протянула Кэран примиряюще. — Я просто стараюсь выглядеть не такой злобной, какой вы все меня, кажется, уже возомнили. Вы же сами уже почти обо всем догадались. Когда-то этой страной правили сиды. Их могущество до сих пор спрятано среди останков их крепостей. Это будто сундук с сокровищами. И король Эринланда владеет ключами от этого сундука. Убив его в правильном месте в правильное время, я заберу все могущество сидов себе. Это будет справедливо, ведь я училась магии с детства. Такая огромная сила должна оказаться наконец в достойных руках. То есть в моих.

— Кажется, вы не страдаете излишней скромностью, — сказал Эдвард.

— Нет. Совершенно не страдаю.

Кэран и Эдвард вновь обменялись долгими, испытующими взглядами. Так смотрят друг на друга дуэлянты за миг до начала поединка. Тени, что собрались в зале, казалось, стали еще гуще и непроглядней. Единственным источником света оставался факел, который Остромир воткнул в одно из настенных креплений, когда они только вошли в зал — да и тот горел с усилием, будто готовый погаснуть.

— Раз уж зашел такой разговор, — произнес Гилмор, чувствуя, как делается слегка непослушным язык, — нам действительно предстоит принести в жертву эринландского короля. Хендрик мертв, но, Кэран, я привел сюда своего брата, вместо него. Не могу сказать, что мне настолько уж по душе подобная мысль, но легких путей, как ты сама правильно сказала, для нас уже не осталось. По всем законам, Эдвард сейчас король Эринланда, пусть и не надевший пока корону. Мне очень сильно не нравится подобный исход, но если надо, — Гилмор приподнял зачарованный кинжал на уровень своей груди, направив его острие в сторону брата, — древнюю кровь я пролью. Прости, брат. Не хочу врать, что любил тебя. Мы никогда не ладили.

— Какой же вы выродок, — сказал внезапно Дэрри. — А ведь вы мне сначала показались хорошим парнем, сэр Гэрис. Кажется, я не тому рыцарю принес присягу.

Гилмор даже не поглядел в его сторону. Он смотрел на Кэран и только на Кэран. А Кэран вдруг показалась ему какой-то странной и непонятной, словно он и не знал ее никогда прежде. Чародейка чуть отстранилась, позволив своему лицу утонуть в тенях. Покачнулась с ноги на ногу. Острие ее клинка описало в воздухе полукруг. На мгновение Гилмору сделалось тревожно, хоть он и не понимал пока, в чем причина его тревоги.

— Ты не совсем прав, мой рыцарь, — сказала наконец Кэран, и ее голос показался ему горьким. — Магии нет дела до человеческих законов. Ей важна только подлинная суть вещей. По человеческим законам ты можешь сколько угодно считаться мертвым, а твой брат титуловаться при этом главой твоего дома. Эти формальности ничего не меняют. Старший Фэринтайн ты, и именно ты сейчас — подлинный король Эринланда. Я надеюсь, ты понимаешь, в какие обстоятельства это меня ставит.

— Нет, — он сделал шаг назад, едва веря в то, что только что услышал. — Мы же на одной стороне, Кэран. Я готов помогать тебе в чем угодно! Ты меня не убьешь.

— Прости, Гилмор, но все же убью. И сделаю я это прямо сейчас. Я готовилась к этому дню всю свою жизнь. И ради тебя отступать не стану, — Кэран шагнула к нему, в атакующей позиции поднимая свой меч.

Очень многое произошло в следующую секунду. Гилмор еще пятился, вскидывая для блока кинжал и левой рукой одновременно вырывая из ножен меч, когда все остальные, кто

был в этот момент в зале, бросились на Кэран. Бросились не сговариваясь, будто движимые единым порывом. Отбросив всякую осторожность, метнулся вперед Эдвард. Вскочил на ноги, сжимая выхваченный из сапога нож Гледерик. Уверенно двинулся в атаку юный сын графа Кэбри с фамильным клинком наперевес. Замахнулся, приближаясь к волшебнице, своим двуручником Остромир.

Как странно и смешно, — подумал Гилмор с горечью. — Они все готовы драться ради меня — предателя, труса и лжеца. Я такого не заслуживаю.

Кэран развернулась лицом к атакующим, взмахнула рукой. Нападавших сбило с ног словно порывом ураганного ветра, протащило по каменным плитам несколько десятков футов. Один лишь Эдвард сумел устоять на ногах — пусть и потребовало это у него, как было видно, немалого усилия. Младший Фэринтайн все же смог сделать выпад, целясь волшебнице в плечо. Кэран легко отбила его удар — отбила быстро, стремительно, ловко. Было видно, что она хорошо владеет оружием, и колдовство тут не при чем. Вот Кэран сделала шаг в сторону, стремительно крутанула кистью — и второй выпад Эдварда, последовавший незамедлительно за первым, точно также был отбит. Гилмор ощутил, почувствовал стремительное движение магии, увидел синие искры, сорвавшиеся с пальцев колдуньи — и его брат замер, застыл, словно обездвиженный в один момент. Лицо Эдварда исказило напряжение, он попытался вновь сделать шаг навстречу своей противнице — и не смог. Короткая судорога сотрясла его тело.

Чары удержания. Простые и сильные, наложенные искусным мастером. Излюбленное средство волшебников древности. Твой противник может быть сколько угодно искушенным и ловким фехтовальщиком, это все не имеет ни малейшего значения, если он не в силах пошевелить даже пальцем на ноге. Это был не совсем честный прием, но мало какой чародей, вступая бой с простыми смертными, помнил о чести.

Кэран еще раз взмахнула рукой, точно таким же заклятьем обездвижив всех прочих своих противников. Дэрри, уже успевший было встать, так и замер в неловкой позе. Гленан упал на колени, Остромир выронил меч и застыл, будто окаменевший. Кэран была сильна, и ей было несложно держать подобные чары на четырех врагах разом.

Волшебница повернулась обратно к Гилмору, и лицо ее было исполнено решимости.

Он постарался вспомнить все приемы магии, которым Кэран его учила. Успели они пройти не так уж и много — под предводительницей своей спасительницы старший Фэринтайн изучил лишь самые начальные основы волшебства. Гилмор сомневался, что этого хватит — и все же потянулся к силе, которой щедро был напитан даже сам воздух в этих стенах. Если на Большом королевском турнире сила представлялась ему потоком ослепительного света, здесь, в хмарые дни предзимья, в давно разрушенном древнем замке, на его призыв откликались лишь тени и тьма. Но он был готов воспользоваться и ими тоже. Чем угодно, лишь бы только уцелеть.

Гилмор обратился к силе — и швырнул эту силу прямо перед собой, формируя из нее щит. Воздух между ним и с каждым шагом приближающимся к нему Кэран загустел, темнея. Сделался вязким, как болотная жижа. Обычный человек застыл бы в этом воздухе и утонул бы в нем, как неосторожный путник тонет в болоте.

— Хорошая попытка, — одобрила чародейка результат его усилий, — но совершенно бесполезная в данном случае. — Огненные искры пробежали по ее мечу, и тогда Кэран рубящим ударом сверху вниз рассекла наспех создаваемую Гилмором преграду.

Гилмор зачерпнул ладонью первозданной тьмы, что клубилась сейчас вокруг него,

темными шупальцами поднимаясь с пола. Словно кусок черной ткани, намотал эту темноту себе на кулак — и размахнувшись, швырнул в волшебницу. Но тьма рассеялась, натолкнувшись на выставленный меч.

— Ты смешон, — сказала Кэран. — Ты привел на погибель родного брата, а сам думал уцелеть?

— Может я и поступил недостойно, — согласился Гилмор. — Но уж явно не тебе меня в это винить, — он бросился в атаку. Сделал выпад заколдованным кинжалом, так как надеялся, что одно волшебное оружие окажется ему полезным в борьбе против другого. Но Кэран оказалась быстрее. Выбила у него кинжал с такой силой, что Гилмор едва не упал. Он успел отшатнуться прежде, чем оказался бы проткнут насквозь. Перебросил меч в правую руку и снова закрылся. Отступил.

Гилмор больше не пытался воспользоваться волшебством. И так было понятно, что не ему, зеленому новичку, тягаться в этом деле с человеком, с малых лет беспрестанно тренировавшимся в искусстве сотворения чар. Но вот новичком в фехтовании Гилмор отнюдь не был. И надеялся, что в этом бою ему поможет если не магия, то хотя бы меч.

Меч ему не помог.

Кэран сотворила новое заклятие — и костяная рукоятка меча, которую сжимал Гилмор, сделалась вдруг нестерпимо-горячей, раскаленной, будто ее докрасна накалили над огнем. Чувствуя, как его ладонь покрывается ожогами, Гилмор выпустил оружие из рук. Меч со звоном упал на пол, и пинком ноги Кэран отшвырнула его в дальний угол. Встала напротив обезоруженного Фэринтайна, тяжело дыша. Все же, одновременное плетение такого большого количества заклятий утомило даже ее. Но утомило лишь слегка.

— Ты все же убьешь меня? — спросил Гилмор тихо.

Ему вспомнились почему-то все те дни, что колдунья провела, применяя свои заклятия в попытках затянуть его раны и спасти его мечущееся в предсмертной лихорадке естество. А потом сами собой, совершенно непрошенные, всплыли в памяти и все те ночи, проведенные Гилмором и Кэран вместе, когда болезнь отступила. Гилмор вспомнил рыжие волосы, падавшие ему на лицо, поцелуи, оказавшиеся неожиданно горячими, обнаженную кожу, такую гладкую на ощупь. Вспомнил, как несколько раз волшебница не уходила к себе, а засыпала в одной кровати с ним, головой на его груди. Вспомнил, каким ровно и спокойным тогда было ее дыхание.

Кэран потрянула головой. Видно, ей тоже нашлось, что вспомнить.

— Прости, — сказала она.

И всадила Гилмору Фэринтайну клинок прямо в грудь.

Гледерик не мог пошевелиться. Проклятое колдовство сковало все его тело, словно превратив мышцы в бесполезный студень, в какой-то вязкий кисель. Он не чувствовал ни ног, ни рук. Только и мог, что стоять и смотреть на происходившую у него на глазах скоротечную схватку. Никогда еще прежде в своей жизни юноша не ощущал себя настолько бессильным.

Он видел, как сэр Эдвард успел обменяться с волшебницей парой ударов — прежде, чем та же самая магия обездвижила и его. Видел, как сражается Гэрис Фостер — вернее, как сражается человек, Гэрисом Фостером себя называвший. Получалось это у него не слишком успешно. Вот сэр Гэрис с криком выронил оружие из рук — а вот бешеная рыжая магичка сделала шаг навстречу и с коротким замахом вонзила клинок ему в грудь.

Будто молния пробежала по лезвию этого клинка.

Сэр Гэрис упал на колени. Кэран склонилась над ним, подбирая с пола тот самый кинжал, которым он воспользовался, призывая ее придти. Замерла, глядя в глаза этому высокому широкоплечему воину, сейчас стоящему перед ней на коленях с разверстой раной груди. А потом вонзила кинжал ему в горло.

Человек, которого Дэрри называл своим господином, умер.

Наверно, юноша бы закричал в тот миг — но кричать он не мог, поскольку наведенная чародейством немота овладела его горлом. Все, что оставалось Гледерику — это стоять и смотреть, точно также, как бессильно смотрели на происходящее и все остальные. Лицо Эдварда Фэринтайна было искажено гримасой ужаса и отчаяния, но ничего сказать сейчас не мог даже он сам. Видимо, неограниченного колдовского дара, доставшегося Эдварду от предков, не хватало, чтоб преодолеть сковывающее его заклятие. Любого дара порой оказывается слишком мало, когда против него выступает мастерство.

Кэран медленно развернулась к ним лицом. В одной руке она сжимала свой длинный тонкий меч, в другой — кинжал, и с обоих клинков на пол падали капли стремительно чернеющей крови. Касаясь пола, они вливались в окружающую волшебницу темноту, что стлалась теперь у ее ног, подобно туману.

— Это немного не то, чего я хотела, — сказала волшебница. — Но лучше, чем совсем ничего.

Она немного помолчала. Бросила взгляд в ту сторону, где лежал, распростертый на камнях, Гэрис Фостер. Или, вернее — Гилмор Фэринтайн. Кэран досадливо дернула головой, будто стараясь отогнать какую-то навязчивую мысль.

— Я могла бы убить вас, — сказала она спокойно. — Если б не боялась потревожить баланс сил. Он хрупок сейчас, и я не знаю, смогу ли я совладать с последствиями, если уничтожу еще и вас. Впрочем, вы ведь не враги мне. — Кэран остановилась взглядом на Дэрри. — Даже этот наглый мальчишка мне не враг. Уходите, — продолжала она. — Или оставайтесь здесь. Это не имеет никакого значения. Прячьтесь в самые глубокие свои норы или возвращайтесь в Таэрверн. Это уже ничего не изменит. Королевская кровь пролита, врата открыты, и преграды больше нет. На зимнее солнцестояние я приду в Каэр Сиди — и заберу Вращающийся Замок себе. А вместе с ним я заберу и весь мир.

Кэран сделала шаг назад, в самое сердце окружавших ее теней.

— До встречи на Йоль, — сказала волшебница.

Спустя мгновение Кэран исчезла. Тени поглотили ее.

Когда Дэрри снова смог двигаться, он бросился к Гэрису Фостеру со всех ног. Бросился — и замер, тяжело дыша и едва веря в ту картину, что открылась сейчас его глазам.

Залитый собственной кровью, с пробитой насквозь грудью и пронзенным горлом, глядя в потолок остекленевшим взором, на холодных камнях покинутой пиршественной залы древнего замка лежал совсем не тот человек, к чьему облику Гледерик успел хорошо привыкнуть за последний месяц. Вовсе не тот черноволосый, загорелый под солнцем в бесчисленных своих походах наемник, чьи толстые губы так часто кривились по любому поводу в желчной, презрительной усмешке. Его фигура почти не изменилась, осталась столь же высокой и сильной — но разительно преобразилось лицо. Словно с него сорвали наконец долго носимую маску.

Тонкие, аристократические черты. Изящный нос. Глубоко запавшие глаза с густой,

фиолетовой радужкой. Бледная кожа. Длинные белые волосы, сейчас грязные и пыльные. Лежавший на полу мертвец выглядел почти зеркальным отражением Эдварда Фэринтайна — разве что только был несколько крепче сложен.

— Да, это мой брат Гилмор, — подтвердил сэр Эдвард, подходя к Гледерику и становясь рядом с ним. — Подумать только, все это время он был рядом.

Дэрри осторожно посмотрел на герцога. Выглядел он и сам почти как мертвец, и лицо его казалось совершенно бескровным. Эдвард Фэринтайн стоял неподвижно, бессильно опустив меч и изучая своего давно потерянного и обретенного за миг до окончательной гибели брата.

— Он привел вас сюда, чтобы убить, — сказал Дэрри резко. — Вам не стоит его жалеть.

— Наверно не стоит, — согласился Эдвард задумчиво. — Но я все равно жалею.

— Зря, — Дэрри фыркнул. — Этот человек обманул нас всех. Туда ему и дорога, — юноша едва сдержался, чтоб не плюнуть себе под ноги. Изумление и страх ушли, осталась только злость. Он понимал, что все эти дни был всего лишь марионеткой, совершенно не имеющей никакого значения фигурой в чужой игре. А человек, которому он почти начал доверять, оказался лжецом с головы до пят.

— В любом случае, — сказал Эдвард медленно, — теперь перед нами встала проблема, которую нам предстоит решать.

— Но решать ее мы будем не сейчас, — вставил Остромир. Венет казался совершенно спокойным, будто все, только что им увиденное, не произвело на него никакого впечатления. Чужеземный воин подобрал свой меч, оброненный, когда Кэран обрушила на него свои чары, и закинул себе на плечо. Потом вытащил факел из настенного крепления. Дэрри следил за его неторопливыми, лишенными суетливости действиями совершенно отстраненно, так, как глубоко задумавшийся человек смотрит на текучую воду или пляшущее пламя костра. Юноша перехватил взгляд Гленана. Тот тоже казался задумчивым и совершенно оцепенелым.

Остромир подошел к убитому. Посветил ему в лицо факелом. Покачал головой.

— Во дворе нас ждут солдаты, — напомнил он. — Мы сказали, что уходим на разведку, но с тех пор прошло уже больше часа. Люди наверняка беспокоятся, и если мы в ближайшие минуты не вернемся к ним — они сами отправятся на наши поиски. А нашим солдатам совершенно не стоит видеть этого человека, — Остромир кивнул на мертвеца. — Только зрелища ваших возвращающихся из посмертия родственников им не хватало после сегодняшнего боя.

— Вы правы, — согласился Эдвард. Он сбросил с плеч испачканный в дороге и в бою белый плащ и накрыл им тело своего покойного брата. — Мы скажем им, — продолжил герцог, — что Гэрис Фостер оказался шпионом, находившимся на службе у нашего врага, попробовал напасть на меня и был в ходе последовавшей схватки убит. В каком-то смысле это и правда так, — Эдвард запнулся. — Вот так, с накрытым лицом, и сожжем его во дворе. Как предателя.

— Да. Вот только, — заметил Остромир, — не забывайте пожалуйста, что настоящий Гэрис Фостер предателем не был. Я его не знал. Но думаю почему-то, что он был куда более достойным человеком, чем... чем вот этот.

— Несомненно, — кивнул Эдвард. — Но этой правды сказать мы никому не можем. Сударь, помогите мне дотащить этого человека вниз.

Остромир охотно помог. Вместе с герцогом они взвалили замотанный в белый плащ

труп себе на плечи и двинулись к дверям. Дэрри и Гленан коротко переглянулись и двинулись следом.

Солдаты и впрямь оказались ошеломлены известием об изменничестве сэра Гэриса, успевшего себя зарекомендовать храбрым и верным воином. Но наткнувшись на ледяной взгляд Эдварда, они не стали бросить никаких объяснений. Дэрри не сомневался, что внезапная смерть Гэриса вызовет слухи — но пытаться обдумать еще и эту проблему у него уже не было ровным счетом никаких сил. Произошедшие только что невероятные события полностью выбили у юноши почву из-под ног, оставили его в состоянии глубокой опустошенности и растерянности. Гледерик верил прежде в магию, конечно — как верят во всякую сказку. Но он не ожидал, что сказки пожалуют к нему на порог. Говоря совсем недавно, после той памятной попойки Гленану, что не отказался бы увидеть настоящего живого колдуна, Дэрри совсем не это имел в виду.

Перед его глазами вставали, словно пущенные по кругу, одни и те же картинки. Выходящая из темноты девушка, и льдистая сталь в ее руке. Тени, ставшие живыми. Незнакомый беловолосый человек с пробитой грудью. Холодный голос, звучавший в ушах: До встречи на Йоль. Дэрри не знал, куда исчезла волшебница. Она говорила, что не умеет перемещаться в пространстве. Кэран просто шагнула в тени и скрылась с глаз. На мгновение Дэрри допустил возможность, что она так и осталась в замке, прячась в его переходах и галереях. Желание возвращаться наверх стремительно пропало.

Прошел, наверно, целый час, прежде чем воины, повинаясь отданному Эдвардом приказу, натаскали из ближайшего леса достаточное для погребения количество сухого дерева и разожгли костер. На этот костер и был возложен приведший их всех сюда рыцарь, оказавшийся изменником и прислужником врага. Никто так и не увидел его лица. Пламя пожирало Гилмора Фэринтайна, взлетая прямо в беззвездное, тучами затянутое небо и разнося вокруг жадные снопы искр. Дэрри молчал стоял и смотрел. Сил что-то говорить по этому поводу у юноши не осталось. Не осталось сил даже на то, чтобы о чем-то думать.

Когда труп предателя был сожжен, сэр Эдвард заявил, что в Каэр Сейнте отряд не останется даже на одну ночь. Уж никак не после того, как в проклятых стенах на герцога Фэринтайна напал, замышляя недоброе, коварный предатель. Это было разумное решение, и солдаты приняли его легко — оставаться в крепости, в которой их настиг неожиданный противник, не хотелось никому. Отряд покинул внутренний двор замка и стал лагерем на изрядно отдалении от него, в самом начале долины, под прикрытием леса.

Было уже, наверно, глубоко за полночь, когда воины начали отходить ко сну. Эдвард и Остромир сели на отдалении от них, за отдельным костром. Дэрри и Гленан, тоже до сих пор молчавший, после короткого молчания к ним присоединились. Казалось, что увиденное в замке как-то связало и сблизило их всех.

Остромир достал фляжку с вином и пустил по кругу.

— Давайте помянем погибших, — предложил он. — Хендрика, да найдет он себе на том свете столько сражений, сколько захочет. Ваших и моих бойцов, все они дрались достойно. И даже вашего брата, Эдвард, тоже помянем.

Герцог кивнул. Он принял из рук седовласого воина протянутую тем фляжку и совершенно неаристократичным образом приложился к горлышку. Дэрри видел, как дернулся у Эдварда кадык. Фэринтайн передал вино Гленану, а сам сказал:

— Мы в самом деле давно были с Гилмором, как кошка с собакой. Если закрыть глаза на все те невероятные обстоятельства, с которыми было связано его возвращение — самой

его злобе, направленной на меня, я не удивлен. Я часто задираю его прежде, да и он меня тоже. Вот уж не думал, что соглашусь пить за него после того, как он привел меня на заклятие.

— У меня тоже был старший брат, — сказал Остромир негромко. — Здоровенный, как два Хендрика, и вечно колотил меня, когда я был мальчишкой. На войну мы отправились вместе, еще безусыми юнцами. Нам было скучно дома, и он подговорил меня сбежать за море, в Арэйну. Мы пролезли на купеческий корабль, заплатив грузчику, чтоб тот не заметил нас. А как приплыли на место — обнажили мечи. Жаркое было дело. Мой брат там и погиб — спасая меня. Мы не ладили, но из огня он меня вытащил. Я понимаю, это совсем другое дело, чем ваш брат. Гилмор-то сам толкал вас в огонь. Но все же пусть степень его вины определяют боги. Или Бог — не знаю уж, кто из них существует на самом деле. Не нам, людям, судить подобные поступки.

— Пожалуй, — согласился Эдвард. — Остромир, скажите только правду, без этих ваших рассказов про героическое посмертие. Зачем вы присоединились к нашему походу? Хендрик призывал к своему знамени всех, кого только мог призвать. Но вы были одним из немногих, кто согласился откликнуться.

Венет немного помолчал, прежде чем ответить. Он сидел чуть сутулясь, сложив руки на колени и глядя прямо в жаркий огонь.

— Ваше дело изначально казалось всем безнадежным, — сказал он наконец. — Мне хотелось посмотреть, как оно будет развиваться, правда ли настолько скверно, как можно было судить. Мне, наверно, просто нравится влезать в безнадежные дела.

Эдвард Фэринтайн слабо усмехнулся:

— Что ж, тогда сейчас вы должны быть счастливы. Ибо сегодня вечером, на наших глазах, наше положение сделалось в десять раз еще более безвыходным, чем было до того. — Он помрачнел и заговорил серьезно, отбросив шуточный тон. — Вы сами все прекрасно видели, господа. Гилмор связался с силами, которые нам всем еще вчера казались несуществующими. Эта молодая леди — волшебница и нам она не по зубам.

Дэрри, как раз принявший из рук Гленана флягу с вином и тоже сделавший из нее могучий глоток, подумал, что не по зубам — это еще мягко сказано. Враги бывают разные, но враг, мановением руки способный превратить тебя в каменную статую, явно опасней любого другого.

— Что будете делать? — спросил Остромир. — Вы ведь теперь король Эринланда.

— Ну, вряд ли сейчас подходящее время для коронационных торжеств, — признался Эдвард. — С утра поскачем в Таэрверн. Туда же должны были направиться наши воины, там их всех и соберем. Нужно опередить Клиффа. Он не просто так затеял эту войну, и одним выигранным пограничным сражением не ограничится. Рэдгар двинется к нашей столице. Придется скакать во весь опор, чтобы опередить его. Я бы выступил уже сейчас, но люди устали. Пусть поспят.

— А потом? — негромко поинтересовался Остромир. — Не Клифф Рэдгар теперь наш главный противник.

Эдвард немного помедлил с ответом. На мгновение он показался внимательно наблюдавшему за ним Гледерику совершенно подавленным и разбитым.

— Я не знаю, — сказал он наконец. — Вы были там, и, как и я, испытали все на себе. Эта девушка овладела древним волшебством так искусно, насколько это вообще возможно. О подобных вещах я прежде читал только в книгах. Я не владею магией. Пытался обучиться по

тем урывкам знаний, что в нашей семье сохранились, но толком так ни в чем и не преуспел. Могу иногда почувствовать приближение опасности. Могу порой сражаться капельку искусней, чем обычный человек. Думаю, мог бы сделать себя незаметным, если бы крался в стан врага. Это все. А Кэран удалось приморозить меня к полу, когда я пытался с ней сразиться. Я напрягал всю свою волю, чтоб разломать ее заклятье, и ни грана в этом не преуспел. Мы не опасны для нее, потому она и не стала нас убивать. Она сказала, что явится в Каэр Сиди на Йоль. Но я совершенно не представляю, что мы сможем ей тогда противопоставить.

— А в ваших древних книгах, — спросил Гленан Кэбри, — совсем ничего не говорилось о том, как бороться с волшебниками?

— Эти книги писали волшебники, — улыбнулся Эдвард. — Они не стали бы оставлять потомкам наставления о том, как себя одолеть.

— Ну, — заметил Остромир, — последний хорошо обученный волшебник в Срединных Землях умер лет пятьсот тому назад, а то и гораздо раньше. Потом был, конечно, Бердарет-Колдун на западе, но он редко пользовался своими способностями, не считая войны с тарагонцами. Люди веками не видали магов, потому и забыли, как с ними бороться. Мы столкнулись с совершенно непонятным для нас врагом. Впрочем, — уточнил он, — так было не всегда. Как я слышал, во время Войны Пламени создавались могущественные артефакты, позволявшие обычному воину на равных вступить в поединок с чародеем и даже выйти из такого поединка победителем. Когда я странствовал по Серебряным Лесам, я наткнулся там на древний схрон, в котором, согласно историческим записям, должен был храниться один из подобных артефактов. Достать я его, правда, оттуда не смог.

— Сказанное вами меняет дело, — вскинулся Эдвард. — В таком случае, нам следует немедленно отправиться к этому вашему схрону.

— Все не так просто, как может показаться, — возразил солдат. — Я не успел сказать главного. То хранилище было создано в самом начале Войны Пламени, Союзом Пяти Королей. На его двери были наложены могущественные заклинания. Только тот, в чьих жилах течет кровь королевских домов, заключивших тогда союз, может войти вовнутрь. Всех остальных магический барьер попросту не пропустит. Иначе почему, по-вашему, этот тайник до сих пор не разграблен? Сотни искателей приключений за прошедшие века пробовали его взломать. Не справился никто.

— Союз Пяти Королей... Вы помните, какие династии его составляли?

— Это даже не всякий историк помнит, — нахмурился Остромир. — Уайтхорны из Каэр Трода. Ратиборы из Светограда. Вирзбанды из Глак-Хорла. Карданы из Иберлена. Тиндэа из Мартхада. Все пять этих королевских домов — давно пресеклись. Некоторые еще в Войну Пламени, другие вскорости после нее. Прошла тысяча лет, редко какая благородная семья держится так долго, в нашем беспокойном мире. Никого не осталось, думаю, даже побочные потомки их давно успели разойтись по свету. Мы ни одного из них не успеем разыскать за отпущенное нам время, а значит, можно даже не вспоминать об артефакте из Серебряных Лесов.

— Боюсь, — сказал внезапно Дэрри, осмелившись подать голос, — вы не совсем правы, насчет того, что с артефактом ничего не случится. Я, кажется, скажу сейчас кое-то, что вас изрядно удивит.

— Что именно? — подался вперед Эдвард. Он казался слегка захмелевшим и очень усталым, но юноша заметил, как в глубине глаз нового эринландского короля вдруг

промелькнула надежда. Дэрри со смятением подумал, что не хотел бы эту надежду рушить беспочвенными обещаниями. Но все же у него действительно было что сказать, и потому он заговорил.

Против своего обыкновения, заговорил он нерешительно — спотыкаясь на каждом слове, нервно сжимая пальцы и пряча взгляд. Юноша чувствовал, как на него внимательно смотрят Эдвард, Остромир и Гленан, и ему сделалось немного неловко. Гледерику вдруг показалось, что когда он скажет то, что хотел, то окажется непременно поднят слушателями на смех.

— Ну. Как вам сказать, — выдавил из себя Дэрри. — Я обычно не болтаю про это на каждом углу. Кто, в такое, все равно поверит. Но я верю. Вернее, стараюсь верить. Мой отец — вот уж он точно верит. Хотя он мне это глубоко пьяным рассказывал. Но рассказывал раз пятьсот. Если б вы там сидели, вы бы тоже поверили, — Дэрри осмелел и заговорил более уверенно, подняв голову и глядя прямо перед собой. — Меня зовут Гледерик Брейсвер. Об этом вы все в курсе, конечно. Моего отца зовут Ларвальд Брейсвер, и этого вы уже не знаете. Отца же моего отца звали, когда он был жив, Джером Брейсвер, а его отца... — Юноша собрался с духом и закончил. — А его отца звали Торбин Брейсвер, и был он единственным, пусть и незаконным, сыном Гейрта, герцога Райгернского и младшим братом Эларта Кардана. Последнего короля Иберлена из старой династии. — Гледерик покосился на внимательно, без тени усмешки слушавшего его Остромира. — Карданы состояли в этом Союзе Пяти Королей, как я понимаю. Значит, если тайник с древним оружием запечатан на их кровь, я смогу в него войти.

— И ты все это время молчал? — недоверчиво нахмурился Гленан. — Почему ты ни словом не обмолвился?

— А кому? — спросил Дэрри. — Кто достаточно рехнулся, чтобы прислушиваться к подобным бредням?

— Вполне возможно, что я, — пробормотал Гленан, глядя на приятеля так пристально, будто видел его впервые.

— А вот мне, боюсь, поверить в подобное сложно, — признался Эдвард Фэринтайн. Он говорил с легким разочарованием, но вместе с тем вежливо, будто боялся обидеть юношу своими сомнениями. — Я ценю вас за ваше желание оказать нам услугу, мастер Брейсвер, однако даже в столь отчаянной ситуации, как наша, я должен в первую очередь рассуждать трезво. В каждой второй мещанской семье есть легенды о наличии у нее благородных, давно всеми забытых предков. Будь то Карданы, Уайтхорны или Блэндинги. Любой подвыпивший мастерской или приказчик станет рассказывать родственникам или гостям, сидя с бокалом вина у камина, про то, как происходит от некогда опочивших королей. Так поступают все. Простите, мастер Брейсвер, но я не вижу, чем ваше семейное предание может нам помочь.

— А я вижу, — сказал Остромир решительно. — Я вижу лицо этого мальчика. Посмотрите и вы на него внимательнее, ваше величество. Это сразу бросилось мне в глаза — Гледерик действительно не похож на южанина. Он вылитый иберленец. Я тех хорошо знаю. И непростой иберленец. В его лице отчетливо проступает то, что именуется благородным происхождением. И ведет он себя не так, как сын простого мастерского или приказчика. Особенно в здешних краях, где народ бесправен и забит. Гледерик вполне может сойти за выросшего в изгнании наследного принца. Давайте попытаемся. Что мы теряем?

— Безнадежная и призрачная надежда, — сказал Эдвард прямо. — Чем она может нас спасти?

— А у нас есть какая-то другая надежда? — прищурился чужеземный солдат. — Простите, но я о такой надежде ничего не знаю. Против нас выступила чародейка настолько могущественная, что колдуны древности отнесли бы к ней с уважением. Через полтора месяца она окажется в вашем замке, и тогда сделается сильнее десятикратно. И мир тогда падет перед нею — так сказала юная леди Кэран, и вполне возможно, это были не пустые слова. Единственный человек, который, возможно, сумеет достать нам оружие против нашего противника — вот этот вот самый мальчик, которого притащил к нам ваш брат, случайно встретив его в грязном трактире. Одной своей рукой Гилмор Фэринтайн едва не навлек на нас гибель — так может, другой рукой он привел и наше спасение?

— Хватит, — отрезал Эдвард решительно, отстраняясь от фляги с вином, которую Гленан ему протянул. — Достаточно я склонялся перед всякими безумными идеями и опрометчивыми решениями! Я устал потакать чужому безумству. Достаточно с того, что я не смог убедить Хендрика остаться дома. А что теперь? Наша армия разбита, гарландцы, возможно, скоро подступят к столице. Я теперь король Эринланда, и вы предлагаете мне бросить мой народ и отправиться в путешествие за тридевять земель, руководствуясь одними лишь пьяными байками какого-то южанина, которого мы даже в глаза никогда не видели?

— До Серебряных Лесов не так уж и далеко ехать, — заметил Остромир. — Можно как раз успеть обернуться к Йолю, туда и обратно. Но вы правы. Не стоит королю бросать в беде свой народ. Я поеду вместе с мастером Гледериком сам. Тем более, те края я знаю хорошо. Гледерик спустится в подземелье, достанет артефакт, и мы вернемся обратно. Если все сложится хорошо, успеем как раз к зимнему солнцестоянию. Тогда мы встретим леди Кэран во всеоружии, и может быть, даже сможем с ней совладать.

— Это отчаянно и глупо, — сказал Эдвард.

— Не спорю. Как вся наша жизнь. — Остромир вздохнул и поглядел на Дэрри. — Ну что, молодой мастер Брейсвер, вы готовы отправиться в небольшое путешествие?

— Конечно готов, — ответил юноша без раздумий. — Я и так уже давно в путешествии, и мне не очень важно, в каком именно направлении двигаться. К тому же, так я хотя бы буду знать точно, врал мой папаша или нет насчет наших предков, — он усмехнулся, а потом с вызовом посмотрел на герцога Фэринтайна. — Я знаю, что вы мне не верите, — сказал Дэрри, глядя ему в лицо, — но я все равно сделаю все, что у меня получится.

— Господь с вами, — вздохнул Эдвард. — Езжайте. Мы все равно стоим на краю пропасти, и отсутствие двух воинов погоды не сделает.

— Отсутствие трех воинов, — напомнил о себе сын графа Кэбри. — Дэрри мой друг, и хороший друг, как я надеюсь. Я ему доверюсь, вернее расскажам его отца, и поеду вместе с ним. Вдруг у нас что-то получится. Сами понимаете, ваше величество — отчаянные поступки для отчаянных времен. Прошу вас временно отпустить меня с моей службы и разрешить отправиться вместе с Дэрри и мастером Остромиром к тайнику Пяти Королей, — закончил Гленан со всей возможной придворной церемонностью.

Эдвард Фэринтайн с мгновение глядел на сидящую напротив него тройцу. На насуспенного, угрюмого Гленана, готового, казалось, прямо сейчас вскочить в седло и ехать навстречу новой, таинственной цели. На Остромира — спокойного, решительного, совершенно невозмутимого. На Гледерика, который уже изрядно захмелел и начал с тревогой подумывать, а что, если лорд Фэринтайн все-таки прав в своих сомнениях и все отцовские истории про их царственных предков окажутся всего лишь обычными байками подвыпившего мещанина? Вдруг двери древнего тайника не откроются Гледерика? Юноше

сделалось неуютно. Возможно, подумал Дэрри, никакой пользы предложенное им предприятие не принесет, и они лишь впустую потеряют время, когда могли бы потратить его на поиски другого, по-настоящему действенного решения. Возможно, он в самом деле сказал сейчас глупость, и эта глупость их всех в конечном счете погубит.

— Ну что ж, — сказал наконец Эдвард. — Я не буду вам препятствовать. До Таэрверна доедем вместе, благо нам по пути. А оттуда — отправляйтесь в путь.

— Я благодарю вас за ваше понимание, — кивнул Остромир.

— Не стоит. Я был бы плохим королем, если бы не понимал, что излишняя осторожность столь же опасна временами, как излишнее безрассудство. Езжайте. Я хоть и сомневаюсь в вашем успехе, но все равно буду желать вам удачи.

— Но сначала, — сказал Гледерик, — прежде, чем что-либо еще делать, я, с вашего позволения, все же допью это вино.

Гленан протянул ему фляжку, и Гледерик приложился к ней как следует, стараясь выдуть ее до последней капли. Голова у него слегка уже кружилась, и мир начинал расплываться прямо перед глазами. Лица боевых товарищей, озаренные беспокойным пламенем костра, казались сейчас какими-то нечеткими, видимыми словно во сне. Ночь сомкнулась над лесной поляной, подобно непроглядному пологу, и в ночи этой таились в равной степени кажущиеся невероятными сейчас и опасная древняя магия, готовая погубить весь знакомый им порядок вещей, и беспочвенная надежда на спасение.

— Это что же такое получается, — поинтересовался Дэрри, утирая губы рукавом, — это мне теперь спасать мир?

Глава десятая

Утром пошел дождь. Противный и накрапывающий, он начался где-то за час до рассвета, и вырвал Гледерика из и без того тяжелого и муторного сна. Юноша тревожно заворочался под плащом, которым накрывался, лежа на земле возле остывшего давно костра. Холодные капли напрочь промочили тонкую ткань, Дэрри два раза оглушительно чихнул и сел. Лагерь еще спал, не считая часовых, но Дэрри растолкал дрыхнувшего без задних ног Гленана.

— Глен! Эй, Глен! Очнись!

Потомок благородного графского рода пробормотал невнятное ругательство и нехотя разлепил глаза:

— Чего вам, ваше высочество?

— Будешь так меня называть — кулаком под ребра тресну, — посулил Дэрри.

— Какие мы стали грозные, лорд Кардан, — пробормотал Гленан Кэбри, в свою очередь широко зевая. — Зачем ты меня будишь?

— Выходить уже скоро. Да и мне скучно, — сказал Дэрри с наглостью, а сам меж тем подумал, что ему скорее муторно и страшно, чем скучно. Ему снились кошмары. Падающий замертво Гэрис. Окруженная живыми тенями волшебница. Еще Дэрри видел в своем сне башни Вращающегося Замка — и эти башни в самом деле медленно оборачивались вокруг своей оси, каждая в своем собственном странном ритме, а из высоких окон рвалась наружу ослепительная темнота.

Жуткие сны. Да и вообще, очень сложно было нормально выспаться, помня, что в какой-то миле от лагеря угрюмой громадой висится Каэр Сейнт.

— Гленан, скажи, чего у меня башка так болит? — поинтересовался Гледерик жалобно.

— Сложно сказать, — графский отпрыск сел и принялся рыться в походной сумке, доставая из нее скудный завтрак. — Солонину и сыр будешь?

— И хлебушка, пожалуйста, — сказал Дэрри вежливо.

— На здоровье. Я не знаю, Гледерик, почему у тебя так болит голова, — признался Гленан с набитым ртом. — Может, все дело во вчерашнем бренди?

— Мы пили вино, — отвечал Дэрри с достоинством. — Уж это я хорошо помню.

— Да, а потом лорд Эдвард сказал, что негоже так рано завершать тризну по погибшим товарищам, Остромир его поддержал, и они достали очень недурный бренди. Это ты припоминаешь?

— Очень смутно, — признался Гледерик, жуя завтрак. Чувствовал он себя скверно, а перспективы грядущего путешествия не отзывались в его душе ничем, помимо вяжущей, изматывающей головной боли.

— Почему все это время ты молчал про свое происхождение? — спросил в очередной раз Гленан. Кажется, эта тема до крайности его занимала. — Как вообще вышло, что ты потомок иберленских королей?

— Ну как вышло. Как у всех выходит. Брат короля Эларта в молодости много странствовал по восточным землям. Завернул в наши края, встретил мою прапрабабку, сделал ей ребенка. А вскоре после этого его убили, насколько я понимаю. Враги напали на королевство, король Эларт выступил против них и тоже погиб. Мой прадед Торбин рос без

отца.

— И он даже не пытался приехать в Иберлен и предъявить права на корону?

— Попытался бы он, — сказал Дэрри мрачно. — Тамошние лорды отдали трон Бердарету Ретвальду. Потому что Бердарет был колдуном и разгромил захватчиков. В корону он вцепился всеми руками, и аристократия его поддержала. Если бы прадед туда приехал, ему бы просто срубили голову, вот и все.

— Так чем твой прадед занимался всю жизнь? — не отставал Гленан.

— А чем мы с тобой сейчас занимаемся? Ездил с места на места и воевал. Как всякий солдат удачи. Даже за Полуденным морем странствовал. А в старости купил себе ферму и зажил с молодой женой. Там и умер. Сын его, мой дед, тоже понаемничал одно время по молодости, а потом плюнул на это, и торговал то селедкой, то хлебом, то чем придется. Сказал — на его век войн хватит. Отец и вовсе меча в руки не брал. Он управляющий у купца. Жили мы даже богато, наверно, да вот только меня воротило от такой жизни, — сказал Гледерик яростно. — Подсчитывать барыши да заключать контракты — это разве жизнь? Жизнь там, — он махнул рукой на восток, — и там, — махнул на запад, — а не среди бумаг и чернил.

— И ты сбежал из дома.

— Точно. Сбежал, и вот теперь я здесь.

— Что думаешь делать дальше? — осведомился Гленан тихо, внимательно разглядывая Гледерика.

— Как что? Поеду на восток. Сделаю так, чтоб эта чокнутая девица не превратилась во вторую богиню войны Морриган, или в кого она там жаждет превратиться.

— Я не про это, — уточнил Гленан. — Не про наши ближайшие перспективы. А про то, что будет потом.

— А потом будем есть суп с котом здоровой деревянной ложкой. Я не желаю разговаривать сейчас про такие вещи, — ответил Дэрри более резко, чем собирался сам.

Гледерик и в самом деле не знал, что будет делать потом, если им удастся остановить Кэран. Он хорошо понимал, что не может просто так заявиться на родину предков и с порога сказать: привет, ребята, я ваш король, а ну живо отдавайте мне скипетр и корону. Голову ему, конечно, за такое едва ли отрубят — просто со смехом прогонят взащей. Кто поверит бездомному бродяге, даже если тот начнет всем доказывать, что он наследник престола? Все было настолько смутно и неопределенно, что даже думать на эту тему пока не имело ни малейшего смысла. Дэрри сбежал из дома в тот момент, когда понял окончательно, что не может слушать бесконечные рассказы отца, все вот эти у нас были земли и замки, и мы были настоящими владыками в далекой, далекой стране — и ничего не делать для того, чтобы эту страну вернуть. Он просто собрался и ушел. Чтобы сделать хоть что-то. Хотя и не понимал, что тут можно сделать.

Иберлен был одним из самых великих и древних Срединных королевств. История его уходила в глубины веков. Именно там люди столкнулись с фэйри, с колдуном по прозвищу Повелитель Бурь, что возглавил эльфов и повел их в поход против человечества — и победили его.

Именно там собирался Конклав — совет, на котором чародеи великих родов обменивались знаниями и решали, как лучше им управляться с миром. Потом случилась Война Пламени, и от башни, где заседал Конклав, остались лишь обугленные камни. Но уцелел королевский род Карданов, как выжили и Айтверны — эльфийские лорды, что,

подобно Фэринтайнам, некогда приняли сторону человечества. Они соображали правила Иберленом вплоть до последнего столетия, когда в урагане новой войны прямая ветвь Карданов не иссякла.

Тогда, незванный, и пришел он — тот, кого отец Гледерика называл вором. Бердарет Ретвальд. Чародей, явившийся из неведомых стран. Вышедший из тьмы — и заявивший, что одолеет армию империи Тарагон, обрушившуюся на Иберленское королевство. Взамен Ретвальд потребовал себе королевский венец, и лорды отдали ему серебряный трон Карданов. Даже герцог Радлер Айтверн, в чьих жилах равно текла кровь эльфийских владык и иберленских королей, преклонил перед чужаком колени.

Отец все пил, не просыхая. Твердил эту историю каждый вечер, как был особенно хорош — и в его глазах волком выла тоска. Чужак похитил наш трон, — говорил он маленькому Гледерику, — и теперь им распоряжаются его отродья. А мы остались здесь, никому не ведомые и никому не нужные. Дэрри смотрел на родителя — и видел человека, что мог бы носить королевский бархат вместо темного купеческого сукна. Видел человека, что сидел бы со скипетром в замке и решал судьбы народов, а вместо этого прозябает в неизвестности.

Я живу почти у самого дна, ни имений, ни замков, а мог оказаться принцем, — думал Гледерик каждый раз. — Отец может только и делать, что ныть об этом — а я не могу. Нужно что-то решать. Конечно, семья Гледерика не была особенно бедна — вот только не все решают деньги. Куда больше значат титулы, связи, могущество, верные твоему слову войска.

Теперь Гледерик увидел воочию, каковы люди, оказавшиеся на вершинах власти. Гордецы и безумцы, как Хендрик, или хитрые интриганы, как Гилмор Фэринтайн. Они были ничем не лучше простого народа, всего лишь оказались удачливее, родившись в обладающей нужным положением семье. Рассуди небо иначе, и сам Гледерик был бы сродни им — и никакой графский сын наподобие Томаса не смел бы попрекать его чем-то.

Он понимал эту девицу, Кэран, хоть и не знал почти ничего о ней. В ее стремлении оказаться на самой вершине Гледерик находил рациональное зерно. Между собой и таинственной чародейкой юноша видел нечто общее — может, дело тут было в цвете волос. У обоих они были рыжие, как закатное пламя. А может, их роднили амбиции и гордость. Наблюдая, с какой одержимостью Кэран рассуждала в Каэр Сейнте о захвате мира, потомок Карданов невольно узнавал в ней себя — свои потаенные мысли. Не сам ли он, видя разоренный войной Эринланд, думал, что этой стране потребен иной хозяин?

Это не отменяло того факта, впрочем, что он должен попытаться остановить Кэран. Гэрис Фостер погиб, но Эдвард Фэринтайн жив, и если Гледерик окажется полезен ему, то сможет с помощью эринландского герцога — и будущего короля — подняться на несколько ступеней выше по лестнице, на вершине которой — иберленский трон.

— Так ты, получается, аристократ? — спросил Гленан с вежливой ехидцей, вырывая Гледерика из его размышлений. — Ты всю дорогу отпускал издевательские шуточки в адрес дворян, а на самом деле получается, ты даже знатнее меня? Дому Карданов больше тысячи лет. Они правили еще до Войны Пламени и лично сражались с повелителями фэйри. Дэрри, ты, получается, просто образец дворянина.

— Заткнись, Глен. Просто заткнись.

Вскоре часовые протрубили побудку. Лорд Эдвард казался слегка заспанным, но спокойным и более даже молчаливым, чем обычно. Дэрри сделал для себя вывод, что

неразговорчивость — это, видимо, фамильное Фэринтайнов. Теперь, когда юноша знал, чьим братом приходился покойный сэр Гэрис, он внезапно находил многочисленные общие черты в характерах таких, казалось бы, несхожих между собой людей, как его покойный сеньор и нынешний наследник эринландской короны. Угрюмый, грубоватый Гилмор и изящный, церемонный Эдвард в равной степени казались Гледерику людьми очень таинственными, прячущими свою подлинную суть под носимыми ими масками, какими бы те маски снаружи не казались. Дэрри понял, что не знает подлинной сути лорда Эдварда, не может сказать наверняка, какой он человек в действительности, за своими придворными манерами и отточенными речами. И это внушало юноше некоторое беспокойство.

Фэринтайн приказал седлать коней, и вскоре отряд двинулся в путь. Мимоходом юноша порадовался, что успел перекусить сразу по пробуждении — потому что никакого нормального завтрака сегодня предусмотрено не было. Сэр Эдвард распорядился своим людям завтракать прямо в седлах, чтоб не тратить время попусту.

— Мы должны спешить, — сказал он, садясь на коня. — Вчера мы потеряли целый день. Возможно, гарландцы уже маршируют на Таэрверн.

Дэрри в этом глубоко сомневался. Куда более вероятным ему казался вариант, что весь вчерашний день гарландцы посвятили пиршеству и пьянке по случаю победы, а сейчас точно также неохотно выдвигаются в путь, понукаемые злыми окриками своих командиров. Но спорить с новым королем Эринланда юноша не хотел. Как и вчера, он сел на одного коня с Остромиром, мимоходом печально вздохнув по подаренной ему Гэрисом и сгинувшей на Броквольском поле лошадке. Седовласый венет выглядел выспавшимся и на вид совсем не мучился похмельем.

— Вы же пили наравне со всеми, — проворчал Дэрри в спину солдату. — Почему по вам этого незаметно?

— Выдержка приходит с опытом, — ответил Остромир беспечно. Настроение у него было неожиданно хорошее. В прошлые дни хмурый и насупленный, сегодня он едва ли не улыбался, а серые глаза так и сверкали.

— Чему вы радуетесь? — угрюмо спросил Дэрри.

— Разгром и смерть позади, — ответил Остромир легко. — Мы выжили — что это, как не повод для радости?

Дождь вскоре закончился. Всадники тронулись в путь, оставив долину с заброшенной колдовской крепостью у себя за спиной, и вскоре Остромир внезапно принялся напевать себе под нос — какую-то легкомысленную паданскую песенку, про беспечного мастерового, забросившего семейное дело и пустившегося в дальние странствия, чтобы обрести руку принцессы и убить дракона. Гледерик сначала фыркнул, а потом поймал себя на том, что тоже поет. Спустя минуту к пению присоединился и Гленан, а потом, неожиданно для всех, чистым и ясным голосом их поддержал Эдвард Фэринтайн. Они ехали во главе потрепанной воинской колонны и уже не стесняясь, во всю глотку орали куплеты про то, как мальчишка с именем Тони, при помощи волшебных зверей и птиц, спас прекрасную принцессу Эйдру из зачарованного замка, попутно похитив себе ее невинность, а потом распивал вино в компании мудрого дракона.

Двигались напрямик, не приближаясь к хоженным трактам — из опасения, что те могут быть заняты вражескими отрядами. Постепенно разоренный прежними битвами опустевший край стал сменяться более обжитыми землями. Вскоре после полудня Фэринтайн остановился свой отряд возле небогатой фермы, где воины покормили коней из

протекавшего рядом ручья. Сэр Эдвард расспросил о последних новостях хозяина фермы, крепкого пожилого мужика, бестрепетно вышедшего навстречу конникам с рогатиной наперевес. Никаких новостей тот не слышал и путников возле своего жилья не встречал уже больше недели. Эдвард бросил угрюмому фермеру мешочек с серебром и приказал ехать дальше.

О произошедшем в старой крепости Эдвард, разумеется, строго-настрого запретил кому бы то ни было рассказывать. Даже Джеральду. Тот попробовал расспросить, как это вдруг вышло, что Гэрис Фостер оказался изменником, но Гленан отвечал уклончиво и с отговорками, и Джеральд вскоре отстал, демонстративно отъехав в середину колонны. Хотя и видно было, что он слегка обижен таинственностью Дэрри и Гленана и тем, что они внезапно стали держаться будто сами по себе. На мгновение Дэрри ощутил укол совести, а потом подумал, что поделаться тут все равно ничего нельзя. О случившемся вчера и впрямь не следовало болтать.

Ближе к ночи отряд достиг города Кутхилл, расположенного примерно на половине пути между Каэр Сейнтом и Таэрверном. Ощетинившийся дозорными башнями, озаренный горящими на крепостных стенах часовыми кострами, город выглядел настороженным и испуганным. Стража у ворот стояла тройная, выставив вперед копья. При виде путников они сомкнули ряды.

— Кто идет? — крикнул бородатый капитан, доставая взведенный арбалет.

— Идет король Эринланда, — бросил сэр Эдвард, выезжая вперед. — Король Эринланда и сопровождающая его свита.

Командир стражи герцога Фэринтайна явно признал и опустил арбалет.

— Ваша светлость, — сказал он, — вместе с вами в самом деле король? Если так, пусть покажется. Город Кутхилл приготовил лорду Хендрику теплый прием, — и в подтверждении его слов, остальные стражники мрачно заворчали. Было их почти столько же, сколько усталых и потрепанных после вчерашнего боя и долгой скачки рыцарей, и многие из них держали на виду арбалеты и луки. Доброжелательными или, тем более, радушными эти люди отнюдь не казались.

— Лорд Хендрик мертв, — сообщил Эдвард Фэринтайн с непроницаемым видом. — Он пал в битве с врагами. Король Эринланда теперь я.

После этих слов капитан с облегчением усмехнулся.

— Это хорошо, что вы теперь король. А то утром подошли ребята, уцелевшие с Броквольского поля. Они сказали, что лорд Хендрик бросил армию, заведя ее на погибель. Сами понимаете, любви к его особе это нам не добавило.

— Он был вашим государем, — напомнил Фэринтайн.

— Был да сплыл. И вечная ему память, и слава, и все прочее, что полагается. А вот вас мы признаем, милорд. Мы знаем и уважаем Фэринтайнов, и помним, кто в этом королевстве всегда был добр к простому народу.

Эдвард угрюмо кивнул.

— Вы упомянули солдат с Броквольского поля. Много их? Где стали лагерем?

— Их сотен шесть, милорд. Только лагерем они не становились. Они разбрелись по корчмам и пьянствуют. Запивают горечь поражения, как сказал их капитан, — командир привратной стражи задумчиво покусал нижнюю губу. — Больше всего их в Пустом щите, это прямо в центре города, напротив ратуши.

— Хорошо, — сказал Эдвард. — И, раз уж вы признаете меня и мой дом, скажу вам

такое — бросайте насиженные места. Если придут гарландцы, этот город вам не отстоять. Соберите за ночь всех, кого сможете, и женщин и детей тоже возьмите с собой. И выступайте на Таэрверн. Его стены вас защитят.

Командир стражников нахмурился.

— Город не на тракте стоит, милорд, — сказал он. — Так уж ли будет до нас дело королю Клиффу?

— Будет, уж поверьте. Королю Клиффу до всего есть дело. Он пришел занять весь Эринланд, и наша задача — в этом ему помешать. Вы кажитесь мне храбрым человеком. И ваши мечи пригодятся мне в столице.

— Хорошо, мой господин, — сказал стражник после короткого колебания. — Может, вы и правы. От гарландцев нам никогда ничего хорошего не было, во всяком случае. А вот вашу доброту мы помним.

Отряд въехал в город. Достаточно большой, насчитывающий почти двадцать тысяч жителей, он произвел на путников тягостное впечатление. Несмотря на ранний час, улицы будто вымерли, прохожих почти не встречалось. Большинство ставен оказались наглухо закрыты. Не оставалось сомнений, что новости о понесенном эринландской армией разгроме уже достигли здешних мест, и, хотя Кутхилл стоял в стороне от основных дорог, многие его жители, опасаясь возможных грабежей со стороны наступающих гарландцев, предпочли сбежать или попрятаться. Лишь в самом центре царило несколько нездоровое оживление. Двери стоящего у главной площади, напротив погруженной в темноту ратуши, трактира Пустой щит были широко распахнуты, во всех окнах ярко горел свет, слышались многочисленные голоса, чьи-то нестройные выкрики и даже кажущийся веселым смех. Видно было, что в заведении сегодня гуляют до упада.

Эдвард и Остромир спешили, Дэрри и Гленан последовали их примеру. Эдвард взял с десяток воинов, а остальным поручил ожидать на улице и сторожить коней.

Внутри трактира и в самом деле оказалось многолюдно и шумно, и дым стоял коромыслом. В просторном главном зале собралась, наверно, пара сотен человек, и большинство из них были солдатского вида. Они пили, закусывали, орали во все горло какие-то лихие песни, кто-то резался в кости, кто-то щупал мелькавших тут же девиц — то ли подавальщиц, то ли шлюх. Рядом с очагом под азартные выкрики десятка зрителей шел кулачный бой. С любопытством оглядывая все это сборище, Дэрри подумал, что с таким размахом принято праздновать скорее победу, нежели поражение.

Эдвард дал знак двум своим рыцарям, и те с грохотом опрокинули стоявший у самого входа стол. Разлетелась во все стороны, разбиваясь на мелкие глиняные черепки, грязная посуда. Загремел, покотившись в угол, медный кувшин.

Как по мановению волшебной палочки, в помещении воцарилась тишина. Гуляки замерли, прервали разговоры на полуслове, даже кулачные бойцы отвлеклись от своего поединка. Взгляды всех собравшихся устремились на застывших на пороге неожиданных гостей. Эдвард Фэринтайн сделал шаг вперед.

Белый, пусть и запылившийся, плащ. Украшенные посеребренным единорогом роскошные доспехи. Густые, до плеч, платиновые волосы. Глубоко запавшие темно-фиолетовые глаза. Эдварда, разумеется, узнали — его сложно было не узнать.

В наступившей тишине голос Фэринтайна прозвучал отчетливо и громко:

— Доброго вам вечера, воины Эринланда. Если вы что-то празднуете — налейте и мне.

Один из пьянствовавших в трактире солдат, хмурый верзила с капитанскими нашивками

на плаще, плюнул Эдварду под ноги. Сделал он это достаточно метко.

— Мы празднуем, что никакого Эринланда больше нет, и что мы больше никакие не его воины, — сказал этот вояка. — Король сбежал или сдох, и мы теперь вольные люди, и никому не обязаны отдавать отчет. Этот город наш, нашим и останется. Будем развлекаться здесь хоть до самого судного дня, — сказал он и с усмешкой приложился к здоровенной кружке с пивом.

— Вы ошибаетесь, — сказал Эдвард ровным тоном, даже не шелохнувшись. — Хендрик Грейдан в самом деле был убит в бою с гарландцами. Но королевство, которым он правил, никуда не делось, и я — наследник таэрвернского трона. Я по-хорошему прошу вас вспомнить о присяге, которую вы все приносили.

— Это ты наследник?! — расхохотался человек в капитанском плаще. — Рассмешил, эльфеньш! Я тебе вот что скажу, и мои парни это подтвердят — нету больше твоего королевства. Нет и трона, на котором твоя тощая задница могла бы рассиживаться. Армия разбита, а твои друзья-лордики разбежались на все четыре стороны или болтаются у гарландцев в петле. Так что иди лучше подобру-поздорову, пока мы тебе по бледной роже не надавали.

Эдвард не стал больше спорить. Он не сказал ни единого слова. Просто шагнул вперед — и каким-то очень быстрым, почти молниеносным движением оказался рядом со своим излишне дерзким собеседником. Выхватил меч — так, что сталь сверкнула подобно молнии. Размахнулся и снес этому нахальному капитану голову с плеч. Тот даже на ноги вскочить не успел, как его голова уже покатила по полу.

Дэрри и стоявшие рядом с ним рыцари все как один выхватили мечи. Обнажили оружие и собравшиеся в трактире солдаты. Казалось, вот-вот начнется драка — но Эдвард вышел на середину зала, вскинув руку и призывая всех к спокойствию.

— Я казнил предателя и дезертира, но я надеюсь, что других предателей и дезертиров в этом зале нет, — сказал Фэринтайн. — Я верю, что вы все честные люди, и не разделяете изменнических помыслов этого мертвеца. Я — ваш король, и за верность я щедро вас вознагражу. Враг идет на нашу столицу, довольно сидеть здесь. Утром я еду в Таэрверн. У меня почти не осталось верных мне лордов, это верно. Поэтому я предлагаю вам стать моими лордами и рыцарями. Каждый из сидящих тут, кто согласится ехать со мной — получит после войны дворянское звание и надел земли. Баронских или графских титулов на всех не хватит, но честными сквайрами вы будете. Устраивают вас такие условия?

— Да конечно, вполне устраивают, — выступил из толпы вперед осанистый чернобородый воин с полностью лысой головой. — Что мы, последние подлецы и трусы, не откликнуться, когда нас призывает государь? Этот вот дурак, — кивнул лысый на обезглавленный труп своего предводителя, — болтал слишком много. Но если он невесть что о себе возомнил, это вовсе не означает, что мы все такие же бесчестные свиньи, как он сам. Без сомнения, мы будем вместе с вами, милорд. Верно я говорю, ребята?! — окликнул он толпу. Толпа взорвалась одобрительными воплями.

— Умно придумано, — пробормотал Гленан. — Ты должен радоваться, Дэрри — как видишь, грань между третьим и первым сословием стала как никогда тонка в наши дни.

Дэрри с ужасной силой захотел все же треснуть своего приятеля кулаком. Лишь с большим усилием юноша пересилил себя и сдержался.

— Ты чего такой ершистый сегодня? — спросил Гледерик тихо. — Это, вроде, я тут всех должен злить, а не ты.

Гленан остановил на нем свой остекленевший, неподвижный взгляд.

— А ты еще не понял? — спросил он тихо. — Армия разбита, лорды мертвы — все, как и сказал этот изменник. Мой отец тоже вчера был на том поле. Не удивлюсь, если он также погиб.

Дэрри почувствовал, как его лицо заливают краски.

— Прости пожалуйста, — повинулся он. — Я совершенно не подумал о подобном.

— Ну куда тебе об этом думать, — сказал Гленан. — Ты ведь по собственной воле сбежал из родного дома и ни за какие коврижки туда не вернешься. А вот я, в отличие тебя, родного отца любил.

Наверно, тут бы Гледерик уже не сдержался, и началась бы ссора — если бы сэр Эдвард как раз не окликнул их, приказав помочь своим рыцарям расседлать коней и завести их в стойла. Исполняя это поручение, юноша невольно отвлекся и смог погасить свой гнев. Да и Гленан уже казался не таким набыченным. Проходивший мимо Остромир схватил Гледерика за локоть:

— погоди, — сказал он, — не зли мальчишку. Видишь, он и без того сам не свой. Лучше иди со мной, выпьем и поговорим.

Дэрри послушался. Они нашли место в углу трактира. Юноша рухнул на лавку и обессилено привалился к стене спиной, чувствуя невыразимую усталость. После нескольких дней постоянной скачки все тело нестерпимо болело. Дэрри был мало привычен к верховой езде, а тут почитай с утра до вечера приходится трястись в седле.

Остромир протянул ему кружку с элем и тарелку, полную жареного мяса с овощами. Гледерик набросился на них, уплетая за обе щеки.

— Сам ты колдовать умеешь? — спросил Остромир.

— Простите, что? — Гледерик показалось, что он ослышался. — Колдовать? Кажется, нет. Почему вы спрашиваете?

— Потому что вчера на нас набросилась бешеная волшебница, потому что твой сэр Гэрис оказался ее слугой и тоже, кажется, малость чародем. И потому что лорд Эдвард также, чувствую, не особенно прост. Чародеи падают на нас, как каштаны с деревьев по осени. Потому мне интересно. Ты принадлежишь к королевской династии, чья история насчитывает многие сотни лет. Конечно, среди Карданов вроде не было широко известных волшебников, но чем черт не шутит. Ты замечал за собой хоть что-нибудь необычное?

Гледерик немного подумал.

— Мой острый ум, — сказал он наконец. — Мои блестящие манеры. Мое ни с чем не сравнимое обаяние.

— Это не более необычно, чем мои здравомыслие и рассудительность. Хотя в здешних диких краях, соглашусь, и то, и другое смотрится странно. Но я не об этом. Ты умеешь пускать молнии из глаз, Гледерик Кардан? Заклинать ветер? Повелевать светом или тьмою? В Иберлене, — пояснил воин, — как и здесь, живут наследники эльфийских кланов. Айтверны, к примеру — они ближайšie вассалы короля. Они были когда-то чародеями, как Фэринтайны. Карданы, думаю, не раз и не два брали себе жен из дома Айтвернов за эту тысячу лет. Это значит, в тебе найдется достаточно крови не менее древней, чем кровь Эдварда или Гилмора. По легендам, дар должен передаваться по прямой линии — но мало ли как оно бывает на самом деле.

Дэрри задумался. Ничто подобное прежде ему в голову не приходило. Он попытался вспомнить хоть какие-то странности, похожие на проявления магии, у себя. Вещие сны, или

умение управлять погодой, или нечто наподобие. В голову, как назло, ничего не лезло. Дэрри почувствовал себя каким-то совершенно заурядным на фоне наделенных древними силами могущественных заклинателей, таких, как Кэран или даже хотя бы братья Фэринтайны. Это было по-своему немного обидно.

— Простите, — сказал юноша. — Я даже голосов в голове не слышу.

— Что ж, может это и к лучшему. Быть чародеем, как я слышал — не такое уж приятное дело. По крайней мере, на костер тебя за чернокнижие никто не потащит.

— Это вы правы, — Дэрри чуть повеселел.

Они вернулись к еде. Вскоре к ним присоединились Гленан, на вид все еще немного угрюмый, и Эдвард, казавшийся тоже невероятно усталым. Герцог Фэринтайн тяжело вздохнул, сядя за стол и ожидая, пока помощник трактирщика принесет ему еду и питье.

— Я назначил того лысого удальца новым командиром отряда, — сказал Эдвард. — Он пообещал, что к утру соберет всех людей в городе, способных держать оружие, и они двинутся следом за нами. Хоть что-то хорошее. Иначе, когда Клифф пожалует к воротам Таэрверна, нам не сдобровать. Мне нечем было бы платить этим людям за их преданность, королевская казна пуста. Но, похоже, обещание возвести их в дворянское достоинство само по себе оказалось хорошей платой.

— Раз уж об этом зашла речь, — вставил Дэрри. — Я привязался к Гэрису Фостеру, т.е. к вашему брату Гилмору, из надежды, что он сделает меня рыцарем. Сложно возвращать корону предков, когда окружающие называют тебя не сэр Гледерик или там высокородный лорд, а грязный рыжий оборванец.

Гленан ухмыльнулся, Остромир что-то пробормотал себе под нос.

— Я никогда и не полагал твои мотивы другими, Гледерик, — сказал Эдвард сдержанно.

— Если так, — сказал Дэрри прямо, — то вы догадываетесь, о чем я вас сейчас попрошу. Посвятите меня в рыцари. Быть человеком, произведенным в благородные сэры самим эринландским королем — это совсем не то же самое, что быть уличным попрошайкой. По крайней мере, это располагает к другому к себе отношению.

Эдвард немного помолчал — наверно, с полминуты, и за эти полминуты Дэрри успел с ужасом навоображать, что его просьба будет решительно отклонена, а его самого, как наглеца, выскочку и прощелыгу, немедленно погонят со двора.

— Преклони передо мной колено, — сказал Эдвард.

— А это обязательно? — поинтересовался Дэрри. — Ну, все эти дурацкие формальности. Может, вы просто выпишете мне специальную бумагу, что я теперь полноправный рыцарь, и на этом я от вас отстану?

— Преклони колено, — повторил герцог очень ровным тоном, и этот ровный тон выдавал его бешенство в куда большей степени, чем мог бы выдать любой крик. Юноша покраснел, понимая, что кажется перегнул палку, и вышел из-за стола. Вслед за ним поднялся и Эдвард.

Они остановились прямо в центре зала, напротив весело горящего очага, и, под устремленными на него двумя сотнями заинтересованных глаз, Дэрри опустил на правое колено перед сэром Эдвардом. Тот вновь обнажил меч и сказал, обращаясь ко всем присутствующим:

— Вы все слышали мое обещание. Я действительно считаю, что высокое звание дворянина человеку приносит не фамильное имя, а лишь его собственные честность и

достоинство. Сейчас я докажу, что держу свое слово. Этот юноша был подобран гвардейцем короля Хендрика в самой грязной и темной части таэрвернского Нижнего Города, где нищенствовал и брался за любое, сколь угодно низкое дело. — Дэрри чуть не поперхнулся. Вот уж добрую мне репутацию создает Фэринтайн, подумал юноша мрачно. Кажется, не стоило его злить. — Однако, — продолжил Эдвард, — служил он нашему общему делу более чем достойно, и этим снискал мою признательность. За смелость, им вчера проявленную, этот молодой человек заслуживает самой высокой награды. Я, сэр Эдвард, герцог Фэринтайн, герцог Таэрверн и законный король всего зеленого Эринланда, произвожу тебя, Гледерик Брейсвер, в дворянское звание и рыцарское достоинство. — Острие клинка коснулось плеча юноши. — Теперь встань. Душу вручишь Богу, сердце — даме, меч — королю, а твоя честь остается лишь тебе самому, — закончил Эдвард положенными по обычаю словами.

И так, под восторженные крики и свист вусмерть пьяных эринландских солдат, в трактире с названием Пустой щит, сэр Гледерик Брейсвер, последний потомок высокого рода Карданов и наследник иберленского трона, поднялся на ноги и подумал, что чувствует себя все тем же нищим оборванцем, что и всегда. Ему сделалось грустно и захотелось напиться — так, чтоб проспять потом без задних ног целые сутки. Но завтра предстояла долгая дорога, и нужно было держать себя в руках. Взглядом Гледерик отыскал в толпе Гленана Кэбри — и внезапно с удивлением отметил, что тот без тени какой-либо насмешки салютует ему клинком.

Глава одиннадцатая

В Таэрверн они прибыли на закате следующего дня. Королева Кэмерон, супруга Хендрика, два дня назад сделавшаяся вдовой, ждала их в дверях главной башни Вращающегося Замка. Она стояла на тех самых ступенях, где стражники Каэр Сиди вели бой в ночь, когда подосланные Клиффом Рэдгаром убийцы напали на замок. За въезжающей на крепостной двор кавалькадой всадников она наблюдала спокойно и сдержанно, и казалась неподвижной, подобно статуе. Королева была одета в черное платье с серебряным шитьем, и руки ее лежали на эфесе длинного меча.

Женщины в Эринланде обычно не носят оружия. И не учатся им владеть. Но эта была вооружена, и пальцы ее касались рукоятки меча легко и уверенно.

У нее были черные волосы до плеч, белая кожа, властный ястребиный профиль. Кэмерон почти не появлялась на пирах и званых приемах. Про супругу короля говорили, что она горда и нелюдима. А еще говорили, что Хендрик любил ее всем своим сердцем, и не развелся с нею, несмотря даже на то, что за несколько лет брака она так не и родила ему ни сына, не дочери.

Эдвард Фэринтайн спешил с коня, легко взбежал по ступенькам вверх, преклонил перед государыней правое колено.

— Ваше величество, — сказал он учтиво. — Я — покорный слуга вашей милости.

Губы леди Грейдан чуть дрогнули.

— Не называй меня никаким величеством, Эдвард, — сказала она сухо. — Мне рассказали, что случилось с моим мужем. И я не удивлюсь, если ты уже открыто именуешь себя королем.

— Именую, — не стал отпираться Фэринтайн. — Ты не хуже меня знаешь законы. Трон не должен оставаться пустым. Как ближайший выживший родственник Хендрика по мужской линии, я обязан его занять. Тем более сейчас, в такое тревожное время, когда нам угрожает враг.

— Враг нам в самом деле угрожает, — согласилась Кэмерон. — Солдаты приходят в город с самого утра, разрозненными отрядами, и доносят, что Рэдгар наступает по Большому Тракту. С ним не меньше двадцати тысяч солдат.

— Больше. Я видел эту армию в бою на границе. Там все двадцать пять тысяч.

— Я не удивлена. Клифф хорошо подготовился к войне, в отличие от нас. Я пыталась вразумить мужа, но он не слушал. Пойдем навверх, — рука королевы коснулась его плеча. — Ты должен мне все рассказать.

— Непременно, — сказал Эдвард, поднимаясь на ноги. — Остромир, Гледерик, Гленан — следуйте за мной. Дополните мой рассказ. У меня куда больше новостей, чем тебе может показаться, — пояснил герцог Фэринтайн, перехватывая взгляд леди Кэмерон. — И тебе нужно как можно скорее услышать их все.

Они поднялись в королевские покои, и Эдвард принялся рассказывать о событиях последних дней. В его исполнении вся история прозвучала сухо и конкретно, как обыденный военный доклад, без лишнего драматизма изложенный только что вернувшимся с поля боя генералом. Эдвард подробно коснулся хода оказавшегося плачевным для эринландцев сражения, упомянул известные ему самому лишь в пересказах Гэриса и Гледерика

обстоятельства смерти своего кузена, рассказал о скачке в Каэр Сейнт и обо всем, что произошло в древних стенах. Об этих событиях он постарался сообщить особенно обстоятельно, не упуская ни малейшей детали и стараясь быть точным во всем. Королева слушала его внимательно, не перебивая, иногда кивала. Когда речь коснулась гибели Гэриса, оказавшегося на самом деле Гилмором Фэринтайном, Кэмерон протянула было руку к стоявшему на столике рядом с ее креслом бокалу с вином, но затем передумала и не стала его брать. Затем Эдвард пересказал, почти слово в слово, почти все течение импровизированного совещания, устроенного ими позавчера у ночного костра с ходящей по кругу флягой вина, отдельно остановившись на выдвинутой Остромиром идее раздобыть артефакт Пяти Королей, помогающий сражаться с волшебниками.

Когда герцог закончил, королева все же выпила бокал вина — и выпила она его залпом.

— Хорошо, — сказала она, внимательно глядя на Остромира и Гледерика, — что хотя бы кто-то в вашей блистательной компании не чурается смелых идей.

Эдвард со светской небрежностью проглотил эту шпильку.

— Я счел глупым спорить. Особенно, если сам не могу предложить плана получше, чем этот. — Он грустно усмехнулся. — Хотя мне кажется, любой план все равно был бы лучше этого.

— Может быть, — согласилась королева. — Но и выбирать из множества других путей нам вроде бы не приходится. — Ее взгляд остановился на Гледерике. — Значит, ты и есть этот самый наследник иберленского трона, который нас всех спасет?

— Боюсь, что вы ошибаетесь, — сказал Дэрри. — Наследника иберленского трона, как мне говорили, зовут Гайвен Ретвальд, и он моложе меня на восемь лет, так что, наверно, нас было бы сложно перепутать. Но если вы о том, являюсь ли я потомком Карданов — да, наверно, скорее всего являюсь. А может быть и нет. Я понятия не имею. Мне так, опять-таки, говорили, что я их потомок. Лорд Фэринтайн в этом глубоко сомневается, и порой мне кажется, что он прав. Но я все равно поеду к проклятому древнему хранилищу и проверю, Кардан я или не Кардан. Потому что я видел эту девицу в Каэр Сейнте, она натурально чокнутая и ее, наверно, даже сотня воинов не убьет. Когда она сюда придет, я хотел бы иметь хоть какое-то оружие против нее.

— Ты толковый мальчик, — сказала Кэмерон. Гледерику захотелось на нее за это огрызнуться, так как королева Эринланда была уже второй за последние дни девицей от силы двадцатилетнего возраста, что снисходительно называла его мальчиком. Однако портить только что высказанное хорошее о себе впечатление ему не хотелось, и поэтому Гледерик промолчал. — А вот дела наши плохи, — продолжала королева задумчиво, глядя куда-то поверх их голов. — Хватило бы одного Клиффа, а теперь еще и древние маги. Кто пожалует к нашему двору следующим? Стая огнедышащих драконов и Повелитель Бурь собственной персоной? — Она вздохнула. — Ладно, Эдвард, ты, я так понимаю, вместе с нашими доблестными героями в странствие не отправишься?

— Я нужен здесь, моя госпожа. Чтобы объединить вокруг себя страну и встретить врага лицом к лицу.

— Тогда будем встречать его вместе. — Жена Хендрика Грейдана хлопнула по эфесу своего клинка, небрежно прислоненного к креслу. — Я намерена драться.

— Простите, ваше величество, — упрямо нахмурился Фэринтайн, — но женщине не место на поле брани.

— На поле может и не место, а на стенах ее собственного родного города — вполне

место. Так что оставь свои возражения при себе, Эдвард. Может ты теперь и король, может быть я теперь просто вдова твоего предшественника, но свой дом я буду отстаивать до последней капли крови. Тем более, нам сейчас пригодится любой боец. После вашего отъезда в городе оставалось три тысячи солдат. За сегодняшний день пришли еще две тысячи из вашей разбитой армии, но из них половина ранены, а вторая половина едва держится на ногах от усталости. В основном, возвратились твои дружинники и венеты. Рыцарский авангард пал почти весь. Командующих арьергарда, как я слышала, тоже перебили. Мои соболезнования, Гленан, — кивнула она приятелю Гледерика. — Ты теперь граф Кэбри. — Юноша переменялся в лице. — Старшего Свона также нет в живых, как и Хэррисворда. Мы лишились почти всех наших войск. Стены Таэрверна высоки, но с таким малым числом людей гарландцев нам от них не отогнать. Клифф просто возьмет нас в осаду и будет ждать, пока мы перемрем от голода или внутренних распрей.

— Я сейчас же разошлю гонцов во все углы королевства, с приказом идти к нам на помощь.

— Кто придет, Эдвард? Все, кто хотели, уже пришли. А всем остальным нет до нас дела. Эринландский престол слаб сейчас, как никогда. Те лорды, что не явились в Таэрверн после воззваний Хендрика, скорее поклонятся Клиффу, нежели нам. Герцог Дэйрин и прошлых гонцов отослал несолоно хлебавшими, на что уж теперь рассчитывать.

— Тогда будем драться, в самом деле, до последней капли текущей в наших жилах крови, — сказал Эдвард. — Прости меня, пожалуйста. Конечно, я был не прав, отговаривая тебя сражаться. Ты будешь мне хорошим товарищем в этом бою.

Кэмерон улыбнулась — ясно и светло, уподобившись в эту минуту солнцу, хмурым осенним днем выглядывающему из-за туч:

— Я буду тебе отличным товарищем. Не путай, пожалуйста, отличного товарища с хорошим — это разные вещи, и я буду именно отличным. И, — перестала улыбаться она, — убедишься ты в этом уже очень скоро. Передовые отряды Клиффа окажутся на подступах к столице не позднее завтрашнего утра. Согласно донесениям моих разведчиков.

— Если все обстоит именно так, — сказал Остромир, — нам следует послать к бесам сон и отдых. Если враг подошел уже так близко — мы с Гледериком и Гленом выступаем немедленно, прямо сейчас. В противном случае из осажденного города нам потом не уйти.

— Вы правы, — кивнул Эдвард, вставая на ноги. — И, пожалуй, я могу сделать кое-что, что основательно облегчит вам ваше путешествие. По крайней мере, попытаюсь это сделать. Кэмерон, могу я попросить у тебя королевские ключи от подземелий Каэр Сиди? Самых глубоких и тайных. Ты понимаешь, о каких подземельях я говорю.

— Попросить ты ключи конечно можешь, — впервые за этот разговор королева выглядела удивленной, — только зачем они тебе?

— Я потом объясню. Если скажу сейчас, ты меня осудишь.

— Это непременно, — посулила Кэмерон, в свою очередь поднимаясь из кресла. — Ну что, пошли. Я дам тебе твои ключи, о король, — она сделала чуть насмешливый реверанс.

Заполучив тяжеленную связку массивных ключей, Эдвард торопливо попрощался с королевой и сказал Остромиру, Дэрри и Гленану взять с собой все, что понадобится им для дальнего путешествия, а затем ждать его в главном зале. Вид у Фэринтайна был при этом весьма взволнованный, словно он решил на что-то, прежде основательно его пугавшее.

Дэрри постарался воспользоваться отведенным на сборы временем с толком. Юноша как следует набил свою заплечную сумку сушеными яблоками, вяленным мясом, сыром,

хлебом. Положил в котомку парочку фляг для питья, не забыл также про метательные и обычные ножи, про моток прочной веревки и про теплый, специально для зимних холодов, плащ. Сменил сапоги на более прочные, любезно предоставленные ему замковым интендантом, и раздобыл новую походную куртку, из крепкой толстой кожи. Интендант повел себя на удивление любезно, стоило Гледерику сказать, что он теперь взаправдашний рыцарь, и охотно снабдил его всем необходимым.

На молча вооружавшегося Гленана Гледерик старался при этом не смотреть. Вчера между ними и без того пробежала черная кошка, а услышав про смерть отца, Глен сделался совсем уж холоден на вид и совершенно непроницаем. Лезть к приятелю с соболезнованиями Гледерику не хотелось — все равно от этих соболезнований не было бы никакого толка. Напоминать о случившемся несчастье — только душу попусту травить.

— О своих людях я позаботился, — сказал Остромир. — Добрались до Таэрверна почти все. Я сообщил, что покидаю город в связи с важным поручением, и назначил себе заместителя. Так что пойдете. Посмотрим, что дорога нам готовит.

Эдвард Фэринтайн ждал приготовившуюся к походу троицу в главном зале первого этажа донжона, возле лестницы, ведущей в замковые подземелья. В руке новый король Эринланда держал факел, а связку полученных от жены Хендрика ключей он повесил себе на пояс.

— Надеюсь, вы взяли все, что вам потребуется в дороге? — осведомился он, оглядывая товарищей. — Что ж, тогда идемте. Я вам подробно все объясню, когда окажемся на месте. И сильно не удивляйтесь, пожалуйста.

— После того, что случилось позавчера, нас уже ничто на свете не удивит, — выразил Гледерик общее мнение.

— Вот в этом вы как раз и ошибаетесь, мастер Брейсвер, — Эдвард усмехнулся, но как-то совсем невесело.

Миновав несколько лестничных пролетов, они спустились на нижние ярусы крепости. Эти помещения активно использовались — в основном как кладовые и хранилища. Где-то неподалеку располагалась также замковая тюрьма и пыточные. А еще тут складировались бочки с вином и с элем и всякая снедь. Это место Гледерику скорее понравилось. Показалось каким-то, что ли, уютным. Однако надолго они задерживаться тут не стали — пройдя несколькими освещенными светом факелом помещениями и миновав два поста охраны, друзья оказались перед толстой дубовой дверью, которую Эдвард с некоторыми усилиями отворил. За дверью была еще одна лестница, уходящая куда-то далеко вниз. Спустившись, наверно, по нескольким сотням ступенек, герцог Фэринтайн оказались в обширном подземном зале.

Все здесь выглядело совсем не так, как наверху. Каким-то слегка необычным. Нечеловеческим, что ли. Грубая каменная кладка уступила место другой, куда более аккуратной. Пропорции помещения были изящны, подпиравшие потолок из цельного камня вырезанные колонны — соразмерны, а стены оказались сплошь изукрашены причудливыми барельефами. Изображены на них были в основном девушки в легких развевающихся по ветру одеяниях, высокие воины в длинных плащах, а также всевозможные фантастические животные — грифоны, единороги и драконы в первую очередь. Дэрри осторожно ступил на мраморный пол, оглядываясь по сторонам.

Привычный ему Каэр Сиди был угрюмым, мрачным, продуваемым сквозняками. Стены там были сложны из массивных каменных плит или из плотно подогнанных кирпичей.

Мебель была тяжелой и массивной, гобелены — мрачными. Современный Каэр Сиди был крепостью воинов, домом жестоких и властных королей, правивших полудиким, воинственным народом. Бедного, сурового Эринланда почти не достигали искусства и науки, буйным цветом расцветшие в ту пору на юге. Но здесь, внизу, все выглядело каким-то другим. Утонченным. Цивилизованным. Эдвард Фэринтайн казался в этой величественной зале точно также пребывающим на естественном на себя месте, как Хендрик Грейдан — в верхней части крепости.

— Эльфийские катакомбы, — проронил Гленан. Он тронул Дэрри за рукав. — Мы достигли той части Каэр Сиди, что за последние века не перестраивалась людьми на свой лад.

— А зачем люди вообще перестраивали верхние этажи? — спросил Дэрри. — По моему, тут очень даже неплохо. Можно было оставить всю крепость такой. Эльфийской. А то сейчас ваш замок больше похож на коровник, нежели на цитадель сидов.

— Видимо, первые эринландцы не захотели жить в цитадели сидов, — пробормотал Кэбри. — У них были плохие отношения с фэйри.

— Очень плохие, — бесстрастно согласился Эдвард. — Настолько плохие, что моим предкам пришлось уступить свой фамильный замок — этот — тому достойному господину, что представился новым здешним королем. Кажется, его звали Райдан Уайтхорн, если хроники не врут. Но не будем задерживаться. Наша цель — не здесь, — он пошел вперед, держа на вытянутой руке факел.

Эльфийские подземелья оказались весьма обширны. Всюду здесь были темно и просторно, и, против ожидаемой затхлости, тянуло сквозняком. В углах стояли постаменты, украшенные искусно сделанными статуями — мудрецы в ниспадающих одеяниях, воины в легких доспехах, на вид разом изящных и прочных. Мрамор и гранит полов и стен, возносящиеся вверх дверные арки, коридоры настолько широкие, что в них легко разминулись бы три повозки. Эти чертоги были сделаны с размахом и на века. Проходя по ним, Гледерик задумался — интересно, а какими они были, эти эльфы? На что вообще могут быть похожи существа, обладающие даром бесконечной жизни? Фэйри давно покинули человеческие земли, уйдя на далекий север. Потомков у них в здешних краях осталось немного, да и те смешали свою кровь с людьми и безвозвратно утратили всякое бессмертие. Такими очеловечившимися потомками эльфов были, например, Эдвард и Гилмор Фэринтайны. Или сам Гледерик.

Эта мысль оказалась настолько внезапной, что Дэрри едва не сбился с шага. До вчерашних расспросов Остромира юноша ведь даже не задумывался об этом — о том, что в его собственных жилах может течь эльфийская кровь. Но если он потомок Карданов, то такая кровь у него точно найдется, учитывая, сколько раз короли Иберлена женились на девушках из полуэльфийских родов. Это что ж теперь получается, — подумал Дэрри, — у меня и уши должны быть острыми? Уши у него были самые обычные. И вообще, для эльфа его натуре явно не хватало изящества.

Эдвард провел их анфиладой величественных залов, сейчас заброшенных и пустующих, обставленных древней резной мебелью, в основном деревянной. Она была очень хорошей, тонкой работы, но щедро покрыта пылью и местами изъедена жучком. Свет нигде не горел, лишь взятый Фэринтайном факел освещал дорогу. Всюду здесь было темно и тихо — казалось, время застыло и не движется с места. Выйдя к очередной лестнице, товарищи спустились на четыре яруса вниз, прошли новой чередой заброшенных помещений и

наконец, пройдя еще по сотне уводящих в темноту ступенек, оказались перед массивной, из чистого листа железа вырезанной дверью. Дэрри вдруг ощутил непонятный трепет. Эдвард воспользовался тайным ключом, полученным от королевы, и отворил эту тяжелую, на ржавых петлях заскрипевшую дверь.

— Идемте, — сказал он. — Меня сюда водил пару раз Хендрик, и было это много лет назад, но дорогу я запомнил. — Он посветил факелом в темноту.

За порогом все оказалось вновь каким-то не таким. Никаких барельефов. Никаких колонн. Никаких резных завитушек или мраморных статуй. Словно они миновали какую-то границу. И здесь не было вообще ничего из того, что Дэрри ожидал бы увидеть в подземельях Вращающегося Замка.

Стены — вроде бы сделанные из камня, но гладкие, прямые и ровные, идеально обтесанные. Никаких блоков, никаких кирпичей, никаких стыков или отверстий. Пол под ногами — с непонятным темным покрытием. Многие предметы обстановки были изготовлены из потемневшего металла. По потолку тянулись прямоугольные стеклянные панели, неизвестно зачем туда подвешенные. Все это место казалось холодным и заброшенным, похороненным под пылью веков. Оно было даже более ветхим и забытым, чем Каэр Сейнт. Более древним, чем все на свете.

— Этот ведь уровень не эльфами был построен? — спросил Гледерик Гленана, но тот в ответ только и сделал, что неопределенно пожал плечами. Здесь он явно был первый раз в жизни, и никогда раньше ничего подобного не встречал.

— Не эльфами, конечно, — сказал Эдвард, идя вперед по длинному коридору, делающему порой ответвления в разные стороны. Здесь было много дверей, и все они были металлического вида. Некоторые были распахнуты, но за ними клубился один лишь беспросветный мрак. То здесь, то там вдоль стен тянулись выцветшие, изрядно стершиеся от времени надписи, нанесенные некогда какой-то стойкой краской. Язык казался незнакомым — хотя и был записан почти привычного вида шрифтом. Здесь было множество странного вида предметов, о чьем предназначении можно было только гадать. Иногда к стенам крепились неизвестного назначения механизмы, уходили в пол какие-то трубы.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Единственным, кто помимо Эдварда не казался сейчас удивленным, был Остромир. Он осматривался по сторонам спокойно и внимательно, будто что-то припоминая.

— Вас удивит, — продолжил Фэринтайн, — но еще прежде эльфов здесь жили люди. Мои предки — тоже лишь гости в этом месте, и отняли его у предыдущих хозяев. Возможно, именно поэтому мы тысячу лет назад так охотно отдали Вращающийся Замок Уайтхорнам. Мы понимали, что смертные пришли забрать себе обратно свою старую крепость.

— Да ладно вам, — сказал Дэрри ошеломленно. — Это все построили люди? Я уж думал, гномы или кто-то наподобие. Но если здесь жили люди, когда ж это было?

Герцог, не оборачиваясь, пожал плечами.

— Две тысячи лет назад? Три? До Великой Тьмы, во всяком случае.

Дэрри в ответ только лишь присвистнул. Он хоть и интересовался историей, когда жил в родительском доме, но о таких седых временах не знал почти ничего. Семьсот лет назад случилась Война Пламени, опустошившая половину мира. За триста лет до нее люди отобрали северные земли у эльфов. Что было до того — бог весть. Великая Тьма. Времена хаоса. Времена разорения, когда рухнули древние царства.

Оставалось лишь удивляться, как за столько веков все здесь не обратилось в прах.

Они вышли в просторный зал, в котором было множество тянувшихся вдоль стен столов и стоявших перед ними жестких, очень неудобных на вид кресел, туго обшитых не то кожей, не то неким напоминающим ее материалом. Всюду здесь были развешаны какие-то темные экраны — как потухшие оконные проемы, ведущие в непроглядную пустоту и вечную ночь. Дэрри с интересом подошел к одному из столов, посмотрел на выступающую из него панель. На ее гладкой матовой поверхности было начертаны все имеющиеся в алфавите буквы, а помимо них множество непонятных знаков. Гледерик осторожно коснулся подушечкой пальца парочки отпечатанных на полотне странного материала, похожего на темное стекло, символов, а затем оглушительно чихнул.

— Ничего здесь лишний раз не трогай, — сказал ему Остромир. — Я видел такие места. Пару раз. За Полуденным морем, в та-кемских усыпальницах, и еще кое-где. Сначала оно кажется покойным, как старое кладбище, а потом ты внезапно на что-то нажимаешь, и потолок падает тебе на голову. Или проваливается пол.

— Я приму к сведению, — сказал юноша. Ему вдруг сделалось неудобно. Здесь и впрямь было спокойно, словно на кладбище, однако спокойствие это казалось каким-то недобрым. А окружающая их тишина была тревожной и гулкой, готовой в любой момент рассыпаться на осколки. — Сэр Эдвард, зачем мы сюда пришли?

— Сейчас увидите, — сказал герцог и надавил ладонью на выступ в стене.

Помещение, спустя какую-то малую долю секунды, залил яркий свет. Было это так неожиданно, что Дэрри едва не вскрикнул. Сначала он на мгновение зажмурился, а когда разлепил глаза и огляделся, то понял, что непонятным образом зажглись некоторые из тех панелей, что крепились к потолку. Не все, только лишь треть или четверть — все прочие оставались потухшими. Но те, что зажглись, горели ясным и ровным светом. В этом свете юноша смог осмотреть всю огромную комнату, размерами превосходившую приемный зал эринландских королей, и увидел в ее дальнем конце, у самой стены, серебристую арку, сделанную из какого-то незнакомого металла. Она была в три человеческих роста высотой и в два шириной. Никаких знаков, никаких символов или писем на ней начертано не было. В глаза бросалась лишь еще одна выступающая из стены овальной формы панель рядом, с углублением в ней, сделанным словно для того, чтоб в него легла и удобно там разместилась человеческая ладонь.

— Мы пришли сюда ради вот этого, — сказал Эдвард, подходя к арке. — Это ворота. Путь прохода. Или, как говорится в одной читанной мною старой книге — пространственная дверь. Выберите любое наименование на ваш вкус.

— Это плохая идея, — заявил Остромир. Он-то уж явно понимал, что это за штука. — Ужасно плохая. Вы вообще уверены, что сможете включить эту машину? Источник, что ее питал, наверняка давно иссяк. Да и пользоваться ею смертельно опасно.

— И все же нам придется ею воспользоваться, — возразил Эдвард. — К этому нас призывает здравый смысл. Ехать до Серебряных Лесов — не ближний свет. Особенно сейчас, когда на дорогах так опасно. Идет война, не забывайте. Возможно, гарландцы не остановятся сразу на Таэрверне. Возможно, они попытаются занять всю страну, до самых границ. Разошлют всюду свои отряды. Вы желаете улепетывать от наступающей армии противника? Это подвергнет совершенно ненужному риску все наше дело. А если я смогу открыть пространственную дверь — вы окажетесь прямо на месте.

— Или вывалимся из нее где-нибудь посередине Закатного моря, — проворчал венет.

— Я правильно понимаю, — уточнил Дэрри, — что это какой-то древний магический

артефакт, позволяющий мгновенно перемещаться с места на место?

— Совершенно правильно, — подтвердил Фэринтайн. — На то, чтоб вспомнить о нем, меня натолкнули происки наших врагов. Помнишь тот кинжал, который Гилмор таскал с собой? Леди Кэран сказала, что с его помощью и с помощью пролитой древней крови можно быстро путешествовать в пространстве. Перед Войной Пламени в самом деле создавались такие инструменты. Изящные, удобные в использовании, и завязанные на такой неиссякаемый источник энергии, как колдовская кровь. А вот эта вот вещь... Она старше, более громоздкая. Мастерство древних тогда еще не было отточено до конца. Талисман, дававший ей силу, и впрямь, наверно, почти совершенно иссяк. Но такие двери делались в расчете на чародеев. На тех, кто может пробудить их своим собственным могуществом.

— Вы же не маг, — сказал Дэрри. — Сами в этом признались.

— Я не маг, ты не принц, все мы не те, кем могли бы стать. Но должны же мы сделать хоть что-то ради того, чтоб уцелеть? — Эдвард передернул плечами. — Я попытаюсь. Вряд ли это настолько уж сложно.

— А как ее настроить? Чтоб она правда доставила нас в Серебряные Леса, а не в пучину какого-нибудь моря на краю света? Вы должны выкрикнуть какие-то заклинания?

— В моей книге говорилось про телепатический интерфейс.

— Про что, прости господи?

— Про такую специальную магию, — терпеливо пояснил Фэринтайн. — Магию, позволяющую читать мысли. Я буду думать про Серебряные Леса — и дверь должна будет провести вас именно туда.

— Безумный план. Вы еще хуже вашего покойного брата, вы знаете? Хуже вашего покойного кузена. Хуже всех людей, которых я в своей жизни встречал.

— И это мне говорит человек, готовый ехать на край света только потому, что поверил чьим-то пьяным побасенкам, — Эдвард неожиданно ухмыльнулся. — Будем откровенны — мне всегда хотелось опробовать эту машину в деле, а Хендрик мне запрещал, называя это чернокнижием и богопротивным оккультизмом. Теперь я король Эринланда, и кто мне что-то запретит? Ну, приготовьтесь. Сейчас я начну колдовать.

Дэрри поглядел на своих спутников. Остромир казался умеренно недовольным, но продолжать спорить не стал. Кажется, ему тоже было интересно поглядеть, сработает ли вычитанное в древних манускриптах колдовство сэра Эдварда. Гленан, ненадолго было оживившийся, вновь сделался молчалив и угрюм. Вот и конец моим головокружительным приключениям, — подумал Гледерик мрачно. — Фэринтайн что-то напутает в своем волшебстве, мы шагнем в распроклятую магическую дверь и окажется на дне моря, или в жерле вулкана, или куда он там забросит. И не видать мне Иберлена, как своих неэльфийских ушей.

Эдвард сделал шаг вперед. Положил правую ладонь в словно специально ожидавшую ее выемку на управляющей панели. Склонил голову. Плечи его вдруг сделались напряженными, и герцог подался чуть вперед, его слегка затрясло. Он и в самом деле не произносил никаких заклинаний, ничего подобного — но Гледерик опять, как тогда, в Каэр Сейнте, при появлении волшебницы по имени Кэран, вдруг почувствовал, как мир вокруг будто бы преобразился. Сделался каким-то холодным и гораздо более опасным. Подчиняясь непонятному инстинкту, юноша сделал шаг вперед, будто готовясь сражаться с неведомым противником. То ли ему показалось, то ли свет древних магических ламп вдруг на секунду мигнул.

Эдвард Фэринтайн пошатнулся, казалось, готовый упасть, но все же остался стоять на месте и не отнял своей руки от панели. Дэрри не знал, что в точности сейчас делает герцог, но догадывался, что это требует повышенной концентрации и траты немалых душевных сил. Фэринтайн тяжело выдохнул. Мотнул головой из стороны в сторону.

Пространство внутри арки изменилось. Воздух там словно потек и пришел в движение, будто нагретый раскаленным костром. А потом последовала короткая вспышка света — и сквозь ворота уже нельзя было разглядеть расположенную за ними стену. Теперь за ними виднелась одна только аморфная пустота, и эта пустота казалась живой, дышащей и недоброй. Дэрри смотрел прямо в бесформенное, серое ничто, уходящее, казалось, куда-то за пределы ведомой ему реальности. Юноше сделалось страшно.

— Я открыл ворота в Венецию, — сказал Эдвард. Голос его был глухим и каким-то надломленным. — Проходите быстрее, я питаю дверь своей собственной силой. Долго мне не удержать проход.

Гледерик, однако, не решился сделать и шагу. Дверь, распахнутая силой нового эринландского короля, пугала и казалась воротами в самую преисподнюю. Пока юноша колебался, Остромир поправил лямки своей дорожной сумки, потуже затянул ремни на куртке, которую надел вместо доспехов, и двинулся прямо к ждущей его пустоте.

— Если мы вернемся из этого путешествия живыми, — сказал он спокойно, — вы, Эдвард, поставите нам самого дорогого в вашем замке вина.

— Слово чести, поставлю, — пообещал ему Фэринтайн. — Непременно возвращайтесь живыми. И помните, что от успеха вашего предприятия зависит судьба всего нашего королевства. Может быть, даже вообще судьба всего, что есть на свете.

— Всегда мечтал о чем-то подобном, — пробормотал венет. И шагнул в пустоту.

Он исчез мгновенно, будто под лед провалился. Просто сделал один шаг и пропал. Серое ничто проглотило его без следа. Дэрри и Гленан переглянулись. На лице у приятеля юноша увидел те же самые сомнения, что одолевали сейчас и его самого.

— Ладно уж, — проворчал Гледерик. — Пошли, чего утруждать твоего короля. Привет вашей прекрасной невесте, лорд Эдвард! — крикнул он Фэринтайну. — Леди Гвенет очаровательна и мила, так ей и передайте! А леди Кэмерон скажите, что я отныне ее горячий поклонник, и желаю ей отправить на тот свет своим мечом всех гарландцев, что придут по вашу душу! И вот еще пожалуйста, отвалите мне кучу золота, когда я притащу вам ту штуковину, за которой мы намылились! — Ему было очень страшно, и потому он кривлялся как мог. Иначе Гледерик просто не умел. Или веди себя как шут гороховый — или корчись на полу от страха.

— Дэрри, да пошли уже, — скривился Гленан и за руку потянул Гледерика прямо в распахнутую в бесконечность дверь. — Иначе оно сейчас закроется. И тогда все пропало.

В пустоте перед ними словно сверкнул огонь — подобно голодному пламени, загоревшемуся где-то в бесконечной межмирной бездне. И тогда они сделали шаг вперед. Каждый с правой ноги. Одновременно. И Дэрри что было сил сжал при этом руку друга, надеясь не разорваться от ужаса самым позорным манером.

Если бы Гледерика потом спросили, на что был похож совершенный им переход сквозь пространство, он бы никак не смог внятно это описать. Слишком много всего, и для большей части этого всего у него просто не нашлось бы сколько-нибудь подходящих слов.

Тьма. И свет. И снова тьма. Очень жарко и очень холодно сразу. Звезды, горящие где-то

вдали — как чьи-то холодные злые глаза. Ощущение, что он летит — широко раскинув руки летит где-то в темном ночном небе, и мир людей далеко внизу. Его со всех сторон окружала тишина. Протяжная всесильная тишина вечности, и эта вечность была одинокой.

Пока Дэрри был там, ему казалось, что он видит все прошлое и будущее сразу — и не только свое собственное. К счастью, когда переход закончился, восстановить в памяти ничего из этих картин не удалось. К счастью — потому что ему совершенно не хотелось ничего вспоминать.

Вновь начав осознавать реальность, Дэрри обнаружил, что находится в каком-то тесном городском переулке, совершенно обыденном на вид. Вокруг нависали двухэтажные каменные дома, каменная мостовая холодила задницу, а над головой раскинулось темное небо. Наступала ночь, и загоревшиеся в этой ночи звезды казались какими-то удивительно родными и знакомыми. Это были нормальные звезды человеческого мира. Не демонские светила той бездны, через которую он только что прошел.

Гленан сидел рядом, тяжело привалившись к каким-то деревянным ящикам, и тяжело, хрипло дышал. Выглядел он — краше в гроб кладут. Дэрри, впрочем, подозревал, что и сам сейчас смотрится не лучше. Может быть, даже хуже.

— Это что же, — пошевелил Гледерик ставшим вдруг непослушным языком, — мы, кажется, остались в живых?

— Не накаркай, — предостерег Гленан. — Может, мы еще там, но сошли с ума, и эта улочка нам только мерещится?

— Тогда и мне мерещится вместе с вами, — вмешался в разговор Остромир. Он тоже был здесь и тоже был жив, и Дэрри едва не вскрикнул от радости при виде седовласого венета. Хуже всего было бы, если бы машина Древних сработала неправильно, и их всех разбросало бы на выходе в какие-то совершенно разные места. Может даже в разные части света. От одной подобной мысли мороз пробежал по позвоночнику.

Остромир стоял в самом начале переулка, там, где он вливался в какую-то широкую городскую улицу, и осматривался по сторонам. Вдалеке виделись островерхие крыши домов, и откуда-то доносились людские голоса, цокот копыт по брусчатке и залиvistое конское ржание. Все вместе это выглядело как обычный, совершенно привычного вида человеческий город, и ничуть не напоминало обещанные Эдвардом Фэринтайном Серебряные Леса.

— Нам повезло, что мы очутились не посреди какой-нибудь рыночной площади с кучей любопытных глаз, — сообщил Остромир. — Я узнаю это место. Доводилось бывать. Спешу сообщить вам, друзья, что сейчас мы почти так же далеко от тайника Пяти Королей, как были, находясь в Таэрверне.

— В самом деле? — упавшим голосом спросил Дэрри.

— Ага. Так уж сработала таинственная древняя магия. Ну, на самом деле кое-что мы все выиграли. Мы срезали треть или четверть пути. Изначально мы находились к западу от нашей цели — а Фэринтайн перебросил нас на север от нее. Но путь все равно предстоит неблизкий.

— Вот и доверяй теперь древним чарам, — Дэрри чертыхнулся, а потом помог подняться на ноги Гленану. Тот стоял пошатываясь и держался рукой за стену. Гледерику и самому приходилось нелегко — собственные ноги казались ему совершенно непослушными. — А где мы, собственно, очутились?

— Ильмерград. Торговый город, на северном побережье. — Венет вдруг показался

каким-то чрезмерно усталым. Да что там, они все были усталыми. Столько дней непрестанной скачки, столько неприятностей по вечерам. Сначала Каэр Сейнт, потом Кутхилл с его нервотрепкой, наглыми дезертирами и паршивым элем, а теперь вот это крошечное безумие. О только что случившемся магическом переходе сквозь пространство и хорошо если не время и вспоминать не хотелось. — Пойдемте, — сказал Остромир. — Нужно найти кров. А утром придется покупать лошадей. Хорошо хоть, что гарландцы нас здесь не достанут.

Глава двенадцатая

Пришел в себя в тот вечер Дэрри далеко не сразу. Его мутило и шатало, руки дрожали, а перед глазами то и дело вставала темная пелена. Несколько раз юноше всерьез показалось, что он сейчас отключится, но товарищи дали ему выпить воды и пожевать хлеба, и вскоре дурнота немного отступила. Слегка очухавшись, Гледерик пообещал себе впредь никогда не иметь дел ни с каким, даже сколь угодно безобидным колдовством, и тут же с сожалением понял, что сдержать эту клятву у него при всем желании не выйдет.

Запутанными городскими улицами Остромир вел их по одному ему ведомому маршруту. Ни Гледерик, ни Гленан никогда не бывали здесь прежде, а потому полностью доверились своему проводнику. С мрачной иронией юноша подумал, что им и впрямь крайне повезло выйти из переходных врат в безлюдном и тихом закутке между плотно стоящими домами, а не посредине центральной городской площади, оживленного рынка или какого-нибудь еще шумного места наподобие.

Уже почти стемнело, но на улицах по-прежнему оставалось много народа, и это выглядело разительным контрастом по сравнению со стремительно вымиравшим сразу после заката Таэрверном. Проезжали тяжело груженные повозки, спешили по своим делам рабочие из доков, широко распахнуты были двери лавок, громоздились темные громады складов. Как и всякий портовый город, Ильмерград работал с утра до утра, ни на миг не сбавляя своего бешеного ритма. В воздухе пахло восточными пряностями и свежей рыбой, мехами и шелками, дорогими духами и дешевым пивом.

Дэрри и сам вырос в портовом городе, стоявшем правда на берегу южного Винного, не северного Ветреного, моря, и потому немедленно почувствовал себя здесь так, будто наконец после долгого странствия вернулся домой. Оживленная суэта беспокойных купеческих кварталов была всяко привычнее ему, чем чопорная строгость Верхнего Города в эринландской столице, и потому Гледерик сразу повеселел и пошел быстрее, стараясь шагать нога в ногу со спутниками. Теперь он уже не тонул в мрачных мыслях, а с интересом осматривался по сторонам.

Ильмерград в ту пору был одним из главных центров всей торговли севера. Располагаясь в удобной, защищенной высокими скалами бухте на полуденной стороне беспокойного, щедрого на непогоды и шторма Ветреного моря, он служил перевалочным пунктом на пути из восточных королевств в западные. Большинство купцов предпочитало морские пути ненадежным и длительным сухопутным — особенно сейчас, когда половина Срединных Земель пылала в огне междоусобных войн, от Вращающегося Замка и до самой Тарагонской империи.

Здесь можно было в обилии встретить иберленцев и гарландцев, эринландцев и жителей Озерного Края. В гавани стояли суда, груженные предметами роскоши из далекой Арэйны и даже полубаснословной Райгады, лежавшей, если верить байкам, у самых границ империи богов. Перец и фарфор, золотые украшения и искусно сделанное оружие, механические часы и пушнина, украшенные изумрудами трости и дорогие ткани — чего только не выставлялось к продаже на ильмерградских верхних, средних и нижних торговых рядах. На противоположном рыночной стороне берегу реки поднимались укрепления оборонявшей город могучей крепости.

— Куда мы идем? — осведомился Дэрри, когда Остромир, даже не оглянувшись, миновал вывеску очередной корчмы. — Мы прошли уже с десятков постоянных дворов не самого затрапезного вида. Они что, все недостаточно хороши для моей почти монаршей особы?

— У меня здесь был один знакомец, — ответил венет, высматривая дорогу. — Еще с давних времен, мы вместе ходили в походы. Надеюсь, он никуда не переехал и не умер. У него и заночуем, если все в порядке.

— Это вы правильно придумали, — кивнул Гледерик. — Уж лучше гостевать у друзей за честное слово, чем у трактирщика за монеты из своего не бездонного кошелька.

Юноша с сожалением подумал, что вместе с Гэрисом Фостером закончилось и щедро выдаваемое тем жалование. Какие-то деньги на руках у Гледерика, конечно, оставались — но они были не бесконечны, и если предаваться бездумным тратам, то они скоро покажут дно. Покидая Вращающийся Замок в суете и спешке, Дэрри никак не успел набраться наглости выпросить у Фэринтайна пару сотен золотых денежного содержания — на нужды похода, разумеется. Теперь оставалось лишь кусать себе локти за собственную нерасторопность. Впрочем, проведенное в скитаниях время приучили его распоряжаться деньгами с умом — в те счастливые моменты, когда он вообще располагал хоть какими-то деньгами. Да и у Остромира явно что-то звенело в кошельке. Дэрри бросил взгляд на Гленана — тот, слегка было оживившийся в подземельях Каэр Сиди, вновь впал в мрачную апатию. Юноша задумался, а что бы испытывал он сам, услышав известие о смерти своего отца — и понял, что не может найти ответа на этот вопрос.

Миновав еще нескольких кварталов и спустившись в неприметный переулок, Остромир привел их к трехэтажному, добротному на вид дому. Поднявшись на резное крыльцо, седовласый воин четырежды постучал кулаком в украшенную замысловатой резьбой деревянную дверь. Открыли ему примерно через полминуты — на пороге появился высокий, широкоплечий мужчина в расшитом золотыми нитями красном кафтане и с проседью в некогда густых темно-русых волосах. Увидев Остромира, он на секунду замер, будто в нерешительности, а потом сделал шаг вперед и сжал его плечи в крепком объятии.

— Ну здравствуй, старый мерзавец, — сказал, по всей видимости, хозяин дома, от души улыбаясь. Он говорил по-венетски, но Гледерик, благодаря полученному от отца образованию, неплохо понимал этот язык. Ларвальд Брейсвер надеялся, что сын со временем продолжит его дела, и обучил его большинству наречий Срединных Земель — как минимум венетскому, паданскому и основам лумейского.

— Где тебя черти носили? — спросил Остромира его знакомец. — Выходит, вдали, что ты умотал на эринландскую войну, чтоб отдать свои кости воронам на поживу?

— Умирать я в ближайшем столетии не собираюсь, хоть и знаю, многие были бы довольны, — наемник чуть виновато развел руками. — В Эринланд я в самом деле уезжал, но как видишь, вернулся живой и здоровый. Ни руки мои, ни ноги, ни тем более голова воронам не достались. Первым делом я решил заглянуть к тебе, раз уж оказался в этих местах.

— Вижу, что ты живой и здоровый, — нахмурился хозяин дома, вдруг меняясь в лице. — Только, прости мне мою подозрительность, и месяца не прошло, как я услышал, что твой отряд подался в Таэрверн. Ты вдруг одумался и завернул с полдороги? Или я чего-то не понимаю? Решающее сражение, как я слышал, должно было состояться хорошо если на этой неделе. Если ты был у Грейдана, то ни за что не успел бы обернуться сюда так быстро. Какое

колдовство тебя сюда привело?

— Может статься, меня привело и впрямь колдовство, — не стал отпираться Остромир. — Все немного сложнее, чем может показаться на первый взгляд. Потому я и пришел сюда, а не в какую-нибудь гостиницу, где меня увидят и начнут толковать о моем внезапном возвращении с войны. Я не все могу тебе рассказать, и не на все вопросы могу ответить. Однако если тыпустишь меня и моих друзей сегодня на ночлег, а завтра забудешь о том, что мы вообще появлялись — буду тебе благодарен. За мной не пропадет, ты знаешь.

— Это я знаю. И боевых товарищей с порога не гоню. Только напомни мне пожалуйста, друг, как звали ту белокурую девицу из либурнской деревни, семь лет назад? Я про дочь мельника. Ты же ее не забыл, конечно? Она подарила тебе ожерелье из чистого жемчуга на дорогу.

— Не забыл, конечно. Я хорошо припоминаю, что дочь того мельника звали Ровена, и еще что волосы у нее были не белокурыми, а чернее вороньего крыла. Сновид, это действительно я, — сказал Остромир спокойно. — Не наведенный чарами морок. Не демон с подменным лицом.

— Прости меня, — повiniлся хозяин дома. — Но твое внезапное появление выглядит странным. Дни нынче недобрые, и ты первый сказал о колдовстве. — Он отступил в сторону, освобождая дорогу. — Заходите и пользуйтесь моим гостеприимством. Рад встретить.

Внутри дом оказался просторным и богато обставленным. По стенам висели картины, пол покрывали ковры восточной работы, с нанесенными на них замысловатыми узорами. Бронзовые и гипсовые статуэтки украшали угловые столики, а в шкафу в главном зале столпились три тесными рядами книги, выставив напоказ нарядные корешки. Гледерик с трудом подавил в себе порыв рассмотреть эти книги с близкого расстояния, а еще лучше того взять в руки и как следует полистать. Все же, это было бы, наверно, чуточку невежливо. Вдруг, увидев подобное обращение со своими вещами, хозяин рассердится и выгонит нежданных гостей, оказавшихся настолько нахальными, обратно на двор? Болтаться и дальше по улице в поисках пристанища и ночлега решительно не хотелось.

Слуги проводили путников в пристроенную к дому купальню, где те вымылись, с удовольствием откатив себя горячей водой, а затем сменили запыхавшееся дорожное платье на чистую домашнюю одежду немного непривычного покроя. Надев пахнущую полевыми травами светлую рубаху с расшитым золотыми нитями воротом, а затем застегнув поверх нее зеленый с пышными рукавами кафтан, Дэрри почувствовал себя в чуть меньшей степени оборванцем. Хотя до чужеземного принца ему было все равно еще далеко. Юноша обернул вокруг кафтана украшенный серебряной пряжкой пояс, а затем, внимательно глядя на себя в зеркало, расчесался. Костюм оказался Гледерику слегка не по мерке, будучи свободен в плечах, но сидел все же вполне пристойно. Оказавшийся длинноватым рукав молодой Брейсвер подвернул.

Оружие, как на ходу объяснил Гледерику здешний этикет Остромир, к столу с собой брать не полагалось, поэтому меч и коллекцию метательных ножей пришлось передать на хранение исполнявшему обязанности дворецкого слуге. Владелец особняка ожидал гостей в парадной зале, где уже накрыт был горячей едой обеденный стол.

— Ну, представь мне своих друзей, а то впервые вижу этих молодых людей, — сказал друг Остромира, широко улыбаясь. Хотя годы уже начали брать над этим могучим человеком свое, выглядел он по-прежнему крепким и сильным, и наверняка был хорошим бойцом. Гледерику он чем-то напомнил его старого учителя фехтования — такого же удалившегося

на покой пожилого вояку. Разве что жил тот вояка куда более небогато.

— Эти вот ребята, — указал Остромир на Гленана и Дэрри, — заслуживают всяческого уважения, говорю сразу. Представляю твоему вниманию владетельного графа Гленана Кэбри, служащего оруженосцем при королевском кузене, герцоге Фэринтайне, и сэра Гледерика Брейсвера, посвященного в рыцарское звание все тем же герцогом Фэринтайном. Гленан, Дэрри, это мой добрый друг, Сновид, сын Станимира. В прошлом вольный солдат из отрядов удачи, ныне — уважаемый в Ильмерграде коннозаводчик.

Гленан плавно шагнул вперед и отвесил безупречно учтивый придворный поклон.

— Мое почтение, милостивый государь, — сказал он на хорошем венецком, с лишь едва различимым акцентом. Дэрри уже успел усвоить, что на разных чужедальных языках отпрыск графов Кэбри шпарит куда лучше его самого, и даже на куртуазном тарагонском или высоком паданском изъясняется, словно на родном. Поэтому сам Дэрри предпочел ограничиться одним лишь поклоном и не демонстрировать своего в высшей степени неуклюжего произношения. Ему не хотелось запутаться в венецкой манере по сложным правилам менять окончания слов и почти произвольным образом строить предложения, и тем самым показаться неотесанным чужеземцем.

— И вам почтение, господа, — сказал Сновид радушно, уважительно кланяясь в ответ. — Я знал графа Джерома Кэбри, — сказал он, обращаясь к Гленану на бытовавшем в Эринланде гаэльском наречии. — Не слышал, что его больше нет в живых, но приношу вам в таком случае соболезнования в связи с постигшей вас утратой. Это был достойный человек. Настоящей старой закалки.

— Благодарю вас, милорд, — сказал Гленан тихо, поклонившись еще раз. — Это случилось совсем недавно, и утрата еще горька в моем сердце.

— В таком случае, помянем его сегодня, — сказал Сновид серьезно и посмотрел на Гледерика. — А вы, сэр рыцарь, по вашему виду — иберленец? — Хотя ильмерградец по-прежнему говорил на общем языке гаэльских народов, принятом во всех северных землях между Таэрверном и Малерионом, теперь его произношение неуловимо изменилось. Оно стало напоминать иберленское. По крайней мере, Дэрри прежде встречал такой выговор именно у путешественников, прибывших с далекого запада.

— Боюсь, что нет, — ответил Гледерик вежливо. — Я родился в Брендоне, на Винном море, и никогда не бывал в Тимлейнском королевстве. Хотя мои предки в самом деле происходили из Иберлена.

— Тогда это объясняет вашу внешность, — кивнул хозяин. — У меня недавно гостил иберленский гость, только на прошлой неделе съехал. Сын графа Гальса. Очень учтивый молодой человек и любознательный, жаждет посмотреть мир. В ваших лицах я вижу определенное сходство, вот и предположил, что, может быть, вы родственники.

— Вполне может быть, — согласился Дэрри. — Мои предки принадлежали к иберленской знати, хоть и не бывали на своей старой родине уже добрую сотню лет. Я что-то слышал про графов Гальсов из Элвингарда. Кажется, мы в самом деле являемся дальними родичами.

— Ну, это многое делает понятным. Прошу пожаловать к столу, в таком случае.

На ужин Дэрри набросился со всей жадностью смертельно проголодавшегося человека. Благо угощение получилось поистине королевским. Запеченный в яблоках гусь и отварная баранина, морская красная рыба и экзотические сладкие фрукты — юноша стремился попробовать всего понемногу, время от времени подливая себе душистого, чуть сладкого

напитка, похожего на эль. Разговор за столом велся на гаэльском, из уважения к гостям, и касался в основном всевозможных новостей и слухов, щедро стекавшихся сюда, на перекрестье морских и сухопутных дорог. О случившемся в Эринланде Сновид предусмотрительно не расспрашивал, памятуя о нежелании Остромира разговаривать на эту тему, зато сам разными известиями делился охотно.

— Помнишь те бомбарды, что мы видели при осаде Хоарезма? — спросил он Остромира, нарезая себе сыр.

— Как же, забудешь такое. Здоровенные и неуклюжие, и каждая вторая взрывалась при попытке выстрелить из нее прямо на позиции. Сиятельный каган потом ругался, что впустую потратил свое золото на покупку такого бесполезного хлама, и что лучше старой-доброй баллисты ничего на свете нет.

— Ну, не такие уж они и бесполезные теперь. Чинские и арэйнские мастера основательно их доработали, а потом и наши оружейники постарались. Я слышал, что великий князь приобрел для своего войска два десятка таких орудий, для начала. Они отлично способны пробивать крепостные стены, да и на поле боя сгодятся, если выставить цепочку пушек против кавалерии во фронт и открыть пальбу. Не меньше трети всадников полягут сразу, а под остальными понесут кони. А еще мне рассказывали про одного умельца, что обещает изготовить ручной вариант порохового оружия. Он грозитя сделать такую, знаешь, совсем небольшую железную трубку, чтоб можно было носить ее на плече или даже в чехле на поясе. Вроде в Китае такие уже применяются. Заказать их сюда будет стоить баснословных денег, так что проще начать делать свои. Многие вельможи в Светограде захотят вооружить своих солдат подобным добром.

— Звучит интересно, — сказал Остромир с задумчивым видом.

— И в самом деле, — согласился Сновид. — Подобная вещь может составить конкуренцию арбалету. Возможно даже тяжелый доспех пробьет, если выстрелить в него в упор, с небольшого расстояния.

Дэрри посмотрел на Гленана Кэбри, и увидел, что тот обеспокоен. Гледерику и самому сделалось тревожно. Если в восточных землях появилось новое оружие, способное быть высоко эффективным при осаде крепостей, как скоро оно попадет в руки гарландскому королю, собравшемуся на штурм Таэрверна? Видя охватившее молодых людей волнение, Остромир сказал:

— Успокойтесь. Я догадываюсь, о чем вы сейчас подумали. Но нет, Клиффу Рэдгару никто такого вооружения продавать не станет. Гарланду не доверяют в этих краях. Конечно, рано или поздно на западе заинтересуются этой новой придумкой. Новости в наши дни распространяются быстро. Но пройдет, наверно, пять, если не все десять лет, прежде чем что-то подобное распространится в Срединные Земли. А может и пятнадцать. Мы на нашем веку еще обойдемся без ручных или осадных бомбард. Если они и придут к нам в гости — то на следующей войне, не на нынешней.

— Хоть это радует, — пробормотал Гленан. — Не хотел бы я иметь дело с оружием, способным своим выстрелом пробить рыцарский доспех. Какой тогда вообще смысл в рыцарстве?

— Однако такое оружие однажды появится, — сказал Остромир очень серьезным тоном, — и лучше тебе быть к этому готовым. Наша цивилизация — не первая, что была на этой земле. Легенды говорят о волшебных машинах, что были у Древних. О кораблях, паривших в небесах, и о копьях, исторгавших на милю перед собой снопы ослепительного

света. Последние образцы такого оружия были забыты после магических войн — но они некогда существовали, и были страшнее любой бомбарды. Когда-нибудь, возможно, что-то подобное возникнет вновь. И тогда все наши мечи и латы окажутся просто дикарской выдумкой.

Гленану от такой перспективы сделалось явно не по себе, а вот Гледерик подумал, что это было бы весьма неплохо. Ему нравилось все необычное — и уж летающий корабль явно понравился бы тоже. Лучше, во всяком случае, летающий корабль, чем пространственная дверь, проходя которую, ты должен шагнуть чуть ли не в самую преисподнюю.

— Завтра утром мы выдвигаемся в дорогу, — сказал Остромир. — У тебя, Сновид, для меня и моих спутников найдется три добрых коня? Не буду вдаваться в подробности, но пришли мы к тебе, как мог ты заметить, пешими.

— Найдется, конечно. И кони, и фураж, если надо.

— Это хорошо. Деньги у меня при себе есть, но тратить бы их не хотелось — впереди длинный путь. Тебя устроит банковская расписка на мое имя?

— Не вопрос. В наши дни это ничем не хуже наличности. По крайней мере, в большом городе наподобие этого. А фураж, конечно, выдам бесплатно. Как и провизии в дорогу, а то не скажу, что ваши сумки так уж туго набиты. Что до лошадей — в полцены. Я знаю, что просто так ты бы ко мне не пришел.

— Спасибо. Я благодарен тебе за оказанную тобой услугу и за твое гостеприимство.

— Не стоит благодарностей, — сказал Сновид. — Хорош бы я был, если б не принял в свой дом товарища. Не знаю, в какое лихое дело ты встрял на этот раз, старый негодяй, но пусть тебе в нем улыбнется удача.

— Было бы неплохо, — кивнул Остромир, допивая свой эль.

Когда слуги проводили гостей до дверей предоставленных им комнат, Гленан сделал Гледерику знак, дав знать, что желает поговорить. Наследник графов Кэбри стоял, опираясь рукой о дверной косяк, и взгляд его касался глубоко потухшим.

— Я обратил внимание, как ты разговаривал с мастером Сновидом, — сказал Гленан с какой-то совершенно непонятной интонацией. Эту интонацию можно было назвать какой угодно, но уж точно не дружественной. — Держался ты в высшей степени изящно, как и принято в хорошем обществе.

— Я все же не на ферме вырос, дорогой друг, а в большом городе. Получил какое-никакое образование.

— Это я тоже заметил. Как ни пытаешься ты казаться дерзким выскочкой, образование у тебя действительно есть. Сегодня ты хорошо вжился в роль аристократа, когда говорил о том, что графы Гальс — твои родичи. Они и в самом деле твои родичи. Вот только не в глазах закона. Ты потомок бастарда, Гледерик. Думаешь, если ты однажды явишься в Иберлен, тебя там признают? Иберленские лорды высокомерны и помешаны на чистоте крови. Как Томас Свон, только хуже.

— С этим я как-нибудь разберусь, — проворчал Дэрри. — Прости, Гленан, но правильно ли мне кажется, что ты в очередной раз стремишься меня поддеть? Я понимаю, тебе пришлось несладко. Я понимаю, смерть отца. Это все понятно. Вот только если ты не станешь в ближайшее время хотя бы чуточку полюбезней, тебя ждет новый вызов на дуэль, и на этот раз я точно буду с тобой драться.

— Интересно было бы на это посмотреть, — сказал Гленан неопределенно, изобразил что-то наподобие короткого поклона и скрылся в дверях своей спальни.

Дэрри с минуту смотрел ему вслед. Поведение приятеля преступило уже всякие рамки приемлемого и начинало всерьез раздражать, но ничего с этим сейчас поделать юноша не мог. После еды его окончательно разморило и потянуло в сон. Гледерик зашел в отведенную ему комнату, не зажигая света добрался до кровати, стянул с себя сапоги и, как был в одежде, рухнул на постель. Тонкий серп убывающей луны заглянул в окно, вынырнув из-за туч, и юноша слабо помахал луне рукой. Та в ответ ухмыльнулась — а может быть, Гледерик был настолько устал и пьян, что ему это просто померещилось.

Он кое-как подложил под голову подушку, укрылся одеялом — и спустя минуту уже спал. Ему снились чужие города, широкие реки, бескрайние изумрудные равнины. Снился незнакомый белокурый парень в зеленом с золотом камзоле, который что-то упрямо ему доказывал, угрожая мечом. Снились кровопролитные сражения и осады замков, снились надменные вельможи и роскошные красавицы в беломраморных дворцах с колоннами. А еще ему снились драконы. И летающие корабли, бороздящие небеса.

Встали, по уже сложившейся традиции, ни свет ни заря. Гледерик, однако, в кои-то веки неплохо выспался, а потому чувствовал себя вполне бодро. Он вполне быстро поднялся, когда Остромир его растолкал, и переоделся в дорожный костюм. Спустился по лестнице, мимоходом раскланявшись с хорошенькой горничной, и вышел на просторный внутренний двор, на котором уже стояли, будучи оседланными, кони. Гленан Кэбри уже пребывал в седле. На голову молодой граф накинул себе капюшон, так как с затянутого серой пеленой неба накрапывал слякотный дождик. Погода стояла промозглая и сырая.

— Ну легкой дороги, — сказал вышедший их проводить Сновид и хлопнул Остромира по плечу. — Езжай, приятель. Будем живы — еще увидимся.

— Постараемся не потеряться, — кивнул тот. — Всем друзьям передавай привет.

Со двора путники выехали через распахнутые для них ворота. Остромир ехал чуть впереди, выбирая дорогу по паутиной вьющимся вокруг городским улицам, Гленан и Дэрри следовали за ним, корпус в корпус. О вчерашней перепалке ни тот, ни другой старались не напоминать. Дэрри был еще немного зол на товарища, но лишний раз накалять обстановку не собирался.

— До места доберемся примерно за неделю, — сказал Остромир, — если все сложится благополучно. Там сделаем что задумали — и обратно в Эринланд. От тайника Пяти Королей до Таэрверна ехать недели полторы, может даже две. Но к началу декабря мы уложимся точно, и останутся еще три недели до Йоля. У нас будет время подготовиться, чтобы встретить юную госпожу Кэран как подобает. Лишь бы удалось забрать артефакт.

— Это меня и беспокоит, — признался Дэрри. — Все вокруг говорят, что я похож на иберленца, а что если мои предки все же были, ну, иберленцами некорольевского рода? Вдруг лорд Эдвард прав, это всего лишь обычная мещанская байка, и никакой я не потомок Карданов?

— Тогда плохи наши дела, — сказал Остромир безмятежно. — Но пока не доедем — точно узнать все равно не сможем.

— Тоже верно.

Маленький отряд миновал купеческие и ремесленные кварталы, и вскоре добрался до выезда из города. Здесь пришлось немного обождать, пропуская вперед также идущий на юг длинный торговый караван. Запряженные могучими лошадьми тяжело груженные фургоны, проходя положенный досмотр, неспешно утекали в широкую арку городских ворот.

Гледерику подумалось, что в другой раз он бы непременно побродил по Ильмерграду подольше. Поллюбовался бы на выставленные на здешних рынках диковинки, посмотрел вблизи на стоящую прямо над бухтой крепость с ее стенами, сложенными из красного кирпича, спустился бы к неласковому серому морю, полной грудью вдыхая влажный соленый воздух. Но сейчас такой возможности у него не было. Нужно было спешить. Гледерик глубоко вздохнул и пообещал себе когда-нибудь непременно сюда вернуться.

Ровным широким трактом они ехали на юг, слегка отклоняясь при этом к востоку. В первые две ночи останавливались на постоянных дворах, ночевали в тепле и уюте. Прислушивались к разговорам между странниками — но об идущей в Эринланде войне слышно было мало. Сюда, разумеется, не успели еще дойти слухи о гибели короля Хендрика на Броквольском поле, и последние известные новости касались решимости Грейдана выступать в поход против Клиффа. Остромир предпочитал помалкивать и не бросаться людям в глаза, сразу поднимаясь в верхние комнаты и оставляя посиделки возле очага на долю своих юных товарищей. Он не хотел, чтоб его опознал какой-нибудь случайный знакомец, колесящий по здешним дорогам, и, соблюдая эти предосторожности, седовласый наемник был, на взгляд Дэрри, абсолютно прав. Иначе непременно пойдут разговоры, а каким это образом командир ушедшего на подмогу Хендрику Грейдану отряда вдруг оказался в ильмерградских предместьях.

На третий день пути, когда погода окончательно испортилась и подул промозглый ветер, Остромир сказал, что пришло время сойти с тракта и углубиться в простирившиеся впереди леса. Дорога, по которой они следовали до этого, все дальше отклонялась к востоку, уводя в итоге в Озерный Край и к великокняжеской столице — а ехать следовало прямо на юг.

Путники свернули с дороги, углубившись в чащу. Порой Остромир находил в этой чаще тропинки, прорубленные охотниками и лесорубами, но чаще приходилось пробираться по настоящему бездорожью, определяя правильное направление по древесному мху. Конечно, это не могло не замедлить их продвижение вперед. Дэрри, запрокидывая голову, пялился на громоздящиеся вокруг во все стороны сосны и ели, и думал, что никогда еще не видел столь могучих и древних деревьев. Некоторые были столь громадны, что лишь десять человек, взявшись за руки, смогли бы обхватить их ствол. Впрочем, подобных древесных гигантов попадалось не столь уж и много.

Под вечер путешественники сделали привал, остановившись на лесной привале и разведя костер. Он горел сухим ярким пламенем, жадно пожирая брошенную на растопку ветки, однако почти не давал тепла — уж больно злым был налетающий с севера ветер. Гледерик кутался в теплый плащ, от души радуясь, что догадался выпросить его у сварливого интенданта во Вращающемся Замке.

— Мне как-то тревожно, — заметил Гленан, взглядываясь во вплотную подступивший к поляне густой ельник. Звезд сегодня почти не было видно, месяц спрятался за тучами, и мрак клубился, казалось, настолько плотный, что его можно было зачерпнуть ложкой как суп. — Дело то ли в этом месте, то ли в чем-то еще, но мне порядком не по себе.

— Дело не в месте, — проворчал Остромир, подбрасывая еще хвороста в едва не потухший под очередным порывом ветра костер. — Дело во времени. Западные короли нашли действительно поганое время для войны. Это время хорошо только для таких, как Кэран. Мы называем эти дни Осенними Дедами, вы — Самайном, но от перемены названий суть не меняется. В колесе года возникает брешь, и сквозь эту брешь в наш мир проникают

темные твари. Духи бродят среди людей неузнанными. Любое лицо может оказаться лживым. Это опасное время, и в такую пору лучше находиться дома, возле горячего очага и живой воды, под защитой прочных стен, ивовых прутьев и рунических оберегов. А мы расселись, как три дурака, посреди глухомани, у любой нечистой силы на виду.

— Но это ведь просто сказка? — спросил Дэрри. — Насчет духов и прочей нечисти?

— Никакая это не сказка, парень. Не больше, чем та девица из Каэр Сейнта. Так что гляди сегодня в оба глаза. И не забывайте проверять, есть ли у вас или у вашего товарища тень.

— А если тени вдруг не окажется? Что тогда?

— Ничего хорошего, — сказал Остромир.

Разговор после этого как-то сам собой угас. Гледерик выпросил у Остромира разрешение заступить на дежурство первым, так как не желал просыпаться посреди ночи от тычка в бок, и принялся, как и было ему предписано, глядеть в оба глаза, пока его товарищи уснули. Ночь выдалась и в самом деле жуткая. Нечеловеческая. Неправильная. Юноша и прежде замечал, что в последний месяц перед зимним солнцестоянием обычно становится как-то тревожно и непонятный страх сжимает сердце — но впервые он находился в эту пору посреди глухой чащобы, в многих милях от ближайшего человеческого поселения. Гледерику казалось, что темнота наблюдает за ним, и взгляд у нее недобрый. Он пытался успокаивать себя, убеждать, что все эти разговоры насчет дней, когда нечисть свободно ходит по земле, просто суеверные выдумки и бабушкины сказки. Получалось плохо — тревога не отступала, напротив, только лишь росла.

Дэрри принялся напевать себе какие-то дурашливые песенки, слышанные им прежде. Самые нелепые и смешные — про похождения находчивых плутов или всякую подобную чепуху. Это немного помогло успокоиться, но лишь отчасти. Юноша отметил, что руки у него слегка дрожат, а сердце бешено бьется. Гледерик поворошил веткой почти затухшие уже угли, а потом, воспользовавшись огнем, попытался заново развести костер. С третьей попытки у него это получилось.

— Ну ладно, — сказал Дэрри, трогая Гленана за плечо, — просыпайся, твоя очередь хранить наш покой.

Граф Кэбри даже не шелохнулся. Он спал глубоко и ровно, и его чуть сопящее дыхание казалось абсолютно спокойным.

— Эй, Глен, вставай, черт тебя раздери. Какого дьявола ты тут храпишь?

Дэрри схватил товарища обеими руками за плечи, перевернул с бока на спину и начал трясти — но к его изумлению тот не очнулся. Даже не дернулся. Ничего не пробормотал сквозь сон. Он продолжал безмятежно сопеть, и только лишь глазные яблоки бешено вращались под крепко сомкнутыми веками.

Гледерику сделалось страшно.

— Остромир, — окликнул он обычно чутко дремлющего венета, — ты меня хоть слышишь? — Тишина. — **ОСТРОМИР!!!** — заорал Дэрри прямо в лицо седовласому воину но и тогда тот не пришел в себя. Он спал невинно, как спит младенец в своей колыбели.

Гледерик вскочил на ноги, все пристальнее всматриваясь в темноту. Она действительно казалась живой, и теперь он явственно различал в ней недремлющие, голодные тени. Высокие, похожих на человеческие, но странно искаженных очертаний, эти тени то едва выступали из мрака, то снова тонули в нем. Он не видел их лиц. Не видел ничего, помимо плотных черных сгустков, отдаленно напоминавших фигуры людей. Они появлялись то

здесь, то там, пока Гледерик бешено крутился вокруг костра, быстро поворачивая голову и стараясь одновременно углядеть во все стороны.

Он замер и, не спеша, осторожно, вытащил меч из ножен.

— Кто бы ты ни был, — сказал Дэрри, выставив клинок перед собой и грозя острием клинка тьме, — выйди и покажись.

И он вышел. Выступил из леса, вынырнул из обступавших его теней. Осторожно, неспешно подошел к костру. То был невысокий, сгорбленный старец в светло-серой накидке, чьи края ползли по земле. Грязная борода доходила почти до пояса, косматые седые волосы были ему вместо плаща. Ногти у старика были длинные, дюйма в четыре каждый. Они казались металлическими на вид.

— Разреши посидеть у твоего костра, — сказал незнакомец. У него был звонкий, чистый голос молодого человека. Он говорил не на венетском, на гаэльском, и с произношением настолько правильным, какое бывает только у очень хорошо образованных людей.

— Прежде чем сесть, — ответил ему Гледерик, не опуская меча, — расколдуй моих друзей.

— В этом нет никакой нужды, — ответил тот, кто вышел из тьмы, мягко. — Они все равно не смогут здесь ничего изменить.

— Расколдуй немедленно, я сказал, — страх бесследно исчез. Осталась лишь злость.

— Я же сказал — бесполезно, — отвечив гость все так же мягко и неторопливо уселся возле костра, грея над ним руки. — Ну, ты сам будешь садиться? — спросил он чуть нетерпеливо.

Гледерик слегка поколебался. Поглядел на все так же пребывавших укутанных в колдовское забытие друзей, неподвижных и немых. Оглянулся — и не увидел у себя тени, а потом понял, что не видел ее у себя уже около часа, почти половину того времени, что дежурил у костра. Просто не заметил этого. Кажется, в происходящем и впрямь не было ничего хорошего. Кажется, он проглядел приближение опасности и дал врагу возможность наложить на них чары. Юноша сел на траву напротив странного старца, положив меч себе на колени.

— Ты фэйри, — сказал Гледерик, глядя прямо в затянутые серым туманом глаза без радужки, с кошачьим зрачком. — Только я думал, вы все ушли в Волшебную Страну.

— Я фэйри, — легко согласился старик. — Только ушли не все. Ушли сиды, покинув свои высокие холмы и островерхие башни. Ушли карлики, бросив горные кузни. Ушли драконы, уснув на краю мира. Но мы остались.

— Ты дух леса.

— Воистину так, — вновь подтвердил гость. — Только знание моей природы тебе ничем не поможет. Вы уснули на моей земле в мою ночь. Вы в моей власти. Я исторгну ваши души из тел и высосу костный мозг из ваших костей, а из вашей кожи сошью себе новые сапоги.

— Почему? — спросил Дэрри тихо. — Мы не сделали тебе ничего плохого, добрый дух.

— Я не добрый. Не пытайся мне подольститься. Вы люди, а от людей я ничего хорошего не видел. Сколько тебе лет, мальчишка? Не больше двадцати? Мне больше, чем пять тысяч лет. Я видел все, что в этом мире делали люди. Я видел, как они насиловали землю, как они уродовали ее. Как разрывали ее, пытаясь добраться до самых ее корней, как перемешивали сушу и море, жадно забирая себе силы, которых не могли понять. Я помню, как земля

стонала и умоляла нас — придите, вмешайтесь, положите этому конец. А мы стояли и смотрели, как вы приближаете последние дни мира. Нет, молодой человек, — сказал пришедший из ночи, подавшись вперед и указывая Гледерику в лицо длинным когтистым пальцем, — не пытайся разбудить во мне милосердие, его не осталось. У этого мира есть свои законы, и я исполняю их. Вы вошли в мой лес, и сегодня я полакомлюсь твоим сердцем.

Пока он говорил этот монолог, Гледерик думал так лихорадочно, как только умел. Нужно было скорее что-то сделать, пока лесной дух в самом деле не исполнил свою угрозу. Юноша понимал, что никакие фехтовальные навыки не помогут ему — вряд ли он сможет победить подобного наделенного магией противника. Это было все равно, что бросаться с обнаженным клинком на волшебницу Кэран — Дэрри уже успел осознать бесплодность подобных попыток. Не могли ему помочь и чары, потому что он не владел никакими чарами. Оставалось единственное его полезное умение — умение молотить языком. Когда требовалось, Дэрри мог молотить языком красиво. К тому же, сейчас на его стороне оставался единственный, зыбкий козырь. Если он подействует — может быть, не все потеряно.

Раз уж этот фэйри помянул сидов и драконов — возможно, Гледерику найдется что сказать ему в ответ.

Правда, для этого ему придется положиться на пьяные мещанские сказки.

Дэрри Брейсвер медленно поднялся на ноги, достал из-за голенища сапога кинжал и полоснул себя по левой руке. Позволил каплям крови упасть на лезвие своего меча. Спрятал кинжал и посмотрел на безучастного наблюдавшего за ним старца, вновь метя клинком ему в лицо:

— Ты, кажется, упоминал здесь, что ненавидишь людей, — сказал Дэрри так сдержанно, что сам поразился спокойствию своего голоса, — так знай — я не человек. Я такая же волшебная тварь, как и ты. Мое имя Гледерик Брейсвер. Моего пращура звали Гейрт Кардан, и был он из высокого дома Карданов. Человеческого дома. Но прежде пращуры Гейрта Кардана брали себе жен из дома Айтвернов, герцогов Малериона, и, таким образом, по праву крови я — тоже Айтверн. Я происхожу от лорда Эйдана из Дома Драконьих Владык, от фэйри, женившегося на человеческой деве и принявшего обличье и судьбу смертных. Тем не менее, он остался одним из ваших. И я тоже один из ваших. Ты говорил что-то о драконах, что уснули на краю мира? Дракон стоит сейчас перед тобой. Не заставляй меня дышать на тебя огнем.

Старец неспешно поднялся — и будто как-то вырос при этом, оказавшись с Гледериком одного роста. Горб его бесследно исчез, борода и волосы стремительно укорачивались, становясь из седых белокурыми, морщины и складки пропадали с кожи, что сделалась вдруг молодой и гладкой. Вскоре перед Дэрри уже стоял юноша эльфийского обличья, с лицом мягким, как поцелуй смерти.

— В тебе есть древняя кровь, — согласился он. — Но ты не дракон. Ты их выродившийся потомок. В тебе почти не осталось магии. Жалкие крохи. Этого не хватит, чтоб противостоять мне.

— А я не маг и не буду противостоять тебе магией. Я убью тебя этим мечом, — сказал Гледерик, делая шаг вперед и упираясь клинком фэйри в грудь. — Я слышал, сейчас такая кровь, как моя, имеет особую силу. И думаю, окропленный ею меч легко с тобой покончит. Уходи, дружище, — сказал Дэрри и улыбнулся. — Ну вот правда, уходи. Мы тебе зла не желали, и ничего бы тебе не сделали, если бы ты просто вышел посидеть с нами, у нашего костра. Мы бы накормили тебя, напоили и послушали твоих эльфийских историй, и

рассказали затем свои. Но раз уж ты заколдовал моих друзей и угрожаешь нам смертью, цены тебе не больше, чем разбойнику из чащоб. Убирайся, пока я тебя не пришиб.

Фэйри замер, не дыша. Он медленно переводил взгляд с холодной стали, что щекотала ткань его рубахи, на решительно застывшего прямо перед ним юношу. Глаза гостя стремительно меняли цвет, становясь то багрово-алыми, то изумрудно-зелеными, то черными, как первозданная тьма. Казалось, он не может никак решиться — принимать бой или отступить.

Незнакомец, похожий на эльфа и демона разом, сделал два шага в сторону края поляны, перемещаясь на расстояние от направленного в его сторону клинка, что, казалось, тревожил его. Гледерик, почти поверив, что удача сегодня на стороне, опустил оружие, выдохнул, чувствуя, как трясутся колени. Но его неприятель не уходил. Неожиданно он улыбнулся — и Дэрри почувствовал, как страх возвращается и становится почти непреодолим.

Пришедшая из тьмы тварь вскинула руку — и полоса тонкого света вдруг коснулась ее ладони, подобно лучу от далекой и чужой звезды. Свет замерцал, уплотнился. Обратился вдруг в длинный и тонкий ледяной меч, с клинком, сделанным будто из серебра, с гардой, украшенной аметистами. Нелюдь улыбнулся, взмахнул мечом. Он казался опытным фехтовальщиком — умелым и ловким. Каждое движение его выглядело одновременно быстрым и точным.

Дэрри встал в защитную позицию — и увидел, что сталь его собственного клинка, окропленная его кровью, тоже светится в ночи — слабым, едва уловимым сиянием. Более слабым, возможно, чем то, что исходит от фитиля угасающей за час до рассвета свечи. Однако оно все же было — и этим придавало надежду.

Тварь рванулась вперед, сделала выпад — белое пламя ее колдовской шпаги пронзило темноту. Гледерик отступил на два шага назад, едва не оступившись в костер. Тишина сгустилась, упав на поляну подобно плащу. Нелюдь двигался бесшумно — и кажется, и вовсе не дышал. Противник внезапно оказался рядом, атаковал еще раз — но Дэрри каким-то чудом успел заслониться. Неловко и поспешно вскинул вертикально перед собой оружие, удерживая двумя руками эфес. С усилием его противник нажал на свой меч, стараясь продавить оказавшуюся на его пути оборону — но юноша стоял на ногах крепко и не поддавался.

Враг без лишней спешки опустил клинок — не сдвинувшись, впрочем, с места. Пришедший из тьмы был сильнее и не ждал внезапной атаки. Он был полностью хозяином положения сейчас.

Они стояли друг напротив друга. Перепуганный, чувствующий себя загнанным в угол вчерашний оруженосец, лишь по званию, не по сути сделанный недавно рыцарем — и ни на йоту не чувствующий себя им. И вставшее против него древнее, лишенное, быть может, души создание, веками наблюдавшее, как истребляют друг друга народы, а потом пировавшее на их костях.

Может быть, — подумал Гледерик, — все сомнения лорда Эдварда, как и мои собственные сомнения — истинны. Не было никакого Гейрта Кардана, наследного принца из далеких земель — а вернее он был, но не совращал отродясь моей прабабки. Мою прабабку, и впрямь дворянку из обедневшей семьи, совратил слуга или конюх, или дворецкий — и не выдержав этого позора, семья погнала ее прочь. Во мне нет никакой благородной крови, а отец просто поверил в старые сказки, и сейчас еще одна старая сказка меня убьет.

Юноша направил клинок острием в грудь противнику, поставив его в позицию, из которой равно удобно как защищаться, так и атаковать, и замер, готовый к смерти. Отчаяние и страх вились, клубились, держали его сердце в тисках, а в ушах горячо била кровь.

Наконец нелюдь нанес удар — а Гледерик, сам не зная как, не понимая, какая неведомая сила руководит им и какая его направляет, этот удар парировал. Умиравший свет, исходивший от лезвия сжимаемого молодым Брейсвером клинка, вдруг вспыхнул, сделался живым и яростным, и подобно падающей звезде озарил ночь.

Мечи столкнулись — и направленная темной тварью Гледерику в грудь шпага вдруг преломилась у самого своего основания. Серебряный клинок упал в траву — и тут же бесследно пропал, будто и не было его. Одна только рукоять осталась в руках у противника, да и та мгновение спустя превратилась в тень и исчезла, будто вжалась в ладонь. Свет, исходивший от принадлежавшего Дэрри меча, меча, подаренного ему Гэрисом Фостером и полученного тем в свою очередь от волшебницы Кэран, также погас. Противники снова замерли — и на сей раз юноша почувствовал, как его отпускает страх. Его враг больше не пытался атаковать. Просто молча стоял и смотрел на Гледерика, будто не верил случившемуся.

— Твоя взяла, — сказал фэйри наконец. — Живи уж, дракон.

Он сделал шаг назад, в темноту за его спиной, что сделалась в этот момент особенно глубокой и страшной — и вдруг бесследно исчез. Вместе с ним пропала и темнота. Сгинули странное напряжение и страх, до того ледяными тисками сковывавшие душу. Гледерик понял, что окружающая его глухая чаща уже не кажется ни таким странной, ни опасной, как до этого. Просто обычный лес, и довольно при этом красивый. Наверно, здесь было бы романтично гулять под руку с девушкой, только весной или летом, конечно. Где-то вдалеке проухал филин, и сквозь прореху в тучах показался веселый месяц.

Друзья Гледерика заворочались возле костра, просыпаясь. Они внимательно смотрели на него, все еще сжимающего окровавленный меч.

— Случилось все же что-то? — спросил Остромир.

— Случилось, — подтвердил Дэрри, вытирая меч о штанину. Я дрался не с пьяным сбородом на улицах Нижнего Города. И не с гарландскими убийцами. Я доказал себе — я кое-что стою. Я уцелел и выжил. Юноша широко улыбнулся, чувствуя, как целая огромная каменная глыба сомнений рухнула с его плеч и рассыпалась в пыль. А еще — отец был прав. Я не просто бесприютный бродяга. Где-то далеко на западе у меня все-таки есть дом.

— Я точно узнал, что я — потомок Карданов. А значит, мы выступили в поход не зря.

Глава тринадцатая

— Я полный идиот, — признался Дэрри друзьям. — Зазевался и задумался, песенки еще какие-то дурацкие пел. Даже и не заметил, как у меня пропала тень, и не разбудил вас, когда следовало. Видно, эта тварь не сразу к нам подобралась, присматривалась сначала. Я слишком замечтался, потерял бдительность. И позволил ей напасть.

— Хватит себя винить, — сказал ему Остромир. — Ты прежде с такими существами никогда не сталкивался. Я хотя бы легенды про них какие-то слышал, хоть и не ожидал, что на нас действительно нападут в первую же ночь в лесу, да еще существо столь могучее, что может накладывать сонные заклятия. Но мне нужно было не давать наставления, а встать на стражу самому, первому.

— А что бы это изменило? — поинтересовался юноша. — Ну постояли бы вы на страже первым, — он сам не заметил, как начал разговаривать с венетом без лишнего стеснения, будто говорил с равным, а не со старшим, — так этот демон все равно крутился поблизости. Он бы повременил, пока вы ляжете спать и настанет моя или Глена очередь, и дождался бы, когда мы зазеваемся.

— Я бы не зазевался, — вставил Гленан.

— Я для примера сказал. Так-то понятно, что вы, лорд Кэбри, самый опытный из нас в этих делах и настоящий мастер по части нечисти, — Гледерик зыркнул на приятеля с неожиданной злостью. — Но я веду речь к тому, что, пожалуй, и впрямь бессмысленно выяснять, кто здесь в большей степени идиот. В любом случае, мы живы.

— Благодаря твоим смекалке и смелости, — сказал Остромир. — Мы все у тебя в долгу, Гледерик. Хорошо, что ты сообразил насчет своего происхождения. И хорошо, что твое происхождение оказалось подлинным. Говоришь, твой меч светился? Кровь Айтвернов — древняя кровь. Столь же великая, как кровь Фэринтайнов. Драконьи Владыки были одним из величайших правителей Волшебной Страны. Такими же, как Повелители Холмов или как Сумеречный Король, что правил на севере в былые дни. Недаром я спрашивал тебя в Кутхилле, не волшебник ли ты.

— Да какой уж я вам волшебник, — отмахнулся Дэрри. — Будь я волшебник — взмахнул бы рукой, и эта нелюдь на месте бы в прах обратилась. Ничего подобного, впрочем, не произошло. Эльф лишь сказал, что видит во мне крохи магии — и не больше того. Видно, этих крох и хватило. Да и меч этот я таскаю от своего бывшего господина. Если он знался прежде с волшебницей — вдруг есть на нем какие-то чары. Прежде правда не появлялись, и на Броквольском поле мне не помогли. Может, моя кровь помогла. Может, эта дрянная ночь подсобила. Я не знаю. Я был бы рад, скажи это существо, что я великий чародей и пугаю его своим могуществом — но ничего подобного оно не сказало.

— Великий чародей, — сказал Гленан, явно уставший за минувший день, еще не выспавшийся толком и успокоенный хотя бы тем, что все закончилось благополучно, — а мы спать сегодня вообще еще будем?

— Не знаю, — признался Гледерик. — Остромир, как ты считаешь, леший этот еще вернется?

— Не должен, — покачал венет головой. — Я лично с такими созданиями не сталкивался. Но согласно всем преданиям, однажды изгнанный с позором и признавший

свое поражение, фэйри такого рода обратно не приходит. Это для них вроде как против правил и против чести. Как для ловеласа волочиться за дамой, которая его на глазах у честного народа с гневом отвергла.

— Хорошее сравнение, — рассмеялся Дэрри. — Так значит, ложимся спать все трое, без часовых? Лесной дух не вернется, а разбойников в этой чаще точно не водится.

— Нет, — сказал венет. — Спать ляжете вы двое. А я подежурю до утра.

— С чего вдруг? Сами же сказали, что леший больше не придет.

— Если верить преданиям. А что, если они на этот счет врут? Нет уж, рисковать подобными вещами я не намерен. Мы и так оказались в большой опасности. Со мной были обереги, и я думал, что их хватит для нашей защиты, и все положенные заговоры я тоже произнес, когда разводил костер — но, видимо, этот фэйри оказался сильнее. Так что посижу-ка я и пригляжусь к лесу.

— Это бессмысленно, — сказал Гледерик. — Просидите хотя бы только свою часть дежурства, а потом будите Глена и ложитесь. Нет смысла одному куковать всю ночь над костром.

— Ну, может и разбужу, — сказал венет тоном, прямо утверждавшим обратное, — но сейчас вам лучше все же лечь отдыхать.

Дэрри шумно и демонстративно вздохнул, пробормотал что-то на предмет упертых упрямец, и завернулся в свой плащ. Земля была холодная, но хоть какое-то тепло овечья шерсть, из которой плащ был сделан, все же давала. Гледерик лежал на боку, поджав к животу ноги, и какое-то еще время смотрел сквозь наполовину сомкнутые на несущего свое дежурство венета. До недавнего времени Остромир оставался для него загадкой. Сначала юноша воспринимал его как еще одного Гэриса Фостера — сурового и молчаливого вояку, у которого невесть что за душой. Но чем больше путешествовали вместе, тем больше Дэрри замечал, насколько седовласый венет от сэра Гэриса отличается. Он был вовсе не груб и не твердолюб, что, казалось, было бы ожидаемо для человека его рода деятельности. Напротив, Остромир проявлял обычно отменную вежливость и был по-своему даже деликатен, не чурался иронии, а его высказывания демонстрировали широкий кругозор. Видно было, что он куда более хорошо воспитан, чем можно было бы решить, глядя на его жесткое лицо и широкий разворот плеч.

Гледерик понял, что доверяет ему. Это было по-своему весьма непривычно — он мало кому сейчас доверял. Почти начал доверять Гэрису Фостеру — а тот оказался совсем не тем, чем казался с виду. Хотелось надеяться, что эта черта у Фэринтайнов не семейная. Мысли Дэрри невольно переключились на его покойного господина. Юноша понял, что ему на самом деле ужасно жаль, что сэр Гэрис оказался фальшивкой, просто маской, которую какой-то умелый интриган надел, исполняя свою роль. Гледерику ведь по-своему нравился Фостер. Раздражительный и сердитый, тот только и делал, что ворчал и ругался, и был способен врезать своему бедовому оруженосцу кулаком по челюсти — однако было в нем что-то, что внушало к нему привязанность. Он казался открытым и честным. А оказалось, все эти открытость и честность — просто инструмент в руках искусного лжеца. Обманка. Гледерик пообещал себе, что если и случится однажды так, что ему придется достигать каких-то несправедливых целей — то будет он это делать откровенно, с открытым забралом, не увиливая и не скрывая ни перед кем своих намерений. Так, ему казалось, будет достойней. Никаких уверток, честно идти напролом.

За своими размышлениями юноша и не заметил, как к нему подкралась дрема. Веки его

сами собой полностью закрылись, Дэрри перевернулся на другой бок и в скором времени уже полностью уснул. Ради разнообразия, в этот раз ему совершенно ничего не снилось.

Хвойный лес вскоре сменился лиственным, ели и сосны уступили место березам и осинам, ясеням и дубам. Сейчас они уже почти все стояли облетевшие, и землю под копытами коней устилал густой ковер опавшей листвы. Сквозь голые ветки деревьев то и дело проглядывало ненадолго вынырнувшее из-за туч солнце, на излете осени внезапно поразившее путников последним, быть может, в уходящем году теплом. Маленький отряд проезжал густыми дубравами и светлыми березовыми рощами, берегами звонких, стремительных рек. Несколько раз приходилось на короткое время останавливаться, когда Остромир принимался поправлять маршрут, замечая, что дорога слишком сильно отклонилась к западу или к востоку.

Места вскоре пошли не такие дикие и нехоженые, как раньше. Путешественникам то и дело попадались то одинокие хутора, стоявшие на вырубках, то небольшие деревни, то торговые фактории, обычно расположенные по берегам рек. По воде местные обитатели предпочитали сплавать дерево и пушнину в близлежащие города. Серебряные Леса, занимавшие обширную территорию между восточными рубежами Эринланда и западными провинциями Озерного Края, формально относились к вотчине венецкого великого князя, однако заселены были негусто. Так уж сложилось испокон веку. Селились здесь в основном охотники и лесорубы. Вдоль тянувшегося с восхода на закат Большого Тракта стояло несколько достаточно крупных городов, таких, как Дебрев, однако до тракта еще только предстояло добраться.

Тем не менее, пару раз странникам удавалось заночевать под крышей, в попавшихся на их пути деревнях. Местные жители оказались вполне гостеприимны и охотно приняли их под свой кров. Это были спокойные и тихие земли, много лет не знававшие междоусобиц. Впрочем, об идущей на западе войне Гледерик и его спутники не забывали ни на минуту. Особенно напряженным сделался Гленан, и Дэрри уже старался лишней раз не заговаривать с ним, лишь бы только не попасть под горячую руку. Наследник графов Кэбри окончательно сделался взбудораженным и дерганым, и огрызался на каждое слово. Его можно было понять. До сих пор неизвестно было, что происходит в Эринланде, какой оборот приняли военные действия, удалось ли Эдварду Фэринтайну отстоять столицу.

На восьмой день после выезда из Ильмерграда Остромир сообщил, что до тайника Пяти Королей осталось всего ничего. Сначала, с самого утра, путешественники долго плутали по звериным тропам и нехоженому бурелому. Седовласый венец сделался как-то нарочито молчалив, только и делал, что постоянно хмурился, с особенной внимательностью оглядываясь по сторонам. Остромир спешил, держа коня в поводу, и провел Дэрри и Гленана парой неприметных оврагов. Несколько раз останавливался, возвращался назад по своим же следам и поворачивал в другую сторону. Был венец явно взволнован, и Гледерик ощутил, как и сам проникается стремительно сгустившимся в воздухе беспокойством. Неужели, подумал юноша, после всех этих однообразных дней, уже начавших утомлять своей одинаковостью, они все-таки добрались к своей цели?

Наконец Остромир привел своих товарищей на склон оплывшего, густо заросшего вековыми дубами холма. Венец остановился перед входом в какую-то темную пещеру:

— Здесь, — сказал он. — Все-таки нашел это место. В какой-то момент мне показалось, что мы заблудились и память меня подводит.

— Так это и есть тот самый легендарный форпост древних магов? — уточнил Гледерик недоуменно. Он ожидал чего угодно, но только не подобного. — Я ожидал, что мы наткнемся на развалины древней крепости, как в Каэр Сейнте, или на что-то наподобие этого. Что тут окажутся какие-нибудь башни, бастионы. Это все должно было выглядеть впечатляюще, разве нет?

Его чувства можно было понять. Вход в пещеру, перед которым они стояли, выглядел совершенно обыденно и даже заурядно. Он зарос по краям сорной травой и кустами, а с потолка, как можно было увидеть даже отсюда, свисали древесные корни. Поблизости не наблюдалось никаких циклопических укреплений, разрушенных замковых стен, крепостных рвов или хотя бы на худой конец массивной каменной плиты с высеченными на ней древними рунами, таящими в себе зловещее предостережение или пророчество.

— Ну я понимаю, — сказал Остромир, — смотрится не слишком грандиозно. Но это точно оно. Сначала я нашел в светоградской библиотеке старую хронику, в которой говорилось о тайном хранилище, расположенном в этих лесах, и о могущественном артефакте, спрятанном в нем. Летопись утверждала, что лишь потомок лидеров старого союза сможет проникнуть в этот схрон. Я был молод и любопытен, мне захотелось проверить, правдива ли древняя легенда. Я приехал в здешние края, долго расспрашивал обитателей окрестных хуторов. Наконец они рассказали мне о странной пещере, в которую не может войти никто из людей, в нее заходивших. Привели сюда. Внутри я наткнулся на невидимый барьер. Примерно в паре минут от входа. Пытаешься сделать шаг вперед — и больше не можешь. Упираешься во что-то. Словно холодная прозрачная стена, которую можно увидеть, но нельзя потрогать.

— Понятно, — сказал Гледерик, вглядываясь в темноту. Только сейчас до него окончательно дошло, какой авантюрой была вся эта экспедиция. — А если там попросту нету этого артефакта? Может, его спер какой-нибудь предприимчивый король пятьсот лет тому назад, прочитав ту же самую хронику, которую читал ты. А если нужный нам предмет там все еще лежит, как мне вообще его опознать? Это магическое кольцо? Посох? Зачарованный щит? А если там внутри установлены какие-то ловушки? Заклятые магией Древних демоны, стоящие на страже колдовских сокровищ? Ядовитые испарения? Сжимающиеся стены, опускающийся потолок? Каменные големы, наконец? Что мне тогда делать?

Гленан рассмеялся:

Дэрри, ты сказки больше слушай. Каменные големы, надо же такое придумать.

— Ну мало ли, — Дэрри смутился. — Всякое ведь бывает.

— Ты обязательно нам потом расскажешь, если увидишь нечто подобное, — подбодрил его Кэбри. — И про големов расскажешь, и про сжимающиеся стены, и в особенности про демонов. А теперь иди. Или мы будем стоять тут до самого ужина и смотреть, как ты боишься сделать хотя бы шаг?

— Ничего я не боюсь, — буркнул Дэрри и проверил, хорошо ли меч выходит из ножен. — Я просто задумался, а что же может ждать меня внутри. Это полезное занятие, временами о чем-то думать. Все же, согласитесь, было бы странно, если бы древние маги не поставили в своем логове каких ловушек. Заклятия заклятьями, но есть же еще и простая предосторожность. Ну да ладно, какой в самом деле смысл просто стоять и ломать над этим голову. Я пошел. Если не вернусь к следующему утру — устройте по мне хорошие поминки.

— Внутрь зайдем вместе, — сказал Остромир. — Я доведу тебя до преграды, а дальше

будь осторожен.

Внутри пещера оказалась и в самом деле совершенно заурядна на вид. Она плавно спускалась вниз, под легким уклоном. С потолка порой падали вниз влажные капли — где-то наверху тек ручей. Остромир шагал первым, светя перед собой факелом. Отсветы пламени колебались по стенам. Пройдя, наверно, целую три сотни футов от входа, венет остановился, выставив перед собой ладонь.

— А вот и эта самая преграда, — сообщил Остромир. — Я ее чувствую.

Гленан, державшийся до того позади, подошел к венету и тоже провел рукой по воздуху, нащупывая пальцами что-то незримое. Озадаченно нахмурился.

— В самом деле, — подтвердил эринландский дворянин. — Тут что-то очень плотное. Твердое. Как невидимая стена, будто сам воздух превратился в камень. Не могу двинуть руку дальше. — Он сделал шаг вперед и уперся лбом в пустоту. Напрягся, пытаясь ступить дальше, и не сдвинулся с места. — Не пускает, — признался Гленан. — Надо же, а я на секунду даже усомнился, что подобное возможно.

Гледерик прошел несколько футов, миновав товарищей и не встретив при этом никаких препятствий, развернулся к ним лицом и посмотрел с долей сомнения:

— Вы меня наверно разыгрываете, — сказал он почти сердито. — Я же прошел совершенно спокойно.

— В таком случае, я тебя поздравляю, — отвечал ему Гленан. — Мы окончательно убедились в том, что ты потомок иберленских королей. Если хочешь, можешь уже прямо сейчас начать примеривать на себя корону. — Граф Кэбри вздохнул. — Прости мне мое ерничество, — сказал он. — Просто я тоже втайне рассчитывал, что смогу миновать это сдерживающее заклинание, или что это такое вообще. Я ведь дальний родственник Фэринтайнов, пусть и не по прямой линии, и надеялся, что, может быть, и кровь Уайтхорнов во мне тоже найдется. Но, видимо, наши предки ни разу так и не породнились. Дом Уайтхорнов пресекся очень быстро, сразу после окончания магических войн. Жаль. Я надеялся, что смогу быть составить тебе компанию и помочь, если там внутри вдруг окажется опасно.

— Да не опасно там, успокойся. Скорее всего, меня ожидает просто куча беспорядочно сваленного старого хлама и очень много покрывающей его пыли. Главное, отыскать во всем этом добре нужный нам амулет. Опознать его. Если не смогу этого сделать — буду просто вытаскивать наружу весь древний мусор, который в подземелье обнаружится, а вы его отсортируете и решите, что именно нам подходит.

— Дельный план, — согласился Гленан. — Надеюсь, тебе не придется слишком уж при этом утруждаться.

— Я тоже на это надеюсь. Все же, не на барахолку собрался. Ну ладно, я двинул.

— Держи факел, — сказал ему Остромир, — и будь, пожалуйста, крайне внимателен.

— Я постараюсь ничего не проворонить. Если нарвусь все же на неприятности, — Дэрри принял факел из рук венета, — то вернусь к вам героем. Буду не только победителем фэйри, но и демонов тоже. И големов.

Оставив друзей у преградившего им путь магического барьера, Гледерик двинулся вперед. Поначалу ничего примечательного он не увидел. Пещера все так же неспешно вела вперед и вниз, без каких-либо резких наклонов. С каменных сводов спускались минеральные наросты, подобные огромным сосулькам. Другие, подобного же вида наросты, вырастали с пола им навстречу. Иногда они встречались, образуя что-то наподобие кристаллических

колонн. Выглядело это довольно забавно, но не более того. Гледерик неспешно шел, светя перед собой факелом. В глубине души он действительно ожидал каких-то неприятностей, каких-нибудь выставленных против возможного проникновения незваных гостей ловушек, но видимо те, кто когда-то обитал в этом месте, сочли, что барьерного заклинания окажется вполне достаточно. Вокруг было совершенно тихо, только где-то вдалеке продолжала капать вода.

Через несколько сотен футов пещера закончилась стальной дверью прямо в глухой каменной стене, вырубленной явно человеческими руками — а вернее, при помощи каких-то инструментов. Уж больно гладкой эта стена казалась, больно хорошо была обтесанной.

Дверь в ней выглядела такая же тяжелой и массивной, как и та, что была в подземельях Вращающегося Замка, вот только ничего похожего на замочную скважину в ней не обнаружилось. На мгновение Гледерик растерялся, в тревоге подумав, что не знает, как быть дальше и что, может быть, весь долгий путь оказался проделан зря — но потом он как следует посветил факелом и обнаружил сбоку что-то наподобие короткого железного рычажка. Юноша потянулся за этот рычажок пальцами, тот легко поддался, поворачиваясь, и с глухим скрипом металлическая дверь отъехала в сторону, словно утонув в стене.

За ней обнаружилось что-то вроде большой подъемной кабины. Гледерик слышал, что подобные кабины используют шахтеры в горных выработках, да и южные аристократы, по слухам, любили устанавливать такие устройства в своих роскошных усадьбах, развлекая гостей во время вечеринок подъемами с первого этажа дворца на пятый. Вот только внутренности этой кабины были отделены каким-то совершенно незнакомым Гледерику матово-белым материалом. Материал этот был твердым и холодным на ощупь.

Юноша осторожно вошел в лифт, опасаясь, не повреждены ли тросы и не рухнет ли тот под внезапным увеличением тяжести прямо в шахту — однако кабина даже не покачнулась.

Стоило Гледерику оказаться внутри, как немедленно зажегся свет. Он исходил из плоских стеклянных панелей, расположенных на потолке. Определить его источник более точно не получалось — светились будто бы сами панели, а вовсе не что-то, что было бы спрятано за ними.

— Прекрасно, — подытожил Гледерик вслух. — И что теперь делать?

Ему удалось отыскать в лифте нечто наподобие, как он решил, управляющего устройства. Стальная панель выступала из одной из стенок кабины примерно на уровне человеческой груди. На ней обнаружились всего две клавиши, с выдавленными на них изображениями стрелок. Одна стрелка указывала вниз, другая — вверх. Это было так просто, что разобрался наверно бы даже ребенок.

Гледерик вдавил палец в клавишу вниз, дверь кабины захлопнулась, и лифт с мягким гулом пришел в движение. Пол слегка завибрировал, но никакой тряски не было. Очень удобно, — подумал юноша. — Уж явно удобней лестниц.

Кабина опускалась вниз, наверно, минуты три, или около того. Юноша не мог определить скорости ее передвижения, разумеется, но догадывался, что едет она быстро. Уж явно быстрее, чемнеторопливые платформы на виллах паданских аристократов, приводимые в действие громоздкими и неуклюжими механизмами. От изделия древних магов следовало ожидать большей расторопности. А это означало, что схрон, в который лифт сейчас опускался, находится очень глубоко под землей. Интересно, — подумал Дэрри, — а эту штуку приводит в действие магия или только какие-то специальные устройства?. Ни грамма волшебства не было ни в ветряных мельницах, ни в печатном станке, ни в паданских

подъемниках. Все это были просто достаточно сложные приспособления, изготовленные талантливыми ремесленниками. Однако машины Древних, подобные тем, что сохранились нетронутыми в нижних ярусах Каэр Сиди, явно использовали одновременно и науку, и волшебство — как будто бы для тех, кто их создал, не существовало особенной разницы между двумя этими понятиями.

Наконец лифт остановился и его дверь вновь отъехала в сторону. Гледерик оказался в большом помещении, очень напоминающем тот самый зал под Вращающимся Замком, в котором хранилась пространственная арка. Стоило ему выйти из кабины, как немедленно зажегся свет, и молодой человек смог осмотреться по сторонам. Обстановка здесь была примерно такой же, как и в Каэр Сиди — всюду имеющие непонятное назначение приборы и давно потухшие экраны. Разве что выглядело это место словно бы не таким заброшенным и потерянным. Казалось, что где-то под слоем вековой пыли бьется, перегоня по стальным жилам кровь, все еще живое сердце.

Вокруг не было ничего, что указывало бы на возможную поспешность, с которой это место могло быть покинуто. Никаких следов беспорядочного бегства наподобие беспорядочно разбросанных там и здесь вещей. Когда люди ушли отсюда, они сделали это спокойно и без спешки.

Чинно стоящие вдоль стен столы с какими-то тяжелыми на вид предметами, установленными на них. Большею частью старинных вещей, что Гледерик здесь увидел, он бы наверно не смог подобрать подходящих названий, если бы вдруг задался такой целью. И все же он почему-то почувствовал себя здесь вполне уютно. Ему казалось, что это место создано для него. Ну или же для кого-то наподобие.

Дэрри так и не представлял пока, откуда стоит начинать поиски артефакта. Любой из этих предметов мог оказаться тем самым древним амулетом. Или же не один из них.

— Есть кто живой? — спросил юноша осторожно. Стоило звукам его голоса потревожить вековую тишину, как прямо в центре зала воздух вдруг замерцал и словно бы уплотнился. Прямо из пустоты соткалась человеческая фигура. Женщина, средних лет, очень красивая, одетая в облегающее светлое платье непривычного фасона. Лицо без морщин, вообще без признаков увядания, с гладкой кожей — но явно уже не молодое. Слишком серьезен был взгляд чуть прищуренных серых глаз. Слишком решительно сжимались тонкие брови.

Фигура так и оставалась полупрозрачной, слегка мерцающей, бесплотной как призрак. Сквозь нее можно было видеть дальнюю стену. Гледерик пригляделся к незнакомке внимательнее, всматриваясь в черты ее точеного гордого лица — и вдруг понял, что эта женщина ужасно напоминает ему Кэран. Внешностью, осанкой, наклоном головы, поворотом плеч. В них определенно было что-то общее, знак принадлежности к одной породе. Возможно, это ее дальний предок, — подумал Дэрри. Никакого страха он при этом не испытал. В отличие от подружки Гэриса Фостера, эта леди вовсе не выглядела сумасшедшей. Скорее наоборот. Она казалась сдержанной и разумной.

Женщина молчала. Она, казалось, не видела его — напряженно всматривалась куда-то в пустоту, не меняя выражения лица.

— Здравствуйте, — сказал Дэрри с легкой неуверенностью. Он не знал, услышат ли его.

— Здравствуйте, — отвечала леди в сером платье. — Я не знаю, кто вы, но если вы вошли сюда — значит, либо барьер каким-то образом снят, либо вы принадлежите к одному из пяти королевских домов, входивших в наш альянс. Я не знаю, сколько лет прошло с дня

моей смерти, кто вы и каким языком владеете. Однако не удивляйтесь, если понимаете все, что я говорю. Устройство, транслирующее данную запись, оснащено ментальным переводчиком.

— Что такое ментальный? — поинтересовался Дэрри.

— Воздействующий непосредственно на ваше сознание и переводящий мою речь в привычные вашему разуму понятия. С некоторыми огрехами, положенными на разницу в нашем мировосприятии. Боюсь, какие-то мои слова все же могут оказаться вам непонятны, потому как этот переводчик не безупречен. Хотя он и постарается найти аналоги используемым мной терминам в вашем языке, если такие аналоги существуют, — взгляд женщины вдруг сфокусировался на нем. — И снова здравствуйте, — сказала она и тепло улыбнулась. Было странно видеть такую улыбку на лице, столь напоминавшем о сумасшедшей магичке из Каэр Сейнта.

— Вы меня видите? И слышите? — спросил юноша.

— Вижу и слышу, конечно. Я же вам отвечаю, а значит, и вижу вас, и хорошо слышу. Вы очень симпатичный молодой человек, — добавила незнакомка с долей лукавства.

— Спасибо, — Дэрри нервно сглотнул. Compliments от духов ему прежде получать не доводилось. — Вы что-то наподобие призрака? — уточнил он.

— В каком-то да, меня можно называть призраком, — женщина вновь улыбнулась. Первоначальная иллюзия ее суровости рассеялась без следа. Теперь собеседница Гледерика казалась доброжелательной и открытой. — Хотя этот призрак и не имеет никакого отношения к моей брэнной душе, где бы она сейчас не находилась. Вы разговариваете с программой. С записью, — Гледерик непонимающе нахмурился. — Да, вижу, — кивнула сероглазая леди, — кажется, общий уровень знаний у наших потомков за прошедшие годы еще больше упал. Не сочтите это обвинением в невежестве, — добавила она примирительным тоном, видя, что Дэрри насупился. — Мы предполагали, что скорее всего так оно и случится. Вы говорите с чем-то вроде искусственного слепка с моей личности, — пояснила она. — Этот слепок может поддерживать разговор, анализировать поступающую к нему информацию, даже испытывать определенные эмоции. Но это не я. Это точная копия моего разума, оставленная на случай появления здесь кого-то живого. Как я теперь вижу, с момента, когда эта запись была сделана... — женщина на секунду запнулась, словно прислушиваясь к какому-то ей одной внятному голосу, — прошло шестьсот восемьдесят шесть лет. Это означает, что настоящая я мертва уже больше шести столетий. Вы первый, кто появился здесь за все это время.

— Как вас зовут? — спросил Гледерик тихо.

— Катриона Кэйвен. Некоторые также называют меня Повелительницей чар. А кто вы, благородный сэр?

— Дэрри Брейсвер. То есть Гледерик. Из дома Карданов, — сказав это, он вдруг почему-то почувствовал себя неловко. Надо же, — подумал он. — Выходит, Кэран принадлежит к древнему дому Кэйвенов. Они считались давно пресекшимися. Но женщины этой линии крови в самом деле когда-то владели волшебством.

Леди Катриона сделала безупречный реверанс:

— Что ж, тогда мне следует учтиво поприветствовать вас в моей скромной обители, ваше высочество. Или, правильной будет сказать, величество? — шальная улыбка вновь скользнула по губам древней чародейки. Она определенно была и обаятельна, и красива, и Гледерик на миг пожалел, что его рукам уже не обвиться вокруг этой тонкой талии.

— Мой род давно потерял иберленский престол, — сказал Гледерик, чувствуя внезапную неловкость. — Я дальний потомок Карданов. Я даже не был до конца уверен, что я Кардан. Это было чем-то вроде семейной легенды. Я пришел сюда отчасти в надежде это проверить. Хотя и не только по этой причине, конечно.

— Понятно, — сказала Катриона Кэйвен, не переменившись в лице. — А остальные четыре династии, входившие в альянс?

— Уайтхорны пресеклись почти сразу после того, как закончилась Война Пламени. Была война за эринландский трон, и их всех вырезали. Убили даже детей и бастардов. Ратиборы, Тиндэа и Визбранды вымерли в течении следующих трех столетий. Я последний, кто остался. Мне сказали, только один из пяти королей может сюда войти. Кроме меня, больше никого не было.

— Война Пламени, — тонкие пальцы волшебницы переплелись между собой, на миг нервно сжимаясь. Взгляд сделался каким-то словно невидящим. — Вот, значит, как вы это теперь называете. Расскажите мне все, лорд Кардан. Чем закончилась Война Пламени и что было потом? В мире сейчас остались практикующие маги? Какова была судьба домов Айтвернов и Фэринтайнов? И моего дома?

— Вы победили, — сказал Дэрри, приложив усилие, чтоб не отвести взгляд. Он понял, что рассказать обо всем правду будет сложно. Тем не менее, врать он не хотел. Хотя и понимал, что о некоторых вещах ему придется умолчать. — Была большая битва, — сказал он, вспоминая то, что читал в хрониках. — Последняя битва, чистая сила против чистой силы. Небеса горели огнем. Айтверны, Фэринтайны и Кэйвены выступили против своих противников и сокрушили их. После этого они отказались от применения чар. Кэйвены считаются также вымершими, — он не хотел рассказывать леди Катрионе про Кэран. — Айтверны и Фэринтайны здравствуют и сейчас. Во мне есть кровь Айтвернов, хотя и немного. Герцог Раймонд Айтверн — правая рука нынешнего иберленского короля. Хотя я никогда не встречался с ним. Лорд Эдвард Фэринтайн должен вступить на эринландский престол, в скором времени. Он хороший человек и даже посвятил меня в рыцари, хотя я потомок бастарда. А магии почти не осталось. Когда война закончилась, были очень большие разрушения. Многие города оказались полностью стертые с лица земли. Айтверны и Фэринтайны перестали практиковать, а все остальные чародеи сгинули. Был потом один волшебник, сто лет назад в Иберлене, но он не передал потомкам своих навыков. Лорд Эдвард немного умеет колдовать. Вернее, почти не умеет. Но он смог открыть древнюю пространственную дверь в Каэр Сиди и перебросить меня и моих друзей на восток. Мы направлялись сюда.

— Вот как, — сказала Катриона. — Могла быть и хуже, наверно, — впрочем, судя по ее лицу, она отнюдь не была в этом уверена. — Магии у вас почти не осталось, а есть ли машины?

— Ну, — Дэрри замялся. — У нас есть печатный станок. Его придумали лет двести назад. И я недавно слышал, что на востоке изобрели осадное орудие, которое может извергать ядра на большие расстояния, если поджечь специальный легко воспламеняющийся черный порошок. Кажется, эту вещь называют бомбардой. Я не знаю, правда, можно ли это назвать машиной. Зато в Либурне, Тимлейне и Толаде существуют университеты. И еще в нескольких городах. Там готовят образованных людей. Я слышал про такой особый прибор с увеличительным стеклом, при помощи которого можно наблюдать луну и движущиеся звезды.

— Понятно, — сказала Катриона довольно отсутствующим тоном. — Что ж, по крайней мере, ваше общество развивается. Хотя и не так быстро, как мы надеялись.

— На самом деле не все так просто. Именно поэтому я к вам и пришел. У нас почти нету магии, и машин, подобных здешним, — он обвел зал рукой, — тоже нету. Хотя один умный человек сказал мне, что однажды, возможно, такие машины снова будут изобретены. Но сейчас ничего подобного не существует. По крайней мере в нашей части света. Зато появился один чародей, — Дэрри чуть замялся. — Один колдун, изучавший древнюю магию. Он очень силен. Он убил старшего брата лорда Эдварда, лорда Гилмора, который считался в этот момент королем Эринланда, и сказал, что на Йоль, это через месяц, придет во Вращающийся Замок и заберет себе все древние силы, что хранятся здесь. Потому я и пришел к вам. В старой книге было написано, что здесь спрятан амулет, позволяющий необученному магии человеку сражаться с опытным колдуном. Мы пробовали драться с этим волшебником, и не смогли. Помогите нам пожалуйста, — Гледерик отпустил голову.

Катриона Кэйвен, или вернее то, что от нее осталось, какое-то время молчала.

— Мы сами во всем виноваты, — сказала она. — Вы теперь просто расхлебываете последствия нашей глупости. Я попробую объяснить вам, лорд Кардан, с чего все началось. Мое детство пришлось на хорошее время. Семьи, подобные моей, развивали и совершенствовали магическое искусство. Мы культивировали дар, оставляя его в руках нескольких, тщательно отобранных линий крови. Мы читали старые книги о магии, наследие фэйри, и последние из фэйри работали вместе с нами. Но нам было мало этого. Мы стали алкать еще более сокровитного знания. Когда-то давным-давно на свете жили другие чародеи, чародеи людей. Еще до того, как сиды овладели севером, до того, как рухнули древние империи. Те чародеи сплетали магию и науку воедино. Для них не было различий между естественными силами и сверхъестественными. Они могли двигать горы и иссушать моря. Они строили машины. Они создали это место и заложили фундаменты Вращающегося Замка. У них были огромные корабли, что парили в небесах и даже уносились оттуда к другим мирам. Но они воевали между собой и сожгли свой мир дотла. Тем не менее, жалкие останки их величия дошли и до нашего времени. Мы хотели овладеть их знаниями и снова изменить землю. Изменить ее к лучшему. Проникнуть светом цивилизации в самые отдаленные и темные страны. Обратить Силу на благо человеку. В течении двух столетий после ухода сидов наши предки изучали артефакты Древних, и учились создавать свои — иногда даже еще более совершенные. Тогда часть из нас возгордилась и решила использовать Силу ради власти. Они сказали, что Сила и впредь должна оставаться в руках избранных, куда остальное человечество прозябает в невежестве. Они хотели сами управлять миром и навязывать народам свою волю. Даже государи людей были прахом и пеплом в их глазах. Мы заключили союз с пятью королевскими домами нашей эпохи и пошли войной против врага. Так началась война, в которой, как вы говорите, мы в итоге победили. Когда эта запись была сделана, война еще шла. Мы покинули этот опорный пункт, с целью перегруппировать свои силы для наступления на территории, захваченные тогда врагом. Уходя, мы наложили барьер, сделанный так, чтоб только один из пятерых союзных нам государей мог его миновать, либо кто-то из числа их потомков. Мы боялись, что наши собственные наследники в грядущем перейдут на сторону наших врагов, и запечатали это место также и от них самих. Потому что здесь мы в самом деле оставили, на случай, подобный тому, который вы описали, один из последних амулетов, способных блокировать атаковую боевую магию. Вы можете им воспользоваться.

Дэрри замялся, не зная, что на это ответить. Ему не хотелось признаваться этой женщине, призраку этой женщины, что ее опасения сбылись и теперь ее собственная далекая правнучка уподобилась тем самым властолюбивым древним магам, против которых Катриона Кэйвен некогда боролась, вместе с предками Фэринтайнов и его собственными.

— Спасибо, — сказал он наконец. — Вы нам очень этим поможете.

— Не стоит благодарностей. Вы продолжаете то самое дело, которое я начала, когда выступила в качестве основателя нашего альянса. Возьмите мой амулет, пожалуйста, — чародейка взмахнула рукой, и по поверхности пола вдруг зазмеилась тонкая трещина. Трещина это расширилась, матовое покрытие пола словно разошлось в стороны, и прямо перед Гледериком вдруг поднялся вверх небольшой столик, по виду похожий на стеклянный. На столике, в самом его центре, лежал один-единственный медальон на тонкой серебряной цепочке, с вычеканенной на нем розой. Совершенно обычного вида медальон, такие как правило носят на шее, храня в них портрет возлюбленной.

— Он ваш, берите, — сказала Повелительница чар. — Пользуйтесь им сами или отдайте тому, кого считаете достойным.

Гледерик осторожно взял медальон в руки, чуть поколебался, а потом все же открыл его. Внутри и в самом деле оказалось изображение Катрионы Кэйвен — цветное и совершенно точное, ничуть не похожее на обычный рисунок. Сделано это изображение было явно не с помощью кисти и красок. Больше смахивало на то, что некое волшебство вдруг на миг запечатлело лицо Повелительницы чар, а потом отобразило его на маленьком кусочке странной плотной бумаги. На этом портрете Катриона выглядела очень молодой, смеющейся и счастливой.

— Возьмите его, — тихо сказала леди Кэйвен. — На добрую память.

— Как мне пользоваться этой вещью? — спросил Гледерик, сжимая амулет в кулаке.

— А как пользуются охранными оберегами? Принцип тот же самый, только эта вещь гораздо эффективнее. Наденьте ее на шею и носите. Когда столкнетесь с врагом, никакая его магия не сможет вам повредить. Кроме разве что самой мощной. Если обрушенная на вас Сила окажется слишком могучей, амулет сломается. Но сломается он не сразу, и вы, возможно, успеете сразиться с врагом при помощи обычного оружия. Держите меч в руках крепко, бейте им быстро — и, возможно, вам повезет.

— Я все же должен вас поблагодарить, — сказал Гледерик. — Вы, возможно, нас спасли.

— Может быть и спасла, — легко согласилась волшебница, — а возможно, вы смогли бы придумать какой-то другой вариант, чтобы расправиться с вашим противником. Но вы и впрямь способны меня отблагодарить, лорд Кардан.

— Я внимательно вас слушаю, госпожа.

— Поговорите со мной, — сказала Катриона Кэйвен неожиданно просящим тоном. — Я знаю, вас наверно ждут дела. Но все равно, задержитесь здесь хотя бы немного. На час или на два, дольше не придется, я вам обещаю. Поговорите со мной о чем-нибудь. О чем угодно, о любой ерунде, что придет вам в голову. О ныне здравствующих королях, о ценах на капусту, о вашей любимой музыке. О том, как сейчас выглядит небо. Источник питания, благодаря которому воспроизводится эта запись, почти исчерпал свои возможности. Я и так удивлена, что он заработал, спустя столько веков. Когда энергия окончательно иссякнет, он выключится. Лифт продолжит работать, вы сможете уйти. Но воспроизведение записи прервется. Меня не станет. Лорд Кардан, я не хочу умирать в одиночестве.

Сначала Гледерик запнулся, не зная, что сказать. А потом сделал шаг вперед и молча поклонился волшебнице. Сел на столик, с которого только что взял защитный амулет, и этот столик, несмотря на свой хрупкий вид, оказался неожиданно прочным. Затем растормошил себе волосы, собираясь с мыслями, и в самом деле начал говорить.

Дэрри не рассказал тогда ничего особенно важного — ничего, действительно имеющего отношения к судьбам мира, или к особенностям его устройства, или к прочим подобным вещам. Он не смог коснуться ни хитросплетений современной ему политики, ни первых робких достижений современной ему науки. Почти не остановился на тонкостях философии и религии. Все равно он почти ничего в этом не понимал. После некоторого колебания Дэрри действительно стал говорить о любом пришедшей ему на ум ерунде. О ценах на выпивку в брендонских кабаках, о самых резвых породах ездовых лошадей, о каких-то нелепых сплетнях из жизни эринландского высшего света. Затем он неожиданно вспомнил те сказки, что рассказывала ему мама, и поделился теми из них, которые считал лучшими. Спел несколько самых любимых песен. Рассказал о том, как играют лучи восходящего солнца на глади Винного моря и о том, как свеж ветер в полях по весне. Рассказал о добром старом фермере и его жене, что приютили его, когда Гледерик только сбежал из дома. Затем неожиданно улыбнулся и изложил парочку скабрзных анекдотов. Катриона рассмеялась.

Немного осмелев, юноша решился показать популярный в его дни народный танец. Катриона охотно разучила его несложные фигуры. Некоторое время они весело выплясывали посреди древнего зала и горланили какие-то лихие куплеты.

В течении оставшегося после этого второго часа Гледерик коснулся еще многих тем. Он перескакивал с одного на другое, иногда путаясь на словах, но Катриона умело поддерживала разговор, всякий раз задавая какие-то свои уточняющие вопросы или вставляя остроумные реплики. Ни на минуту в их беседе не возникало пауз, и они были целиком поглощены общением. Дэрри в самом деле не забыл приплести сплетни обо всех ныне здравствующих королях — в основном об их любовных похождениях с чужеземными королевами, а потом долго объяснял, какие популярные менестрели сейчас считаются наиболее искусными. И еще про то, какие нынче в ходу карточные игры.

Наконец фигура древней волшебницы слегка замерцала и начала медленно гаснуть. Видя это, Дэрри все же продолжал говорить, а Катриона продолжала его слушать. Он так и не сбился со своей речи и все же умудрился пересказать волшебнице содержание всех наиболее интересных историй о приключениях, прочитанных им в домашней библиотеке, и выслушал ее заинтересованные комментарии.

Гледерик закончил говорить лишь тогда, когда изображение совсем погасло.

По его лицу текли слезы.

Глава четырнадцатая

— Тебя не было почти три часа, — сказал Гленан, когда Дэрри появился из темноты. — Мы уже думали, с тобой что-то случилось.

— Пришлось немного осмотреться на месте, — ответил Дэрри, легкомысленно улыбаясь. — Ну и попугать вас тоже захотелось. Вдруг вы решите, что на меня правда набросились чудовища или чего похуже?

Рассказывать про Катриону Гледерик не собирался. Делиться подобным, почему-то, казалось ему глубоко неправильным, пусть юноша до конца и не смог бы даже для себя самого сформулировать, почему именно он так решил. Просто некоторые тайны лучше оставить темноте и тишине.

— Так ты нашел артефакт? — спросил Гленан нетерпеливо.

— Нет, увы, не смог, — Гледерик с покаянным видом развел руками. — Там и в самом деле оказались просто залежи всевозможного хлама, и попробуй разберись, что к чему. Я порылся-порылся в этом добре, порылся-порылся, да и устал наконец. Решил подняться обратно к вам, перекусить, может вздремнуть. А завтра продолжим.

— Показывай уже, что принес, — сказал Остромир. — У тебя на шее какая-то цепочка. Раньше ее не было.

— Проклятье, и правда, — скривился юноша. — Надо было воротник повыше поднять, тогда бы вы точно не заметили, и я бы вас еще малость помуржил. — Гледерик вытащил из-под куртки серебряный медальон с вычеканенной на нем розой и показал товарищам. — Вот. Тот самый оберег Древних, из-за которого был весь сыр-бор. Носишь его — и заклятия куколки Кэран на тебя не действуют. Ну, если конечно легенды не врут. Но это, опять-таки, не проверишь — не поймешь.

— А как ты понял, что это именно та самая вещь? — уточнил Гленан.

Молодой граф Кэбри держался недоверчиво, и его можно было понять. Ну представьте, сначала ваш спутник спускается в подземелье, битком набитое оставшимися от стародавних колдунов артефактами, пропадает там добрых три часа, потом возвращается с волшебной цацкой, уверяя, что точно знает ее назначение и свойства, и отчаянно отказывается давать какие-либо объяснения. Есть с чего впадать в подозрительность. Может, например, это вовсе и не ваш спутник вернулся. Может его вообще демоны подменили. Всякое же бывает. Полуэльфийские лорды возвращаются с того света в обличье грубоватых и нелюдимых рыцарей, а под личиной знакомого рыжего оболтуса из своей темницы может вырваться древнее зло. Гледерик на секунду задумался, не разыграть ли ему товарищей, в самом деле заставив поверить, что они имеют дело с освободившимся из магического узилища демоном. Нужно будет добавить взгляду немного таинственности, а манерам — потусторонней выразительности.

— Гледерик, — Кэбри все никак не унимался. — Так все же, ты нам хоть что-нибудь пояснишь? Лично мне интересно. Чудится мне в вашем поведении некоторая недосказанность, лорд Кардан.

— Я думаю, — внезапно сказал Остромир, прежде чем Гледерик успел что-либо ответить на расспросы Гленана, — я думаю, если Дэрри так уж четко уверен, что разыскал именно требуемый амулет, основания для этой уверенности у него найдутся. И нет никакого

смысла допрашивать его на этот счет дальше. Ты ведь точно можешь поручиться, Дэрри, что ни в чем не ошибся? — венет поглядел на юношу очень внимательно и пристально.

— Абсолютно точно, — кивнул Дэрри. — Фамильной честью клянусь.

— Что ж, твоей убежденности мне вполне достаточно. Дело сделано, а прочее оставь при себе. Поскольку я вижу, тебе есть о чем умолчать, — Гледерик молча кивнул. — Собираемся и в путь, — продолжал Остромир. — Если будем расторопны, то к вечеру достигнем тракта.

— Тракта? — просиял Дэрри. — Того самого тракта, по которому можно будет уехать обратно в Эринланд? Я уж думал, до него еще несчетные мили добираться.

— Да нет, мы уже почти доехали. Сейчас еще слегка поднажмем — и выберемся из пущи. Мы прошли Серебряные Леса почти насквозь. Большой Тракт пересекает их по южной околице. Выедем на него, и дальше можно будет поворачивать на запад.

Гледерик посмотрел на Гленана. Лицо того при словах поворачивать на запад посветлело. Граф Кэбри явно очень рвался домой. Бесконечные блуждания по лесам утомили его и сделали совершенно невыносимым. Видно было, что мысли Гленана вращаются исключительно вокруг возможного исхода военных действий и судьбы Таэрверна. Очень неприятно было бы, в самом деле, успешно вернувшись из дальнего странствия, обнаружить, что за это время гарландцы успели захватить эринландскую столицу, разграбить и сжечь ее. То есть для Гледерика неприятно. С точки зрения Гленана подобный исход скорее можно было бы назвать катастрофой.

— Ну тогда седлаем коней, — сказал Дэрри и двинулся к выходу. Остановился, обернулся и сказал, обращаясь к Кэбри. — Успокойся пожалуйста, Глен. Стены у Таэрверна высокие, ваш новый король поумнее предыдущего, да и прежняя королева не подкачала. Клиффа Рэдгара они до нашего приезда сдержат.

— Я не этого боюсь, — объяснил Гленан. — Понятно, что за три недели город не падет. Столица может выдержать и годичную осаду, хватило бы только людей на стенах. Но как именно мы попадем в Таэрверн и отдадим лорду Эдварду артефакт, если между нами и Вращающимся Замком окажется двадцать пять тысяч до зубов вооруженных гарландцев, окруживших его со всех сторон?

— Черт побери, — сказал Гледерик. — Об этом я совершенно не подумал.

— Вот то-то же.

— А ты не знаешь никаких секретных способов проникнуть в вашу столицу? Ну, там, предположим, тайные подземные ходы, начинающиеся где-нибудь в предместьях и чудесным образом приводящие прямо в сердце крепости? Чтоб спуститься в неприметный подвал крестьянского дома, расположенного в миле от городских стен, а выйти потом прямым путем среди королевской опочивальни? Будь я королем, в моем замке непременно бы нашлось нечто подобное.

Глен развел руками:

— Никогда о таком не слышал.

— Печально.

— Не то слово. Но теперь ты понимаешь, почему я предлагаю поторапливаться?

— Понимать-то понимаю, но если осада уже началась, а она непременно началась, смысл гнать коней во весь опор? Наша расторопность все равно ничего не изменит. Нас всего трое, Глен. Не три тысячи, даже не три сотни. Что мы вообще можем сделать?

— Что-нибудь мы обязательно сделаем. — Молодой граф упрямо мотнул головой. — Я

только сначала придумаю, что именно.

— Отчаянные безумства, — усмехнулся Дэрри. — Ладно, я в деле.

За два часа до заката путники достигли города Дебрев, расположенного напрямик на Большом Тракте. Многобашенная крепость, воздвигнутая в давние годы для обороны торговых путей и являющаяся сейчас резиденцией великокняжеского наместника, венчала крутой холм. На уступах и склонах холма, спускаясь к протекающей в низине неторопливой реке, расположились шумные городские кварталы. Стоящий примерно на середине дороги из Светограда, столицы Озерного Края, в Таэрверн, Дебрев связывал восточные земли с западными. Постоялые дворы его и таверны наполнились новостями. Гленан надеялся услышать хоть что-то новое о происходящем у него на родине, но, поскольку с разгрома на Броквольском поле не прошло пока и двух недель, все, о чем здесь успели прослышать — это о гибели в бою короля Хендрика и о наступлении гарландской армии на восток. Известия эти принесли проезжавшие через город торговцы мехом, спешившие покинуть ставший небезопасным Эринланд. Завсегдатаи трактира Старая корчма, в котором наши герои остановились на ночь, как раз в момент их появления обсуждали произошедшую на западных эринландских рубежах битву. Говорили, что сразу после нее гарландцы перешли в стремительное наступление, почти не встречая препятствий на своем пути.

Прослышав, о чем идет разговор у барной стойки, Гленан отговорился, что устал с дороги, и скрылся в спальне. Выглядел он весьма подавленно. Остромира же Гледерик, стоило им только разделаться с ужином, потащил на освещенный фонарями задний двор.

— Научите меня какому-нибудь хитрому фехтовальному приему, — сказал Гледерик. — А лучше несколькими. Или даже всем, какие только знаете.

— Всем — это очень много, одного вечера не хватит, — заметил венет. — С чего ты вообще взял, что я хороший наставник?

— Ну, вы же капитан вольного отряда. Наверняка вам приходилось тренировать своих людей, показывать им разные штуки. Я занимался с сэром Гэрисом... с Гилмором Фэринтайном, и с Гленаном немного, еще в Таэрверне, но этого мало. Давайте тренироваться, — Гледерик взялся за найденную им по дороге сухую ветку, становясь в позицию.

— Деревяшку эту брось, — сказал ему Остромир. — Я тренирую только на боевом оружии, — при этих словах венет обнажил короткий меч, который обычно носил на поясе. Его излюбленный двуручник остался в трактире, к счастью для Гледерика, который не решился бы выступить против противника, вооруженного эдакой машиной. — Ну вперед, — сказал наемник. — Если только не боишься получить пару царапин.

Гледерик ухмыльнулся, доставая клинок:

— Я? Боюсь? Вы сначала попробуйте меня поцарапать, сударь, а потом говорите, — и, в подтверждение этих слов, он метнулся вперед, делая колющий выпад в шею. Остромир немедленно закрылся, после чего как-то особенно крутанул кистью и едва не выбил клинок у Гледерика из рук. Юноша с трудом удержал меч. Отшагнул назад, принимая оборонительную стойку. Венет, видя его нерешительность, только усилил свой напор, проведя серию атакующих выпадов, и тут Гледерику пришлось несладко. Чтоб не ударить грязь в лицо, ему пришлось вспомнить все, чего ему учили. Определенно, Остромир был куда более умелым бойцом, нежели Гэрис Фостер — гораздо более быстрым и ловким, прежде всего. Он и на Большом Таэрвернском турнире, несомненно, сумел бы занять одно из первых мест. Венет вполне мог хоть десяток, хоть два десятка раз оставить Гледерику

обещанные царапины, однако дрался он аккуратно, никогда не доводя удар до конца и вовремя останавливая руку. В течении следующего часа они с Дэрри кружились по дворику, собрав вокруг себя толпу зрителей, отмечавших каждый особенно эффектный удар одобрительными аплодисментами. Заметив, что за ним наблюдают, в том числе наблюдают и симпатичные молодые девицы из числа местных служанок, Дэрри старался фехтовать как только мог хорошо. Конечно, юноша понимал, что Остромиру, с его многолетним опытом, он в действительности не соперник — но все же совсем бесталанным неумехой на глазах у публики выглядеть не хотел.

Сначала они просто спарринговались, потом венет и в самом деле показал Гледерику несколько крайне интересных приемов. Продемонстрировал, как правильнее атаковать, каких позиций стоит при этом придерживаться, как эффективнее всего уворачиваться от вражеских ударов и как парировать их. Дэрри повторял на ходу, стараясь запомнить все, что ему показывали, и немедленно применить это в деле. Тренировка закончилась, лишь когда совсем стемнело и начало холодать. Зрители разошлись обратно в трактир, и юноша с Остромиром присели на удачно попавшееся бревно, намереваясь отдохнуть.

— Когда-нибудь станешь настоящим бойцом, — сказал венет ободрительно, видя, что Гледерик слегка все же приуныл. — Необходимые задатки у тебя имеются.

— Да куда мне, — помрачнел Дэрри. — Я занимаюсь пару лет всего. Рыцарских отпрысков учат владеть мечом почитай с младенчества. Я слышал, тем, кто так поздно начал как я, за ними уже никогда не угнаться.

— Ну, я меч в руки тоже не младенцем взял. Отец готовил меня для мирной жизни. Однако, как видишь, дерусь я получше многих эринландских сэров.

— Почему вы вообще уехали из дома? — спросил Гледерик.

Остромир неопределенно повел плечами:

— Мне очень хотелось посмотреть мир. Ты, наверно, не согласишься, но я был книжным мальчишкой. Вырос в городе наподобие этого, в дне пути на восток от Светограда. Грезил дальними странами и чужими берегами. Брат подговорил меня сбежать на край света, и я охотно решился. Мне ужасно хотелось узнать, существует ли он вообще, этот край света, про который все столько разговаривают.

— И у вас получилось его отыскать?

— Это вряд ли. Я пытался, конечно. Но, наверно, предел нашего мира дальше, чем я способен зайти. Ученые люди и вовсе утверждают, что мир круглый, подобно большому шару, висящему в пустоте. А значит, сколько ни иди, вернешься однажды в место, из которого начинал. Но прошел я немало. Я видел горы, и моря, и пустыни. Арэйну, и Райгаду, и Та-Кем, и все Срединные Земли, конечно. Когда я служил в Либурне тамошнему королю, то повстречал Сновида. Как земляки, мы быстро сошлись. Сколотили свой собственный отряд, собрали отчаянных ребят со всего света, и колесили потом с места на место. Почему я пошел за Хендриком? Его все оставили. Даже половина его собственных вассалов не пришла на его призыв. Я не люблю, когда кто-то оказывается в меньшинстве. Да, начатая Хендриком война была необдуманна и поспешна. Эринланд и Гарланд рвут друг друга в клочья уже сотню лет, и Хендрик вполне мог позволить себе малость выждать и накопить сил. Не поддаваться на провокации Клиффа и не бросаться головой в омут. Но раз уж он решил начать битву именно сейчас — я не хотел оставаться в стороне. Я ведь помнил его отца. Хороший был король. Удержал трон в годы немногим лучшие, чем эти. Как тут было не помочь его сыну. Я уже говорил, что люблю встречать в безнадежные дела.

— Наше дело и впрямь безнадежное, — сказал Дэрри. — Мы умрем ни за что. Как Гэрис.

— Тогда почему ты здесь, Гледерик Кардан? Гленан сражается за свое родное королевство и отступить просто не может. Ему некуда отступать. Но твоя-то родина не здесь. Где именно — тебе самому решать, но не в Эринланде уж точно. И рыцарство ты свое уже получил. Почему ты в таком случае не уйдешь?

Дэрри немного подумал.

— Я не знаю. Вроде и надо сбежать по-тихому, оставив вам амулет и записку, чтоб вы отнесли его лорду Эдварду. Свою роль я все равно уже выполнил. Но уйти все равно не получается. Может, мне хочется немножко побыть героем. Эдаким смельчаком, не побоявшимся выступить против смертельной опасности. Глупо ведь, правда? Ужасно глупо. Но я бы хотел, чтоб меня запомнили потом как героя.

— Может, и запомнят, — сказал Остромир. — Только вот и злодеем тебя тоже могут запомнить, когда-нибудь потом. Всегда будь к этому готов. Все мы порой в чьих-то глазах злодеи и в чьих-то герои. Иначе не получается, Гледерик. Мы держим в руках меч, защищая то, что нам дорого — будь то наши идеалы или наши близкие. Но острие этого меча все равно направлено в чужое сердце.

— А почему вы не остепенились? — спросил Дэрри неожиданно. — Почему не поступили, как ваш друг Сновид. Он же ушел на покой. И недурно ему живется вроде. Разводили бы вы тоже лошадей, или пчел. Или книги читали. Я уверен, на безбедную жизнь у вас отложено.

— Сложно сказать. Я и сам порой думаю — и правда, а может купить себе усадьбу в предместьях столицы, с садом и виноградником. Жениться на какой-нибудь очаровательной юной девушке, чтоб смеялась звонко. Завести с ней детей. Но я словно бы не готов. Каждый раз откладываю это на следующий год, а на следующий год откладываю опять. Таким, как мы, сложно отойти от дел. Мы гончие псы войны. Наверно, нам мешает отдохнуть наш беспокойный век, чтоб ему пусто было.

— Чтоб ему пусто было, — поддержал Гледерик. — Знаете-ка что. Давайте все же побудем в этот раз героями. Лично я вполне готов малость погеройствовать.

— Ну, тогда вперед. — Остромир взгляделся в темный горизонт. — На западе как раз собирается буря. Думаю, это по нашу честь.

В ту ночь и впрямь разразилась буря — принесенный с севера отголосок лютых штормов, бушевавших на Ветреном море. То была последняя буря уходящей осени. Исполинские молнии рвали небеса, ветер гнул ветви деревьев. Даже в своем подземном убежище, спрятанном под высоким холмом — совсем как те, в которых некогда обитали сиды — Кэран Кэйвен отчетливо ощущала всю ярость пришедшей в неистовство стихии. Казалось, древние стены дрожат. Казалось, ветер плачет.

Который уже день тревога снедала ее сердце, и Кэран все никак не могла найти себе покоя.

Очень сложно быть чародеем в мире, давным-давно отказавшемся от магии. Отточенный сотней поколений предков дар составляет твою суть, определяет природу любого твоего поступка. Он же и обрекает тебя на вечное одиночество. Других, подобных тебе, почти не осталось — а те, кто все же остался, кто уцелел в лихолетье последних веков, владеют лишь жалкими крохами того, на что способна ты. Для тебя они всего лишь

растерявшие последние остатки знания дикари.

Тебе придется быть загадочной. Каждым жестом, взглядом, словом демонстрировать свое могущество. Заставлять верить других, что это могущество не имеет границ. Ты настойчиво стремишься казаться чем-то гораздо большим, чем просто смертный человек, сделанный из плоти и крови. Когда ты одна в целом мире, это — единственный шанс уцелеть. Иначе мир навалится на тебя и уничтожит.

И все же ей было страшно.

Кэран выросла здесь, в подземной обители своих предков. С малых лет проходила обучение чародейскому искусству. Мать, суровая и строгая, с безжалостной настойчивостью старалась преподать ей науку предков. Детство Кэран было посвящено изучению старинных книг и постижению теоретических основ того, как устроен этот мир. Отрочество — попыткам этот мир обуздать.

Она училась призывать ветер и заклинать огонь. Слышать голоса духов, гремящие в ночи. Разговаривать с тенями и преломлять течение света. Подчинять души, изменять плоть. Ты больше, чем человек, — говорила ей мать. Ты сила, нашедшая себе физическое воплощение в мире людей. Не будь человеком. Будь силой. Кэран старалась.

Она понимала, что должна стараться и должна преуспеть. Она хорошо знала историю своего рода. В их убежище хранились подробные хроники того, чем завершилась древняя война чародеев. Враг, желавший подчинить себе мир, был разгромлен, но и силы победителей оказались истощены. Маги из родов Айтвернов и Фэринтайнов заявили, что не желают больше распоряжаться могуществом, едва не поставившим мир на грань уничтожения, и отреклись от своих знаний. Кэйвены предпочли остаться собой и уйти в добровольное изгнание. Это было единственным разумным решением в дни, когда люди ненавидели чародеев, считая их виновными во всех ужасах и разорении минувшей войны.

Прошло семь столетий. Все эти семь столетий тайные знания передавались в роду Повелительниц чар, от матери к дочери, как передавалось и старое фамильное имя — имя леди Кэйвен. С самого детства Кэран выслушивала, что и ее собственная задача состоит единственно в том, чтобы любыми уловками и хитростями найти во внешнем мире мужчину, подходящего, чтоб родить от него ребенка, а потом передать этому ребенку все, чему научили ее саму. В ожидании дней, когда, возможно, мир снова изменится и колдовской наукой станет возможно заниматься открыто.

Кэран не желала просто ждать непонятно чего, медленно угасая в темноте.

Это вообще очень сложно — сидеть сложа руки, когда тебе едва исполнилось двадцать лет.

И еще сложнее, в любом возрасте — понимать, что вся твоя жизнь пройдет в глуши и неизвестности, среди темноты и теней, скрывая от людей свои лицо и свое имя, бесконечно оттачивая мастерство, которое никогда не будет применено ради реального дела.

От такого понимания — лишь шаг до отчаяния. Глухого, тягостного, истязającego душу, способного проморозить сердце. Кэран смотрела на холодные залы дома своих предков, величественные и пустые, и понимала, что в этой пустоте пройдет вся ее жизнь. Схоронив мать в фамильной усыпальнице предков, девушка разрыдалась.

А потом появился он. Мужчина, найденный ею посреди хаоса войны и смерти. Умиравший от смертельной раны. Битва, что разыгралась у реки под названием Твейн, не могла не привлечь внимание Кэран — ведь случилась, по несчастливой случайности, в каких-то тридцати милях от ее дома. С лесной опушки, укрытая магией теней, делавшей ее

незримой, девушка наблюдала за идущим боем. Смотрела, как сшибаются полки, как падают знамена, затоптанные копытами коней. Мир, казалось, пришел в движение и опасно накренился, лишившись привычного равновесия. Кэран отчетливо чувствовала, как завеса между этим миром и тем дрожит, истончаемая сотнями, тысячами смертей.

Когда битва закончилась и обе потрепанные армии разошлись в разные стороны зализывать свои раны, привлеченная непонятым любопытством девушка вышла на ратное поле. Будто стервятник в поисках добычи. Закат пылал за ее спиной. Она шла медленно, будто во сне. Вглядывалась в лица убитых. Лорды и рыцари, и простые воины — все они нашли тут общий исход. Их происхождения и титулы больше не имели никакого значения, и все эти люди в последний свой час стали промеж собой равны. Кэран шла и смотрела в лица.

А потом она увидела его. Умиравший, почти умерший, но пока все же еще не совсем мертвый. Статный мужчина в белых доспехах, с волосы светлыми, будто свежий снег. С лицом, залитым кровью. Он лежал неподвижно, глядя в багровеющее небо, и хрипло, тяжело дышал. Волшебница склонилась над ним, скрытая своей колдовской вуалью — но мужчина вдруг шевельнулся и посмотрел в упор, будто отчетливо увидел Кэран. Это было странно. Ведь она знала, что простой смертный не смог бы ее увидеть.

Вынырнув из тени, волшебница склонилась над раненым воином и провела ладонью по его лицу. Мужчина что-то неразборчиво пробормотал. Кэран так и не поняла, что.

Очень сложно оказалось дотащить этого воина до своего дома. Даже помогая себе магией — сложно. Это ведь только в сказках волшебники всемогущи. Еще сложнее было удержать в тяжелораненом рыцаре его меркнущую, сквозь пальцы вытекающую жизнь. Кэран не была особенно искусным целителем — но в этот раз постаралась применить все, что умела. Вспомнить любые заклятия, отыскать любые лечебные средства. По капле, по вдоху она обратно вдыхала в своего гостя его угасавшую жизнь. Очень медленно, будто неохотно, беловолосый рыцарь все же отступал от едва не пересеченной им последней черты.

Когда мужчина смог говорить, Кэран узнала его имя. Гилмор Фэринтайн. Потомок высоких фэйри. Наследник того самого древнего колдуна, бок о бок с которым легендарная Катриона Кэйвен, первая Повелительница чар, приняла свой решающий бой.

От потомка Фэринтайнов Кэран не видела смысла таиться. Она легко рассказала ему все о себе. Назвала свое имя. Повела свою историю. Показала основы магии, которой владела. Гилмор был удивлен, для него это было, все равно что попасть в старинную сказку. Тем не менее, он поверил. Сложно не поверить в могущество магии, когда эта магия смогла уберечь тебя от смерти. Благодарный девушке за чудесное спасение, Гилмор в свою очередь щедро делился подробностями своей жизни. Рассказывал о блистательном эринландском дворе, при котором занимал одно из самых влиятельных мест. О короле, которому служил и за которым пошел в оказавшийся безнадежный поход. О городах и странах, которые видел, о прежних битвах, в которых принимал участие. Рассказы Гилмора также занимали и будоражили юную волшебницу, как его самого ошеломляла магия, которой она владела. Иной раз заслушавшись, Кэран с иссушающей безнадежностью думала, что до скончания века будет заключена в окружающую ее сумрачную могилу, пока настоящая, подлинная жизнь проходит где-то там, за околицей. Гилмор Фэринтайн знал о жизни почти все и охотно делился своим знанием.

Сложно было сказать, когда именно это случилось. Когда их пальцы, на миг соприкоснувшись почти случайно, вдруг сжались, сплетаясь воедино. Когда объятия

сделались крепкими, а поцелуи жаркими. Когда одежды были отброшены прочь. Кэран запомнился огонь, что, казалось, намеревался сжечь ее без остатка. Прикосновения к ее коже. Неистовство и безумие. Она готова была отдать себя всю.

Лежа потом в ночи рядом с обессилено уснувшим Гилмором, волшебница не могла отрешиться, однако, от оказавшихся неожиданно гнетущими размышлений. Значит, это и есть та судьба, к которой готовила ее мать? Родить ребенка от этого человека, и всем втроем провести жизнь, будучи запертыми в стылую каменную клеть, пока неумолимое время наконец окончательно не сотрет древнее имя Повелителей чар со своих скрижалей? Одна мысль о подобной судьбе вызывала у девушки глухое отчаяние.

Тогда у нее и родился этот безумный план. Гилмор ведь все время говорил, как жаждет вернуться домой, когда силы полностью вернутся к нему. Он был порядком зол на короля, уведшего его в этот оказавшийся неудачным поход, и на брата, с которым перед последним боем поссорился. Этой злостью можно было воспользоваться. Этот самый король, о котором все твердил без остановки с почти детской обидой ее светловолосый рыцарь, и сам происходил из дома Фэринтайнов, и правил во Вращающемся Замке. В Каэр Сиди, древней цитадели, где воедино сплетались незримые нити, удерживавшие в равновесии планету. Вокруг этого старого замка, по легенде, обращались в своем вечном безустанном ритме земля и небо — и владевший им владел бы ключами и от земли, и от небес. Казалось немыслимым, что сейчас повелителем подобного сакрального места являлся невежственный дикарь, не имеющий ни малейшего представления о могуществе своих предков и о силах, которыми он бы мог распоряжаться, окажись хотя бы немного поумнее.

Очень сложно быть обученным магом в отказавшемся от магии мире. Ты силен — но целый мир сильнее тебя. В таком случае очень нужно встать с миром вровень. Власть над Вращающимся Замком дала бы Кэран такую возможность.

Конечно, это было очень сложно. Юная чародейка представляла себе ритуалы, потребные для осуществления подобной дерзкой задумки, но только лишь в самых общих чертах. Необходимо было дождаться подходящего времени, когда мир окажется уязвим к дующим из-за черты холодным ветрам, и еще следовало принести жертву. По большому счету, требовалось пролить гекатомбы крови, дабы граница между миром смертных и миром чистой магии дрогнула, открываясь, но в первую очередь нужно было лишить жизни того, кто являлся сейчас законным властителем Каэр Сиди. И сделать это полагалось в священном для древних месте, наполненном памятью о них, запомнившем эхо их голосов.

Ближайшим таким местом оставался замок Каэр Сейнт, второй великий замок Повелителей Холмов, где навеки в гранитных гробницах упокоились их останки. Тоньше тонкого была грань миров в стенах Каэр Сейнта.

Решение созрело почти мгновенно.

Пока Гилмор спал, Кэран изучила его память, колдовством проникая в ее потаенные глубины. Подобные заклятия были вполне подвластны ей, пусть и требовали определенного приложения сил. В памяти Фэринтайна девушка нашла образ его боевого товарища, погибшего рядом с ним в тот самый финальный отчаянный сражении, когда был ранен и сам Гилмор. Она увидела образ человека по имени Гэрис Фостер. Извлекая этот образ из памяти Гилмора, Кэран наложила заклятие, придав своему рыцарю обличье его покойного собрата по оружию. Заклятие этого оказалось столь сложным и выматывающим, что три часа после этого Кэран отхаркивалась кровью. Тем не менее, у нее получилось.

Когда Гилмор проснулся, он был в ярости. Накричал на нее, обозвал проклятой Богом

ведьмой и еще по-всякому. Угрожал мечом, требуя вернуть себе свое подлинное лицо. Кэран осталась непреклонна и к мольбам, и к угрозам. Со спокойной решимостью она объяснила, что наложила на Фэринтайна подобные чары, так как того требовал задуманный ею план.

— Исполнение этого плана, — сказала Кэран Кэйвен Гилмору Фэринтайну, — поможет тебе отомстить предавшим тебя родичам и вновь занять при дворе в Таэрверне причитающееся тебе место. Просто доверься мне, мой рыцарь. Пожалуйста, доверься. Я все объясню тебе в подробностях, но позже. То, что я сделала с тобой — это всего лишь временная, вынужденная мера. Ты должен вернуться домой никем не uznанный. Это единственный способ выполнить то поручение, которое я тебе дам.

Невзирая на все свои возражения, Гилмор все же признал в итоге ее правоту. Ведь Кэран уверила его, что таким образом он не только вернет себе все, что утратил, но и обретет также нечто иное, куда большее. Получивший обличье покойного Гэриса Фостера, Гилмор Фэринтайн отправился в эринландскую столицу. С собой Кэран дала ему зачарованный кинжал, испокон веку передававшийся в ее роду. С помощью этого артефакта Гилмор мог бы призвать ее в любое место, где находился сам, отворив ворота в пространстве. Кэран знала, что наиболее могущественные древние маги могли мгновенно перемещаться на огромные расстояния, используя лишь свою собственную Силу, но такого могущества у нее не было. Пока не было. Хотя времени было немного, перед его отъездом Кэран также успела преподать Гилмору самые основы плетения чар — рассудив, что возможно это поспособствует успеху его миссии. Фэринтайн оказался способным учеником — к тому располагала его наследственность. У другого ушло бы годы изучить то, чем он овладел за месяц.

В Таэрверне Гилмору сопутствовал успех. Так никем и не опознанный, он победил на турнире собственного младшего брата, считавшегося одним из самых искусных воинов в королевстве, и поступил в королевскую гвардию. Используя данный ему кинжал, старший Фэринтайн призвал Кэран во Вращающийся Замок, открыв туда краткосрочные путевые ворота. Величие Каэр Сиди ошеломило юную чародейку. В каждом камне, казалось, жила древняя мощь. Тем сильнее оказалось желание этой мощью обладать.

Набравшись решимости, стараясь выглядеть искушенной в подобных вопросах и абсолютно уверенной в себе, Кэран изложила Гилмору тот самый свой план, в возможности осуществить который она вовсе не была столь уж однозначно уверена сама. Заманить каким-либо способом короля Хендрика в Каэр Сейнт (благо, он все равно собрался на очередную свою войну) и убить его там. В промежутки между Самайном и Йолем — в те полтора в году месяца, когда заклинания черной магии делаются как никогда эффективны. Кэран собиралась присутствовать при этом и надеялась перехватить и завязать на себя нити, позволяющие распоряжаться древними силами.

Девушка думала, что Гилмор станет ей возражать. Спорить. Пошлет ее ко всем чертям, наконец. Все же, не такое это и благородное дело — подлым обманом заманить на смерть собственного кузена.

Гилмор в самом деле поспорил. Немного. Почти для вида. А потом, скрепя сердце и грозно хмурясь, согласился.

Кэран испытала разочарование.

Мой рыцарь оказался с каким-то неправильным душком, — подумала она мрачно. — Лучше бы он заклеил меня мерзавкой и проклял.

Тем не менее, теперь наследника Фэринтайнов и наследницу семьи Кэйвен объединяло

общее дело, которое следовало непременно исполнить. Из Таэрверна Гилмор, вместе со своим кузеном и государем, отправился на войну, а Кэран, раздобыв в городе лошадь и припасы, поехала в Каэр Сейнт. Остановилась там и стала ждать появления Фэринтайна. Гилмор явился достаточно быстро, девушка даже соскучиться не успела. Вот только, притащив с собой толпу своих боевых товарищей и прочих приятелей, он так и не смог привести Хендрика. Король погиб — сложил голову где-то в мельтешении битвы, которую сам и затеял. Следовало, конечно, ожидать, что нечто пойдет наперекосяк. Наперекосяк пошло все.

С выражением лица, настолько невозмутимым, насколько это вообще в данной ситуации оставалось возможным, Гилмор Фэринтайн заявил ей, что привел своего собственного брата, Эдварда, на заклятие заместо так невовремя упокоившегося Хендрика. И правда, чем одна древняя кровь хуже другой? План, задуманный молодой чародейкой, пугал ее саму своей хладнокровной безжалостностью — но ее любовник и верный слуга, кажется, по части безжалостно был готов оставить юную леди Кэйвен далеко позади себя.

Вот только загвоздка оставалась в том, что для задуманного ритуала Эдвард Фэринтайн был полностью бесполезен. У него не было власти над силами Вращающегося Замка. Власти эта принадлежала лишь законному королю Эринланда, а им сейчас являлся, как старший в роду, Гилмор.

Кэран убила его. Не сказать, что с легким сердцем.

Но ей почему-то при этом казалось, что поступает она правильно.

Гилмор Фэринтайн привел собственного родного брата на смерть. Брата, который не сделал ему ничего дурного. Одно дело — Хендрик, из-за которого Гилмор едва не погиб. Совсем другое — Эдвард.

Кэран не знала доподлинно точно, как называется чувство, ей тогда овладевшее.

Должно быть, это было отвращение.

Товарищи Гилмора попытались ей помешать. Сам его брат, и незнакомый седовласый воин в черных доспехах, и два мальчишки, один из которых оказался как-то особенно уж нахален и нагл. Очень сложно было удерживать заклинаниями их всех сразу. Силы Кэран таяли, и давила усталость. Тем не менее, преимущество в бою оказалось на ее стороне. Кажется, своим противникам чародейка показалась ужасно могущественной, почти непобедимой.

Это льстило.

Тем не менее, победа не принесла ей желанного результата. Гилмор лежал на холодных камнях, бездыханный и мертвый, а до могущества, которым он должен был владеть, все никак не получалось дотронуться. Может быть, место и время оказались все же неподходящими. Может быть, не хватило сил — ведь волшебницу изрядно утомил бой. Может быть, она просто в чем-то ошиблась.

Впору было испытать отчаяние. Но маг не имеет права на слабость. Потомок Катрионы Кэйвен, одержавшей победу в самой великой битве в истории мира, не может показать неуверенности перед лицом врага.

Кэран сказала спутникам Фэринтайна — ждите меня на Йоль, и набросила на себя вуаль теней, скрываясь с их глаз. Хотелось просто сказать что-то, соответствующее драматизму момента. Хотелось уйти красиво. Она ведь в самом деле обожала красивые жесты. Ей казалось, легендарные герои Войны Пламени разговаривали именно так. Ну или как-то наподобие, по крайней мере.

Йоль — еще одна мистическая дата. Самая важная, быть может, отметина на колесе года. День зимнего солнцестояния, когда умирает старый год и рождается новый. Когда день короток, а ночь длинна. Когда тьма почти всеильна, но отступает в конечном итоге перед натиском света.

Это показалось ей подходящим моментом. Нужно ведь было попробовать что-то сделать. Прийти на этот раз уже в сам Каэр Сиди, раз близость к древним гробницам не помогла, и попытаться еще раз. Убить для этого Эдварда Фэринтайна, если понадобится. Он ведь теперь уж точно был королем Эринланда.

Вся сложность заключалась в том, что волшебница отнюдь не желала его убивать.

Эдвард был благородным и храбрым. Перед лицом смертельной опасности вел себя бесстрашно. С Кэран разговаривал без страха и без дерзости, как равный с равной. И проявил себя не таким уж невеждой при этом — понимал кое-то в основах колдовства, пусть и самых простейших. А еще Эдвард без колебаний сражался за человека, который его предал.

Очень сложно не уважать такого врага. Еще сложнее считать его врагом.

Но ведь надо же что-то делать. Долг взывает к этому, имена предков взывают.

Эдвард Фэринтайн и его спутники беспрепятственно скрылись, пока Кэран осталась в тених Каэр Сейнта, пытаясь совладать с обуювшим ее смятением. Она не знала, какие хитроумные планы вынашивали в ночи ее противники. Нужно было, конечно, неузнанной отправиться вслед за ними, проследить, подслушать. Кэран смотрела во тьму за окном и не могла сдвинуться с места. Когда наступил бледный рассвет, девушка незаметно отправилась домой. Нужно было собраться с мыслями и ждать до зимы.

Ждать в спокойствии не получилось.

Спустя несколько дней вспышка Силы разбудила ее в ночи. Кто-то творил магию в Таэрверне — и творил так, что можно было ощутить, даже пребывая здесь. Заспанная, Кэран вскочила с постели. Очистила свой разум от лишних суетных образов, раскрывая его для беспредельности окружающего пространства. Постаралась прислушаться к тонким струнам миропорядка, что сейчас встревожено дрожали. Может быть, Кэран была, на самом-то деле, не таким уж и сильным боевым магом. И значительно уступала могуществу своих великих предков. Тем не менее, к пониманию теоретических принципов волшебства у нее был настоящий дар. Она могла прислушиваться к беспокойному эху Силы, явственно видя, какие заклятия эту Силу потревожили.

Кто-то открыл в Каэр Сиди пространственную дверь — видимо, воспользовавшись для этого старинным артефактом. След перехода таял где-то на востоке. Значит, Эдвард Фэринтайн действительно оказался совсем не профаном. Нужен ясный и четкий разум, чтоб подчинить себе артефакты Древних.

Но что могло потребоваться ее противникам на востоке?

Внимательно изучив оставшиеся от далекого прошлого семейные архивы, Кэран вспомнила, что именно там, на востоке, чуть к северу от Большого Тракта, в Серебряных Лесах, находился давно покинутый форпост, бывший некогда убежищем лидеров возглавляемого Катрионой Кэйвен альянса. Именно на этом форпосте Катриона и ее товарищи некогда оставили последний из принадлежавших им защитных амулетов, способных подавлять боевую магию врага. Оставили в расчете на то, что однажды их не наделенным даром волшебства союзникам из числа Пяти Королей или их потомков придется вновь столкнуться с враждебными им чародеями.

Лишь представитель одного из тех пяти королевских домов мог спуститься в

зачарованное подземелье. Внимательно изучив сохранившиеся прижизненные портреты древних королей, Кэран была потрясена, обнаружив в том самом дерзком рыжим мальчишке явственно видимые фамильные черты Карданов.

Похоже, ее все-таки переиграли. Тот, кто придумал этот план, определенно был очень умен. И имел все шансы на успех.

Конечно, не имело смысла очертя голову скакать на восток, пытаясь перехватить наследника Карданов. Если он переместился в Серебряные Леса или куда-то по соседству при помощи магии, его все равно не нагонишь. Сама Кэран соответствующими артефактами не располагала. Ее кинжал был тут бесполезен — с его помощью можно было переместиться в место, где находился владеющий им заклинатель, но не открыть пространственные ворота куда-то самой.

Оставалось только ожидать исхода теперь уже совсем не зависящих от нее событий, и это было особенно невыносимо. Возможно, уже сейчас рыжий мальчишка завладел защитным амулетом и везет его Эдварду Фэринтайну. Если новый эринландский король получит его, то окажется леди Кэйвен не по зубам. И конец всем ее запутанным планам. Одна лишь каменная могила будет ждать ее. Одиночество, забвение и холод. Ужасно не хотелось так жить.

Прислушиваясь к тому, как буря ревет где-то в небесах, Кэран Кэйвен приняла решение. Пусть до Серебряных Лесов ей сейчас не добраться, но уж в окрестности Таэрверна нужно наведаться. Засесть там и следить за дорогами. Обрато ведь юный Кардан будет добираться обычным путем. Именно на подступах к столице его и придется перехватить. Попытаться сделать так, чтоб герцог Фэринтайн не получил заветный амулет.

Конечно, Кэран прекрасно понимала, что вряд ли у нее что-то получится. К Таэрверну ведет много дорог. Кто знает, какой поскачет мальчишка. Кто знает, сколько с ним будет спутников. Кто знает, так ли легко будет к ним подобраться. Да и сам он, очевидно, окажется под защитой амулета.

Но нужно же что-то предпринять, если не желаешь сгнить до конца в мраке. Кэран еще раз оглядела свой родовой склеп и принялась собираться в дорогу.

На пятый день после отбытия из Дебрева, продолжая двигаться по Большому Тракту, странники миновали западную черту венетских земель и оказались в межграницье. Серебряные Леса, сейчас уже давно расставшиеся с листвой, остались далеко позади, а впереди простиралась сумрачная, холмистая страна, почти вся поросшая вереском.

В давние времена здесь простиралось королевство Найтерверн — но королевства того давно и след всякий простыл. Венценосный род его пресекся, столичный город и тот обезлюдел, дважды перед тем сожженный дотла в сумятице баронских мятежей. Окраины более не существовавшего государства превратились в вольные герцогства либо были разделены между соседями, а сердцевиной угасшей страны стала ничейной. На холмах и поныне кое-где виднелись сторожевые башни и развалины крепостей — сейчас опустевшие и бесхозные.

— Раньше здесь водились разбойники и всякий прочий лихой люд, скрывавшийся от закона, — пояснил Остромир. — Потом это всем надоело, конечно. По бандитским укывищам совершили несколько основательных рейдов солдаты из Каэр Лейна, и местной вольнице пришел конец. Кто остался, попрятался далеко в глуши и нам точно не встретится. Да и тракт по этому времени года почти пустой — некого им здесь сторожить.

— На бандитов мы не наткнемся, это понятно, — кивнул Гледерик с облегчением. Дополнительных, ко всем предшествовавшим, неприятностей он отнюдь не хотел. — А нечисть? Как с ней тут обстоят дела? Ее нас встретить угораздит?

— Всякое возможно, — ответил венет с долей неопределенности. — Где не живут люди — там всегда имеется риск повстречать фэйри. Совсем небольшой, может быть, риск, но он есть. Отрицать не могу.

— Это даже как-то по-своему странно, — заметил Дэрри. — Я думал, они все давным-давно ушли из мира людей. Там, откуда я родом, духи — это точно всего лишь сказка, которую рассказывают по трактирам. А после того лешего в ильмерградских чащобах — получается, уже и не совсем сказка.

— Сразу видно, что ты приехал с юга, — вставил свое веское слово Гленан. — У вас там, возможно, фэйри и правда всего лишь байка заболтавшегося менестреля. На Винном море дивный народ и не жил никогда — видно, тамошний воздух для него слишком пьян. Может, эльфы там даже и проездом не бывали. И в Падане их не было, и в Либурне. Вот только ты уже не на юге, Гледерик. Ты не дома. Север — давняя вотчина фэйри, от Иберлена до этих мест и дальше на восток. Вся разница в том, что из Иберлена люди некогда изгнали сидов силой огня и железа. Отсюда же ушли далеко не все.

— Это правда, — поддержал молодого графа Кэбри Остромир. — В здешних деревнях до сих пор рассказывают всякое. Про леших и водяных, про ундин и фей. Ученые из южных университетов называют это фольклором, — он усмехнулся, — но ты сам уже убедился, какой в этих краях иногда водится фольклор.

Гледерик кивнул. Убедился — это не то слово. Юноша до сих пор хорошо помнил, как уснули беспробудным сном его спутники, как плясали колдовские тени в ночном безмолвии, как отражались блики пламени на стальных когтях вышедшего из леса диковинного

существа. И все-таки Дэрри вдруг понял, что не боится повторной встречи с чем-то подобным. Создания Волшебной Страны, оставаясь непонятными и смертельно опасными, чем-то манили и привораживали его. Он не знал, в чем тут дело. В собственном далеком родстве с ними — или просто в любви к сказкам.

Сгустились сумерки. Путники развели костер в неприметной ложбине, расположенной на оплывшем северном склоне подступающей почти к самому тракту возвышенности. Стоянка эта, прикрытая гребнем холма, не просматривалась с тракта — зато сами путешественники могли вдоволь обозревать раскинувшуюся на север дикую местность.

— Что там дальше, — спросил Гледерик Остромира, — если поехать в ту сторону?

— Замок Глак-Хорл. В двух сотнях миль от этого места, на Рейланских нагорьях. Найтервернские короли когда-то правили там.

— Вы там бывали?

— Проезжал когда-то, будучи чуть старше тебя. Когда впервые подался на запад. Думал, найду сокровища, или нечто наподобие. Ничего. Только камни, да следы пожара. Пятьдесят миль до ближайшей деревни, и крестьяне уверяли, что по ночам на пепелищах королевской твердыни воют неупокоенные души.

Гледерик поежился, придвигаясь ближе к огню.

— Не уверен, — сказал он, — что романтика такого рода мне по душе.

— А какая романтика тебе по душе? — спросил венет.

— Что-нибудь, связанное с цивилизацией. Цивилизованные приключения, если можно так выразиться, — Гледерик принялся грызть сушеное яблоко, глядя в смешливо трещащее пламя. — Я тут думал, чем займусь, если мы удачно выпутаемся из этой передрыги. Видимо, пойду воевать. Куда, за кого — разберусь по ходу дела. Получится из меня солдат, как вы полагаете?

— Солдатом ты будешь очень плохим, — признался Остромир. — Ты в любом деле сперва думаешь, что это значит лично для тебя, и ради чего ты в него ввязался. На любой приказ у тебя найдутся возражения и вопросы. Нет, в солдатах ты себя не найдешь. Но было бы очень интересно поглядеть, какой выйдет из тебя командир.

— Командир, — Дэрри сделался каким-то грустным. — Скажете тоже. Да какой из меня командир. Меня все вокруг только и могут, что занозой в пальце считать, и хорошо если не в заднице. Кто такому человеку подчиняться станет?

— Сейчас — и в самом деле, пожалуй что никто. А вот что с тобой сделается года через три — совсем другой разговор. Ты, главное, постарайся за эти три года нигде не сложить своей излишне буйной головы.

— Постараюсь, — сказал Дэрри. — Меня еще ждет дом. Тот, на западе. Я обещал себе, что однажды туда дойду. Королевство Иберлен, — юноша мечтательно зажмурился. — Поглядеть бы, какое оно вообще.

Гленан, до того сидевший на небольшом пригорке и настороженно вглядывавшийся в ночную тьму, вдруг нетерпеливо поерзал. Вид у него при этом сделался порядком обеспокоенный.

— Мне до ужаса жаль прерывать вашу занимательную беседу, — сказал эринландский аристократ голосом, в котором сожаления не чувствовалось ни на йоту, — но, кажется, неподалеку от нас кто-то развел огонь. Вон там, глядите. На соседнем холме.

— Все же разбойники появились? — дернулся Дэрри, мигом отбрасывая всякую задумчивость. — Караванов-то впереди нас никаких не шло. Получается, местные бандиты

подобрались к дороге?

— Может быть, — сказал Остромир, становясь рядом с Гленаном и тоже вглядываясь в темноту. — А может, там просто заночевали неприкаянные бродяги наподобие нас. Только огонь какой-то странный, ты не находишь?

Едва видимый костер и впрямь казался каким-то странным. Он горел в подступившей к нему крошечной ночи ровным, лишенным колебаний синеватым светом. Так могла бы, наверно, гореть упавшая с неба звезда — спокойно, равнодушно, невозмутимо. Дэрри сделалось даже немного не по себе, однако страх в этот раз словно бы перемешался с отчаянным любопытством. Юноша вдруг понял, что его ужасно манит к этому диковинному холодному пламени.

— Я пойду разведу, что там и как, — сказал Гленан негромко. Голос у графа Кэбри сделался напряженным, каким-то слегка неестественным. — Стоит же разобраться — кто здесь расположился и с какой именно целью. Вдруг это представляет для нас какую-то угрозу или опасность.

Дэрри мотнул головой, пытаясь избавиться от навязчивого желания согласиться с Гленаном и немедленно двинуться к загадочному огню, словно тот сам звал и манил к себе.

— Пахнет колдовством, — сказал Гледерик. — Совсем как тогда, в лесу. Лучше нам никуда не лазить и сидеть тихо, Глен. В тот раз нечисть пожаловала к нам в гости, и мы едва живы остались, если помнишь. Так что же теперь, мы сами полезем смерти в лапы? Если та штука опасна, нужно скорее уносить отсюда ноги, а не приближаться к ней.

Гленан посмотрел на него как-то странно:

— Я уже достаточно этой осенью набегался, то взад, то вперед, — сказал молодой Кэбри почти с вызовом. — Не хочу сидеть в ночи, подобно последнему трусу, и трястись, гадая, какая именно неведомая напасть на сей раз нас подстерегает. Если хотите, оставайтесь здесь, никого с собой не тащу. Я подробно расскажу, что увидел, когда вернусь.

— Вот уж дудки тебе, — возразил Дэрри, — раз ты, приятель, уперся обоими рогами в землю, я тебя одного туда не пущу. — Юноша запнулся. — Похоже, этот огонь и впрямь странным образом к себе притягивает, — признался он с легкой растерянностью. — Вот, я смотрю на него, и мне в самом деле хочется к нему пойти, и я подыскиваю для этого хоть какой-нибудь разумный предлог, наподобие того, что отпускать тебе одного неправильно. Остромир, — поглядел Гледерик на венета, — ну скажите уже, что мы рехнулись, и дайте обоим хорошенько по лбу.

Седовласый наемник и ухом не повел. Он смотрел сейчас, как оказалось, в совсем противоположную сторону, даже не прислушиваясь к начавшейся перепалке. Венет пристально вглядывался в окутанную темнотой вершину холма, на склоне которого путешественники сейчас расположились.

— А там ведь тоже что-то есть, — сказал Остромир очень тихо. — Я сначала подумал, мне просто померещилось. Но нет. Тени, темнее ночи, и движутся очень быстро. Одна на миг закрыла звезды. — Он вытащил меч из ножен и стал спиной к огню. — Вот, снова. Видите?

Дэрри увидел. По гребню холма метнулось внезапно что-то темное. Что-то, казавшееся живым и опасным, и очень быстрым при этом. Ему уже являлись подобные тени, совсем недавно — голодные, жадные и злые, пугающее проявление древних сил, исполненных глубокой старой ненависти к человечеству. Тогда, в ту ночь, когда странный старец вышел из леса.

— Побежали отсюда, — выпалил Гленан. — Лучше к тому огню, чем к этим теням.

— Ну, бежать навряд ли стоит, — возразил Остромир, всматриваясь в неистово танцующие на гребне возвышенности чернильные тени. — Тогда ведь нас точно заметят. Давайте просто отсюда пойдём. Но пойдём быстро. Коней держим в поводу.

И путники пошли на таинственный свет — пошли в самом деле стремительно и не мешкая. Лошади нервно прядали ушами, кажется, хорошо чувствуя нависшую угрозу. До горевшего на противоположном холме голубоватого пламени оставалось, по самым смелым прикидкам, около мили, а то и все полторы — однако минуло, наверно, от силы минуты две, и странный огонь вдруг оказался совсем рядом. Дэрри был слишком взбудоражен в тот момент, чтобы слишком уж поражаться подобной небывальщине. Просто путники сделали, наверно, всего полторы сотни шагов в кромешной темноте, нещадно спотыкаясь при этом и путаясь в густой траве, тревожно оглядываясь то и дело назад — и вдруг их таинственная цель каким-то волшебным образом оказалась совсем рядом. Приблизилась будто бы сама собой.

Колдовской огонь горел прямо и ровно, не дрожа и не разбрасывая искр. Не трещали при этом поленья. Да и не было, кажется, никаких здесь поленьев — горела будто бы сама сырая земля.

Вокруг костра неподвижными статуями замерли, подобно часовым всматриваясь в темноту, шестеро воинов в изящных золотистых латах, покрытых прихотливой чеканкой. Вооруженные длинными прямыми мечами, они не носили шлемов, и длинные волосы, черные, серебряные и пламенно-рыжие, свободно разметались по плечам. Трое из этих странных воинов были мужчинами и трое — женщинами. Лица у всех были точеные и гладкие, лишённые всяких признаков возраста, словно пребывавшие за пределами времени.

— Да будь я проклят, — сказал Гленан, — если это не сиды. Вы смотрите, это же дивный народ.

На тот момент Гледерику было уже решительным образом наплевать, сиды перед ним оказались или демоны лжи из седьмой преисподней. Странного вида одоспешенные незнакомцы не казались слишком уж недоброжелательными на вид — а значит, следовало хотя бы попытаться найти с ними общий язык. Юноша подошел к костру, кланяясь со всей возможной учтивостью. Похоже, в этот раз без хороших манер совершенно не обойтись.

— Добрая вам ночь, господа, — Дэрри улыбнулся широко и открыто, как если бы хотел записаться на постой или напрашивался в собутыльники. — Не позволите составить вам компанию? Мы собирались заночевать неподалеку, но вдруг появилась откуда ни возьмись какая-то мутного вида нежить, и пришлось от нее драпать. Искренне надеюсь, что эта нежить была не ваша.

— А что, если вдруг и наша? — спокойно поинтересовался, обернув к нему голову, один из этих эльфийского вида воинов, светловолосый мужчина с глазами густого лилового оттенка, будто бы лишёнными зрачка. Смотреть в такие глаза было все равно что вглядываться в арку межпространственного портала. Сквозь льняные кудри пробивалась пара коротких, мраморного цвета рожек.

— Если нежить ваша, — Дэрри с покаянным видом развел руками, — мы вежливо извинимся, что нас вообще черт в эти края занес, и поскорее отсюда свалим.

— И что, — спросил, будто подначивая, лиловоглазый воин, — вот так вот просто возьмете и свалите? И даже не пожелаете воспользоваться нашим гостеприимством? Не выпьете нашего лунного вина и не разделите с нами наш звездный хлеб?

— Вы меня простите, — сказал Дэрри твердо, несмотря на то, с каким сердитым видом Гленан дернул его за рукав, — но если те дурные твари с вами заодно, обойдемся мы и без ваших вина и хлеба.

Еще один из эльфов, статный темноволосый мужчина с глазами цвета свежей крови и оранжевыми зрачками, сделал шаг вперед, неожиданно широко улыбаясь, и стукнул своего лиловоглазого приятеля кулаком:

— Кончай уже дурью маяться, пес паршивый, — сказал он ему. — Стыдно в приличном обществе такое дурное воспитание показывать, не ребенок вроде. Простите со всем великодушием, господа, — промолвил черноволосый воин, обращаясь к Гледерику, Остромиру и Гленану на чистейшего произношения, лишь слегка архаичном гаэльском. — Брат мой Кенан не сильно учтив в эту луну — ветра поднебесья в голову ударили. Мое имя Брелах, из седьмой линии Дома Точащих Землю, а эти достойные лорды и леди, — обвел он жестом пятерых своих спутников, — мои родичи и вассалы.

— Вы сиды? — спросил Гледерик прямо.

— Мы сиды, — подтвердил Брелах из Дома Точащих Землю с легкой улыбкой. — Но тебе не стоит излишне волноваться на этот счет. Мы не те сиды, что съедают людей живьем или выворачивают их прямо внутренностями наизнанку. Такого мы не делаем ни при полной луне, ни даже при юной — так что можете сильно не бояться на наш счет. Тем более, насколько вижу по вашему лицу, вы и сами не чужды нашему народу, дорогой гость.

— Да вроде бы не совсем чужд, — подтвердил Дэрри. — Слышал, во всяком случае, нечто неопределенное касательно этого. Я себя, правда, обычным мещанским отпрыском изначально считал — а оказалось, не так все и просто.

— Совсем просто ничего не бывает никогда, — согласился с ним эльф. — Так как вас все же называть, уважаемый гость? Или прикажете обращаться к вам обычный мещанский отпрыск и впредь?

— Гледерик меня зовут, когда по всей чести, а в остальных случаях — Дэрри, эй ты, рыжий и двигай сюда, дубина, — юноша постарался улыбаться так мило, как только умел. — Происхожу я из Дома Драконьих Владык, думаю, это название вам знакомо. Из какой линии — не имею ни малейшего понятия. Но уж явно не из первой и даже не из пятой. Седьмая вода на киселе, короче говоря, — добавил он слегка извиняющимся тоном.

— Семя лорда Эйдана, — сказал Брелах задумчиво. — Да, я вижу. Не ожидал встретить дальнего родича в этих пустынных краях. А кем являются ваши спутники?

— Гленан — побочный потомок герцогов Фэринтайн. Тоже, кажется, какой-то вам родич.

— Как потомок Фэринтайнов, я принадлежу к Дому Серебряного Единорога, — уточнил Гленан.

— Ага, Дом Серебряного Единорога, — поддакнул Дэрри, — важные такие господа из Вращающегося Замка родом и очень знаменитые в этих краях, мы как раз туда и направлялись. Я надеюсь, ни с Домом Драконьих Владык, ни с Домом Серебряного Единорога ваш Дом Точащих Землю ни в какой дурацкой вендетте не состоит. Если вдруг состоит, мы глубоко извиняемся, конечно. А вот наш друг Остромир, если это известие не сильно вас смущает, по большей части, кажется, и вовсе человек. Без прочих посторонних примесей.

— Насколько вообще можно быть в этом уверенным в наши смутные дни, — подтвердил венет. — Ни одной не могу припомнить семейной легенды у нас в роду, чтоб

говорила о родстве с фэйри.

— Ну, как я уже сказал, с людьми мы не отнюдь враждуем, и ваше человеческое происхождение для нас не проблема, — заверил их сид. — Но я чувствую, существа, решившие вас преследовать, приближаются. Скажите на милость, как вы вообще сумели разозлить рыцарей Неблагого двора?

— Рыцарей Неблагого двора? — переспросил Дэрри, оборачиваясь и всматриваясь в темноту. Там по-прежнему двигались смутные тени. Стало этих теней, кажется, только больше — а еще они значительно приблизились и даже словно бы увеличились в размерах. — Это ведь тоже ваши сородичи, как я понимаю?

— Да, — подтвердил Бреллах уже без всякой улыбки. — Только эти наши сородичи как раз выворачивают людям внутренности наизнанку и поедают сердца. Слышали сказки об ужасных и злокозненных фэйри? Худшие из этих сказок сложены о них.

— Они проламывают мои барьеры и скоро будут тут, — сказала огненно-рыжая эльфийка, проверяя баланс чуть изогнутого меча, что держала в руке. У нее был и второй меч, но он покоился в ножнах. Остальные воины Дома Точащих Землю молча сдвинулись вокруг костра. — Что прикажешь делать, лорд Бреллах? Отдадим им полукровок и человека?

— Совсем рехнулась, Айвин? Я своих гостей никакой погани не уступаю, — возразил ей темноволосый сид, легкой походкой делая шаг навстречу хищно ощерившимся теням. — Эй, вы, друзья мои любезные! — крикнул Бреллах в беспокойно ворочавшуюся тьму. — Кончайте дурной маскарад, я вас все равно прекрасно вижу. Объяснитесь лучше, зачем прохожих пугаете.

Тени приблизились, уплотнились, сгустились — и обрели человеческий облик, едва вступив в круг отбрасываемого магическим огнем света. Пятеро мужчин, в доспехах идеально черных, словно присыпанных углем, с волосами белыми, будто снег — такими же белыми, как волосы Фэринтайнов. Глаза у них были обычными, вполне человеческими, с совершенно привычного вида зрачками и радужкой. Руки — в латных перчатках, но, кажется, без ненормально длинных ногтей. Никаких также хвостов, копыт или крыльев за спиной. Люди как люди, если разобраться. После сэра Эдварда или леди Кэран Кэйвен — не настолько уж и удивительного вида.

Тревожно всхрапнули кони — но Гленан и Остромир крепко держали их в поводьях.

Вперед выступил, жестом приказав своим спутникам не двигаться с места, предводитель черных рыцарей. Единственный из всех эльфов здесь, он не выглядел юным — по тонкой коже змеилась сеточка морщин, а волосы казались скорее седыми, нежели просто светлыми. Крючковатый нос был загнут, подобно клюву хищной птицы.

— Здравствуй, Бреллах, — сказал фэйри с Неблагого двора, коротко кланяясь. — Тебе чего дома не сиделось? — Голос у черного рыцаря был резкий, немного хриплый.

— Здравствуй, Дэлен. Сам знаешь, под этой луной нынче мой дозор. На этой и на всех прочих пустых дорогах мира. А вот ты, ответь мне все же, по какому праву прицепился к несчастным путникам? Не нас касаются дела смертных.

— Эти твои смертные, — сказал рыцарь будто сплюнул, — стащили из Крештон Борга кое-что, им отнюдь не принадлежащее. Пусть по добру оставят эту вещь мне — и катятся себе спокойно на все четыре стороны. Преследовать мы их не станем. Даю слово чести.

— Брат мой Дэлен говорит правду? — спросил Бреллах спокойно, обращаясь к Гледерику и только к нему. — Вы ограбили крепость Древних? Отвечай мне правду, потомок Драконьих Владык. Если солжешь — я на мелкие клочки разорву твою душу, —

слова эти, сказанные будто между делом и абсолютно небрежно, вовсе не выглядели пустой угрозой.

Гледерик сглотнул. Покосился на Гленана и Остромира — те стояли, положив ладони на рукоятки мечей, и явно были готовы к драке.

— Ну вообще нет, брешет твой брат, — сказал Гледерик, доставая из-под куртки медальон и показывая его Брелаху. — В крепости Древних, не расслышал точно как она называется, мы в самом деле побывали, и вынесли оттуда эту вещь. Вот только мы ее не крали. Ее оставили там специально для меня семьсот лет назад, на случай, если вдруг станет нужна. Это охранный амулет, защищает от злых чар. Мы враждуем с одной волшебницей — нашего, человеческого рода волшебницей, и против нее эта вещь и понадобится. Вы, эльфы, никакого отношения к этой истории не имеете, и не вам в нее лезть. Это целиком наши, человеческие дела, — подчеркнул Дэрри, дерзко глядя прямо в бездонные оранжевые зрачки.

Брелах рассмотрел медальон леди Катрионы и вернул его Гледерику.

— Эту вещь и в самом деле сделали люди, — сказал он жожаку черных рыцарей. — Боюсь, что лорд Гледерик прав, и нас, Дэлен, эта история никаким боком не затрагивает.

Фэйри в черных латах недовольно дернул плечом:

— Не будь дураком, брат, — сказал он сердито. — Последнее время смертные слишком часто принялись колдовать. По мне так, они изрядно зарываются. Напомнить тебе, чем подобные дела закончились в предыдущий раз? Сначала они начинают свои дурацкие войны посередине темного времени — да так, что границы миров едва не рвутся в клочья, и мы вынуждены ходить вдоль межи дозором, смотря, не прорвется ли какая пустотная тварь в наши пределы. Потом они пробуждают запретную магию в наших прежних замках — с силой столь необузданной, что стены ходуном ходят. Теперь достают могучее оружие для своих новых магических войн. Не кажется ли тебе, что настала нам пора вмешаться?

— Не кажется, — ответил Брелах спокойно. — Это больше не наши замки, Дэлен, и к делам этим стран мы не имеем ни малейшего отношения. Наш мир и человеческий давно разошлись. Или ты сам жаждешь очередной войны против смертных? Прости, но на эту войну у нас не осталось ни ратей, ни сил. И Сумеречный Король, и лорды Совета прямо нам сказали — стерегите границу и не вмешивайтесь ни во что, творящееся на ее человеческой стороне. Хочешь зарекомендовать себя бунтовщиком? Осторожно, а не то будешь низвергнут в Бездну.

— Лучше бы, — сказал черный рыцарь, — тебе сейчас не наглеть, и просто дать мне сделать, что полагается.

— А что именно ты замыслил, брат мой Дэлен? — уточнил темноволосый сид. — Прикажешь, чтобы я позволил тебе нарушить закон, запрещающий нам вмешательство в дела полукровок и смертных? По мне так, ты одержим скорее алчностью, нежели благими помыслами. Я же вижу, как нужна тебе эта неприметная вещица, висящая сейчас на шее юного Айтверна, и как манит тебя один лишь ее вид. Это очень сильный артефакт, господа, и в пределах наших полей ничуть не менее сильный, нежели в мире смертных. Небось, ты задумал продать его в какой-нибудь влиятельный дом и заручиться через то его покровительством? Хитро придумано, но, — Брелах шагнул вперед, и вместе с ним вперед шагнули все пятеро его вассалов, — ничего тебе тут не светит.

Предводитель рыцарей Неблагого Двора обнажил клинок. Лезвие этого меча колебалось и шло рябью, будто сделанное из воды или выточенное из тумана.

— Я же буду с тобой драться насмерть, — сказал Дэлен, тряхнув седыми волосами. — Или забыл уже, какой из меня боец?

— Весьма неплохой, — усмехнулся Брелак, — но, прямо скажем, не слишком выдающийся. Нас на одного больше, да и в чарах вы не сильны. Эй, господа люди, — обернулся он к путникам, — стойте возле костра и ни во что не вмешивайтесь. Раз уж при вас этот амулет, колдовством вам никто повредить не сможет, ну а что касается мечей... Сквозь наш строй сегодня даже Владыка Бурь не прорвется. Ибо мы — лучшие из стражей Грани, — и, будто в подтверждение своих слов, эльф с молниеносной ловкостью крутанул мечом.

— Разрешите помочь, — сказал Остромир. — Эти существа увязались за нами. Мы не можем стоять в стороне, когда вы защищаете наши жизни.

— Нет, — отрезал Брелак тоном, не допускающим даже малейших возражений. — Внутреннее дело фэйри, я же сказал. Существует закон, сударь мой человек, последнюю тысячу лет исполняемый неукоснительно — с тех самых пор, как один дурак в Иберлене обрек на смерть много и наших, и ваших рыцарей. По этому закону мы не ходим без веской нужды и приказа в Срединные страны и не вмешиваемся в ваши дела. А если ходим и вмешиваемся, то обратного хода домой нам уже нет. Мой чернородоспешный друг решил на этом закон, простите, начхать, рассудив, что артефакт, взятый лордом Гледериком, принесет ему выгоду, богатство или власть. Преступное и прискорбное заблуждение, — усмехнулся Брелак, и усмешка эта не сулила черным рыцарям ничего хорошего. — И мы сейчас с этим заблуждением разберемся. Вот только вам можно лишь стоять и смотреть. Если не желаете потом объясняться со всем Звездным Советом, почему на ваших клинках вдруг оказалась кровь моих соплеменников. А теперь, — темноволосый эльф отсалютовал людям клинком, — пожелайте мне удачи. Хором, пожалуйста.

Станный то вышел бой. Дэрри, по приказу Брелаха оставшийся вместе с Остромиром и Гленаном стоять у костра и наблюдать за течением битвы, изо всех сил пытался уследить за передвижениями противников, за выпадами и блоками, рывками и подсечками — и мог лишь поражаться сверхъестественному мастерству и отточенному искусству этих бессмертных существ. Рыцари Волшебной Страны, и те шестеро в золотых доспехах, и пятеро в черных, дрались столь стремительно и резво, что каждый их шаг казался подобным скорее движению ветра, нежели человеческой поступи. Сам Гледерик вряд ли имел бы шансы в честном бою даже против одного из них. Он вспомнил, как пытался противостоять той твари в лесу. Эти были сильнее. Против этих он не продержался, наверно, и десяти вздохов.

Похожим образом сражался Эдвард Фэринтайн — вот только, наверно, раз в десять менее искусно. Сиды дрались, не используя никаких заклятий — но нечеловечески изящные и ловкие, они сами казались живым воплощением магии. Удары наворачивались на блоки и обращались тут же в новые контрудары, выпады встречались с выпадами, финты переходили в атаки, гибкие развороты напоминали движения некоего стремительного танца. Звенела сталь. Блестали доспехи. Неслышимая человеческому слуху музыка, казалась, направляла каждое движение сражавшихся.

Это было больше, чем просто сражение. Это казалось искусством.

Вот Брелак сделал укол, быстрый и точный, от бедра в плечо — а вот Дэлен на танцующем пируэте его отразил. Черный рыцарь атаковал сам — и все же не достиг цели, ибо блеснул сжимаемый Стражем Грани меч, и выпад, что, казалось придется в самое

сердце, отклонился в сторону. Брелах взмахнул левой рукой, в странном жесте искривив пальцы. Вспыхнул свет. Взвилось пламя, смертоносное и ярое, рвануло вперед, разбрасывая искры — и немедленно опало, едва коснувшись носимых пришедшим с Неблагого Двора доспехов. Оно будто задохнулось, едва соприкоснувшись с окружавшей Дэлена тьмой.

Темный фэйри холодно усмехнулся. Шагнул вперед — и поднялся смертоносный ветер, пронзительный и холодный, и принес с собой эхо ледников, что высятся где-то там, за Волшебной Страной, на заснеженной северной крыше мира. Ветер швырнул Стражу Грани в лицо рой ледяных острых игл — в кровь способных изранить тело. Едва устоял на ногах Брелах — но все-таки устоял. Колдовское пламя окружало его, и ледяные иглы таяли и сгорали в этом огне, а сам предводитель благих фэйри беспечно смеялся, и отбивал раз за разом удары врага своими, будто занимался давно привычной, хорошо знакомой, любимой работой. Казалось, он счастлив, что выдался шанс вступить в этот бой.

Вот Айвин выступила против нескольких черных латников, и два изогнутых легких меча, что держала она в своих руках, взлетали столь быстро, что их движения едва мог отследить глаз. Кенан прикрывал ее каждый миг, а она прикрывала его, и сложно было представить пары более слаженной, чем эта. Айвин начинала удар — а Кенан его заканчивал, и вдвоем они теснили вставших против них врагов, пока прочие воины Брелаха поддерживали их с флангов, не давая врагу нанести предательский удар в тыл.

Глядя на эту сечу, Дэрри, всегда привыкший считать себя скорее пройдохой и прощельгой, нежели кем-то еще, и даже к недавно обретенному рыцарскому чину относившийся с изрядным легкомыслием, вдруг со всей четкостью осознал, что действительно, не шутя стремится стать настоящим воином. Стремится стать воином лишь затем, чтобы уметь сражаться хотя бы на гран столь же красиво и изящно, как делали это сейчас эльфийские лорды. Лишь бы только услышать наконец своими ушами ту таинственную музыку, которую, наверно, слушали они.

Замечтавшись, Дэрри так и не понял, в какой именно момент бой прервался. Просто черные рыцари, и без того теснимые своими золотодоспешными противниками к краю темноты, вдруг растаяли — растаяли столь же стремительно, как тает утренний туман под лучами солнца. Лорд Дэлен и его соратники внезапно вновь обратились в бесформенные гиблые тени и унеслись куда-то прочь, не оставив после себя ничего вещественного — ни капли крови на земле, ни оброненного клинка, ни даже примятой травы.

И тогда музыка окончательно стихла. А может, ее и не было вовсе.

Лиловоглазый Кенан, вышучивавший Гледерика поначалу, рассмеялся:

— Как-то даже коротко получилось. Я и разогреться толком не успел.

— А тебе лишь бы драться, болван, — буркнула рыжая Айвин и как-то почти любовно ткнула его локтем. — Дурачище позорный, как твоему премудрому отцу за тебя не стыдно?

— Ну прости, таким на свет уродился, четыреста лет тому назад, — повинился Кенан, весело качая головой. Айвин устало вздохнула и отвернулась.

— Эти гады еще могут вернуться? — спросил Дэрри у Брелаха, чьи сверкающие доспехи за весь бой так и не были ни разу оцарапаны вражеской сталью. — Вы же их не убили, как я понимаю. Вдруг они попробуют довершить начатое, когда вас рядом не будет.

— Вы их больше не увидите, — сказал эльф уверенно. — Я уже отправил послание в совет, только что. У нас свои способы быстро совещаться, — усмехнулся он, видя недоумение юноши. — Вам они могут показаться странным, но ручаюсь, все, кому надо, уже

оповещены о выходе Дэлена, и в погоню за ним бросятся незамедлительно. Спите спокойно — и сегодня, и завтра, и вообще. Неслыханное дело, что на вас вообще напали — но дважды такое не повторится.

— Между прочим, на нас уже нападали один из ваших, — возразил Гледерик. — Лесной дух, в трех днях пути к югу от Ильмерграда, чуть больше недели назад. А где дважды, а там и трижды. Разве не так?

— Не так, — покачал головой Брелак. — Лесной дух, говорите?

— Ага. Выглядел то как старец, то как мальчишка, заявил, что мы влезли на его землю, и попытался нас убить.

— Ну простите, лорд Гледерик, но судя по тому, что вы рассказываете — вы и правда находились на его земле без спроса. Он был в своем праве нападать, а вы в своем праве защищаться. Но войны с Неблагого Двора — это совсем другое дело. Мы ведь давно ушли отсюда, понимаете, — сказал Брелак неожиданно тихо. — Мы редко уже видим и эти земли, и эти звезды над ними. Кто остался — те остался. Выбор был сделан тысячу лет назад, и с тех пор почти никем не менялся. И ваши собственные предки, лорд Гледерик, и существа наподобие помянутого вами лесовика — все они называются у нас одним-единственным словом. Словом потерянные. Вы для нас — отсеченная конечность, что никогда больше не прирастет к телу. Я и мой отряд — мы стражи границы. Предел между Волшебной Страной и королевствами людей — вот передовая, на которой мы несем свою службу. Мы следим, чтоб никакой наглец с нашей стороны не чинил препон тем, кто остался на вашей. Мы не знали, где случился сегодня прорыв, не знали, с какой целью Дэлен его совершил, не знали даже, что именно он — тот, кто нарушил законы. Мы лишь вышли на стражу, потому что таков был долг — а дальше пространство свело в одной точке вас, нуждавшихся в защите, и нас, способных эту защиту предоставить. Не спрашивайте меня о большем. Так устроена магия, и не мне толковать ее суть.

— Я все же спрошу, — возразил юный Брейсвер. — Я видел карту. Волшебная Страна — рядом со Срединными Землями. На северо-западе. Она граничит с Иберленом, и туда можно притопать пешком — через перевал на Каскадных горах. Не далековато ли вы от границы, которую обязались стеречь?

— Далековато, — согласился Брелак. — Вот только выводят из нашей страны разные пути — и не все из них пролегают по земле и воде. Мир не всегда такой, каким его рисуют на картах. Иногда можно прочертить линию на бумаге, и она станет дорогой — а иногда можно сложить лист вдвое и проткнуть стальным пером. Если я скажу еще, вы не поймете.

— Ну ладно, забудем про вопросы, — согласился Дэрри и тут же спросил: — Так что, амулет мой вы у меня забирать не станете?

— Он же правда ваш. Не стану, конечно. К тому же, — Брелак будто к чему-то прислушался, — сильная вещь, и сделана на совесть. Попробуй кто атаковать вас магией напрямую, не мечом — и правда бы, пожалуй, не пробился. Но претендовать на чужое — не в моих правилах, лорд Айтверн, — эльф вежливо улыбнулся.

— Лорд Кардан, — поправил его Дэрри с неожиданным недовольством. — Айтверны мои предки по боковой линии, а Карданы — по основной. По нашим правилам, мое родство — в первую очередь с Карданами. А то, когда вы мне говорите лорд Айтверн, это звучит будто ну что, жалкий полукровка, я назову тебя Айтверном в честь одной восемнадцатой эльфийской крови, что у тебя имеется, а на семнадцать восемнадцатых человеческой снисходительно закрою глаза. Мне кажется, вы все же враждебно настроены к людям,

просто слишком хорошо воспитаны, чтобы это показывать. Мне, как рыцарю Срединных Земель, посвященному самим королем Эринланда, полагается вызвать вас на поединок, отстаивая честь человеческого рода.

Кто-то из эльфов расхохотался. Вполне доброжелательно, даже без тени насмешки. Остромир неопределенно хмыкнул — не понять, с какой именно интонацией. Кажется, с одобрительной и осуждающей сразу. Гленан тоже что-то себе под нос проворчал. Что-то на предмет наглых иберленских олухов, с языком без костей и без капли разума в голове.

— Ну извините, лорд Гледерик, — сказал Брелах из Дома Точащих Землю, выглядя при этом полным самого глубокого, самого искреннего раскаяния. — Но вы сами первым делом заявили, очевидно желая подчеркнуть наше с вами родство, что происходите от Драконьих Владык — и кто я такой, чтобы с этим утверждением спорить. Назовись вы потомком Карданов, я бы точно также назвал вас потомком Карданов. В любом случае, я не вправе принять ваш вызов. Если Сумеречный Король узнает, что я дрался с жителем Срединного мира, низвержение в Бездну ожидает уже меня, а не только Дэлена с его поделщиками. И подобная участь чрезмерно меня страшит. А не то бы я, конечно, с радостью переверделся с вами в чистом поле.

Брелаху, кажется, и впрямь было весело — в алых глазах так и плясали шальные смешинки. Дэрри медленно выдохнул, чувствуя, как спадает наконец с него напряжение. Эти эльфы оказались неплохими ребятами, и не стоило на них лишний раз нарываться.

— Да я сам идиот, — признался Дэрри. — Извините, не подумал насчет всех этих тонкостей. Так что теперь, на дознание в этот Звездный Совет вы нас не потащите?

— А оно вам надо? — спросил сид.

— Не особенно. У нас в Эринланде неотложные дела, да и чего мы не видели при вашем дворе.

— Вот и я так думаю. Последние пятьсот лет наш двор потерял всякий блеск. Так что придется нам с вами вскоре раскланяться и пойти каждый по своей нужде. Разве вот только, — Брелах чуть помедлил, а потом все же сказал: — Ваш костер давно потух, вряд ли имеет смысл разжигать его вновь. Садитесь лучше к нашему. Брат мой Кенан обещал вам лунное вино и звездный хлеб, и кем мы в самом деле будем, если не угостим вас с дороги? Да и для коней ваших у нас найдется угощение, что позволит позабыть пережитый страх.

Дэрри в нерешительности поглядел на спутников. Те, казалось, не имел ничего против скоротать в обществе сидов вечеров.

— Когда еще нам представится подобный шанс? — пожал плечами Остромир. — Люди они, к тому же, кажется неплохие. Ну или не люди, точнее.

Даже Гленан согласно кивнул:

— Отличная идея. Я как раз проголодался, да и любопытно, о каких именно лунном вине и звездном хлебе идет речь. Звучит-то интригующе. Соглашайся, Дэрри.

— А почему это я теперь принимаю решения? — спросил Гледерик недовольно. — Не припоминаю, чтоб вы назначали меня своим командиром.

— Ну, — пожал плечами Кэбри, — может ты и не командир никакой пока что, но зато ты друг эльфов. Тебе и карты в руки.

Гледерик медленно и печально кивнул и поглядел на терпеливо ожидавшего Брелаха:

— До утра мы охотно будем вашими гостями, — сказал юноша. — Только, пожалуйста, никаких и проснувшись на следующий день, они узрели, что на земле тем временем миновала сотня лет.

— Ты нас с Неблагим двором не путай, — рассмеялась Айвин, хлопнула Гледерика по плечу и потащила к костру.

Ночь и в самом деле выдалась изумительная. Неспешная и таинственная, полная хором спетых веселых песен и рассказанных вполголоса завиральных историй о невиданных землях, расцвеченная лихими плясками и танцами. Гледерику все казалось, что он спит наверно и видит сон — больно уж неправдоподобной выглядела все эта удивительная компания с их чудными байками и диковинными угощениями, и в самом деле словно удержавшими в себе звездный и лунный свет. Несколько раз, желая убедиться в подлинности происходящего, Дэрри то дергал себя за щеку, то отвешивал тумака. Боль казалась вполне всамделишной — и все же юноша не был уверен в этом до конца.

Желая убедиться досконально, что он не грезит, Гледерик все же выпросил у Брелаха на память тугой кошель, битком набитый золотыми монетами — идеально круглыми, незнакомой чеканки.

На утро, когда Гледерик, Остромир и Гленан проснулись в чистом поле, без всяких признаков горевшего здесь ночью огнища, сидов уже и след простыл, а оставшееся от них золото, как и полагается эльфийскому золоту, превратилось в опавшие листья. Впрочем, хорошей выделки кожаный кошелек Дэрри себе на память оставил.

Каэр Лейн был самой главной пограничной крепостью Эринланда на востоке. К нему усталые путники и подъехали в сгущавшихся сумерках. Позади осталась отнявшая много дней скачка по тракту. Кони были измучены, да и сами их седоки изрядно устали. Непривычный к таким делам Гледерик так и вовсе едва держался в седле. Вдобавок ко всему он еще простыл и временами чихал. Накануне выпал первый снег. Сразу, впрочем, растаял. Дорога тонула в грязи, по утрам подмораживало. Было холодно и сыро. Хорошо хоть, никаких черных рыцарей из Волшебной Страны и впрямь больше не являлось — хотя Дэрри поначалу и порядком дергался на их счет.

Несмотря на всю свою усталость, на каждом привале юноша продолжал вместе с Остромиром тренироваться в бою на мечях. Порой к ним присоединялся и Гленан.

Гарнизон Каэр Лейна казался встревоженным, мрачным. Его командир принял странников в своем кабинете, лишь только Гленан представился графом Кэбри стражникам у ворот, показав соответствующие грамоты и гербовое кольцо, и приказал препроводить себя и своих спутников к здешнему старшине.

— Из Таэрверна вестей не было уже пять дней, — докладывал начальник гарнизона. Густые тени собрались по углам комнаты, и Гледерику, пока он глядел на эти тени, делалось весьма не по себе. Юноша вспоминал Каэр Сейнт, с его похожими, столь же густыми тенями. Где там, интересно, пропадает чертовка Кэран? — думал он. — Чем занята, может хоть письмецо нам напишет?

— Последнее, что мы слышали, — продолжал докладывать эринландский офицер, — это то, что столица находится в плотном кольце. Клифф Рэдгар обложил ее со всех сторон. Перед этим в город успели подойти остатки нашей армии, отступившие с Броквольского поля. Лорд Эдвард собрал их вокруг себя и возглавил. Сделал несколько вылазок во вражеский лагерь и навел там шороха. — Командир чуть помедлил, прежде чем добавить. — Последнее больше похоже на слухи, конечно, но рассказывали, будто сама королева Кэмерон участвовала в тех вылазках, рука под руку с герцогом, вся в броне с головы до пят.

— Это не слухи, — сказал Гленан. — Леди Кэмерон в самом деле была готова крушить

гарландцев своим собственным мечом. Как я вижу, перед лицом врага ее решимость не угасла.

— Вам виднее, милорд. Сам я ведь ее высочество толком не знаю. Видел один раз в столице, на весеннем приеме два года назад. Но суть дела такова, что дела наши плохи. Гарландцы сомкнули кольцо вокруг города, в конечном счете. Теперь там даже мышь не проскользнет. Наши ребята оказались в меньшинстве.

— А вы здесь чего рассиживаетесь? — поинтересовался Остромир. — С этой стороны Клифф Рэдгар уж точно к вам не пожалует.

Начальник гарнизона чуть поколебался, прежде чем ответить:

— Приказа выступить нам не было отдано, ваша милость. Каэр Лейн является стратегически важной крепостью. Мы не можем оставить замок, не получив на то специального королевского приказа. Короля у нас сейчас, как видите, тоже нет. Коронованного, во всяком случае.

— И поэтому, — уточнил венет, — вы станете оберегать эти стратегически важные камни, пока столица вот-вот может пасть? Своеобразное понимание воинского долга.

— В самом деле, — поддержал его Гленан. — Короля у нас нет, но если мы будем ждать его официального восшествия на престол, провороним и все королевство. Не оправдывайте, пожалуйста, свою нерешительность тем, что якобы не получали соответствующих приказов.

— Простите, милорд, — нахмурился офицер, — но кто вы вообще такой, чтобы мною командовать?

Его сомнения можно было понять. Почти разорившаяся и пришедшая в полный упадок, семья графов Кэбри уже давно не имела в Эринланде никакого веса. Владельцы порядком обветшавшего старинного замка, они не могли похвастаться ничем, помимо почтенной родословной и некогда уважаемого фамильного герба.

— Кто я такой? — переспросил Гленан. — В самом деле, это хороший вопрос. Я граф Кэбри. Я оруженосец и доверенное лицо герцога Фэринтайна. Вернее сказать, я оруженосец и доверенное лицо короля Эдварда, и неважно, что он покуда не носит корону. Более того, я его родственник, пусть и не очень близкий. После пресечения линий Хэррисвордов, Тэльвантов и Барлоу — а они все сложили головы на Броквольском поле — я, пожалуй, могу считаться следующим после лорда Эдварда в очереди престолонаследия. А это означает, что вам положено именовать меня высочеством и считать наиболее близкой к званию короля или хотя бы принца особой на расстоянии сотни миль от этого места в любую сторону. С этого момента вы поступаете в мое прямое и непосредственное распоряжение. Благородный сэр как вас там. У вас тут три тысячи воинов? Нам они очень пригодятся.

— Милорд, — казалось, капитан смущен его напором. — Даже со всем здешним гарнизоном нам не прорваться в Таэрверн.

— А мы едем сейчас не в Таэрверн. В Каэр Эрак. Там, насколько я помню, были собраны вполне приличные силы. Возьмем их с собой — а потом прямо с марша обрушимся на Клиффа Рэдгара. Если лорд Эдвард поддержит нашу инициативу и выйдет из города со своими людьми, гарландцам не сдобровать. Мы отшвырнем их от столицы. Это я вам гарантирую.

— Но позвольте, милорд. Герцог Дэйрин послал короля Хендрика в самую глубокую из всех преисподен, когда тот призывал поддержать себя в походе на Гарланд.

— Короля Хендрика, может, и послал, а меня не пошлет. Во всяком случае, я поговорю

с герцогом и постараюсь быть максимально убедительным. Все же, одно дело идти за тридевять земель в логово превосходящего врага, и совсем другое — защищать собственный столичный город. Шансы у нас есть. Мы на своей земле. И люди за нас. Все, любезный. Не спорьте. Оповестите своих солдат. Прикажите подготовиться. Поднимите всех. Завтра с утра мы выдвигаемся в Каэр Эрак.

Видя, с какой неожиданной жесткостью Гленан подмял под себя здешний гарнизон, беззастенчиво пользуясь своим высоким происхождением и отменяя сходу любые возражения и попытки ему прекословить, Гледерик только и мог, что подумать: Надеюсь, за ночь солдаты не передумают, не взбунтуются и не перережут нас во сне.

Глава шестнадцатая

Темное вражеское море колыхалось за пределами стен, подобно внезапно нахлынувшей морской волне со всех сторон обступив изготовившийся к обороне город. Потрепанная отчаянными вылазками, которые постоянно предпринимали осажденные, слегка растерявшая свой изначальный яростный боевой задор, гарландская армия тем не менее оставалась могущественным и грозным противником. Враг по-прежнему намного превосходил защитников эринландской столицы своей численностью, так что не было никакой надежды на то, чтобы обратить его в бегство.

Шести тысячам солдат удалось уцелеть и вновь собраться в Таэрверне. Шести тысячам из тех пятнадцати, что выступили три недели назад под командованием Хендрика Грейдана в поход к западным рубежам королевства. Шесть тысяч — это ведь было совсем неплохо, если разобраться. Значительно больше, нежели можно было надеяться, памятуя, каким безнадежным положение казалось поначалу. Отряд за отрядом, утомленные, зачастую израненные, но не сломленные до конца эринландские воины возвращались в столицу, прежде чем враг окончательно успел замкнуть вокруг нее кольцо. Королевская гвардия, к сожалению, погибла почти полностью. Но не только из нее состояло войско.

В конечном счете, наибольшую боеспособность сохранили костяк личной гвардии Фэринтайнов и тот отряд, который привел с собой Остромир. Эти воины держались стойко и мужества не теряли. Боевой дух остальных полков пребывал на куда более низком уровне. Тем не менее, не на таком низком, чтобы солдаты сложили оружие и оставили укрепления. Они стояли. Были напуганы, измождены, устали, но все же стояли. Эдвард Фэринтайн сам не до конца понимал, что же придает им решимости сражаться.

Может быть, пример вдовствующей королевы. В эти дни Кэмерон воистину сплотила вокруг себя народ. Облаченная в тяжелые доспехи, с длинным мечом в руке, супруга Хендрика неизменно пребывала на самом переднем краю обороны. Каждый день вместе с простыми солдатами неся дежурство на стенах, Кэмерон старалась поспеть везде, где воины Рэдгара шли на приступ. Ее клинок разил без промаха, а глаза сверкали поистине звериной яростью.

— Где ты научилась так ловко драться? — спросил ее Эдвард, когда они отбили очередную атаку, уложив гарландских пехотинцев, по приставным лестницам в паре мест взобравшихся на парапеты внешних стен Нижнего Города.

— Меня учил твой покойный брат, — отвечала Кэмерон, сдернув шлем и утирая тыльной стороны ладони пот со лба. — Я не хотела быть всего-навсего женой воина. Мне хотелось самой стать воином. Как видишь, у меня это получилось.

— И весьма неплохо получилось, — согласился Фэринтайн, мимоходом глянув на валяющийся в ногах королевы до пояса разрубленный труп гарландского солдата. — Люди следуют за тобой.

— Люди следуют за королевским знаменем, — отмахнулась Кэмерон. — Неважно, кто именно его несет.

— Ты не совсем поняла, — тихо сказал Эдвард. — Я вполне могу оставить тебе трон. Не претендовать на королевский титул. Все равно дом Грейданов иссяк. Я их родич всего лишь по женской линии, и Фэринтайны уже восемьсот лет не правили во Вращающемся Замке.

Так не все ли равно, кто именно будет носить корону? Оставайся на престоле. Мне власть не нужна, ты прекрасно это знаешь. И ты уже доказала, что вполне способна защищать эту страну, без чужой поддержки, с оружием в руках.

— Ох уж эти твои рыцарственные жесты, Эдвард, — Кэмерон поморщилась. — Из какой именно героической баллады ты выпал, дорогой друг? Сам ведь прекрасно понимаешь, почему именно мы так не поступим. Я ведь так и не смогла родить Хендрику сына. Вполне возможно, что и никому другому не смогу, даже если выйду замуж повторно. Чего стоит бесплодная королева? Когда я состарюсь, все равно встанет вопрос о наследовании, и кто знает, в чью тогда пользу он будет решен. Нет, это все глупости. Да и не хочу я власти. Я хотела быть с Хендриком. Он был упрям, как баран, и все же я его любила. А раз его больше нет — принимай свою корону, эльфеныш.

Эдвард усмехнулся.

— Ты единственная, в чьих устах подобное обращение не кажется мне оскорбительным.

— Ну так я же по-дружески. И на дуэль ты меня все равно не позовешь, так что лучше тебе в самом деле не видеть в моих словах оскорбления. О! Смотри! — королева вся аж вскинулась. — Эти гады опять лезут.

Гарландцы в самом деле в очередной раз попробовали оседлать стены. На этот раз они попытались использовать приставную башню. К счастью, эринландские лучники сумели расстрелять ее подожженными стрелами прежде, чем она приблизилась вплотную к стене. Громоздкое сооружение загорелось, беспорядочно вспыхнув сразу в нескольких местах, и вскоре уже яростно пылало. Однако, пока защитники города разбирались с этой угрозой, уже последовала новая атака, с противоположного фланга.

Следовавшие по несколько раз в день, эти отчаянные попытки врага прорваться в город, при всей своей беспорядочности и кажущейся бесплодности, тем не менее приносили осаждающим определенную пользу. Силы эринландцев медленно, но верно таяли. Разумеется, враг тоже нес потери. Но обладая более чем трехкратным превосходством, он вполне мог эти потери себе позволить. Выбранная Клиффом Рэдгаром тактика была проста, безжалостна и эффективна.

Вот и сейчас Эдвард и Кэмерон кинулись впереди своих воинов отражать очередной яростный приступ. Себя Фэринтайн не щадил. Он бросался в бой не осторожничая, не надеясь уцелеть. Колол, рубил и резал, срубал вражьи головы с плеч и насквозь пробивал броню. Орудовал мечом, и копьем, и даже топором, когда приходилось. Эдвард и сам не заметил, как начал пользоваться уважением и даже любовью у солдат. Нелюдимый и слишком степенный, раньше он проигрывал в их глазах на фоне безудержного в своей сумасшедшей отваге Хендрика. Но теперь он сам для себя незаметно, начал обретать в глазах простых воинов репутацию героя и настоящего храбреца. Это удивляло и даже немного раздражало герцога Фэринтайна. Он просто делал, что должен. И совершенно не хотел никакой воинской славы. Тем не менее, слава пристала к нему, подобно настырному бродячему псу.

И, положа руку на сердце, Эдвард понимал, что не должен этому препятствовать. Если простые солдаты верят в своих командиров, то и сами не поддаются отчаянию. Люди верили в королеву. А теперь, кажется, поверили и в своего нового короля. Ваше величество, обращались они к нему. Фэринтайн ясно осознавал, что, сам того изначально не желая, он действительно сделался сейчас королем Эринланда — и по праву наследования, и по сути. Пусть даже непонятно было, сколько еще его королевство простоит, прежде чем

окончательно рухнет под натиском противника.

Ни в малейшей степени не жалея себя, Эдвард однако старался защищать в бою Кэмерон. Бдительно высматривал, не грозит ли той враг. Вовремя вмешивался в ход наиболее опасных схваток и отводил от вдовы Хендрика особенно коварные или неожиданные удары. Прикрывал спину. Больше всего Эдвард боялся, что эта безудержно храбрая женщина погибнет. Кэмерон видела все это. И отчаянно на это злилась.

— За собой следи, не за мной! — рычала на Эдварда королева. — Себя я уж как-нибудь уберегу, не совсем разиня, чтоб на чужой клинок напороться. А кто тебя спасет, дурень эдакий, когда ты так подставляешься?

Эдвард в ответ только пожимал плечами:

— Ну умру и умру, делов-то куча. Все равно за меня ни у кого сердце не заболит. Кузен мой умер, брат меня предал и тоже умер. Если меня убьют, это ровным счетом ничего не изменит. Шансы наши все равно малы. Да и я не единственный командир здесь. Мое место найдется, кому занять.

— У тебя вроде невеста была, если я ничего не путаю. Хорошенькая белокурая девица, дочь графа Уортона.

— Да, леди Гвенет, — подтвердил Фэринтайн безучастно. — Вчера я расторг нашу помолвку.

— Совсем рехнулся, эльфийский дурак? Хорошая же девчонка. И заступилась за тебя на Самайн, когда мой муж чуть не снял твою пустую голову с плеч.

— Леди Гвенет и впрямь замечательная девушка, — согласился Эдвард все таким же пустым, словно вымороженным голосом. — И она в самом деле достойна самого лучшего жениха. Только не я этот жених. Это был бы чисто политический брак, и ты сама прекрасно это понимаешь. Сначала лорд Уортон пытался выдать Гвенет за Гилмора, потом — за меня. Ни мои чувства, ни чувства самой Гвенет здесь никакой роли не играли. Только лишь сговор, взаимная выгода и сухой расчет. Девица Уортон была бы мне верной женой, но я не хочу идти на брак без любви. Особенно остро я понял это сейчас, когда мы все находимся перед лицом смерти. Вчера я вернул Гвенет ее кольцо, попросил у нее прощения и пожелал ей найти себе достойного кавалера. Ей, с ее титулом и землями, это будет совсем несложно.

— Ты законченный идиот, Эдвард Фэринтайн, — проворчала королева.

— Может быть. Но я скоро буду законченно мертвым идиотом, так что велика ли разница, помолвленным я паду от вражеского меча или холостым?

Кэмерон немного поколебалась, чем задать следующий вопрос.

— А меня бы ты в жены взял? Если б надо было выбирать себе срочно жену, и стоял такой выбор.

— Боюсь, что нет. Прости меня.

— Что? — скривилась Кэмерон. — Я недостаточно для тебя хороша? Или темноволосые барышни тебе не нравятся? Впрочем, и белокурую девицу Уортонов ты тоже отшил. Кто ж тебе тогда по сердцу, Эдвард Фэринтайн? Небось, рыженькие?

— Ваше величество, дело не в вашей внешности. Вы прекрасны и заслуженно были бы чудесной женой для любого мужчины. Но для меня вы в первую очередь друг и товарищ. Под венец я готов вести лишь ту, кого люблю всем сердцем, — ответ Эдварда был куртуазно учтив. Подобные неловкие разговоры всегда вызывали у него легкую растерянность, и он старался скрыть ее под отточено изящными фразами.

Но Кэмерон не унималась.

— А все же тебе нравятся рыжие, — сказала она. — Та юная особа из Каэр Сейнта, правильно? Она поразила твое воображение. Ты с того момента сам не свой. Потому и с Гвенет расстался, и о любви запел.

— Ваше величество, — Эдвард упрямо продолжал прятаться за щитом из формальностей и хороших манер. — Ваше величество, та особа, о которой вы говорите — наш враг.

— Именно потому и говорю. Что может оказаться более желанным для настоящего рыцаря, — усмехнулась Кэмерон, — нежели влюбиться по уши в таинственную и опасную чародейку? Коварную, прекрасную и недоступную. К тому же, победившую его в бою. После такого — только под венец.

Эдвард не ответил.

— Ну молчи-молчи. Только я тебя вижу насквозь, как бы ты ни отмалчивался. Загадочная волшебница, окружившая одного из братьев Фэринтайн, заодно похитила и сердце другого. Непросто тебе приходится, должно быть, если ты влюбился в женщину, которая обещала тебя при первом же удобном случае убить. Может потому ты и сам ищешь смерти настолько настойчиво? Не хочешь попадаться этой вашей леди Кэран на глаза. До Йоля ведь уже совсем недолго осталось. Тебе, наверно, проще было бы пасть от вражеской руки. Не от ее.

От необходимости продолжать этот неприятный разговор герцога Фэринтайна избавила новая вражеская атака, оказавшаяся ужасно своевременной. Эдвард достал меч, молча отсалютовал вдовствующей королеве и бросился на передовую. Бросился со всех ног, очертя голову. Может и впрямь — в поисках смерти.

В длинном выпаде наследник эринландского трона проткнул забравшегося первым на парапет неприятельского латника, ударом сапога сбросил вниз второго, раскроил, ударив с замаха, шлем третьему. Принял на щит удар топора, тут же сделал подсечку по ногам, развернулся, вскидывая клинок для защиты, и нанес удар в лицо, пройдя противнику в щель забрала. Хлынула кровь. Эдвард высвободил клинок, метнулся вперед, где на стену продолжали переть гарландские пехотинцы. Перешагнул через тело убитого эринландского ополченца, посмотрел, чувствуя, как сердце тисками зажимает холод, в лицо очередному врагу. Тот сразу узнал Фэринтайна, благо дрался тот без шлема, и слегка попятился — пока не уперся спиной в зубец каменной стены.

— Ты зря сюда явился, — сказал ему Эдвард мягко. Шагнул вперед, блокировал неприятельский выпад на щит и тут же атаковал, прорубив сочленения доспеха. Вопль умирающего отдался эхом в ушах. Еще трое солдат Гарланда, желая отомстить за товарища, кинулись на наследника Владык Холмов — однако тот без малейшего трепета двинулся им навстречу. Чернооперенная стрела чиркнула по броне, не причинив вреда. Фэринтайн усмехнулся — и вступил в бой. Гарландцы попробовали атаковать герцога с обеих сторон, двое слева и один справа, но успеха в этой затее не обрели. Какие-то удары он отбил, от каких-то стремительно увернулся. Заработал мечом, раскрутив его в мельницу. Отрубил руку, ранил в бедро, поразил в грудь, раскроил череп.

Собственные солдаты, наконец подоспев, встретили Эдварда приветливыми криками. Он на это лишь махнул рукой, отвернулся, взмахнув щегольским белым плащом, и двинулся к следующему изгибу стены. Убитых им сегодня он даже не пытался считать, слишком много их было. Фэринтайн дрался, не щадя себя. Стараясь уйти от мыслей, что в противном случае становились невыносимы.

Задавая свои неудобные вопросы, Кэмерон опасно подошла к истине. Эдварду и в самом деле постоянно мерещились глаза, холодные как лед, и волосы, огненные будто пламя. Голос, звенящий металлом. Походка легкая, как приближение неотвратимой смерти. Если и Эдвард и хотел себе жену, то такую, какой была Кэран. Девушка, обещавшая вернуться в день зимнего солнцестояния в поисках ключей от древних сил и погубить всех, кто встанет у нее на пути.

Всем им несладко пришлось в те дни. Они держались из последних сил, стоя на самом краю — и непонятно, как до сих пор выстояли. Как не сдали гарландцам Нижний Город. Сначала Эдвард думал, что без этого не обойдется. Что придется оставить сначала Нижний Город, потом Верхний, а потом и вовсе замкнуться под защитой укреплений Вращающегося Замка, доживая свои последние дни, будто крысы в ловушке.

Однако защитники Таэрверна выстояли. Не отдали гарландцам внешнего кольца стен. Оружие в руки взяли все, кто был способен его держать. Не только воины. Мастеровые. Ремесленники. Купцы. Не только мужчины. И старики, и женщины, и даже дети. Сдаваться не хотел никто, и Эдвард Фэринтайн в те дни был просто поражен стойкостью и отвагой своего народа. Совсем не стыдно было погибнуть, сражаясь бок о бок с этими людьми. И еще большей честью было называть себя их королем. Безродные мещане проявили отвагу не меньшую, чем первые из аристократов. Да и само таэрвернское дворянство, почти уже истребленное, тем не менее сражалось до конца.

Да, высокие лорды Эринланда почти все сложили головы в прошлых боях. Кто-то погиб на реке Твейн, кто-то на Броквольском поле. Не стало Джеральда Хэррисворда, Джерома Кэбри, Тобиаса Свона. Но остались их дети, и эти дети подняли знамена своих отцов. Совсем еще мальчишки, они бились в одних рядах с бывалыми воинами и снискали себе не меньшую славу. Все они проявили себя хорошо. Даже, казалось бы, совершенно не годный ни к какому полезному делу третий сын графа Свона, Томас. Эдвард всегда недолюбливал этого заносчивого, беспутного юнца — а тут с изумлением увидел, что Томас сражается столь самозабвенно и яростно, что хоть сейчас присуждай ему рыцарский титул. Это поразило Фэринтайна. И одновременно вселило надежду. Если такие бездельники и неумехи как Томас Свон нашли в себе мужество в эти дни и смогли подняться над собственными слабостями — может быть, их общее дело еще не до конца проиграно.

В особенной степени все вышперечисленное касалось Джеральда Лейера. Этот шумный, немного легкомысленный юноша, прежде мало кем воспринимаемый всерьез, казавшийся очередным великовозрастным оболтусом, бражником и кутилой, не раз и не два возглавлял отважные вылазки во вражеский стан. Возвращался он оттуда залитый чужой и иногда своей собственной кровью, утомленный, порой едва стоящий на ногах. Но при этом несломленный. Обросший очередной пригоршней слухов о проявленной им отваге.

Вскоре Джеральд командовал уже отрядом в целых двести человек, готовых идти за ним хоть в огонь, хоть в воду, хоть смерти в пасть. Не колеблясь ни единой минуты, Эдвард посвятил юного барона Лейера в рыцари.

— Вы достойны этой чести, сэр Джеральд, как никто другой, — признался ему герцог Фэринтайн.

— Ну спасибо, ваше почти королевское величество, — ухмыльнулся Джеральд. — Ну а кто, если не я, в самом деле. Гленана и Дэрри вы услали с каким-то секретным поручением. Настолько секретным, что я даже не знаю, с каким. Вот мне и приходится отдуваться на поле боя за троих. Вы ведь тоже не только за себя деретесь. И за ваших покойных родичей —

тоже.

В этом юноша был абсолютно прав. Своих павших брата и кузена Эдвард забыть, конечно, не мог. Он ведь любил их обоих — любил по-своему, немного отстраненно, может быть порой излишне рассудочно, но любил. Сейчас Эдварду было жаль, что он так плохо ладил с Хендриком и Гилмором, пока те были живы. Но уже поздно было что-то менять — мертвых ведь не веротишь. Оставалось только сражаться.

Многим проявившим свою храбрость воинам, прежде безродным и никому не известным, Эдвард пожаловал в дни осады дворянское достоинство и рыцарские шпоры. Герцог Фэринтайн крепко держал слово, данное им в трактире Пустой щит, что в городе Кутхилл. Если старая аристократия Эринланда окончательно истреблена — что ж, на ее место станет новая. Все эти люди доказали, что они того достойны.

И все же Эдвард понимал, что им не выстоять в этой битве. Как бы хорошо они все не сражались, отражая вражеские наскоки, таким образом можно было лишь отсрочить окончательное поражение. Они могли лишь отвесить врагу ряд увесистых, унижительных оплеух, потешив тем свое самолюбие. Пройдет еще немного времени, и наконец воины Рэдгара все же прорвутся в Нижний Город. Рано или поздно оборона где-то неизбежно порвется, не выдержит. Людей уже не хватало, чтоб в равной степени поставить их на позиции и защитить весь периметр укреплений. Скоро гарландцы найдут слабину в позициях защитников Таэрверна, а найдя эту слабину, непременно ею воспользуются. Закрепятся на парапетах, ворвутся в мешанские кварталы, предавая их огню и истребляя все на своем пути. И тогда внешние стены придется оставить, дабы не попасть в окружение.

В конечном счете остатки эринландской армии будут загнаны во Вращающийся Замок и там перебиты. Над главной башней Каэр Сиди взвоятся Гончие Псы Кенриайна, и Клифф Рэдгар будет торжествовать победу.

Почти совершенно отчаявшись, герцог Фэринтайн в немногие свободные минуты пытался отыскать спасение в книгах по волшебству. Один за одним листал герцог древние фолианты, надеясь вычитать в них хоть что-то полезное. Быть может, думал он, там, где уже не помогает меч, на выручку придет магия. Колдовство древних нередко приносило им победу в битвах. Последний из великих чародеев прошлого, Бердарет Ретвальд, на Борветонских полях наголову разгромил войска Тарагонской империи. Легенды уверяли, что ему подчинялись губительное пламя и молнии. Может быть, говорил себе герцог, и ему тоже удастся овладеть чем-то подобным?

Эдвард внимательно изучал магические формулы, записанные в немногих сохранившихся в замковой библиотеке старинных трактатах. Однако его бессистемного и урывочного образования совершенно не хватало, чтоб в этих формулах разобраться. Вещи, записанные в старых книгах, не вызывали у Эдварда ни малейшего понимания, и та удача с активацией пространственной двери оставалась пока единственным существенным колдовским успехом герцога Фэринтайна. Чтобы разобраться во всем остальном, требовался иной, куда более натренированный в подобных вопросах ум.

С сожалением Эдвард думал, что будь здесь чародейка Кэран, она бы непременно сумела понять запутанные наставления древних магов.

А потом герцог решительно себя одергивал, вспоминая, что чародейка Кэран — враг, и враг куда более опасный, чем все армии Гарланда, взятые вместе.

Памятуя о том, что он является теперь законным королем Эринланда, Эдвард напрягал всю свою волю, пытаясь добиться ответа от таинственных сил, что подчинялись якобы

повелителям Вращающегося Замка. Никакого отклика он не получал. Должно быть, на это его невеликих умений не хватало тоже.

Что ж, приходилось признать, что и от магии не всегда бывает прок.

— Если не придет подмога, — доказывал Эдвард королеве Кэмерон, пока военный лекарь перевязывал его полученные в последней стычке царапины, — нам непременно конец.

— Нам и так непременно конец. Где ты вознамерился брать подмогу?

— Каэр Эрак. Четыре тысячи воинов. Каэр Лейн. Три тысячи, — упрямо повторял Эдвард эти сухие цифры, будто их перечисление могло чем-то помочь. — Я успел выслать гонцов. Если Каэр Эрак и Каэр Лейн придут, мы почти сравняем силы. Клифф тоже понес большие потери. У него уже значительно меньше двадцати тысяч солдат. Чего-то мы все-таки добились. С подкреплением мы заставим его отступить.

— Они не придут. И ты сам прекрасно это понимаешь. — Кэмерон смотрела на него с сочувствием. Внезапно она протянула руку и погладила герцога Фэринтайна по голове. Взъерошила его спутавшиеся волосы. — Что им какие-то твои гонцы, — сказала королева мягко. — Наверно, только явись туда лично ты сам, эти бездельники взяли бы наконец за оружие. Никто другой им не указ. Вот только поехать к ним сейчас ты никак не можешь.

— Жаль, — сказал Эдвард, — что я не додумался поручить Гленану заехать к ним на обратном пути. Хотя бы в Каэр Лейн, он ведь совсем по дороге. Может, графа Кэбри тамошний гарнизон бы послушался. Все-таки, он мой родич. Его слово должно иметь хоть какой-то вес.

— А может быть, они бы погнались за тобой. Да еще посмеялись бы вслед. Что толку гадать попусту? Мы остались одни, Эдвард. В жизни каждого воина однажды случается его самый последний бой. Чувствую, наш наступит совсем скоро.

Вновь протрубили трубы, призывая солдат изготавиться к обороне. Близился новый приступ.

— Думаю, ты права, — признал Фэринтайн. — Не стоит тешить себя пустыми ожиданиями. Может быть, мы и вовсе не доживем до Йоля. Кэран придет сюда, чтобы править могилами.

— Вот я тебя напугала, — рассмеялась Кэмерон. — Да брось уже унывать, дружище. Отчаяние еще хуже беспочвенных надежд. Я скажу тебе одно. Пока мы все еще живы, замечь. А значит, кое-что мы все-таки можем. Мы, например, можем стоять на краю. Можем с этого края не падать. Это уже немало. Пошли покажем этим поганцам, кто мы такие и с чем нас едят. Да накроет их всех после нас изжога.

Эдвард улыбнулся. Протянул ей руку:

— И в самом деле. Пошли.

Глава семнадцатая

Вопреки опасениям Гледерика, за ночь их никто не зарезал. Часов в шесть утра без задних ног дрыхнувшего юношу растолкал угрюмый слуга и сообщил, что высокие господа собрались на крепостном дворе и ждут, когда благородный сэра к ним присоединится. Дэрри спросонья не сразу сообразил, что благородным сэром в данном случае назвали его, а сообразив, едва не поперхнулся. Ну что ж, в рыцарском звании, кажется, имелись свои преимущества. Отражающиеся, по крайней мере, в уважительном обращении прислуги. Прежде к юноше, понятное дело, так никто в здешних краях не обращался. Гледерик второпях умылся, натянул походную одежду, мимоходом заметив, что за ночь его покрытые дорожной пылью сапоги оказались кем-то заботливо почищены, и спустился во двор.

Здесь уже строились, готовясь по скорой команде выступить, полки гарнизона, и Дэрри невольно вспомнил другие сборы — те, что наблюдал немногим меньше месяца назад, на ярмарочном поле вблизи ворот Таэрверна. Очень хотелось надеяться, что этот поход, в отличие от того, предыдущего, настолько скверно не закончится.

Гленан уже сидел в седле и поприветствовал приятеля четким воинским салютом, вскинув к небу клинок.

— Ты точно уверен, что этот самый герцог Дэйрин не даст нам от ворот поворот? — уточнил Гледерик, садясь на своего коня. — Что ты вообще знаешь о нем?

— Лорд Эйран не слишком почтенного рода. Полукровка, потомок южных горцев. Его предки называли себя баронами, но были скорее баронами-разбойниками, нежели настоящими баронами, — Гленан усмехнулся. — Они контролировали торговые пути. Захватили замок Каэр Эрак, когда тот пустовал после гибели прежнего владельца, и отстроили его заново. Одно время платили дань либурнскому королю, потом подчинились Грейданам, когда те пожаловали к их стенам с армией. Однако вассалами оставались своевольными. С Хендриком, как видишь, понимание у них не сложилось.

— А у нас, значит, сложится.

— Ну, надо же попробовать. Если лорд Эйран и нас тоже прогонит, двинемся сразу на Таэрверн. Крюк мы все равно делаем невеликий. До Каэр Эрака отсюда добираться все равно миль пятьдесят, не больше, — Гленан ободряюще похлопал Гледерика по плечу. Выглядел он явно уже не настолько подавленно, как во все предшествующие дни.

— Ты прямо расцвел, — заметил Дэрри. — По крайней мере, тоской и склепом уже не воняешь.

— Теперь я, по крайней мере, знаю, что мне следует делать. Там, на востоке, мне казалось, что я просто плетусь за вами без всякой цели и смысла. Ты должен был пробраться в заколдованное подземелье, Остромир указывал тебе дорогу, ну а я ощущал себя пятой телегой в колесе.

— Пятым колесом в телеге. Глен, ты заговариваешься.

— Да, точно. Прости. Плохо спал. Да и на телегах я, если откровенно, никогда прежде не ездил. Считается, что это как-то не по-рыцарски.

— Ну, — сказал Гледерик, — рыцари вообще странные люди. По мне так, выбирая между телегой и лошадью лучше выбрать карету, но если кареты нет, то и телега сгодится. Сидишь. Едешь. Немного трясет, конечно. Но от этих сумасшедших скачек я сейчас вовсе

рехнусь.

Гленан широко улыбнулся:

— Ничего не поделаться, сэр Гледерик. Вам теперь в телегах сидеть и вовсе не положено.

А еще одна бешеная скачка нам как раз намечается. Вы к ней готовы?

Хотел бы Дэрри на это залихватски ответить, что, разумеется, готов к любым последующим испытаниям и передрягам — но сказав так, он бы существенно погрешил против истины. Говоря по чести, юноша сам уже не слишком хорошо понимал, к чему он готов, а к чему не совсем. На размышления, впрочем, не оставалось времени. И впрямь пора было уже выступать в дорогу, и собранный по приказу молодого графа Кэбри трехтысячный отряд в скором времени покинул Каэр Лейн.

Гленан, Остромир и Дэрри ехали во главе маленького войска по мощеной камнями древней дороге. Пересекаемая ими местность казалась словно бы совершенно вымершей. Отряд проезжал опустевшие, покинутые деревни. Закрытые ставни домов и заколоченные двери угрюмо пялились на закованных в броню, до зубов вооруженных всадников. Даже окрестные постоянные дворы работали хорошо если через раз. Видимо, местные жители поспешили покинуть окрестности Большого Тракта и попрятались в окрестных лесах, опасаясь, что именно здесь развернется грядущее наступление вражеской армии.

Тем не менее, пока что на тракте было спокойно, и даже единичных гарландских патрулей не встречалось. Разгромив в лобовом столкновении эринландское войско, захватчики не спешили овладеть сделавшейся беззащитной страной. Практически все силы неприятеля оказались брошены сейчас на Таэрверн, и до остальной части страны Клиффу Рэдгару не было пока что никакого дела. Но это пока не было. Не приходилось сомневаться, что как только падет столица, участь всей остальной части королевства будет решена. По отдельности разрозненные герцогства и графства никак не выстоят перед натиском врага, и Эринланд падет весь, без остатка.

Каэр Эрак показался неожиданно. Резко вынырнул из-за окрестных поросших сосновым лесом холмов, когда дорога сделала крутой поворот. Крепость не произвела на Гледерика особенного впечатления. Массивная и угловатая, она скорее напоминала заурядный пограничный форт, нежели величественные строения Каэр Сиди или Каэр Сейнта, устремившиеся высокими башенными шпилями прямо в небо. Укрепления Каэр Эрака были приземисты, сложены из грубо обтесанных каменных глыб, привезенных в свое время с Гверлейтских гор. Выглядели они, впрочем, надежно и явно могли выдержать даже длительную осаду.

Крепость была ярко освещена, горели огни и в окружавшем Каэр Эрак предместье. От людей тут было попросту не протолкнуться. Очевидно, обитатели всего окрестного феода поспешили укрыться под защитой древнего замка, понадеявшись на стойкость и храбрость оборонявших его герцогских дружинников. Подъехав к раскинувшемуся у стен замка поселению, не обнесенному стеной и пока еще недостаточно разросшемуся, чтобы называться городом, Гленан приказал войску встать в поле и ждать дальнейших указаний, а сам, вместе с товарищами и полусотней всадников эскорта, поехал главной улицей к крепостным воротам. Сопровождавший графа Кэбри герольд вез два знамени — одно с Медведем Грейданов, второе с Серебряным Единорогом Фэринтайнов. Встревоженная, насупленная толпа расступалась перед воинским отрядом, провожая его настороженными взглядами. Кажется, здесь не доверяли ни Грейданам, ни Фэринтайнам. Дэрри с трудом подавил желание зарядить полученный им от Гэриса Фостера еще перед Броквольским

полем арбалет. Смысла в этом, впрочем, все равно не было никакого — потому юноша и не стал дергаться. Дэрри прекрасно понимал, что в случае нападения их маленький отряд окажется смят и растоптан. И никакой арбалет делу не поможет.

Герцог Эйран Дэйрин встретил гостей на мосту у ворот. Это был преклонного уже возраста мужчина с совершенно седыми поредевшими волосами и костистым, сухим лицом. Держался он, тем не менее, совершенно прямо, и годы его спину не согнули. Герцог Дэйрин стоял, широко расставив ноги и оперевшись руками о двуручный меч, и был облачен в хорошей работы панцирный доспех.

Едва завидев лорда Эйрана, Гленан поднял руку, дав отряду знак остановиться, после чего слез с коня. Остромир и Дэрри последовали его примеру. Втроем друзья подошли к ожидавшему на середине моста герцогу.

— Юный лорд Гленан, — Эйран Дэйрин степенно кивнул в знак приветствия, однако лицо его оставалось непроницаемым. — Давно с вами не виделись, года четыре пожалуй. Все никак не успевал заскочить в столицу. Как нынче поживает ваш батюшка?

— Мой батюшка мертв, ваша светлость. Теперь я возглавляю дом Кэбри, — Гленан коротко поклонился. — Вернее, я возглавляю то, что от дома Кэбри осталось. Простите мне великодушно мою грубость, лорд Эйран, но я прибыл к вам по важному делу, и времени на светскую беседу у меня нет.

— Охотно понимаю, — сказал герцог. — Времени на светскую беседу, по большому счету, нет и у меня. Но о судьбе вашего батюшки я не справиться не мог. Хороший был человек, до сих пор помню, как мы ходили с ним на горного кабана. Лорд Джером мне тогда жизнь спас, когда эта скотина едва не полакомилась моими потрохами. Но вы про важное дело сказали, лорд Гленан. Какое такое дело привело вас ко мне, да еще в сопровождении всех этих бравого вида солдат?

— Идет война, милорд. Я прибыл как посланец герцога Фэринтайна, сделавшегося после гибели лорда Хендрика новым властителем Эринландца. Таэрверн окружен вражеским войском, и нам нужна ваша помощь, герцог, чтобы с этим войском разделаться.

— Война, — сказал лорд Эйран медленно, будто что-то припоминая. — В самом деле, война. Слышал я об этой войне. Прибывали ко мне королевские гонцы. Много их было за этот год. Сначала весной, от Хендрика. Приведи своих бойцов, старина Эйран, писал мне этот коронованный мальчишка. Приведи бойцов, зададим жару гарландской нечисти, покажем им, чего стоит эринландская честь. А я уже приводил бойцов раньше — и отцу Хендрика, и даже отцу его отца, когда я сам был еще зеленым юнцом. Мы точили оружие, и ехали на битву, и возвращались оттуда в крови, в ранах, потерявшие на ратном поле друзей. Нет, отписал я Хендрику — не в этот раз, дорогой. Каэр Эрак устал, Каэр Эрак утомлен, и твоих забавах мы больше не участвуем. Был затем новый гонец — осенью, и снова от Хендрика. Весной мы были разбиты, признавался король, но сейчас осень, и теперь мы точно возьмем реванш. Только приходи к нам со своей армией, лорд Эйран, а не то не поделишь с нами нашу славу. Оставь себе свою славу, король, отписал ему я. Мы собрали скудный урожай в этом году, пережить бы зиму. Кончится зима — будем сеять, потом пахать. Мы тут из золотых кубков не пьем, и дело наше простое. Я тебе не помощник. Злой уехал гонец, а неделю назад явился третий. Теперь уже от лорда Эдварда, этого холеного вельможи с лицом эльфа и глазами поэта. Король Хендрик убит в бою, сообщил мне Эдвард Фэринтайн, и Клифф Рэдгар со всей своей ратью наступает на престольный город Таэрверн. Приходи, Эйран Дэйрин, и спаси нас всех. Ответь мне, Гленан, раз уж ты теперь лорд Кэбри.

Вы начинаете эти войны. Почему мне их заканчивать?

— Потому что это и ваша страна тоже, милорд, — ответил Гленан тихо.

— Плохой ответ, мальчик. Вот мой замок и мой город, вот мои холмы и долины. Мои люди рождаются и умирают, ни разу в жизни не увидев башен Каэр Сиди. Отчего я должен посылать их к этим башням на бесславную смерть?

— Потому что когда башни Каэр Сиди падут — владыка Гарланда явится и сюда. Я слышал, как он обещал королю Хендрику забрать себе весь зеленый Эринланд без остатка. Клифф Рэдгар вытопчет ваши поля, милорд, и сожжет дотла ваш город. Заберет ваше золото, убьет ваших воинов, ваших женщин угонит в рабство. Такую судьбу вы готовите своему народу, надеясь отсидеться в стороне? Это не единичный набег. Не пограничная стычка. Это вторжение. Сначала враг расправится с нами — а потом доберется и до вас.

— Ну, пусть приходит, если такой смелый. Стены мои крепки, как вы видите. Мы встанем на эти стены, и пусть ломают о них свои клыки.

— Скорее уж вы умрете в кольце этих стен, когда враг возьмет их приступом. Да простится мне моя дерзость, милорд. Но я был на Броквольском поле, и знаю, с чем мы имеем дело. Больше двадцати тысяч воинов привел Рэдгар с собой, и кто знает, сколько еще солдат может выставить Гарланд вторым эшелонем, если Рэдгар того захочет. Укрепления Таэрверна куда выше ваших — однако если падут они, то падут и эти. Сейчас не те времена, когда можно выстоять по одиночке, лорд Эйран. Одно из самых могущественных королевств Срединных Земель обрушилось на нас. Да, король Хендрик был не прав, начиная эту войну, будучи не готов к ней. Но поздно теперь рассуждать о правоте и неправоте королей, когда сама наша земля горит и стонет. Не королевский трон теперь под угрозой. Не корона и не золотые кубки. Ваши поля, ваши дома. Наш народ. Потом станем говорить о том, кто был прав и кто виноват. Сейчас нам нужно выжить, а выжить мы сможем только все вместе. Объединившись и отбросив распри. Забыв про обиды. Я прошу у вас прощения, лорд Эйран. Прошу его от имени всего королевского дома, к которому принадлежу. Да, мы допустили ошибку. Мы раззадорили врага, а потом не смогли удержать. Мы виноваты перед вами, и без вашей помощи теперь не выстоим. Поэтому я умоляю. Помогите нам, ради Эринланда. Ради ваших холмов и наших равнин.

Лорд Эйран помолчал. Пожевал губу. Посмотрел куда-то вдаль, подслеповато щурясь и будто что-то прикидывая в уме. А потом неожиданно лихим, совершенно не старческим жестом поднял левой рукой свой тяжеленный меч, закидывая его на плечо. Шагнул к Гленану и протянул ему руку:

— Это ты меня прости, сын моего друга, — сказал герцог Дэйрин, и в глазах его неожиданно проступили слезы. — Прости мне мое малодушие, если сможешь. Я просто старый трусливый дурак, желавший отсидеться в тростниковой хижине от грядущей на злых ветрах бури. Я буду вместе с вами, конечно. Под моим началом четыре тысячи воинов моего гарнизона, и еще две тысячи — тех добрых людей, что добровольно пришли к моему замку и готовы сражаться по моему приказу, куда бы я их не направил.

— Если все так, мы легко сравняем свои силы с вражескими, — кивнул Гленан. — Спасибо вам огромное, герцог, я в вас верил. Отец говорил, вы человек упрямый, но всегда в конечном счете поступаете верно. Следует, однако, спешить. Земля уже горит у защитников Таэрверна под ногами.

— Не беспокойтесь, — сказал лорд Эйран. — Выступить мы готовы хоть прямо сейчас. Так что скоро земля загорится под нашим врагом.

Этим вечером войско короля Клиффа Рэдгара вновь сделало попытку штурма — на сей раз прямо возле главных, западных ворот Таэрверна. Осаждающие стреляли из требушетов, закидывая камнями привратные укрепления — дробя венцы стен, калеча и убивая собравшихся за ними солдат. Эдвард приказал лучникам обрушить на вражеские машины подожженные стрелы — и через какое-то время атака прекратилась, когда несколько осадных орудий воспламенело и вспыхнуло. Гарландцы тут же принялись тушить их.

Затем снова пришла очередь осадных башен. Тяжелые и неповоротливые, они двигались к стенам Таэрверна, подобно исполинским черепахам, и воины, что стояли на их ярусах, прикрывались высокими щитами от проводимого эринландцами непрерывающегося обстрела. Лицо Кэмерон закаменело. Рывком королева опустила забрало, выпрямилась, опираясь на меч. Эдвард встал возле нее, и прочие верные престолу солдаты собрались подле них. Она храбра, — подумал наследник Холмов. — Вот что такое настоящая храбрость — не начать войну, а иметь твердость ее продолжать.

Когда черной саранчей, ледяным половодьем осененные знаменем Гончих Псов солдаты рванулись на стены, Эдвард и Кэмерон сделали шаг им навстречу. Свистнула, опускаясь сталь, гремя о щиты, скрежеща о доспехи. Герцог Фэринтайн принял чужой удар на собственный круглый щит, а затем внезапно отбросил его прямо вперед, во враждебную толпу — и, схватив полуторный клинок обеими ладонями за рукоять, ворвался в неприятельские ряды, стремясь поразить, сбросить со стен всякого гарландского солдата, что взобрался на них. Ярость боя захлестнула его, и больше не отпускала до самого того мгновения, когда схватка наконец прекратилась.

— Ты верно обезумел, — сказала Кэмерон, протягивая Эдварду флягу с водой после боя. — Дрался, как настоящий берсерк. Таким я тебя не видела прежде. Таким бывал мой муж, твой брат — вот только не ты.

— Кровь не вода, что бесследно впитывается в землю, — усмехнулся Эдвард, принимая флягу. — Кровь — наследие, от которого не скрыться и которое не избыть. Иногда наша кровь не дает нам спрятаться от собственной природы, как бы не норовили мы это сделать.

Герцог неожиданно осекся — и посмотрел на меч, что держал до сих пор в руке, не спрятав в ножны. Старый, верный клинок, что хранился в фамильном замке и был взят Фэринтайном из тамошней оружейни этим летом, после известия о гибели брата. Руны украшали его лезвие. Гилмор чурался этот меч, как чурался долгое время всего противоположного наследия, оставленного прежними Владыками Холмов. Был он выкован еще три тысячи лет назад — прежде Великой Тьмы, мастерами прежних дней по иным лекалам, из сплавов, разящих более погибельно, чем простое холодное железо. Немалой силой обладал тот, кто сражался этим мечом.

Только подлинная сила заключена все же не в мечах, — подумал внезапно Эдвард. — Не в артефактах, амулетах и кольцах, даже не в старых механизмах Вращающегося Замка, покрытых паутиной эпох. Те, кто создали их, были такими же, как и мы сами — простыми людьми и нелюдьми, полными заблуждений и надежд. Они искали, ошибались, и искали снова — и оставили по себе наследие, что до сих пор живо. Подлинная сила — в нас, мы и есть сила, которую так долго искали.

— Ваше величество, — сказал он королеве, — разрешите мне на сегодня покинуть вас. У меня есть дело в цитадели, и я должен его решить. Я улажу его за несколько часов — и к утру вернусь, я надеюсь. Возглавьте, пожалуйста, командование — у вас и так это получается лучше, чем у меня.

Кэмерон посмотрела на него с сочувствием:

— Иди отдохни. Я все понимаю.

— Дело не в отдыхе, — сказал Эдвард. — Просто нашлась задача, что наконец мне по плечу. Я выполню ее — и тогда наконец перестану быть ненужным младшим сыном, потерявшим семью.

Брат с собой сопровождающих герцог не стал. Промчался на коне через весь город, вошел в скованный тревогой замок, мимоходом отвечая на обращенные к себе приветствия стражников, почти не слыша вопросов придворных и слуг. Длинной винтовой лестницей поднялся на вершину высочайшей из башен Каэр Сиди, остановился посреди венчающей ее прямоугольной площадки, продуваемой семью ветрами. Эдвард поглядел в темнеющие небеса, где уже зажглись редкие, колючие звезды предзимья — будто глаза равнодушных духов.

После короткого колебания Фэринтайн обнажил меч, направив его острием в небо — а затем все же опустил и обратно спрятал. Не артефакты. Не амулеты. Не машины. Я сам. Если та сила, которой добивались столь многие прежде, все-таки существует, если она не стинула в бездне прошедших времен, если могущество, применяя которое, повелители сидов уберегли Землю от обрушенной Древними тьмы, все еще живо — пусть оно даст мне ответ. Его ищет Кэран, его жаждал Гилмор, а теперь к нему обращаюсь я. Если ты слышишь меня — отвечай.

Эдвард стоял и ждал. Он вглядывался в затянутый мглой горизонт, смотрел на звезды, слушал ветра. Говорят, небеса и земля, весь мир обращается вокруг Вращающегося Замка — и сейчас последнему из Фэринтайнов казалось, будто он в самом деле слышит тяжелый, неповоротливый скрежет, как если поворачивается исполинское мельничное колесо.

Мир — колесо. Время — одряхлевший змей. Тысячи лет мы, безумные, бродим по этой земле, возводя из пепла и вновь обращая в него империи, постигаем тайны природы, чтоб затем их забыть, создаем и тут же рушим нечто великое — а мир все также молод и глуп, как и в первые дни творения. Это все проклятая, смутная осень. Пусть придет зима. Пусть грянет метель, а потом будет Йоль, и еловые ветки, и горячий очаг, и сытный ужин для всех уцелевших. И хватит, наконец, убийств. Я устал от этой войны.

Повороты мельничного колеса на мгновение, казалось, сделались быстрее, проворнее, старому механизму мироздания будто смазали шестеренки — а затем небо словно пришло в движение, искажаясь, наполняясь незнакомой прежде глубиной, уходя в бесконечность. Звезды, чудилось Эдварду, замерцали сильнее, живей — а потом будто принялись гаснуть одна за одной. Надвигалась тьма — но не та тьма, которой следовало бы опасаться. Хотя еще недавно, на протяжении всех минувших дней, небо оставалось безоблачным, таким беспросветным пустым, каким бывает оно порой на самой грани ноября с декабрем — сейчас его стремительно затягивали тучи.

Минуло, наверно, около получаса — а затем стеной начал идти снег. Наступал конец очень долгой осени.

Девять тысяч солдат набралось в итоге в армии, возглавляемой Гленаном Кэбри, троюродным братом лорда Эдварда Фэринтайна, оказавшимся после пресечения всех прочих знатных родов наследником королевского престола. И ни единой минуты не медлила больше эта армия, двинувшись на помощь осажденной врагами, окруженной огнем и смертью эринландской столице. Прошли годы, и менестрели, омочив усы в добром эле, пели об этом

стремительном марше. Пели они о том, как лихо летели по ветру гордо развернутые знамена, как неудержимо неслись вскачь кони, как тряслась под их копытами земля.

Дэрри запомнил иное. Запомнил решимость в глазах друзей. Запомнил свой собственный липкий страх. Запомнил, как взял этот страх в мысленные тиски и давил, со всей силы сжимая, пока весь он не вышел без остатка. Осталась одна только решимость. Холодная, как лютый ветер предзимья, дувший прямо в лицо. Колючая, как острие клинка.

Войско вышло из Каэр Эрака на следующий день и двинулось в направлении Каэр Сиди. С затянутого серыми тучами неба повалил снег, тяжелый и мокрый. Он таял, коснувшись плащей, и тяжелыми комьями ложился на промерзшую землю. До Йоля оставалось чуть меньше трех недель. До броска в пропасть — несколько ударов бешено колотившегося сердца.

Первый гарландский отряд встретился эринландскому войску милях в тридцати к югу от Таэрверна. То были части аръергарда, выставленные поперек дороги — не больше четырех сотен человек. Нападения они не ждали, и успели, завидев приближение противника, дать только лишь один залп из луков. А потом воины Каэр Лейна и Каэр Эрака обрушились на врага, разя его копьями и кромсая мечами, и обратили в бегство. Ни на миг не сбавляя хода, продолжая преследовать отступающего неприятеля, эринландцы вылетели на вершину холма — и остановили коней.

Прямо перед ними открылась окружавшая Таэрверндолина. С этой высоты прекрасно просматривались и башни Вращающегося Замка, одновременно изящные и грозные, и два кольца обступивших город высоких стен. Сейчас этому городу и впрямь угрожала опасность. Столица Эринланда оказалась со всех сторон окружена армией противника. Враг вытоптал ярмарочное поле и занял предместья. Повсюду копошились по серой земле гарландские отряды, напоминавшие с такого расстояния скопище муравьев. Дэрри видел усеявшие низину лагерные палатки, видел ползущие через поле к городу тяжелые осадные башни, видел приставные лестницы, с которых на таэрвернские укрепления карабкались, пытаясь взобраться на их парапеты, солдаты Клиффа.

— Мы вовремя подъехали, — сказал Остромир. — Гарландцы как раз атакуют, и даже не смотрят себе в тыл. Если нападём сейчас — им придется несладко.

— В самом деле, — согласился Гленан. — Тогда ходу! — Он привстал в стременах и закричал старинный девиз: — За зеленый Эринланд! За дрок и вереск, за корень и крону!

Усилился ветер, завывая злым волчьим голосом. Метель валила косой стеной. Наверно, потому хронисты и назвали это сражение впоследствии Снежной Битвой. Единым безудержным, яростным потоком собранные в Каэр Эраке и Каэр Лейне отряды низринулись с холма в низину, атакуя врагов. Стреляя на скаку из луков, выдвигая вперед копья, обнажая мечи. Враг не ждал нападения. Задние шеренги воинов Гарланда дрогнули, раздались в стороны. Кого-то затаптали насмерть кони. Кого-то поразила жадная сталь. Хриплыми, надсаженными голосами командиры неприятельской армии отдавали приказы, призывая своих солдат сплотиться перед лицом нежданной угрозы. Однако инициатива и эффект неожиданности оказались на стороне приведенного Гленаном войска, и эринландцы, решительно атакуя, прорвались глубоко в самое сердце армии врага. Им было за что сражаться, а это всегда придает сил.

В тот самый час, когда всякая надежда уже, казалось бы, оставила защитников Таэрверна, отступив перед лицом наступающей смерти, гарландские войска вдруг отхлынули

от эринландской столицы, спешно перестраивая свои боевые порядки и разворачиваясь навстречу новому нежданному противнику. Опираясь рукой о крепостной зубец, стоя в окружении поверженных вражеских тел, облаченный в залитые кровью доспехи и порванный белый плащ, Эдвард Фэринтайн увидел, как пришедшие с юга войска врезаются в гарландский тыл, круша построения неприятельского арьергарда и совершенно меняя ход битвы.

Королева Кэмерон рассмеялась. Шагнула к Эдварду, заключая его в объятия. Жадно поцеловала герцога Фэринтайна прямо в губы.

— Ты оказался прав, эльфеньш. Это я была неверящей дурой, — сказала она. — Твои друзья все-таки про нас не забыли. Труби наступление. Собираем всех, кто еще держит в руках оружие, и выходим из города. А то как-то мы тут засиделись.

Дэрри дрался, как не дрался еще никогда в жизни. Он колот и резал, рубил наотмашь мечом и кидал метательные ножи. Пытался поразить всякого врага, что оказывался на его пути. Из арбалета, правда, успел выстрелить всего два раза — потом просто не нашлось времени его перезаряжать.

Все события последнего времени вели потомка Карданов к этому дню. К стали, к ярости, к обезумевшему ветру, что швырял в лицо снег. Все оказалось звеньями одной цепи — уроки боевого искусства пошли ему впрок, и ни одинне пропал даром. Обучение фехтованию, занятия с Гленаном и с Остромиром, первая, неудачная, в его жизни дуэль — с Томасом Своном, и другой, удачный бой — с фэйри в венетских лесах. И конечно, хаос и ужас Броквольского поля. Пройдя через это, Гледерик стал опытные, храбрее, сильнее. Он уже не трясся от страха, когда приходилось глядеть опасности в лицо, и рука его держала меч крепко.

Когда под юношей убили коня, он спешил, поднимая оброненный каким-то убитым воином щит, и пошел вперед — навстречу ветру, снегу и смерти. Гледерик закрывался этим щитом от ударов, что сыпались один за одним — не различая врагов, не видя их лиц за забралами шлемов. Только чужие, незнакомые гербы. Затем, выждав момент, Гледерик бил и сам, куда придется, мечом. Почти не глядя, попал во врага — и ладно. Не угодить бы только самому костлявой на зуб, а все прочее его вполне устраивало.

Дэрри не совершил в тот день никаких особенных геройств, но и позором себя тоже не покрыл. Юноша просто делал все, что мог сделать. Все, что было в их силах, делали и его спутники. Крушил врагов Остромир, легко поднимая свой тяжелый двуручный меч. Окружил себя вихрем стали Гленан Кэбри. Во второй руке он держал длинную дагу, совсем как сэр Эдвард той кажущейся уже далекой ночью в Таэрвернском замке, отражая нападение присланных королем Клиффом убийц. Бился Гленан умело и ловко. Рядом с ним, во главе своих воинов, с молодецкой удалью вращал клинком лорд Эйран.

Очень быстро в ходе боя обозначился перелом. Не прошло, наверно, и пятнадцати минут с момента начала сражения, как ворота Таэрверна отворились, выпуская на поле брани его защитников. Эдвард Фэринтайн собрал всех имевшихся у него воинов, и настолько быстро, насколько это вообще было возможно. Были там последние уцелевшие рыцари его гвардии, сейчас сплотившиеся вокруг своего господина. Были там венеты из вольного отряда, в свое время приведенные Остромиром. Вел верных любому своему приказу бойцов сэр Джеральд Лейер, прозванный Несгибаемым. Следовал за Джеральдом его друг, сэр Томас, граф Свон, недавно принесший ему извинения за былую дерзость. Лицо

новоиспеченного рыцаря украшал свежий шрам, тянувшийся по правой щеке. Томас выглядел отчаянно и был зол будто черт. Оба молодых воина покрыли себя в тот день немалой славой.

Во главе армии ехал Эдвард Фэринтайн, так и не успевший сменить ни доспехов, ни плаща. Сопровождала его королева Кэмерон, с лицом суровым и жестким, будто выточенным из камня. Крепко держала Кэмерон фамильный меч дома Грейданов, и пресекла этим мечом немало вражеских жизней.

Противник отчаянно сопротивлялся. Командиры пришедшей с запада армии имели немалый боевой опыт. Знали, как нужно вести войны — и знали, как их нужно выигрывать. За спинами лордов Кенриайна была уже не одна победа — но сейчас их люди устали, а дрались уже не столь безудержно, как почти месяц назад на Броквольском поле — а приведенные герцогом Дэйрином свежие полки, напротив, оказались полны сил и рвались в бой, желая поквитаться за павших товарищей. Первым ударом они обрушились на неприятельский лагерь, заставив гарландцев отступить, стремительно разворачиваясь, перестраиваясь. Солдаты Каэр Лейна прорвались к осадному парку, подожгли составлявшие его боевые машины — и те яростно вспыхнули на пронзительном ветру. Неприятельская пехота ощерилась копьями, теснее сплотила ряды, попыталась контратаковать — и все неудачно. Преимущество было не на ее стороне. Конники герцога Дэйрина окружали ее, теснили. Таэрвернские же отряды вгрызались ей в тыл.

Конечно, нельзя было сказать, что победа далась эринландцам легко. Напротив того — они понесли немалые потери, и множество храбрых воинов пали замертво в холодный снег. И все-таки солдатам Эринланда сопутствовал в конечном счете успех. Атакуя вражескую армию с двух сторон, они смешали ее прежде четкие построения и заставили неприятеля дрогнуть. Прямо в середине ратного поля, окруженные хаосом и смертью, встретились Эдвард Фэринтайн и Клифф Рэдгар. Встретились и сошлись в поединке. Копье короля Клиффа разлетелось в щепки о выставленный сэром Эдвардом щит, а копье сэра Эдварда в свою очередь глубоко вошло в щит короля Клиффа.

Владыка Гарланда выхватил меч. Спешился. Последовал его примеру и герцог Фэринтайн. Зазвенели, столкнувшись, клинки.

— Уходите, — сказал Эдвард. — Мы все равно победили. Сейчас зима, продовольствие вам будет добыть сложно, а мы на своей земле. И нам прокормиться, в свою очередь, будет легко. У вас нету шансов, лорд Рэдгар. Даже ветер и снег сегодня на моей стороне. Или вы думаете, они случайны? Я колдун и потомок колдунов. Всю ночь я призывал бурю.

Клифф не ответил. Навалился клинком. Эдвард выставил щит. Клифф со всей имевшейся у него силы давил на этот щит мечом — но Эдвард стоял на ногах твердо и даже не дрогнул.

— Даже если вы убьете меня, — сказал герцог Фэринтайн, — это ровным счетом ничего не изменит. Ваша армия все равно разбита. Посмотрите — ваши люди отступают. Наше войско ведет королева Кэмерон, и солдаты пойдут за ней даже смерти в пасть. Не поступайте как мой кузен. Проявите благоразумие, сударь.

Клифф Рэдгар внезапно остановил свой натиск. Опустил оружие. Сделал шаг назад и сдернул забрало шлема, открыв залитое потом лицо.

— А вы правы, пожалуй, — сказал Клифф, в упор глядя на своего врага. — Сегодня вы съели меня с потрохами. Это был славный бой. Принимайте заслуженную победу, милорд.

Свирепый как варвар, воинственный король Гарланда все же был по-своему благороден

и умел признать поражение. Особенно когда поражение смотрело ему в лицо тремя футами острой стали. Медленно Эдвард Фэринтайн опустил свой меч.

— Хорошо, — сказал он. — Ваша капитуляция принята.

— Страшно подумать, — промолвил король Гарланда, — на каких условиях вы предложите мне мир.

Сэр Эдвард покачал головой:

— Здесь вам бояться, сударь, нечего. Возвращайтесь за старую границу. Верните нам всю дань, что получили от Хендрика летом. Пусть каждый останется при своем — на этом и разойдемся. Я все-таки хочу предложить вам мир, а не повод для новой войны.

— Сотню лет наши королевства истязают друг друга, — сказал Клифф. — Воевали наши отцы, воевали наши деды. Даже прадеды, и те преломляли мечи. Кровь вашего народа на моих руках. Кровь моего — на ваших. И вы полагаете, дорогой друг, после всех этих лет мы научимся жить в мире?

— У нас не осталось никакого другого выхода, — сказал Фэринтайн решительно. — Иначе мы истребим друг друга без остатка, и оставим в наследство нашим детям одни только могилы. Давайте, хотя бы, попробуем. Мы дошли до самой грани, и терять нам нечего.

Эдвард вложил меч в ножны и протянул Клиффу закованную в латную перчатку ладонь. После короткого колебания, Клифф Рэдгар ее пожал.

Когда битва закончилась и гарландцы отступили, забрав с собой своих мертвецов, снежная буря наконец прекратилась. Сквозь разошедшиеся тучи выглянуло холодное и блеклое зимнее солнце. Воины Эринланда рассеялись по долине, пытаясь отделить раненых от погибших. Странное спокойствие повисло в воздухе — хрупкое и словно немного испуганное.

Ни Гледерик, ни Остромир, ни Гленан не получили в сражении серьезных ран. Самое большее — царапины, и те неопасные. Спешившись, друзья нашли на поле отгремевшего боя Эдварда Фэринтайна. Тот стоял, окруженный своими лордами и рыцарями, и о чем-то беседовал с королевой Кэмерон. Рядом с герцогом Фэринтайном стояли Томас и Джеральд — какие-то совершенно изменившиеся. Словно бы повзрослевшие. Гледерик едва узнал их.

Завидев друзей, сэр Эдвард посветлел лицом — будто с плеч его упала наконец тяжкая ноша.

— Слава святым заступникам, — сказал новый эринландский король, — вы все-таки живы. Скажите мне без утайки, это вы привели подмогу?

— Без ложной скромности отвечу вам — да, — ответил Гленан. — Конечно, в Каэр Лейне нас встретили сначала без особого энтузиазма, да и лорд Каэр Эрака самую малость поупирался рогом. Но в итоге, как видите, устроилось все неплохо. Ваши вассалы пришли, и проявили себя в бою хорошо. Не наказывайте их за промедление. Просто людей порой нужно капельку подтолкнуть — и они вспоминают свой долг. Я пришел и подтолкнул. Вот и все.

— Я вижу, — сказал сэр Эдвард, — дипломатическими талантами вы, граф Кэбри, не обделены, и людей убеждать умеете. Если я все же не смогу найти себе жены по сердцу и умру, не оставив наследника, мое место на троне будет кому занять. — Он перевел взгляд на Гледерика. — Вы нашли то, что искали? — спросил Фэринтайн тихо.

Дэрри шагнул герцогу навстречу и вытащил из-под куртки, снимая с шеи, серебряный

медальон.

— Держите, — юноша протянул амулет Эдварду. — Пока вы его носите, никакая злая магия вам не страшна. Кроме разве что самой сильной. Но и тут, конечно, остается какой-то шанс. Держите меч крепко, бейте им быстро — и, может быть, вам повезет, — повторил Дэрри слова Катрионы.

— Простите мне то, что я сомневался в вашем происхождении, лорд Кардан, — сказал Эдвард тихо. — Чем я могу поблагодарить вас за настолько неоценимую помощь?

Гледерик слегка пораскинул мозгами.

— Да мне наверно ничего и не надо, — сказал юноша наконец. — Я, конечно, мог бы попросить у вас герцогский или графский титул. Но раз я в самом деле потомок королей, было бы неправильно опускаться до герцога или графа. Еще я бы мог попросить у вас солдат. Тысячу или две, хотя бы. Но с другой стороны, зачем мне солдаты? Что я с ними буду делать? Мне семнадцать лет на прошлой неделе исполнилось. Я и командовать людьми не умею. Ну соберу я отряд сейчас, приеду в Иберлен и потребую с бухты-барахты себе корону? Безвестный проходимец, зеленый юнец, которого знать никто не знает. Сомневаюсь, что меня ждет там в таком случае теплый прием. Нет, сударь. Рыцарство вы мне дали, за это — спасибо. Ничего другого я клянчить не стану. Все, что мне нужно, я возьму у судьбы сам, когда придет время.

— Ответ настоящего короля, — сказал на это Эдвард. Принял из рук Гледерика медальон и осторожно раскрыл его. — Кто такая эта леди? — спросил герцог Фэринтайн, глядя на изображение Катрионы. — Она очень напоминает чародейку, встреченную нами в Каэр Сейнте.

— Потому что она ее предок. Ну, в смысле, та чертовка Кэран потомок этой прекрасной госпожи. На портрете, который вы изучаете — Катриона Кэйвен. Повелительница чар и вдохновитель Союза Пяти Королей. Это она повела моих и ваших предков на последнюю войну магов, и победила в ней. Так уж вышло, сэр Эдвард, что нам противостоит потомок древнего героя. В заколдованном подземелье я встретил призрак леди Катрионы. Леди Катриона и вручила мне этот амулет, объяснив заодно, как им воспользоваться.

— Вижу, вам многое случилось повидать в вашем путешествии, — заметил Фэринтайн.

— Ага. А еще я напугал настоящего фэйри, — сообщил Гледерик, почему-то слегка краснея.

Дэрри о многом, наверно, хотел бы еще рассказать. Про рыцарей Неблагого двора, к примеру, что устроили за амулетом леди Катрионы настоящую охоту — и о стражах границы миров, этих черных рыцарей отогнавших. Об опасных силах, разбуженных некогда волшебниками древности, и о том, как полагается придерживаться осторожности, имея дело с магией. Ни о чем из этого Дэрри сообщить, впрочем, не успел — потому как оказался самым неожиданным образом прерван.

Что-то тревожное крикнул один из королевский рыцарей, предостерегающе указывая рукой на запад. Обернулись вслед за ним и все прочие собравшиеся вокруг Эдварда люди. Вновь обнажила свой покрытый многочисленными зазубринами меч королева Кэмерон. Сделал шаг вперед Остромир.

Гледерик посмотрел туда же, куда смотрели все — сощурился и ладонью прикрывая глаза от клонившегося к закату солнца. Разглядев наконец, кто же пожаловал по их душу на этот раз, юноша сперва удивленно охнул, а затем грязно выругался.

— Кажется, Йоль наступил в этот году раньше срока, — сказал Гленан, становясь рядом

с ним.

Через усеянное телами погибших поле брани, легко ступая по свежему снегу, прямо к новому королю Эринланда и к обступившим его воинам шла, держа в одной руке меч, а в другой длинный кинжал, последняя Повелительница чар, леди Кэран Кэйвен. Кэран была облачена в серебристые доспехи странного вида, изящные и легкие, сделанные, очевидно, давно забытыми мастерами древности. Сверкающая броня облегла фигуру волшебницы, совершенно не сковывая ее движений. На девушке не было шлема, и огненные волосы ее разметались по закованным в латы тонким плечам. По опасной грации, сквозившей в каждом движении чародейки, было явственно видно, насколько хороший она боец.

Кэран приблизилась на расстояние десятка шагов. Подняла меч в атакующей позиции. Ее лицо оставалось неподвижным. Светлые глаза смотрели будто в пустоту.

— Я обещала, что вернусь, — сказала девушка глухо. — И вот я здесь. Можете считать меня своей персональной смертью, господа, — искры пламени пробежали по ее клинку. Вдоль лезвия кинжала заструились текучие тени.

Эдвард надел на себя защитный амулет, поверх доспеха.

— Спасибо вам за вашу помощь, друзья, — сказал герцог Фэринтайн, обращаясь к Дэрри и Гленану, Остромиру и Кэмерон. — Но в то, что произойдет здесь сейчас, я попрошу вас не вмешиваться. Как бы сильно вам не захотелось вмешаться. Этот бой — только мой.

Глава восемнадцатая

Кэран была близка к отчаянию, как никогда прежде в своей жизни.

Планы ее, казалось бы тщательно выверенные, хорошо продуманные, почти гарантированно обреченные на успех, рушились один за одним. Сначала погиб в суматохе и смятении Броквольской битвы Хендрик Грейдан. Потом кровь Гилмора Фэринтайна, пролитая на священные камни Каэр Сейнта, ни на волос не приблизила чародейку к исполнению задуманной цели. А теперь и вовсе все пошло наперекосяк.

Кэран собиралась сначала пробраться во Вращающийся Замок и там попробовать повторить ритуал — но сделать этого не смогла. Путь ей преградила двадцатитысячная армия Гарланда, осаждавшая город — и даже магия теней, скрывающая чародейку от посторонних взглядов, не могла тут помочь. Все ворота Таэрверна были наглухо закрыты. Никаких потайных путей, никаких секретных способов проникнуть в эринландскую столицу, даже если таковые существовали, Кэран не знала. Первый раз ее привел сюда Гилмор. Теперь Гилмор был мертв.

Чародейка стала ждать. Чего-то. Хоть какого-то развития событий. Других выходов у нее все равно не осталось.

Кэран обращалась к своей силе. Опустошала разум, стараясь раздвинуть свое восприятие событий и увидеть контуры грядущего. Но будущее оставалось от нее сокрытым. Пути вероятностей множились, истончались, делались совершенно нечитаемыми, уводили в темноту. Нельзя было с точностью просчитать ничего, ни единого своего шага. Только действовать наобум, в смешной надежде, что это не приведет к катастрофе.

Я смогу, — говорила себе Кэран. — Я справлюсь. Я — Повелительница чар. Я последняя из Кэйвенов. Катриона Кэйвен выстояла и победила, когда весь мир обратился против нее и готов был сойти с ума. Я не слабей, чем она. Я выстою.

Древние силы должны были быть наконец освобождены — это то, что Кэран понимала со всей ясностью. Безбрежное могущество, ключи от которого до сих пор хранились в основаниях Эринландского королевства, не должно было оставаться забытым. Семь столетий назад, отказавшись от магии и древних знаний, человечество двинулось по неверному пути. Расплатой за эту ошибку оказались семь сотен лет нескончаемых войн, всеобщего невежества, разорения и смуты. Человеческий род прозябал в варварстве, попусту растрачивая время. Лишь в последние два столетия начали пробиваться первые, слабые ростки новой цивилизации, опиравшиеся на неуверенные достижения нарождающейся науки — но и этих ростков было слишком мало. Пройдет, наверно, еще не меньше семиста лет, прежде чем наука нового времени принесет хоть какие-то ощутимые плоды. Мир не мог оставаться в стагнации так долго. История требовала, чтоб ей дали толчок.

Тогда, перед Войной Пламени, маги верили, что смогут оживить машины Древних и создать новый, лучший мир. Катриона Кэйвен положила жизнь на алтарь этой веры. Однако, столкнувшись с расколом в своих рядах, чародеи испугались и отступили. Пришло время идти дальше. Уже без всякого страха. Без колебаний и сомнений.

Кэран пыталась ощутить поблизости присутствие рыжего мальчишки, внезапно оказавшегося наследником Карданов, и никак не могла этого сделать. Назойливого юнца явно не было в Таэрверне. Не было нигде поблизости. Должно быть, все еще находится на

востоке. Нельзя было допустить, чтобы потомок Карданов благополучно оттуда вернулся и сумел передать защитный амулет Фэринтайну. Чародейка изо всех сил обостряла восприятие, надеясь вовремя ощутить, не проворонить приближение своего врага. Однако удачу подвела Кэран и здесь.

В ту ночь тонкое пространство на многие мили вокруг сотряслось вдруг от магии — неуклюжей, неумелой, смехотворно неловкой, но удивительно страстной и мощной. Эта магия творилась в стенах Таэрверна, и эхо ее расходилось во все стороны подобно кругам на воде.

Около полуночи пошел снег — а утром он усилился, переходя в настоящую бурю. То была первая снежная буря наступающей зимы, неумолимая и яростная. Эдвард Фэринтайн оказался наделен поистине могучим чародейским даром. Не будучи толком обучен даже самым общим основам магической науки, оставаясь по сути своей дикарем и невеждой, он сумел воззвать к изначальным стихиям и получить от них ответ.

Буря обрушилась, завывая ветрами, низвергая с небес косую снежную стену — и вместе с этой метелью явился наконец наследник Карданов. Кэран сразу ощутила его присутствие — подобное сверкающему росчерку стали, яростно блеснувшей в обступившей чародейку со всех сторон темноте. Мальчишка привел с собой армию, на подмогу защитникам столицы. Грянула битва. Кэран стояла на склоне холма и смотрела, как сшибаются лоб в лоб полки, как преломляются копья, разлетаются щиты и обагряются кровью мечи. Чувство собственного бессилия тугим комком застыло у нее в груди. Все перемешалось и спуталось, мир пришел в движение, и Кэран не могла даже понять, как различить в этом хаосе свою цель. Внизу кричали, сражались и умирали тысячи смертных, и найти среди них всех горячую нить одной-единственной искомой человеческой жизни оказалось попросту невозможно.

Потом, когда битва утасла, чародейка все же смогла вновь почувствовать присутствие Кардана. Горячая алая точка, беспокойная, тревожная — а рядом с ней ровный, спокойно льющийся серебряный свет. Этот свет был хорошо знаком волшебнице, памятен по встрече в Каэр Сейнте. Этот свет породил сегодняшний шторм. Эдвард Фэринтайн, так он ощущался в смутном пространстве образов, доступном восприятию чародеев. Фэринтайн и Кардан все-таки встретились.

А это, несомненно, значило, что Кэран все-таки проиграла. Король Эринланда получил защитный амулет. Магией с ним теперь было уже не совладать. По крайней мере, не той куцей, обрывочной магией, которой владела наследница Кэйвенов.

Тем не менее, нужно было попытаться сделать хоть что-то. Кэран не могла позволить себе безвольно опустить руки и остаться в бездействии. Сдаваться было ни в коем случае нельзя. Нельзя было предавать семейное имя и память. Чародейка понимала, что она обязана совершить последнюю, пусть и бесплодную попытку придти все же на помощь одичавшему, выродившемуся миру.

Кэран Кэйвен сбросила маскировочные чары, как сбрасывают ненужный более плащ. Обнажила оружие. Семейный меч своего дома и оставшийся от былых лет кинжал. С детства ее обучали владеть оружием. Настала пора пустить это умение в ход.

Она шла по ратному полю, не таясь. Спокойно переступала через трупы, почти не глядя в лица. Это было совсем как тогда, полгода назад, у реки Твейн — и все же немного по-другому. Я, наверно, иду на смерть, — отстраненно подумала Кэран. — Пусть так. Все лучше, чем прозябать в темноте.

Эдвард Фэринтайн стоял, окруженный своими воинами, товарищами и вассалами. Как бы хорошо молодая чародейка не владела мечом, она понимала, что с такой толпой ей ни за что не справиться.

Кэран ощущала присутствие древнего артефакта — подобное каменной стене, вдруг выросшей в ее восприятии. Она, на что-то все же бездумно надеясь, попробовала сплести атакующие чары — чтобы сбить с ног, как тогда в Каэр Сейнте, своих противников. Едва оформленное заклятие наткнулось на незримую стену и бессильно рассыпалось. Видимо, игрушка Древних оберегала от враждебного колдовства всех, кто находился поблизости от нее.

Это конец, — подумала Кэран.

Тем не менее, нужно было сохранить гордость. Не пристало последней волшебнице этого умирающего мира скулить и лебезить перед лицом врага. Кэран подняла оружие. Тень и свет, покорные ее воле, заструились по хорошо заточенной стали. Что ж. Хоть какая-то магия мне еще доступна.

Пустые, пафосные слова сорвались с губ:

— Я обещала, что я вернусь. И вот я здесь. Можете считать меня своей персональной смертью.

Кэран самой сделалось смешно от этих слов.

Эдвард Фэринтайн повесил на грудь оберег, добытый для него в Серебряных Лесах иберленским принцем. Сказал, обращаясь к своим спутникам:

— Спасибо вам за вашу помощь, друзья. Но в то, что произойдет здесь сейчас, я попрошу вас не вмешиваться. Как бы сильно вам не захотелось вмешаться. Этот бой — только мой.

Кэран усмехнулась, легким танцующим шагом двинувшись ему навстречу. Взмахнула, прочертив в воздухе косую линию, клинком. На острие меча упала сорвавшаяся с хмурого неба снежинка.

— Вы полны рыцарского благородства, герцог, — сказала чародейка. — Только не надейтесь. Оно нисколечки вам не поможет.

Эдвард Фэринтайн стоял и смотрел на нее. Смотрел неподвижно, будто зачарованный.

— Мне интересна одна вещь, сударыня, — сказал он негромко. — Я прошу ответа на один-единственный простой вопрос, прежде чем мы сразимся. Зачем вы делаете то, что вы делаете? Все эти заговоры, интриги, чернокнижные ритуалы, убийства. Для чего они нужны? Я не сделал вам ровным счетом ничего плохого. Почему мы, в таком случае, враждуем?

— Вы — король Эринланда, — ответила Кэран, чувствуя, как крепнет в ней решимость. — Король дикого, невежественного Эринланда. На месте ваших сараев и хижин две тысячи лет назад возносились к небесам сверкающие башни Древних. Сила, с помощью которой наши предки могли творить чудеса, до сих пор спрятана в этой земле. Но вы не пользуетесь ею. Бойтесь ее. Для вас это все чернокнижие, бесовские выдумки. Вы — скупец, сидящий на сундуке с сокровищами, пока весь мир вокруг вас голодает! — Кэран сорвалась на крик. — Ваши предки предали весь наш мир, и мы до сих пор пожинаем плоды их предательства. Мы могли бы летать к звездам, победить болезни и смерть, проникнуть в тайны бытия — а вместо этого сидим в темноте, освещенной лишь светом лучин. Я пришла, чтобы распахнуть закрытые вами двери.

Герцог Фэринтайн посмотрел на Кэран так пристально, будто только сейчас увидел.

— Тогда вы совершенно напрасно считаете меня врагом, — признался Эдвард. — Всю

свою жизнь я мечтал о том же самом, о чем мечтаете вы. Пока мои кузен и брат тешили свои амбиции, я читал уцелевшие от прежних времен книги и пытался хоть что-то в них понять. Не буду лгать, знаю я очень мало. Кусочки, разрозненные обрывки. Но я стремлюсь учиться. Я открыт всему новому. Нам нет нужды враждовать, госпожа. Пойдемте — и вместе откроем настежь те двери, о которых вы говорите.

Кэран упрямо мотнула головой:

— Я вам не верю. Пустая отговорка. Очень легко говорить подобные вещи, когда вам угрожают с оружием в руках. Тут на что угодно согласишься, лишь бы только уцелеть.

Эдвард Фэринтайн улыбнулся ей в ответ. Улыбнулся так легко и открыто, как никогда не улыбаются врагу. Одним стремительным движением вырвал из ножен меч. Сделал шаг чародейке навстречу. Он будто приглашал ее к танцу.

— Кажется, вы из тех людей, — сказал Эдвард, — которые способны к внятному диалогу лишь после хорошей драки. Ну что же, давайте драться.

Кэран и Эдвард сошлись в поединке под десятками устремленных на них взглядов, посредине истоптанного поля, на котором только что отгремела последняя битва войны. Кэран могла бы, наверно, как-то попробовать обойти защитную магию амулета. Прибегнуть к непрямым воздействиям, нащупать лазейку. Какие-то возможности, наверно, остаются всегда. Но сейчас Кэран не желала над этим думать. Отчаяние и гнев толкали ее к единственному выходу. К тому, чтобы разящей сталью пронзить противнику сердце. Наследница Кэйвенов понимала, что действует безрассудно. Но ее ужасно утомили обходные, окольные пути.

Эдвард тоже не пытался воспользоваться волшебством. Должно быть потому, что почти не умел его толком применять. Герцог Фэринтайн боялся в чем-то ошибиться, не рассчитать, ударить с излишней силой. Боялся, по правде сказать, причинить чрезмерный вред своей противнице. Его чрезвычайно пугала подобная возможность.

Поэтому они просто дрались на мечах. Клинки сшибались, разлетались, сходились снова. Высекали искры, сталкиваясь со всей силой. Кэран сражалась со всей накопившейся у нее злостью, бросалась в атаку безудержно, все силы положив на то, чтобы достать, зацепить противника. Эдвард бился сосредоточенно и молча. На стороне наследницы Кэйвенов была ее кипучая, подобно пожару разбрасывающая во все стороны искры ярость. На стороне наследника Фэринтайнов — да черт его знает, за что он там дрался. Кэран до конца так и не понимала этого.

Товарищи Эдварда внимательно следили за ходом поединка, и в самом деле не пытались вмешиваться. Но их пристальные, напряженные взгляды вызывали у чародейки еще больший гнев. Она билась все менее осмотрительно. Иногда начинала рычать, подобно взбесившейся кошке. Размахивала мечом так быстро, как только могла. Сражайся Кэран с обычным противником, тот давно был бы уже мертв. Но нового эринландского короля, на чьем лице отпечаталась вся его эльфийская родословная, обычным противником назвать уж точно было нельзя. Эдвард был нечеловечески ловок. Он был текучим, как вода, и опасным, как готовая ужалить змея. Кэран отчаянно пыталась пробиться сквозь его мастерскую оборону — и все никак не могла этого сделать. Все выпады, сделанные чародейкой, оказывались напрасны и пропадали втуне. И Фэринтайн явно уставал куда медленнее, чем она.

В какой-то момент Эдвард воспользовался особенно хитрым приемом — и меч вылетел у чародейки из рук. Кэран закричала. Перебросила в правую руку кинжал. Прыгнула вперед, метя противнику в грудь. Эдвард не успел защититься или уклониться в сторону, так

молниеносен оказался сделанный Кэран бросок. Но выставленная чародейкой разящая сталь лишь бессильно чиркнула по латам герцога Фэринтайн, не сумев их пробить.

Кэран отшатнулась. Невольно оступилась — и рухнула прямо в снег. Тут же вскинулась, поднимая кинжал для нового укола — но Эдвард оказался проворнее и выбил у нее оружие.

Последняя Повелительница чар сидела на рассыпчатом снегу, тяжело дыша — а последний из лордов Вращающегося Замка стоял перед ней, занеся меч. Острие клинка смотрело волшебнице прямо в лицо.

— Бейте, — сказала Кэран. — Я не хочу так жить.

Лицо Эдварда исказилось, будто от внезапной режущей боли. Фэринтайн развернулся — и отшвырнул свой меч куда-то далеко в сторону.

— Хотите верьте, хотите нет, — сказал Эдвард, совладав с чувствами, — но я так жить не хочу тоже. Пошло оно все к черту. Я не буду вас убивать.

— А стоило бы, — проворчала Кэран, вставая. Эдвард помог ей подняться, и волшебница даже не отдернулась при этом. — Я убила вашего брата, — напомнила она. — Зарезала его, как свинью на бойне. И это, скажу честно, даже доставило мне удовольствие. Не играйте в рыцарство, Фэринтайн. Убейте меня наконец. Слишком долго это все продолжалось. Пора поставить последнюю точку. Я ведь иначе все равно не успокоюсь, вы знаете, — на глаза наворачивались злые слезы поражения.

— Вот и ладно, не успокаивайтесь, — Кэран не поняла, как случилось так, что Эдвард сдернул латную перчатку и провел горячими пальцами по ее влажной щеке. Нужно было ударить его. Хоть как-то. Хоть чем-то. Хоть просто ребром ладони по лицу. Кэран стояла неподвижно. — Я знаю, кто вы, — сказал Фэринтайн. — Вы потомок Катрионы Кэйвен. Наши предки некогда были союзниками и победили на Войне Пламени. Не будем предавать их память своими раздорами. Мое предложение остается в силе. Идемте со мной — и мы вместе закончим то, что следовало закончить еще семьсот лет тому назад. Наступает новая эпоха. Нужно ловить время за хвост.

Чародейка ловко извернула руку — и сдернула с шеи Эдварда защитный амулет. Отступила назад, улыбаясь, зажимая медальон леди Катрионы в своих пальцах. Вскрикнули, доставая оружие, товарищи Фэринтайна — но герцог поднял руку, приказывая им остановиться.

— Вы теперь в моей власти, — сказала Кэран, продолжая улыбаться. — Вам теперь никуда не деться, сударь, — она подняла к небу раскрытую левую ладонь, и свет и тьма сплелись вокруг нее, готовые немедленно вспыхнуть, разродиться испепеляющим боевым заклятием. Кэран собралась разбудить смертоносную магию, что, оказавшись спущена с привязи, не оставит здесь камня на камне.

Эдвард даже не дернулся. Не переменялся в лице. Не отвел взгляда. Он совершенно не боялся, и это казалось даже по-своему удивительным. Гилмор, будучи на его месте, боялся.

— Мне никуда не деться, — согласился Фэринтайн покладистым тоном. — Но и вам, госпожа — тоже. Мы, возможно, последние люди в этом мире, умеющие еще хоть как-то колдовать. Я активировал телепортационную машину из подземелий Каэр Сиди. Я вызвал сегодняшний шторм. Я такой же, как ты. Убей меня, Кэран — и останешься совсем одна.

Ее улыбка разлетелась в осколки. Беспощадные пламя и свет, готовые испепелить все на своем пути, бесследно исчезли. Занесенная рука опустилась.

— Ты упомянул новый мир, — сказала Кэран. — Мне не найдется в этом мире места.

— Ты напрасно так думаешь. Ты наследница влиятельного и славного старинного рода,

ошибочно считавшегося потерянным. Заяви о себе — и все королевские дворы Срединных Земель охотно тебя примут. Твое происхождение говорит само за себя.

— И что я буду делать при этих дворах? Я там чужая.

— Это верно. Там — чужая. Чужая в Либурне, Толаде, Тимлейне, Кенриайне. Но ты никогда не будешь чужой во Вращающемся Замке. В подземельях Каэр Сиди остались машины — и кто-то должен наконец разобраться в том, как их использовать. Остались книги по магии — и кто-то должен их прочитать. Я пытался сделать это все сам, и не смог. Одному мне не ни за что справиться. Помоги мне, пожалуйста. Нас обоих ждет большая работа.

— Придворная чародейка эринландского короля, — усмехнулась Кэран. — А я-то метила в повелительницы мира.

— Ну, — усмехнулся в ответ Эдвард, — надо же с чего-то начинать.

Кэран немного подумала. С сожалением покачала головой:

— Прости. Вряд ли я смогу оказаться действительно полезна. Я ведь так и не смогла, на самом деле, пробудить могущество Вращающегося Замка. Столько всего продумала, перепробовала — и все равно не сумела.

— Ну, я ведь тоже не сумел. Эта метель не в счет. Я вызвал ее — но я не имею ни малейшего понятия, что делать дальше. Сила отозвалась — а теперь молчит. Как пробудить ее снова? А может, и нет там никакого особенного могущества. Машины, артефакты и книги есть — а божественного могущества нету. Может, это байка, придуманная невежественными людьми в темные годы. Байка, призванная объяснить те вещи, которые люди тогда просто не могли понять. Всего лишь легенда. Легенда о Вращающемся Замке. Чтоб убедиться наверняка, нам придется проверить. И я предлагаю тебе нечто большее, чем звание придворной чародейки. Я скоро вступаю на трон, и королю Эринланда понадобится королева. Я не вижу для себя лучшей кандидатуры, чем ты. Ты целеустремленна, отважна и умна. Ты чертовски красива. И нравишься мне с первой минуты, когда я тебя увидел, хоть мы и сошлись тогда в бою. Но с самых тех пор я не могу тебя забыть, и поэтому предлагаю тебе стать моей женой. Разумеется, ты вправе отказаться. Но я все равно прошу.

— Мне сложно поверить во внезапные чувства ко мне, что у вас, похоже, вспыхнули.

Герцог Фэринтайн немного помолчал, прежде чем ответить. Его глаза чуть посветлели, изменили цвет, из фиолетовых сделавшись льдистыми.

— Дело не в одних только чувствах, — сказал он наконец. — Мой покойный кузен руководствовался чувствами в каждом своем шаге — и швырнул наше государство в едва не оказавшийся погибельным огонь. Мне кажется, человек должен руководствоваться прежде всего разумом. Мой разум говорит мне, этот брак необходим. В большей степени, чем был бы необходим мой брак с леди Кэмерон, хотя соображения политических интересов, казалось бы, требовали именно его. Ты амбициозна, Кэран. Ты стремишься к власти. Сейчас горечь поражения склонила твою голову к земле — но пройдет время, и ты вновь воспрянешь. Тебя можно либо убить, либо дать то, чего ты так рьяно жаждешь. С имеющимися знаниями и навыками, ты слишком полезна — нашей стране, всей земле — чтоб лишать тебя жизни. Поступать так оказалось бы преступлением. Лучше вручить тебе необходимое — в определенной степени, в ограниченной мере. Я разделю с тобой власть, и буду смотреть, распорядишься ли ты ей разумно. Мы станем союзниками, и либо погибнем — либо обретем ту самую славу, о которой мечтал король Хендрик. Славу, что не померкнет в веках.

Кэран молчала на произнесенную Фэринтайном речь очень долго. Наверно, не меньше пяти минут, а то и все десять. Задумчиво отворачивалась то и дело, глядя куда-то вдаль и закусив губу. Ворошила носком окованного сталью сапога мягкий снег.

А потом она внезапно взяла — и сделала шаг вперед. Уткнулась Эдварду лицом в плечо. Закрыла глаза. Гнев и ярость таяли, как тает снег по весне. Подгибались ноги.

Фэринтайн обнял ее и помог не упасть.

После всего вышеописанного состоялся, разумеется, пир на весь мир. Устроен этот пир был в честь победы эринландской армии над гарландской и заключения с Клиффом Рэдгаром прочного мира. И в честь восшествия на престол нового государя. И в честь внезапной для всего королевства помолки означенного государя с чудесным образом вернувшейся наследницей старинного рода Кэйвенов. Очень много нашлось поводов для празднования — как их все не отметить.

Вино и эль лились рекой, и вечеринка удалась на славу. Тем не менее, где-то ближе к полуночи Гледерик Брейсвер внезапно ощутил, что его карета вот-вот превратится в тыкву.

Не то чтобы званый вечер вышел каким-то неудачным. Напротив, веселье получилось просто отменное. Гости от души отпраздновали избавление от прежних угроз и тягот, нависавших над Эринландом, и бурно радовались началу новой, по всем признакам более благополучной эпохи. Чествовали вдовствующую королеву Кэмерон, показавшую себя в только что закончившейся войне воином куда более славным, чем ее непутевый покойный муж. Поднимали тосты за счастье короля Эдварда с его молодой прекрасной невестой — горделивой и непредсказуемой, как настоящая чародейка из сказки. Восхваляли всех остальных героев минувшей битвы — Эйрана Дэйрина, Остромира, Гленана Кэбри, Джеральда Лейера, Томаса Свона, и прочих, и прочих, и прочих. Не обошли вниманием, конечно, и Гледерика. Юноша строго-настрого запретил друзьям трепаться о его высоком происхождении — но неопределенность его статуса, вкупе с явным благоволением, которое питали к Гледерику король и королева, немедленно придали его персоне еще большей таинственности в глазах общественности.

Чего только не болтали при дворе про Дэрри Брейсвера. То есть про сэра Гледерика, разумеется.

Говорили, что он путешествующий инкогнито чужеземный принц, лумейский или, быть может, иберленский — и вот это как раз было, в каком-то смысле, не так уж и далеко от истины.

Говорили, что он древний чародей тысячи лет от роду, с помощью оккультных заклинаний (а быть может, и путем заключения хитроумных сделок с силами тьмы) заполучивший вечную юность и приведший свою воспитанницу и ученицу, леди Кэран, лорду Эдварду под венец. А заодно и подчинивший себе черной магией волю лорда Эдварда. Ночной тенью нависший над тронном.

Говорили, что он незаконнорожденный младший брат Хендрика Грейдана, после тайного соглашения отказавшийся от притязаний на корону. И вроде бы, получивший за такую уступку несметные богатства. Тут Гледерик отчаянно пожалел, что во всей суматохе и в самом деле не догадался выпросить у сэра Эдварда побольше денег — но лишний раз дергаться он уже не хотел. Юноша понимал, что произвел на эринландского короля на удивление благоприятное впечатление, и отчаянно не хотел это впечатление портить.

Иногда связи гораздо полезнее денег. А уж благоволение властителя целой немаленькой

страны стоит подороже даже десятка доверху набитых золотом сундуков. Разве нет?

В общем, болтали про Гледерика черте что, хотя и не только про него, конечно. Про будущую венценосную чету сплетничали еще больше. Официально ни Эдвард, ни Кэран пока не объявляли, что владеют какой-либо магией, и, хотя слухи на этот счет все равно курсировали, большинство придворных трепачей, как смог заметить Дэрри, пересказывали подобные слухи без особенной веры в их правдивость. И правда, кто вообще в наш просвещенный век уверует в возвращение сказочного волшебства? Уж явно не образованные люди, какими полагали себя таэрвернские придворные. Тем более, воспользовавшись снятой осадой, либурнские купцы как раз привезли новую модель телескопа, изготовленную мастерами южных земель, и это прихотливое изобретение прочно приковало к себе внимание просвещенной публики.

Как бы там ни было, где-то под вечер Дэрри резко ощутил тоску. Юноша оставил свой кубок с вином недопитым, хлопнул по плечу Гленана, обсуждавшего последние новости с Джеральдом и на удивление прилично себя ведущим Томасом, и тихонько выскользнул из банкетного зала. Двери за спиной Гледерика захлопнулись, прочно оградив его от всеобщего веселья и шума. Юноша пробрался в одну из темных и тихих замковых галерей, настезь распахнул окно и уселся на подоконник, свесив ноги во двор и вдыхая морозный декабрьский воздух. Звезды оставались, как прежде, колючими и далекими, но светили как-то даже по-свойски.

На мгновение Дэрри испытал желание спуститься в Нижний Город и отыскать там Стефани — но вскорости эту мысль отменил. Ему нельзя было оставаться в этих краях. Следовало идти дальше. Иначе он просто пустит в Таэрверне корни, и обрастет мхом, как отец. Рыцарем при королевском дворе быть, конечно, гораздо лучше, чем управляющим у купца — но это все равно что-то не то. Неправильно оставаться где-то здесь, когда где-то там, за горизонтом, притаился целый мир.

— И сделался зеленый Эринланд пригож и весел, и со всех сторон благолепен, да вот только не про мою честь, — сказал Гледерик вслух.

— Не очень-то вы оптимистично настроены после столь бурных возлияний, я погляжу, — сказала молодой женский голос у него за спиной.

Гледерик неловко развернулся, едва не вывалившись из окна, и посмотрел на серьезную светловолосую девушку, что незаметно подобралась к нему сзади. Где-то он ее уже видел. Ах да, конечно. Невеста сэра Эдварда. Бывшая невеста, с которой Фэринтайн расстался, сославшись на отсутствие романтических чувств.

— Вы меня простите, — сказал Гледерик, — но сами вы явно новичок относительно выпивки. Как раз на этой стадии и начинают грустить. Меня сейчас дико тянет смотреть на звезды. Вспоминать разные прошлые несчастливо окончившиеся истории. И заодно читать грустные стихи, разумеется, — Дэрри улыбнулся.

Гвенет Уортон села на подоконник, рядом с Гледериком, и накрыла его ладонь своей.

— Почитайте мне грустные стихи, — сказала она настойчиво, пристально глядя юноше в глаза.

Как настоящий джентльмен, он согласился, тем более разных стихов знал достаточно много, и был сейчас как раз в подходящем настроении, чтобы их вспомнить. Гледерик принялся от души декламировать всякого рода лирические вирши, временами искоса поглядывая на внимательно его слушающую молодую леди.

Примерно после двенадцатого сонета Дэрри осторожно спросил:

— А вы вообще сильно злитесь на лорда Эдварда? Ну, насчет разрыва помолвки и всего такого прочего.

— Я зла на него как черт, — сказала Гвенет, а потом, слегка подумав, вдруг сама с собой не согласилась. — Хотя, все-таки, наверно не очень сильно зла. Все равно это был бы брак по расчету. Потеряла одного Фэринтайна, потеряла сразу следом другого Фэринтайна — невелика потеря, в общем. Вы, кстати, часом не Фэринтайн, кем бы вы ни были? А то про вас много разного говорят.

Нахмурясь, Гледерик принялся вспоминать свою запутанную, в глубь веков уходящую родословную. Про родство с Айтвернами он что-то смутно читал, но этим его познания в данном вопросе и ограничивались.

— Насколько мне известно — все-таки нет, — сообщил Дэрри, осторожно подбирая слова. — Не могу, конечно, поручиться наверняка. Спустя столько-то лет, и это еще учитывая всякие возможные морганатические браки и незаконные связи. Но я все же глубоко сомневаюсь, что мы с сэром Эдвардом состоим в родстве.

— Это хорошо, — выдохнула Гвенет с немалым облегчением. — Поцелуете меня? — спросила она неожиданно. — Я несчастная девица, почти что в беде. Вы — недавно вернувшийся с поля битвы рыцарь. И, вроде бы, довольно храбрый рыцарь. Я одинока и всеми покинута, а у вас все равно нет прекрасной дамы. Луна в небе романтично нам светит. Давайте целоваться, сэр Гледерик. Иначе мы безвозвратно упустим эту ночь.

Дэрри учтиво наклонил голову, картинно прижав ладонь к груди. Он старался держаться с изяществом, полагающимся заправскому аристократу, и ничуть не ударить перед графской дочкой в грязь лицом.

— Я верный слуга вашей милости, дорогая леди, — сказал Гледерик негромко. — Можете на меня рассчитывать.

Поцелуями они, конечно же, не ограничились.

Все последующие дни потонули в делах и заботах. Новый король вступал на престол в Таэрверне — наследник и потомок прежних Владык Холмов, что уже правили в незапамятные годы здешней страной. Фэринтайны, некогда уступившие корону и Каэр Сиди государям из иных родов, вновь возвращались в родные стены. Леди Кэмерон отреклась в пользу сэра Эдварда от трона, оставшись, впрочем, сама при дворе, окруженная всем положенным ей почетом. Овдовевшая королева не выглядела слишком печальной.

— Мне никогда не требовалась власть, — сказала она спокойно при всех. — Это Хендрик вцепился в нее за обе руки. Ради нее и пал. Мне был нужен только он сам, не его титул. Впрочем, хоть моего мужа не стало, я найду еще, зачем жить. Мне всего два десятка зим, милорды, а когда стукнет три, я уже буду снова счастлива в браке, — Кэмерон вызывающе усмехнулась, но взгляд ее оставался грустным.

Сэр Эдвард сдержал свое слово — он и в самом деле раздал дворянские титулы многим храбрецам из тех, кто в дни осады защищал город. Эринландское рыцарство полегло почти все — но король сказал, что скоро создаст в стране кавалерию нового типа, которая окажется куда более мобильной и легкой. Отряды эти станут называться драгунскими и гусарскими — подобные им, сказал Эдвард, уже существовали некогда в седую старину. Придется выдать оружейникам заказы на прочные кирасы вместо громоздких лат — заодно разоренным войной мастерским прибавится работы. Казна щедро обещала эту работу оплатить.

Фэринтайн также обещал начал закупать в Венеции огнестрельное оружие. Первые слухи о подобной новинке уже явились с востока вместе с купцами. Для начала планировалось приобрести партию пушек, а там, возможно, аркебузы и мушкеты. Будет их поначалу немного, и они еще не завтра вытеснят арбалет с луком — однако понемногу все-таки начнут теснить.

Незаметно почти для всех начала сменяться эпоха.

С Гарландом в самом деле был заключен мир. Никто на этот раз не стал называть его вечным — но обе стороны, тем не менее, обещали придерживаться его условий. Эдвард Фэринтайн отпустил домой всех прежде задержанных в Таэрверне пленников, включая Питера Уорвика, сквайра, просидевшего два месяца в темнице. Клифф Рэдгар в свою очередь обещал вернуть дань, полученную от Хендрика летом, а также очистить от своих солдат все территории, захваченные им начиная с битвы на реке Твейн.

Эдвард верил, что Клифф не соврет. Ради победы Рэдгар сделал все, что смог — но когда понял, что этой победы уже не достичь, он предпочел не лить лишнюю кровь и удовлетвориться тем, что имел и раньше. Лорд Клифф был воином и политиком, не лишен оказался и некой жилки авантюриста — но кем он не являлся, так это обезумевшим мясником.

Зато король Гарланда обзавелся новой женой. Поразив своим решением эринландский двор, владыка Кенриайна сделал предложение Гвенет Уортон — той самой юной даме, что едва не стала супругой сначала одного, а потом и другого герцога Фэринтайна. Прямо посреди пира, на глазах у пораженных его решением лордов и леди, Клифф Рэдгар сказал,

глядя прямо в светлые глаза леди Гвенет:

— Сударыня, не сочтите мое предложение бравадой и лихачеством. Я человек, не лишенный гордыни, и проигрывать не люблю. В этой стране я проиграл как приведший армию генерал — но проигрывать как мужчина не собираюсь. Год назад я развелся — по причине супружеской неверности, и не с моей стороны. Я намеревался, подчинив Эринланд, взять себе в жены леди Кэмерон — однако леди Кэмерон мое предложение отвергла. — Вдова Хендрика слушала эту речь с другого конца стола, сидя с непроницаемым видом — казалось, ей до происходящего и дела никакого нет. — Тем не менее, — продолжал Клифф, — уезжать вовсе без жены я не хочу. Мы с вами в равном положении — я отвергнут женщиной, а вы отвергнуты мужчиной. — Эдвард Фэринтайн нахмурился, но промолчал. — Насколько знаю, вы, сударыня, достойного рода, молоды и хороши собой. Я предлагаю вам поехать в Кенриайн. Это огромный город на западе, богаче и красивее этого. Там вы станете мне женой — а заодно и правительницей одного из крупнейших государств нашего мира. Если, конечно, сами пожелаете этого.

Гвенет Уортон размышляла недолго. Она посмотрела сперва на Эдварда Фэринтайна — что сидел рядом со своей молодой женой, Кэран Кэйвен. Повелитель Эринланда ответил ей долгим, задумчивым взглядом, а потом взял свой бокал и осушил его до дна. Затем, чего не понял никто больше из присутствующих в зале, девица Уортон перевела взгляд на сэра Гледерика Брейсвера.

Юноша с трудом сглотнул подступивший к горлу комок, вспоминая, как всего лишь минувшей ночью покрывал поцелуями высокую грудь Гренет и сжимал после ладонями ее бедра. За последнюю неделю они уединялись в укромных местах дважды, тайком от всех. Дэрри понимал, что графская дочь не выйдет замуж за безземельного рыцаря — но надеяться все равно не вредно, да и оказалась Гвенет хорошей любовницей. И, кажется, хорошим человеком.

Внезапно девушка вздохнула. И сказала Клиффу:

— Я согласна, ваше величество. В этой стране меня все равно больше ничего не ждет, а про вас я никогда не слышала дурного слова. Только то, что вы собирались известить здешний королевский род, но я бы здешний род и сама охотно извела, — она мстительно улыбнулась.

Лорд Рэдгар покачал головой:

— Не держите на сердце злость, госпожа. Даже я не держу ее на своих врагов, сколько бы их ни было. А иначе бы эта злость заменила всю кровь в моих жилах, так много ее бы там накопилось. И умирая бы, я изошел на ненависть. Жизнь дает нам бесконечное количество поводов ненавидеть и мстить, но глупы мы будем, если этими поводами воспользуемся. — Внезапно его лицо посветлело. — Поедем в Кенриайн вместе, госпожа, и первое, что вы получите в своем новом доме — хорошего и ласкового щенка в подарок. Гончую. Как те, что на моем — и вашем теперь — гербе.

Прошло еще несколько дней — и Гледерика вызвала к себе королева Кэран. Всего четыре дня прошло с ее свадьбы с Эдвардом. Слуга, принеший приглашение чародейки, застал Дэрри за чтением книги из местной библиотеки — юноша как раз решил подправить себе образование, покуда есть время. Наскоро пригладив волосы, нацепив поверх рубахи придворный камзол и надев перевязь со шпагой, Гледерик явился в покои, занятые ныне во Вращающемся Замке Повелительницей чар. Королева сидела в высоком кресле у окна, и смотрела куда-то вдаль, за черепичные крыши.

Может быть, — подумал Дэрри внезапно, — она испытывает ту же тоску, что и я сам.

— Сэр Гледерик, — сказала Кэран, не поворачивая головы. — Мы все в долгу перед вами. Я в долгу.

— Бросьте, ваше величество. Я не сделал ничего особенного. Если разобраться, я вообще ничего не сделал. Остромир рассказал о Тайнике Пяти Королей — и довел нас до него. Гленан убедил Каэр Эрак и Каэр Лейн выступить на войну — и тем самым ее выиграл. Кэмерон сплотила народ и отстояла столицу. Сэр Эдвард... — юноша замялся, прежде чем продолжить, — сэр Эдвард вразумил вас и не позволил наделать никаких глупостей. Вот кто сыграл в происходившем настоящую роль. Я же никто. Я не герой этой истории. Я вообще не герой.

— Тем не менее, толчок всем этим событиям положили вы. Не встретить вас Гилмор в той таверне осенью — кто знает, как бы все получилось в итоге. Возможно, сейчас у этой страны нашелся бы другой король. Вы в самом деле не герой, Гледерик Кардан, и вы не совершили, возможно, ничего выдающегося. Но благодаря вашему участию я получила теперь почти все, чего добивалась. За это я вам благодарна.

— Да бросьте, — повторил Дэрри смущенно. — Корону вам дал Фэринтайн. Потому что влюбился, как мальчишка. И потому, что испугался. Он решил, если он вам ее не подарит, вы все равно не уйметесь, и придется вам убивать. Знаете что, — усмехнулся молодой Брейсвер, — мы с вами, миледи, в чем-то похожи. Оба, если нам что-то надо, не можем никак успокоиться.

— Это в самом деле так. Но я все же в долгу перед вами — и хочу этот долг вернуть.

— У меня уже все имеется, — сказал Гледерик. — Рыцарский титул я уже выпросил. Выбрал себе герб, желтое яблоко на зеленом. Когда приеду в Иберлен — все поймут, от какой яблоньки это яблоко упало. Получил нужные бумаги, по которым я дворянин. Теперь, в какую страну ни явлюсь, это поможет мне там для начала себя продвинуть. Три месяца назад я не мог о подобном даже мечтать. Что еще вы можете мне подарить, королева? Графство здесь, в Эринланде? Я сказал вашему мужу — не пристало королю становиться графом.

Кэран Кэйвен наконец посмотрела на Гледерика Кардана в упор — и поистине бездонным в этот миг показался юноше ее взгляд.

— Я могу дать вам магию, лорд Кардан. Вы хотите обрести магию? Скажите мне, если да.

Дэрри весь смешался. Чего угодно он ждал, но только не подобного предложения.

— О чем вы говорите, сударыня? Какой магии вы можете меня научить?

— Любой, какую вы попросите. Какой владею сама, какой уже начала учить Эдварда. Я способна научить вас призывать ветер, или управлять дождем, или заклинать духов и разговаривать с ними. Вы сможете угадывать прошлое — а если потребуется, то и будущее тоже. Вы сумеете подчинить себе волю человека, если он слаб, или уничтожить, если силен. Существуют многие дары, и многими из них вы овладеете, если останетесь во Вращающемся Замке и станете у меня учиться. Вы рассказали, как одолели лешего в Венеции. Рассказали, как сиды признали вас своим. В вас есть Сила. Немного, не солгу. Неоформленная, слабая. Пройдут годы, прежде чем вы получите результат. Но вы его получите, это я вам обещаю — а не всякий из людей может таким похвастаться.

— Вы что-то там напутали, — сказал Гледерик тихо. — Колдуют потомки колдунов. Такие, как вы, такие, как Фэринтайны. А я, по-вашему, кто. Были среди моих предков рыцари, были и короли. Целых десять поколений королей, а то и двадцать — не могу

сосчитать. Но я здесь при чем, вы поймите. Никакой я не волшебник, отродясь им не был, и не планировал становиться.

— Вы прекрасно понимаете, что не правы, и не пытайтесь меня обмануть, открещиваясь от своей природы. Вы знаете, в вас течет кровь Айтвернов, а от нее так просто не сбежать, как бы вы того не хотели, — голос Кэран нехорошо зазвенел. — Кэйвены, Айтверны и Фэринтайны возглавляли Конклав чародеев, и вы имеете отношение к нему точно также, как и я сама. Мы все — часть одного прошлого, что станет, может быть, однажды грядущим. Если вы решите присоединиться к делу, которое я и Эдвард скоро начнем. Кроме того, существует и еще одна причина, по которой я верю в наш успех. Скажите, вам ведомо, откуда пошел ваш королевский род, Кардан?

Гледерик пожал плечами. У отца дома лежала толстая книга по истории Иберлена, которую тот за большие деньги заказал в свое время за границей. Будучи совсем мальчишкой, Дэрри прочитал эту книгу от корки до корки, целых три раза — и прекрасно запомнил все, что касалось в ней его предков.

— Дэглан Кардан жил и правил тысячу лет назад. Он был первым государем Иберлена, сразил в битве эльфийского чародея Повелителя Бурь и принял присягу верности от Эйдана Айтверна. Впоследствии его младшая дочь вышла замуж за наследника Эйдана, а спустя еще пару столетий Грегор Второй взял в жены сестру тогдашнего герцога Айтверна. Так эти две семьи породнились. Сам Дэглан приехал откуда-то с востока. Его родителя звали Александр, и он был дворянином, только не очень знатным. А мать короля Дэглана так и вовсе оказалась какой-то крестьянкой. Она понесла от Александра Кардана ребенка, а потом отдала его ему и сгинула сама в какой-то деревне. Отец признал Дэглана как своего, так что, кажется, обычай плодить бастардов в нашей семье давний, — сказал Дэрри почти со злостью.

Он понимал, что если когда-нибудь явится в Иберлен, ему будут там пенять, что он, дескать, отродье бастарда. Томас Свон попрекал его незнатным происхождением, а лорды запада станут попрекать незаконным. Что бы ты ни делал, все равно окажешься для этой высокой публики недостаточно хорош. Хотел бы Гледерик сказать себе на это, что ему плевать — но плевать ему не было.

— У меня дома хранится подробная родословная моего рода, — сказала Кэран тихо. — Я думаю, вам стоит знать. Вы рассказали мне, как встретили леди Катриону — а я расскажу вам кое-что еще. Магия передается в роду Кэйвенов по женской линии. Дар у мужчин отсутствует вовсе или очень слаб. Как правило, мы отдаем наших сыновей их отцам, и не воспитываем их. За триста лет до Войны Пламени, в те самые годы, когда основан был Иберлен, леди Аделаида Кэйвен родила мальчика от человека по имени Александр Кардан — и отдала этого мальчика ему. Мы родичи, сэр Гледерик. В нас с вами одна колдовская кровь, и ей много веков. Немного крови Айтвернов, немного крови Кэйвенов. Они сошлись вместе — и это может дать результат.

Гледерик пошатнулся. Помотал головой, отрицая.

— Вы верно шутите, госпожа.

— Не шучу. Повторю, в вас кровь Айтвернов — и кровь Кэйвенов тоже. Все связано и переплетено. Нити, что свели нас сейчас, связывали нас изначально. Вы не просто так явились в Таэрверн. Дом Кэйвенов был тут, на востоке, и восток не чужой вам не меньше, чем запад. Кровь позвала вас домой, кровь свела вас с нами. Вы сами сказали, мы немного похожи — и мы действительно похожи. Оба — чуть-чуть одержимые безумцы. Вы

уверены, — чародейка прищурилась, — что вам так уж нужно в Иберлен? Оставайтесь со мной, и мы, я, вы и сэр Эдвард создадим новый Конклав. Вашу Силу нужно направить в разумное русло.

Слова Повелительницы чар проясняли многое — и вместе с тем не меняли почти ничего. Со своей дорогой Гледерик разобрался еще в ту ночь, когда покинул навсегда отца — понял, куда она его в конечном счете приведет. Второй раз он сделал выбор, уйдя от Стефани и оставив ее одну спящей. Делать выбор третий раз он не хотел. И так уже все решено. Что воду зря в ступе толочь.

— Простите, госпожа, — сказал Дэрри. — Боюсь, я уже давно определился. Мне надо в Иберлен. Я не могу объяснить, но очень надо, поверьте. Будто что-то тянет туда. Я верю, что это все ужасно важно — чародеи и магия, и ваш новый Конклав. Верю, что от этого зависит будущее. Но мне все же кажется, да простится мне эта дерзость, мое дело другое, и я его покуда не совершил. Я поеду по своим делам, а вам и вашему супругу желаю всяческой удачи в ваших.

Кэран вздохнула:

— Я знала, что вы так ответите. Это было видно у вас по глазам. Но попытаться я сочла своим долгом.

— Мне жаль, что так получается. Но ответить иначе я просто не мог, и мы оба прекрасно это понимаем. Вы знаете, это наверно просто наша природа за нас говорит. Я верю, что мы действительно родственники. Смотрите — у нас есть наши сумасшедшие мечты, наши безумные стремления. Они вынуждают меня идти вперед, как вынуждали и вас. Я пойду, а там пусть будет, как суждено.

Говоря эти слова, Дэрри понимал, что совершает, возможно, самую большую в своей жизни ошибку. Он в самом деле мог остаться в Эринланде. Заниматься магией. Обрести дело. Друзей-то он уже обрел. Это ведь не тоже самое, что сделаться просто придворным хлыщем и хлестать вино на банкетах. Это — приключение, что не каждому выпадает, и быть чародеем — увлекательно до крайности, наверно.

И все же иногда случается, что совершенно нельзя принять правильное решение, как бы не призывал к тому голос рассудка. Всегда есть что-то еще, иной, непонятный и сумасшедший выбор, и так хочется его совершить. Вопреки здравому смыслу и вообще всему.

— Идите, — произнесла Кэран Кэйвен совсем уж грустно. — Доброго вам пути, сэр Гледерик.

— Хорошо, госпожа. И простите, что пошутил тогда про ваш нос. В Каэр Сейнте. Он у вас вполне пристойный, признаться. Я просто был тогда дико злой, и все думал, как вас задеть.

— Я прекрасно это понимаю, — новая королева Эринланда поднялась из кресла, чтоб проводить юношу до дверей, а потом вдруг сделала шаг вперед. Кэран крепко обняла Гледерика и поцеловала в щеку, на мгновение прижавшись к нему, а потом отпустила.

Дэрри спустя мгновение выдохнул. Попятился назад, чувствуя, что краснеет как рак.

— Не смущайтесь, — сказала Повелительница чар, и показалась вдруг Гледерику не всемогущей чародейкой и не взошедшей недавно на трон королевой, а обычной девчонкой, которую сейчас покидает человек, что мог бы ей сделаться другом. Было видно, что на душе у нее скребут кошки. — И не придавайте случившемуся также излишнего значения, — добавила Кэран внезапно строго. — Это было просто так. На удачу.

Йоль выдался солнечным и светлым. Накануне, правда, без остановки шел снег — тихо, беззвучно падал на землю в ночи. Утром снегопад закончился, выглянуло солнце. Небо над заметенным городом было ясным и ослепительно, неправдоподобно синим. С крыш свисали ледяные сосульки.

Дэрри тихонько вывел коня на замковый двор и принялся его седлать. Пока он возился, появились Остромир и Гленан. Гледерик тихонько вздохнул. Он надеялся улизнуть тайно — но, видимо, друзья за ним следили.

— Ты все-таки можешь остаться, — сказал Гленан. — Нет нужды, к тому же, уезжать настолько срочно.

— Могу я, конечно, и остаться, — согласился Гледерик, опоясавшись мечом и поскрипывая новехонькими меховыми сапогами по свежему снегу. Юноша все же выпросил у Эдварда Фэринтайна немного денег, в оплату своих героических подвигов, и смог как следует подготовиться к предстоящему дальнему странствию. Купил себе хорошую зимнюю одежду, хорошее оружие — много всего хорошего. Он был теперь готов ехать куда угодно. — И все же, — сказал Дэрри, — остаться я не могу. И так уже утомил старый-добрый Таэрверн своим назойливым присутствием. Да и вообще. Я хочу посмотреть на край света. Какой он, что из себя представляет, где находится.

— Составить компанию? — спросил Остромир.

— Пожалуй, все-таки нет. Вы очень мне помогли, правда. Если бы не ваши уроки, я бы трижды сложил голову в последнем бою. Но теперь я должен ехать один. Если я хочу кем-то по-настоящему стать, я должен сделать это сам, в одиночку. А вы отправляйтесь лучше на родину. Как раз наступил тот следующий год, которого вы ждали. Найдите себе хорошую жену и купите дом с садом. Наш век неспокоен, но, мне кажется, свою службу ему вы уже сослужили.

— В Иберлен, как я понимаю, ты сейчас не поедешь? — уточнил венет.

— Вы правы, не поеду, — засмеялся Дэрри. — Для Иберлена я еще слишком молод. Думаю, эту главу заносить в хроники слишком рано. Сперва мне нужно слегка себя натаскать. Научиться разным вещам. Вы знаете Срединные Земли как никто другой. Куда сейчас лучше всего податься молодому солдату, желающему себя проявить?

— Езжай в Падану, — посоветовал Остромир. — Богатое государство на юге, и развитое. Славится скульпторами и поэтами. Изнемогает в очередной войне. Тамошние патриции все никак не могут решить, кому занимать опустевший трон. Думаю, Гледерик, твой меч там как раз пригодится.

— Падана, — задумчиво повторил Дэрри, будто пробуя это слово на язык. — Падана. Да, мне нравится. Решено — еду в Падану.

Он крепко-накрепко обнялся с друзьями на прощание.

— Возвращайся, если что, — сказал Гленан. — Во Вращающемся Замке всегда тебе будут рады.

— Может и вернусь, — согласился Дэрри. — Может еще и свидимся, если все будем живы. Добра вам, ребята! Сильно лихом не поминать!

Он вскочил в седло и поехал прочь, не оглядываясь. Гледерик миновал ворота Каэр Сиди, проехал Верхний Город с его особняками и дворцами, проехал Нижний Город с его мещанскими кварталами и трущобами. Щедро бросил уличным мальчишкам горсть золотых монет. Послал воздушный поцелуй выглянувшей в окно незнакомой девице. Миновал наконец городские ворота, салютуя стражникам, несущим службу в их арке, и выехал в

чистое поле.

Лишь отдалившись от Таэрверна на несколько миль, Дэрри остановил коня и позволил себе обернуться.

Все же, сегодня был Йоль. Все последние три недели Эдвард Фэринтайн и Кэран Кэйвен напряженно готовились к этой дате, перерыв кучу древних фолиантов и о чем-то временами отчаянно споря. Волшебники верили, что все же смогут докопаться сегодня до легендарного наследия, скрытого некогда их далекими предками. Правда, для этого требовалось совершить абсолютно мозголомный ритуал, который непонятно еще, сработает ли. Но все же, молодые супруги были полны энтузиазма. Дэрри пожелал им удачи.

Они до сих пор не разобрались, что Вращающийся Замок собой представляет. По всему выходило, что основы этого места заложили еще Древние, построив подземелья, в которых сохранили свои машины. Затем на оставшихся от них фундаментах возвели свою крепость Фэринтайны — и на новый манер распорядились силами, что уже хранились здесь. Как-то преобразили наследие Древних, придали ему новую форму — а может и вложили в него нечто свое. Все же, они были очень сильными колдунами, и владели многими знаниями. Сказать наверняка, что прежние Владыки Холмов оставили здесь, было пока невозможно. Тайны эти оберегались в секрете, и до конца их Эдвард и Кэран пока что не понимали. Но намеревались понять.

Гледерик еще раз подумал о том предложении, которое получил от Кэран. Было оно, конечно, по-своему заманчивым — и все же он ответил на него отказом. Быть магом он, пожалуй, все-таки не хотел. Слишком много всевозможной магии, любых разновидностей, творилось вокруг в последние месяцы. Дэрри начал от всего этого уставать.

И все-таки ему было немного, самую малость любопытно, увенчается ли успехом очередная завиральная задумка эринландской венценосной четы. Конечно, не страшно, если у них ничего не получится прямо сейчас — ведь Эдвард и Кэран тогда наверняка придумают что-то еще.

Дэрри напряженно всматривался вдаль, глядя на тонкие и изящные башни Каэр Сиди, купавшиеся сейчас в лучах восходящего солнца. На мгновение юноше показалось, что башни эти вдруг пришли в движение и начали медленно, плавно поворачиваться вокруг своей оси. Затем он моргнул — и наваждение мигом исчезло.

Гледерик отвернулся. Растрепал коню за гривку и поехал вперед, к горизонту.

Конец

Больше книг на сайте — Knigolub.net